

ASOCIAȚIA SLAVIȘTILOR DIN REPUBLICA POPULARĂ ROMÂNĂ

ROMANOSLAVICA

II

BUCUREȘTI
1959

ROMANOSLAVICA

II

COMITETUL DE REDACȚIE

Acad. *Emil Petrovici*, redactor responsabil,
Tr. Ionescu-Nișcov, redactor principal,
Ion Constantin-Chișimia, redactor adjunct,
Acad. *Al. Rosetti*, prof. *M. Novicov*, *Ion*
Pătruș și *P. Olteanu*, membri.

ROMANOSLAVICA

II

ДОКЛАДЫ, СООБЩЕНИЯ И СТАТЬИ
В ЧЕСТЬ IV-ГО МЕЖДУНАРОДНОГО
СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ В МОСКВЕ

Акад. Емил Петрович

ЯВЛЕНИЯ СИНГАРМОНИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКЕ РУМЫНСКОГО ЯЗЫКА — СЛЕДСТВИЕ СЛАВЯНО-РУМЫНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

1. ВНУТРИСЛОГОВОЙ И МЕЖСЛОГОВОЙ СИНГАРМОНИЗМ

Под сингармонизмом понимают последовательное сближение тембра смежных фонем внутри определенного слога (внутрислоговой сингармонизм) или фонем, принадлежащих к разным слогам (межслоговой сингармонизм). Так, сочетание, образованное из согласной, за которой следует в том же слоге гласная, может представлять велярный тембр (подобный тембру румынских гласных *ă*, *î* ([ə], [y]), палатальный (близкий к тембру [e], [i]), лабиовелярный (подобный тембру гласных *o*, *u*) или лабиопалатальный (близкий к тембру *ö*, *ï*). Как мы увидим ниже, следует предполагать, что в общерумынском языке существовал групповой сингармонизм, который в случае открытых слогов (оканчивающихся на гласную), был слоговым (например, во всех конечных слогах). Румынский язык сохранил сингармонические группы от общерумынского периода. Так, румынские согласные фонемы /k'/, /g/, /j/ (йот), будучи палатальными согласными представляют палатальный тембр (подобный тембру *i*) и образуют известный внутрислоговой сингармонизм вместе с последующими гласными *i*, *e*, также являющимися палатальными. Внутри определенного слога румынского языка, в его «литературном» произношении, возможны только группы [k'i, gi, ji, k'e, ge, je] и никогда не возможны группы [k'y, gy, jy, k'ə, gə, jə] даже тогда, когда морфологическая система румынского языка требует этих сочетаний. Так, у глаголов I-го спряжения суффикс герундия *-înd* [-ynd] и окончание I л. мн. ч. наст. вр. изъявит. и сослаг. наклон. *-ăm* [-əm] переходят после /k'/, /g/, /j/ в *-înd*, *-em* [trunk'ind, vegind, təjind, trunk'em, vegem, təjem] (в орфографическом начертании *trunchind*, *veghind*, *tăind*, *trunchem*, *veghem*, *tăiem*) (ср. [mynkynd, bəgynd, mynkəm, bəgəm), орфогр. *mîncînd*, *băgînd*, *mîncăm*, *băgăm*).¹

¹ *Gramatica l. romîne*, I, стр. 84; Petrović, *Slav. Einfluss*, стр. 115; его же, *Influența slavă*, стр. 11; его же, *Echivalența*, стр. 20 и след.; его же, *Phonemsystem*, стр. 16.

В ряде славянских языков, например в русском, встречаются аналогичные явления (ср. род. п. ед. ч. ту[č'i], ста[ji] от ту[č'a], ста[ja], но ямы от яма.)

Для говорящих на румынском или славянских языках гармония палатальных согласных и последующей гласной — вещь само собой разумеющаяся. В других же языках, подобное явление не встречается. Так в албанском языке, в котором имеется *ë*, очень близкая к румынскому *ă* [ə], и палатальные согласные *q*, *gj*, *j*, аналогичные согласным [k', ǵ, j] румынского языка, возможны не только группы *qe*, *gje*, *je* но и группы *që*, *gjë*, *jë*, например *qe* 'ты был; вот', *ligje* 'причитание', *fëmiqe* (дат.-род. п. ед. ч., нечленная форма от *fëmiqë* 'дитя'), *që* 'что', *ligjë* 'закон', *fëmijë* (им. п., нечленная форма). — (Примеры даны в тоскском диалекте албанского языка).

Поэтому румынское *ă* не может отождествляться с албанским *ë*. В физиолого-акустическом отношении два гласных довольно близки друг к другу, но в фонологическом отношении между ними нет никакой аналогии. В албанском языке /*ë*/ противопоставляется /*e*/ в тождественных позициях, в то время как в румынском языке после палатальных и палатализованных (или дизных)² согласных появляется только [*e*], а апосле нейтральных (непалатализованных, недизных) согласных — только [*ə*].

Поэтому нам кажется правомерным вопрос, является ли гласная *ă* «балканской» чертой румынского языка³. Подобная гласная встречается во многих языках, в том числе в романских: во многих итальянских диалектах, в каталанском и в португальском языках⁴.

Наоборот, сингармонизм палатальной или дизной согласной и последующих *i*, *e* или сингармонизм непалатальной (недизной) согласной и последующих гласных типа *i*, *ă* ([*y*], [*ə*]) характерны для большого числа языков, образующих так называемый евразийский фонологический союз⁵.

Сближение в современном румынском языке между палатальным или дизным согласным и последующими гласными *i*, *e* не составляет настоящего сингармонизма, ибо оно проявляется только в случае неокругленных гласных второго и третьего подъема. О настоящем сингармонизме можно говорить лишь в случае, если он проявляется последовательно во всех воз-

² Палатализованный согласный представляет, помимо главной специфической артикуляции, побочную артикуляцию, реализуемую сближением спинки языка к небу, что повышает компоненты высших частот согласного. Согласные с повышенным собственным фонологическим тоном метко назвал Р. Якобсон английским термином *sharp* «диз» (*sharpened*). См. R. J a k o b s o n, *Mufaḫḫama, the 'Emphatic' Phonemes in Arabic*, «Studies presented to Joshua Whatmough on his sixtieth birthday», Гаара 1957, стр. 107. Относительно английского термина *flat* 'бемоль', употребляемого Р. Якобсоном для обозначения согласных с пониженным собственным фонологическим тоном, см. ниже, примечание 40. Возникает вопрос, нельзя ли употреблять в русском языке дизный согласный и бемольный согласный для терминов: *sharpened* и *flattened*?

³ R o s e t t i, *Istoria*, II, стр. 74 и след.

⁴ См. Итальяно-швейцарский лингвистический атлас, где гласный [ə] обозначается *α*. Относительно звука [ə] в португальском, см. B o u r s i e z, *Éléments*, 334 а.

⁵ ЯКОБСОН, *К характеристике*, стр. 26. Относительно появления [i, e] после палатализованных согласных и гласных типа [y, ə] (i, ă) после непалатализованных согласных, см. T r u b e t z k o y, *Grundzüge*, стр. 87-88, 91, *Principes*, стр. 102, 106-107.

можных группах «солгасная+гласная» (групповой сингармонизм, а в случае открытых слогов—слоговой сингармонизм). После палатального звука должны палатализироваться не только *î, ă* ([y], [ə]), но и *a, o, u*. Но в то время, как в современном румынском языке после /k'/, /g'/, /č'/, /ǵ'/, /j/, /r'/, /s'/ и т. п. могут появляться только *i, e*, (вместо *î, ă*), возможны, однако, и такие группы: /k'a/ (*chiar*), /ga/ (*gheață*), /č'o/ (*picior*), /ju/ (*iute*) и т. п.⁶. Верно, что гласные *a, o, u* после палатальных и диезных гласных представляют легко палатализованные нюансы, обозначаемые фонетически [ä, ö, ü] (обычно предшествуемые переходными палатальными гласными элементами с тембром *e, i, ö, ü*: [eä], [iä], [öö], [üü])⁷. Они остаются всё-таки очень близкими к *a, o, u* после непалатальных (недиезных) согласных: палатализация этих гласных не доходит до [ä] ([e]), [ö], [ü].

В ряде народных говоров палатализация *a, o, u* может быть, в определенных позициях, полной. На большом ареале в конечном сочетании «палатальная или диезная согласная+а» гласной *a* соответствует [e] или [e]: [fəč'é] = *făcea* 'делал', [ved''é], [vidi'é] = *vedea* 'видел', [təi'é] = *tăia* 'рубил' и т. п. Также, нередки случаи, когда появляются передние округленные гласные *ö, ü*: [kupt^üör] = *cuptor* 'печь', [ti^üč] = *tuci* 'чугун' [d^üödata] = *deodata* 'сразу'⁸ и т. п.

Как мы увидим ниже⁹, указанные случаи являются остатками более древнего периода румынского языка, когда групповой внутрислоговой сингармонизм проявлялся везде без исключения.

Подобный сингармонизм был и в общеславянском языке. Но, поскольку общеславянский язык представлял только открытые слоги, оканчивающиеся на гласные, все общеславянские слоги были полностью (т.е. и согласные, и гласные, на которых заканчивался слог) либо палатального тембра, либо велярного. Это явление называется слоговой сингармонизм¹⁰. В общерумынском языке групповой сингармонизм равнялся слоговому сингармонизму в случае открытых слогов, встречающихся довольно часто. Что касается конечных слогов, то все они представляли слоговой сингармонизм, ибо все заканчивались на гласную (до исчезновения конечных *u* и *i*).

Сингармонизм может распространяться на несколько слогов или на все слоги определенного слова (межслоговой сингармонизм). Некоторые тюркские языки представляют внутри одного и того же слова слоги только с палатальным тембром, или же только с велярным¹¹.

⁶ Petrovič, *Cons. dure și moi*, стр. 185.

⁷ Gramatica l. române, I, стр. 62.

⁸ Lombard, *Prononciation*, стр. 130 и след.

⁹ Стр. 11 и след.

¹⁰ Относительно слогового (внутрислогового) сингармонизма в общеславянском, см. Jakobson, *Remarques*, стр. 8, 20 и след.

¹¹ ЯКОБСОН, К характеристике, стр. 30, 45; его же, *Remarques*, указ. стр.; его же, *Phonol. Sprachbünde*, стр. 237.

Если межслоговой сингармонизм относится только к согласным или только к гласным, его обычно называют гармонией согласных или гласных¹².

Групповой или слоговой сингармонизм является одной из необходимых предпосылок появления соотносительности согласных по фонологическому тембру¹³.

II. ФОНЕТИЧЕСКАЯ И ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕРУМЫНСКОГО ЯЗЫКА (ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД)

ВОКАЛИЗМ

Общерумынский язык в древнейший период до распада на четыре основные диалекта (дакорумынский, арумынский, мегленорумынский и истрорумынский) представлял следующие гласные:

i, который продолжал лат. *ī* или *ĩ*, *ē*, *ē* с последующим *n* (но не *nn*) или «*m* + согласная», напр. *firi* < лат. *filum*, *atingu* < лат. *attingo*, *bine* < лат. *bene*, *finu* (ср. истрорум. *fir*) < лат. *fēnum* (*foenum*), *timpu* < *tempus*.

e < лат. *ī*, *ē*, *ē*, *ae*, напр. *secu* < лат. *siccus*, *čerbu* < лат. *cervus*, *fetu* (ср. арум. *fetu*, истрорум. *fet*) < лат. *fētus* (*foetus*), *čeru* лат. < *quaero*.

î [y] < лат. *a* + *n* (но не *nn*) или «*m* + согласная», напр. *lînă* < лат. *lana*, *cîmpu* < лат. *campus*.

ă [ə] < лат. *a* в неударном положении (но не в начальном) и, в некоторых случаях, *a* в ударном положении, напр. *casă* < лат. *casa*, *dă* < лат. *dat*, *stă* < лат. *stat*, *lă* < лат. *lavat*, *-ămu* < лат. *-amus* (*arămu* < лат. *aramus*), *ară* < лат. *aravit*.

Определенный артикль ж. р. ед. ч. (*a*), до слияния с предшествующим существительным, имел довольно сильное, второстепенное ударение, чем и объясняется сохранение его как *a*, не изменившееся в *ă*: *casă a*. На этой стадии развития общерумынского языка *ă* [ə] являлся позиционным вариантом фонемы /a/, обусловленным отсутствием ударения. После выпадения конечного *ă*, перед артиклем *a*, и слияния последнего с предшествующим существительным, *ă* становится фонемой. Нечленная форма *casă* стала отличаться от членной формы *cas-a* (>*casa*) противопоставлением /ə/ — /a/. После того как /ə/ стал фонемой, отличающейся от /a/, стало возможным появление форм *arămu*, *dă*, *stă* вместо старых форм *aramu*, *da*, *sta* < лат. *aramus*, *dat*, *stat*. Таким образом, противопоставлением /ə/ — /a/ стало различаться настоящее время от имперфекта: *arămu* — *aramu* (лат. *aramus* — *arabamus*), *dă* — *da* (*dat* — *dabat*), *stă* — *sta* (*stat* — *stabat*).

o < лат. *ō* напр. *totu* < лат. *tōtus*.

¹² Относительно гармонии гласных в венгерском и в урало-алтайских языках, см. Siegmund Simonyi, *Die ungarische Sprache, Geschichte und Charakteristik*, Страсбург 1907, стр. 200 и след.; Й. БАЛАШША, Венгерский язык. перевод с венгерского, Москва 1951, стр. 51 и след.; L'. Novák, *L'harmonie vocalique et les alternances consonantiques dans les langues ouralo-altaïques, surtout finno-ougriennes*, TCLP, I, стр. 81 и след.

¹³ Lunt, *Phonemic Palatalization*, стр. 309 и след.

Возможно, что лат. *ō* стало дифтонгом и в общерумынском, также как и в других романских языках, параллельно с переходом *ē* в дифтонг. Произносили, таким образом: *fuocu* < лат. *fōcus*, *uorbu* < лат. *ōrbus*. После появления внутрислогового сингармонизма и развития /w/ перед начальным *o* — параллельно с йотацией начального *e*¹⁴, первый элемент дифтонга *uo* совпал с лабиализацией согласного, за которым следовал *o*, или с начальным /w/: *fuocu*, *totu*, *totă*, *uorbu*, *uorbă*, *qlă* (< лат. *ōlla*) стали [f^ooku, t^ootu, t^ootă, w^oorbu, w^oorbă, w^oqlă¹⁵.

Развитие *ō* в румынском языке во многом было сходным с развитием *ē*: *ē* > *ie*, *ī* > *uo*. В начальном положении *ie* > [je], *uo* > [wo]. Но после согласных, их развитие было различным. Йот группы повлиял на предшествующие зубные и велярные: *tēnet* > *tiene* > *tjene* > *ține*, *dīcem* > *diece* > *dječe* > (d')*žeče*, *sēdet* > *siede* > *sjede* > *șede*, *līporem* > *liepore* > *ljepure* > *l'epure*, *cērcus* > *kierbu* > *kjerbu* > *čerbu*, *gēmo* > *gjemu* > *gemu*. Во многих народных говорах влиянию йота подверглись и губные: *pēctus* > *pieptu* > *pjept* > *k'ept*, *bēne* > *bicne* > *bjine* > *gine*, *fēl(e)* > *fiele* > *fjere* > *χ'ere*¹⁶, *vērmis* > *vierme* > *vjerme* > *γ'erme*¹⁷, *mēl(e)* > *miele* > *mjere* > *here*. В других говорах — а также в литературном языке — йот сохранился до сих пор после губных: *pjept*, *fjer*, *vjerme*, *mjere* (*piept*, *fier*, *vierme*, *miere*). В Банате же и Олтении йот группы «губная + [je]» (< общероман. *ie* < лат. *ē*) совпали с результатом фонематической палатализации предшествующего согласного перед любым *e*, также как [u] дифтонга [uo] после согласной совпал с результатом фонематической лабиализации предшествующего согласного перед любым *o*. Слова *miege* 'мед' и *mere* (мн. ч. от *măr* 'яблоко') стали омонимами: *mere* [mⁱere]. Также после *r* во всех румынских говорах йот совпал с результатом палатализации согласного: лат. *rece(n)s* > *riece* > [rⁱeče]. Во многих говорах *r'* впоследствии депалатализировался: [rəče].

u < лат. *ū*, *ū* или *ō*, *ō* + *n*, *m* (за которым следовал согласный): *furcă* < лат. *furca*, *tu* < лат. *tū*, *sunu* < лат. *sōno*, *cuprănu* < лат. *compāro*¹⁸.

III. РОМАНСКАЯ ИНФЛЕКСИЯ ГЛАСНЫХ В ОБЩЕРУМЫНСКОМ

Общерумынский язык представлял широко распространенное романское явление — инфлексию гласных, в результате чего *e* и *o* под ударением перед слогом с *u* или *i* произносились более закрыто, а в положении перед слогом с *ă* [ə] или *e* иногда также в конце слов — произносились более открыто, напр. [səku, čerbu, čerbi] (< лат. *siccus*, *cervus*, *cervi*), [fətu, fēc'i] (< лат. *fētus*, *fēti*), [čeru, čeri] (< *quaero*, *quaeris*), [təu, təc'i] (< лат. *totus*, *toti*), но [səkə] (< лат. *sicca*), [čre] (< *quaerit*), [fətə, fəte] (< лат. *fēta*, *fētae*), [stə] (< *stēt*), [d] (< лат. *dēt*), [tətə, təte] лат. (< *tōta*, *tōtae*)¹⁹.

¹⁴ См. ниже, стр. 17.

¹⁵ См. ниже, стр. 16 и 17.

¹⁶ Знаком *χ'* мы обозначаем палатальный фриктивный глухой звук, называемый немецкими фонетиками «*ich-Laut*».

¹⁷ Знаком *γ'* мы обозначаем палатальный фриктивный звонкий звук, соответствующий глухому *χ'*.

¹⁸ В некоторых случаях лат. *ū* дало *o* в румынском языке: *mōre* < лат. *mūria*, *tōtnă* < лат. **a(u)tūtnia*.

¹⁹ Относительно инфлексии гласных в романских языках, см. Meyer-Lübke, *Grammaire*, I, стр. 103 и след.; его же, *Rom. Lautlehre*, стр. 99, 132; Bourciez,

Две разновидности гласных *e* и *o*, а именно [ɛ—ɐ] и [o—ɔ] были внефологичными вариантами, позиционно обусловленными²⁰.

Если принять во внимание и романскую инфлексию гласных, то можно представить развитие латинского вокализма к общерумынскому таким образом:

Классическая латынь	ī	ī	ē	ě	ae	ā		ō		ō	ū	ū	
				↙	↘						↙	↘	
Поздняя латынь	ī	ī	e	ɛ		a		o		o	u	u	
		↙	↘								↙	↘	
Восточная поздняя латынь	ī	e		ɛ		a		o		o	u		
Восточно-романский	ī	e		ie		a		uo		o	u		
		↙	↘	↙	↘	↙	↘	↙	↘	↙	↘		
Общерумынский	ī	e	ɛ	je	jɛ	a	o	y	wɔ	wɔ	wɔ	wɔ	u
						(a	o	y	(°o)	(°o)	(°o)	(°o)	
						ă							
						î)							

Из латинского языка сохранился также дифтонг *ai*.

IV. ОБЩЕРУМУНСКИЙ КОНСОНАНТИЗМ

Общерумынские согласные были следующие: взрывные *p, b, t, d, k, g*; аффрикаты: *c'* (*c*), *ʒ'* (*ʒ*), *č'*, *ǵ'*; фрикативные *f, v, s, ʃ'*; плавные *m, n, ñ, l', r, r'*; « полугласные » *j, w*.

По месту образования согласные общерумынского распределялись таким образом: билабиальные *p, b, w, m*; губно-зубные *f, v*; зубные *t, d, n, c', ʒ', s, r, l*; переднеязычные *č', ǵ', ʃ'*; палатальные *ñ, l', r', j*; велярные *k, g*.

Согласные, не существующие в латинском языке, *c', ʒ', č', ǵ', ʃ', ñ, l', r'* появились в результате действия йота (и палатальных гласных в случае *k, g*) на согласные *t, d, k, g, s, n, l, r*. Йот происходил либо из *i, e* в зиянии, либо из первого элемента *ie < ě*. Поскольку эти согласные произошли в результате палатализации, они имели палатальный тембр. Что касается аффикат *c', ʒ'*, можно предположить что в общерумынском существовала тенденция к потере их палатального тембра²¹.

Éléments, §§ 125 c, 154 a, 156 b, c, d, 401, 429 b. В особенности сардский язык представляет инфлексию гласных, очень близкую к той, которая была на более древней стадии развития румынского языка. См. M. L. Wagner, *Lautehre der südsardischen Mundarten*, Галле н. 3. 1907, стр. 8 (« Zeitschrift für romanische Philologie », Beiheft 12); его же, *Historische Lautehre des Sardischen*, Галле н. 3. 1941, стр. 10 и след. (« Zeitschrift für romanische Philologie », Beiheft 93).

²⁰ В общероманском бывшие *ě* и *ae*, которые стали в более поздний период *ɛ*, дифтонгизировались в *ie*, напр. лат. *fĕl(e)* > роман. *fiele*, лат. *haedus* > роман. *iedu*. В общерумынском первый элемент дифтонга превратился в йот: *fiele* > *fjere*, *iedu* > *jedu*, *ieda* > *jedă*.

²¹ Формы *aŭiŭ* (< лат. *atŭtio*), *căpăŭină* (< лат. **capŭtina*), *ŭară* (< лат. *tĕrra*), *ŭarmure* (< лат. *tĕrmulus*), *ŭinŭar* (ср. глоссы *zinzala, zimzario* и т.п.), *ŭiŭă* (< лат. *titia*), *ŭiŭină* (*ŭiŭă* + суфф. *-ină*), *soŭ* (< лат. *socius*), *ŭaŭă* (< лат. *ŭacia*), *zac* (*dzac*) (< лат. *iaceo*), *zînă* (*dzînă*) (< лат. *Diana*), *orz* (*ordz*) (< лат. *hordeum*), *osînă* (*osîndză*) (< лат. *osindză*).

Общерумынский консонантизм представлял также *r* с более сильными и частыми вибрациями, обозначаемый [r̄], который происходил из двойного *r* или из латинского *r* в начальном положении²².

Как мы увидим ниже (стр. 21 и след.), после появления тембровой корреляции согласных, [r̄] совпал в большинстве случаев с [r] реже с [r̄]. Поэтому, после бывшего [r̄] в современном румынском языке следует обычно [y], [ə], [a] (*urî, urăsc, urască*), не [i], [e], [°a] (*înflori, înfloresc, înflorească*). Следует также отметить, что *r* славянских и венгерских элементов обычно совпал с [r̄] т.е. с *r*, не поддающийся палатализации. Поэтому нельзя считать простыми графическими вариантами формы *hotarră, izvoarră, omorri* и т.п., встречающиеся в старых текстах²³. О том, что в этих формах произносили [r̄] (в настоящее время *r*, не поддающийся палатализации), свидетельствует тот факт, что после этого *r* почти всегда в современном языке появляется только [y], [ə], [a] (а не [i], [e], [°a]): *hotară, izvoară, oborî, omorî, omora* (имперфект) и т.п.

V. ПОЯВЛЕНИЕ ГРУППОВОГО ВНУТРИСЛОВОГО СИНГАРМОНИЗМА

На этой стадии развития общерумынского языка произошли явления прогрессивной и регрессивной ассимиляции согласных и последующих

trîngia) и т.п. свидетельствуют о том, что тенденция к депалатализации /с'/, /з'/ была общей. В настоящее время ареал /с'/, /з'/ (< /з'/), т.е. палатализованных /с, з/, о которых можно считать, что продолжают старые /с', з'/ занимают небольшую территорию румынского языка. См. карту произношения с палатальным и велярным тембром /с/ (t) в словах *peroti, subțire* (*perotⁱ — perot, supțire — supțire*) *SCIL*, I стр. 190 и 191. Следует отметить, что в арум. и мегленорум. /с, з/ (t, dz) (которые соответствуют /с, с', з, з', з. з'/ (t, t', (d)z, (d')z') в дакорум.) всегда имеют велярный тембр (арум. [pîros], [surcug], мегленорум. [sup(t)sɛri]. Аффрикаты /с'/, /з'/ в арум. и мегленорум. соответствуют аффрикатам /č'/, /ğ'/ в дакорум., ставшим фрикативными в Молдове и Банате [s, z]. Арумынский и мегленорумынский имеют, с одной стороны, фонемы /с/, /з/, соответствующие /с/, /с'/, /з/, /з'/ в литературном дакорумынском, и фонемы /с'/ /з'/, соответствующие /č/, /ğ/ в литературном дакорумынском. Фонемы /č°/, /ğ°/ — до перехода ž°/ в /ž°/ в некоторых дакорумынских говорах и в литературном языке, а также в мегленорумынском — были идентичными во всех трех диалектах: дакорум. *pî/č°/or, pî/č°/are, ž°/oc, /ğ°/acă* (/ž°/acă), арум. мегленорум. */č°/or, /č°/ari* арум. */ğ°/oc, /ğ°/acă*, мегл. */ž°/ăc, ž°/oc, /ž°/acă*. Таким образом, в арум. и мегл. развитие общерумынских аффрикат было следующим: общерум. /с'/, /з'/ > /с/, /з/ (ср. арум. [cyni] = *ține* 'держит', [zyk] = *zic* 'говорю'), общерум. /č/, /ğ/ > /с'/, /з'/ (ср. арум. [c'ini] = *cine* 'кто', [z'iniri] = *ginere* 'зять'), общерум. /č°/, /ğ°/ ((т.е. č, ģ округленные, см. ниже стр. 14 и след.) > /č°/, /ğ°/ (ср. арум. /feč°/ = *fecî* = *făcui* 'я сделал', [č°arik] = *cioarec* 'брюки', [ğ°akə] = *gioacă* = *joacă* 'играет').

Сюда нельзя привлечь данные истрорумынского относительно палатального или велярного тембра /с/ (t) и (d) z, ибо в истрорум. исчезла палатальная корреляция согласных.

²² Densușianu, *Histoire*, II, стр. 121, 124.

²³ Densușianu, *Histoire*, II, стр. 121, 122, 124.

гласных, что привело к образованию группы «согласная + гласная» с одинаковым тембром: велярным, палатальным, лабиовелярным или лабиопалатальным.

Положение в общерумынском языке восстанавливается при помощи сравнения разных говоров, в первую очередь диалектов.

1. ПРОГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ

Палатальные согласные ассимилировали последующие велярные гласные [а, ә, у], которые изменили свой тембр и стали палатальными: [ä, е, і]. Так, группы с велярным тембром [la, læ, ly], гласные [а, ә, у] которых происходят из латинского *a*, как например, в формах *îmbła(re)* < лат. *ambulare*, *îmblämu* < лат. *ambulamus*, *îmblîndu* < лат. *ambulando*, соответствовали группам с палатальным тембром [l'ä, l'e, l'i], как, например, в [təl'ä(re)]²⁴ < лат. *taliare*, [təl'emu]²⁵ < лат. *taliamus*, [təl'indu]²⁶ < лат. *taliando*.

Следует отметить, что *a* перед носовым согласным стал *i* [y] перед действием палатальных согласных на *i* [y], которое изменило его в *i*. Если *an* перешло вначале в *än* [ən] а потом в *în* [yn] как предполагает акад. Ал. Росетти²⁷, то следует заключить что переход от *än* в *în* произошел до появления внутрислогового сингармонизма. Переход группы «палатальная согласная + [y]» в «палатальная согласная + [i]» произошел не только в дакорумынском диалекте, но и в других диалектах: ср. дакорум. [təjind, g'ində (*ghindă*), kreştin, fin], арум. [təl'inda, gl'ində, kriştin, χ'il'in],²⁸ мегленорум. [təl'indəra, gl'ində, kriştin], < лат. *taliando, glandem, Chrisitianus, filianus*. Это доказывает древность стадии *în* [yn].

Таким образом соответствие «[а, ә, у], после непалатальных согласных — [ä, е, і], после палатальных согласных» возникло уже в общерумынскую эпоху. Пары [а — ä, ә — е, у — і] имели уже в то время одинаковые морфологические функции. В вышеуказанных примерах [а — ä] представляет суффикс инфинитива в глаголах I-го спряжения, -ämu / -emu — окончание I-го л. мн. ч. наст. вр. изъявит. накл. глаголов I-го спряжения, а -îndu / -indu суффикс герундия глаголов этого же спряжения.

Палатализующее действие палатальных согласных проявилось и в случае лабиовелярных гласных *o, u*, которые стали [ö, ü] напр. [şkl'örə] <

²⁴ Ср. формы из разных дакорумынских говоров: [täjə], [täjé] (*Gramatica l. romîne*, I, стр. 82), развившиеся из более древней формы [təl'ä]. В этой позиции Альф Ломбард записал в произношении бухарестских интеллигентов *e* открытое (*Prononciation*, стр. 128 и след.).

²⁵ Ср. дакорум. *tăjém* (*Gramatica l. romîne*, I, стр. 83), арум. *täl'em* (C a p i d a n, *Aromîniî*, стр. 207).

²⁶ Ср. дакорум. *tăiind* (*Gramatica l. rom.* I, стр. 84), арум. *täl'indalui*.

²⁷ R o s e t t i, *Istoria*, IV, стр. 38.

²⁸ C a p i d a n, *Aromîniî*, стр. 215.

лат. *excloppa*, [ʃkl'öpu]²⁹ < *excloppus*, [uokl'ü] < лат. *öclus* (*öcylus*), [vəkar'ü]³⁰ < *vaccarius*.

Прогрессивная ассимиляция действовала и в случае групп «округленная согласная (общерумынский имел лишь одну округленную согласную — /w/) + гласные [a, ə, y]», которые в этом положении лабиализовались, став [ä, o, u]. Так латинские формы *leuare*, *leuamus*, *leuando* стали вначале [luwa, luwəmu, luwyndu], потом [luwä, luwomu, luwundu]. В старорумынских текстах эти формы обозначены — разумеется кирилловскими буквами — *luoa*³¹, *luomu*³², *luuɔdu*³³ (лѡа, лѡомѡ, лѡѡндѡ).

В кириллице не было специальной буквы для /w/ который обычно не обозначался. Современная румынская графика также не обозначает его: пишется *lua*, *luăm*, *luînd*, но произносится [luwa, luwəm, luwynd] или, скорее [luwä, luwom, luwynd]³⁴.

Таким образом, появились следующие соответствия:

i	y(i)	u	Гласные верхнего подъема
e	ə(ă)	o	„ среднего подъема
ä	a	ă	„ нижнего подъема

Все девять гласных происходят из лат. *a*, *i*, в следующих примерах,

təl'indu	aryndu	luwundu
təl'emu	arəmu	luwomu
təl'ä	ara	luwä

гласные одного и того же подъема имеют одинаковые морфологические функции: гласные нижнего подъема ([a, ä, ă]) составляют суффикс инфи-

²⁹ Ср. транскрипцию [dödatə] = *deodată* 'вдруг' (в фонологической транскрипции /d'odate/ А. ЛОМБАРДА, *Prononciation*, стр. 130 и след. Ср. и дакорум. диалектные формы [kupt^üörⁱ] = *cuptor* 'печь', [sučit^üörⁱ] = *sucitor* 'скалка' и т. п.

³⁰ Ср. дакорум. диалектные формы [t'üč] = *tuci* 'чугун', [t'üt'ün] = *tutin* 'табак' (Petrovici, *Cons, dure și moi*, стр. 206).

³¹ Candrea, *Psaltirea*, II, стр. 288, строка 39.

³² Там же, II, стр. 92. строка 20.

³³ Там же, II, стр. 273, строка 35.

³⁴ Ср. арум. формы *lære*, *lom*, *lo* = *luă* 'он взял' (Capidan, *Arominii*, стр. 292, 483). Ср. и формы *dao*, дакорум. [dowo] = *două* 'две', *fao* (< лат. *faba*), *nao* (< лат. *nova*, *povet* > дакорум. [nowo] = *nouă* 'новая; девять'), *anao* (< лат. *nobis* > дакорум. [nowo] = *nouă* 'нам') *avao* (< лат. *vobis* > дакорум. [vowo] = *vouă* 'вам') и т. п. См. Capidan, *Arominii*, стр. 291—292; *Gramatica l. române*, I, стр. 84. Во всех вышеприведенных арумунских формах *ao* произносится на деле [awo]. Верно, однако, что *w* в интервокальном положении представляет очень открытый вариант, близкий к полугласному *ɔ*: [aɔo]. Йот в этом положении также произносится очень открыто, как полугласный *ɤ*. Например в литературном языке *mai ales* становится в быстрой речи [măɤ əles] или даже [mă əles]. Наличие йота сигнализировано здесь вариантом [ä] (передним *a*) фонемы /a/ (*Gramatica l. române*, I, стр. 87). Подобным же образом, в бухарестском произношении [noo] = *nouă* наличие *w* сигнализировано реализацией, конечной фонемы [ə] в виде [o]. См. *Gramatica l. române*, I, стр. 88.

нитива, гласные среднего подъема ([ə, e, o]) представляют гласную, с которой начинается окончание I-го л. мн. ч. наст. вр. изъявит. накл. глаголов I-го спряжения (-ăti, -eti, -oti), а гласные верхнего подъема ([y, i, u]) — гласную, с которой начинается суффикс герундия глаголов того же спряжения (-indu, -indu, -undu).

Вышеприведенные соответствия повторяются и в других морфологических формах. Так, [a, ä, ǣ] представляют определенный артикль ед. ч. ж. р., напр. в формах [kasa — viñä — ziwǣ] (в старых текстах *zioa*)³⁵, ср. арум. *fara*³⁶, а [ə, e, o] — окончание ед. ч. ж. р. неопределенных форм существительных и прилагательных, напр. в формах [kasə] (< лат. *casa*) — [viñe] (< лат. *vinea*) — [vəduwo] (< лат. *vidua*) (в старых текстах *văduo*)³⁷, ср. арумынские формы *ñao* < лат. *agnella*, *purtseao* < лат. *porcella* и т.п.)³⁸. Эти [a] — [ä] — [ǣ], [ə] — [e] — [o] происходят из лат. *a* и выполняют — первые и вторые — одинаковые морфологические функции.

2. РЕГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ

На этой стадии развития общерумынского фонетизма палатальные гласные ([i, e, ɛ]) и лабиовелярные гласные ([u, o, ɔ]) передали предшествующим согласным свои дифференциальные признаки, т.е. сближение спинки языка к нёбу и округление губ.³⁹ Согласные, за которыми следовали [i, e, ɛ, (ä)], получили дополнительную артикуляцию сближением спинки языка к нёбу, что привело к повышению их характерного тона. Согласные, за которыми следовали [u, o, ɔ, (ǣ)], получили дополнительную лабиальную артикуляцию, округление губ, что привело к понижению характерного тона. Первые палатализировались, стали диезными, вторые лабиализировались, стали бемольными⁴⁰.

Как и во всех языках, где существуют подобные согласные, между диезными и бемольными согласными и следующими гласными развились переходные гласные *i̯, e̯, resp. u̯, o̯*. Группы [ti, te, tɛ, tu, to, tɔ] стали [t̪i̯, t̪e̯, t̪ɛ̯, t̪u̯, t̪o̯, t̪ɔ̯]: лат. *teneri* > *tin̪ɛ̯ri* [t̪in̪ɛ̯ɾi̯], лат. *tonat* > *tun̪ǣ̯*

³⁵ C a n d r e a, *Psaltirea*, II, стр. 512. Отноительно произношения в современном языке, см. *Gramatica l. romîne*, I, § 53.

³⁶ C a p i d a n, *Arominii*, стр. 291.

³⁷ C a n d r e a, *Psaltirea*, II, стр. 503.

³⁸ C a p i d a n, *Arominii*. стр. 221-292, Ср. и лат. *rogatu(m) illa(m) habemus* > *rugatu-wă-am* > *rugatu-wo-am*, *rugatu-o-am* (См. C a n d r e a - D e n s u s i a n u, *Dict. etim.*, стр. 85).

³⁹ Отноительно аналогичного явления в общеславянском, см. J a k o b s o n, *Remarques*, стр. 22 и след.; M a r t i n e t, *Économie*, стр. 257.

⁴⁰ Для обозначения лабиализованных согласных фонем, с пониженным собственным фонологическим тоном Р. Якобсон употребляет английский термин *flat* «бемоль» (*flattened*). См. J a k o b s o n - F a n t - H a l l e, *Preliminaries*, стр. 31 и след.; J a k o b s o n - H a l l e, *Fundamentals*, стр. 31. Ср. выше прим. 2.

[t^uuná], лат. *totus, tota* > *totu, totă* > [t^ootu, t^oota]⁴¹. В результате этого фонетического процесса, в общерумынском языке появились одновременно палатальные согласные, именно [ń, l']: [vińe] (< лат. *vīnea*), [l'ín^uu] (< лат. *līnum*), и палатализованные, дизные согласные (например [nⁱ, n^e, lⁱ, l^e]: [v'ín^ee] < лат. *venīt*, [l'ín^uu] лат. < *lēnus, классич лат. *lēnis*). Два слова [l'ín^uu], 'лён' и [l'ín^uu] 'медленный' отличались противопоставлением [l'] — [lⁱ]. Палатальные согласные [ń, l'], появившиеся в результате переходного смягчения, составляли, таким образом, самостоятельные фонемы по отношению к их дизным соответствиям [nⁱ], [lⁱ]. Последние же были только комбинаторными вариантами непалатальных согласных обусловленными последующими палатальными гласными ([i, e, ɛ])⁴².

Таким образом, в результате регрессивной ассимиляции появились в общерумынском языке единообразные по тембру группы, образованные

⁴¹ Относительно аналогичного явления в общеславянском, ср. J a k o b s o n, *Remarques*, стр. 22. В общеславянском существовала тенденция к лабиализации согласных перед лабиализованными гласными: А. Шахматов, *Очерк древнейшего периода истории русского языка*, Птр. 1915, § 111, цит. по книге Я к о б с о н а, *Remarques*, стр. 19; M a r t i n e t, *Syllabes ouvertes*, стр. 154 и след.; его же, *Économie*, стр. 356.

Доказательством существования еще в общерумынском переходных гласных — показателей палатализованных и лабиализованных согласных — являются частые случаи «дифтонгизации», в особенности *e* и *o*, но иногда также и *i*, *u*, отмеченные диалектологами и румынским лингвистическим атласом (*ALR*) не только в дакорумынских говорах. Ср. дакорум. формы: [pⁱıldə] ([i] является гласным с тембром между [i] и [y]), [dⁱes], (tⁱe k^uyl^uč] = *te culci* 'ты ложишься', [t^uot], арум. *luciu* (*Capidan Aromîniî*, стр. 269 (§ 68 а), мегленорум. [bⁱăm] = *bet* 'мы пьем', [cuărb] = *corb* 'ворон'. (Относительно произношения [iă], [uă] ударных *e*, *o* в мегленорум. говоре села Люмница, см. *Capidan, Meglenoromîniî*, I, §§ 13, 50). Древность палатализованного характера согласных доказывается также частотой, в особенности в старорум. текстах, антиципации палатального элемента палатализованных согласных, как например, в дакорум. *cîine, maire, mîine, minuine* = *minune* 'чудо' (*Candrea, Psaltirea*, II, стр. 138, строка 41; стр. 181, строка 22; стр. 311, строка 31), *pîine, saile* = *sale* 'свой', *taire* = *tare* 'твердый' (*Rosetti, Limba romînă sec. XIII—XVI*, стр. 99 и след.), мегленорум. *cşini* = *cîine* 'собака', *peşini* = *pîine* 'хлеб', *taşti* = *tată* 'отец' (< бг. *tame* то же) и т.п. (*Capidan, Meglenoromîniî* стр. 97, 99).

Более древние формы, до антиципации палатального элемента, были [kynⁱe, maⁱe, minunⁱe, salⁱe] и т.п., с палатализованными согласными в последнем слоге. Чтобы объяснить антиципацию палатального элемента достаточно иметь в виду палатализованные согласные; не обязательно предполагать, что эти согласные были мульированными (дорсальными). Форма [taⁱle] объясняется через [talⁱe], древней общерумынской формой, не через [tal'e], как это делает A. l. R o s e t t i (*Limba romînă sec. XIII—XVI*, стр. 100). Современное произношение [tale], без переходного гласного элемента с тембром *i* или *ɛ* между *l* и *e*, распространенное в особенности в Мунтении (Валахии), представляет более новый этап развития, в результате влияния, пришедшего с юга. См. P e t r o v i c i, *Influența slavă*, стр. 17.

⁴² Об отличии между палатальными и палатализованными согласными, см. ниже, стр. 23 и след.

из дизных согласных, за которыми следовали палатальные гласные ([i, e, ɛ]), из бемольных согласных, за которыми следовали лабиовелярные гласные ([u, o, ɔ]): лат. *lēnus > linu > [l'in^uu], лат. līgo > legu > [l'ɛ^egu], лат. ligat > legă > [l'ɛ^egə], лат. nīngīt > ninġe > [n'inġe], лат. nīgrum > negru > [n'ɛ^egr^uu, n'ɛ^egr^uu], nīgra > negră > [n'ɛ^egrə], лат. annu(m) > anu > [an^uu], лат. rōdo, rōdīt > rōdu, rōde > [r'ɔ^od^uu, r'ɔ^od^uu, r'ɔ^ode] и т. д.

В дальнейшем мы будем отмечать дизный и бемольный характер согласных знаками «апостроф»' и «градус»° после согласной: [n'ɛgrə, r'ɔde], а палатальный, среднеязычный характер согласных знаком «минута»' после согласной или над нею: [tal'e, vi'ne]).

Первый элемент дифтонга uo, происшедшего из лат. ō, совпал с переходным гласным элементом между бемольной согласной и следующей гласной o ([ɔ]) или [ɔ]: лат. rōgo, rōgat, > ruogu, ruogă, ruog^uu, ruogə ([r'ɔ^og^ou, r'ɔ^ogə]), лат. rōtu(m), rōta > rōti, rōtă > ruot^uu, ruotə ([r'ɔ^otm^ou, r'ɔ^otmə]).

Следует отметить, что акустическое различие между [ä], происшедшим из ударного лат. a с предшествующей палатальной согласной, и [ɛ], вариантом ударного e, за которым не следовал слог с i или u, было, очевидно, минимальным. Два нюанса в скором времени совпали. Гласный [ä] в veg[l'ä](re) < лат. vigilare произносился несомненно как [ɛ] в ve[d'ɛ](re) > лат. vīdere или в [d'ɛ] < лат. dēt. Поэтому в дальнейшем в этой работе мы будем писать [ä], как для [ä], так и для [ɛ]. То же относится к [ā] в lu[wā](re) < лат. leuare и [ɔ] в [s'ɔ]re < лат. sol(e). В дальнейшем мы будем писать [ā] для обоих нюансов.

Ассимиляция могла быть одновременно и прогрессивной и регрессивной. В случае палатальных согласных, за которыми следовали [u, o, ɔ], лабиовелярные гласные палатализировались, став лабиопалатальными [ü, ö, ǖ], а предшествующие палатальные согласные лабиализовались, преобразуясь также в лабиопалатальные: лат. ōculus > uoc^{l'}u > uoc[l'°ü], *exclorpus > şcl'ori > şc[l'°ö]ri, лат. *exclorpa > şcl'oră > şc[l'°ǖ]ră.

Способ осуществления группового (отчасти слогового) сингармонизма в общерумынском может сформулироваться следующим образом: гласные ассимилировали себе по высоте тона предшествующие согласные: [me] > [m'ɛ], [mo] > [m'ɔ] и т. п.); наоборот, согласные которые не поддавались такой ассимиляции (палатальные согласные не могли ассимилироваться велярным гласным, ȳ не ассимилировался палатальным гласным, а w не ассимилировался ни палатальным, ни велярным гласным) сами ассимилировали себе следующие гласные [l'ə, jə] > [l'ɛ, jɛ] и т. п.; [fɛ] > [rə], [we] > [wə] > [wo]⁴³. Что касается палатальных согласных, за которыми следовали лабиовелярные гласные, мы видели, что ассимиляция действовала в двух направлениях, прогрессивно и регрессивно: оставаясь палатальной, согласная переняла лабиализацию гласной, передав последней — которая осталась лабиализованной — палатальность ([r'u] > [r'°ü]).

⁴³ Ср. формулировку Р. Якобсона относительно возникновения слогового сингармонизма в общеславянском: *Remarques*, стр. 221.

VI. ПОЯВЛЕНИЕ НАЧАЛЬНЫХ [j] и [w] ПЕРЕД ПАЛАТАЛЬНЫМИ И ЛАБИОВЕЛЯРНЫМИ ГЛАСНЫМИ

Выше была рассмотрена тенденция передать начальному согласному определенной группы палатальный или лабиовелярный характер гласного данной группы. В тех случаях, когда гласный находился в самом начале слова появлялся либо йот (перед палатальными гласными) либо /w/ (перед лабиовелярными гласными)⁴⁴: лат. *ire* > *i* > [ji]⁴⁵, лат. *illum* > *elu* > [jel^ou], лат. *ēscā* > *escā* > [ješkə], лат. *udus* > *udu* > [wud^ou], лат. *hōra* > *orā* > [wɔrə]⁴⁶. Новые йот и w начальные совпали с j и w, происшедшими в результате дифтонгизации начальных *ē* и *ō*: лат. *hēri* > *ieri* > [jer'i], лат. *ēqua* > *iērā* > [jerə], лат. *ōssum* > *uosu* > [wos^ou], лат. *ōrba* > *uorbā* > [wɔrbə]⁴⁷.

Существование начального [w] в румынском языке можно доказать также его дальнейшим развитием в некоторых говорах, под иноязычным влиянием, в *o*⁴⁸. В румынских заимствованиях соседних языков часто встречается начальный *o* перед гласным *o*. В этих языках не было согласного w, на месте которого появился наиболее близкий в данном языке звук — *o*. В произношении венгра румынские слова [wos] = *os* 'кость', [wok'] = *ochi* 'глаз', [wowə] = *ouă* 'яйца' принимают фонетический вид [vos, vok', vove]⁴⁹. Ср. румынские заимствования в венгерском языке: *vakisa* < *oacheșă* [wak'eșə], *vasány* < *oșan* [wəšan] 'житель края Оаш'⁵⁰.

⁴⁴ Относительно аналогичного явления в славянских языках, см. Martinet, *Économie*, стр. 360.

⁴⁵ Истрорум. *īi* < лат. *ire*, см. Candrea-Densusianu, *Dict. etim.*, стр. 124.

⁴⁶ Относительно начальных /j/ и /w/ в разных румынских говорах, см. II. Tiktin, *Studien zur rumänischen Philologie*, I, Лейпциг 1884, стр. 6 (Тиктин пишет *ie-*, *īi-*); его же, *Rumänisches Elementarbuch*, Гейдельберг, 1905, стр. 18, 33; I.-A. Candrea, *Graiul din Țara Oașului*, «Buletinul Societății Filologice», II, Бухарест, 1907, стр. 9; Ernst Gamillschke, *Oltenische Mundarten*, Вена 1919, стр. 51; Caridan, *Maglenoromîni*, I, стр. 103 и след., 114 и след.; М. В. Сергиевский, *Молдавские этюды*, Москва-Ленинград 1936, Изд. АН СССР, стр. 12—13, цит. по I. Pătruț, «Dacoromania», XI (1948), стр. 269; Petrovici, *Cons. dure și moi*, стр. 208 и след.; его же, *Cons. rot. și nerot.*, стр. 174 и след.; его же, *Slav. Einfluss*, стр. 113 и след.; его же, *Influența slavă*, стр. 8 и след.; его же, *Phonemsystem*, стр. 13 и след.

⁴⁷ См. выше, стр. 9.

⁴⁸ N. Drăganu, *Cea mai veche carte Rákóczyană*, «Anuarul Institutului de istorie națională din Cluj», I (1921-1922), стр. 200; его же, Mihail Halici, «Dacoromania», IV (1924-1926), стр. 139; S. Pușcariu, *Studii istroromîne*, II, Бухарест 1926, стр. 99 и след.

⁴⁹ Petrovici, *O particularitate*, стр. 463; его же, *Egy magy. hangt. sajáttság*, стр. 6.

⁵⁰ Geza Blédy, *Influența limbii romîne asupra limbii maghiare*, Сибиу 1942, стр. 91.

VII. ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГРУППОВОГО СИНГАРМОНИЗМА

Сближение тембра групп «согласный + гласный» происходило во всех случаях без исключения. В общерумынском языке были только сингармонические группы, тембр которых мог быть велярным, палатальным, лабиовелярным или лабиопалатальным. Такие группы могли быть: 1) согласный с велярным тембром + велярные гласные [y, ə, a], 2) согласный с палатальным тембром + палатальные гласные [i, e, ä]. 3) согласный с лабиовелярным тембром + лабиовелярные гласные [u, o, ǎ] и 4) согласный с лабиопалатальным тембром + лабиопалатальные гласные [ü, ö, ȳ]. Подобное сближение следует считать явлением фонетического характера, ибо в фонологическом отношении тембровые нюансы согласных представляли комбинаторные варианты одной и той же фонемы, обусловленные последующими гласными (за исключением палатальных согласных, которые были автономными фонемами). Из всех гласных нюансов были фонемами только семь: /i/, /e/, /y/, /ə/, /a/, /o/, /u/, ибо [ä] и [ǎ] были позиционными вариантами /e/ и /o/ (ср. [l'eg°u] — [l'ägə], [n°ostr°u — n°ǎstrə]) или /a/ (ср. [ymbła — v'egl'ä — l°uwa], а [ü, ö, ȳ] были вариантами, обусловленными предшествующим палатальным согласным, гласных /u/, /o/ (ср. [kař°u — kař°ü] < лат. *carrum* — *carius*, [m'inčĩn°os°u — ryń°ös°u], m'inčĩn°ǎsə — ryń°ösə))⁵¹. Все приведенные выше примеры следует передать в фонологической транскрипции таким образом: /legu/, /legə/, /nostru/, /nostrə/, /ymbła/, /luwa/, kařu/, /kař'u/, /mĩnčĩnosu/, /ryńosu/, /mĩnčĩnosə/, /ryńosə/.

Таким образом групповой сингармонизм не изменил существующей фонологической системы. Он лишь вызвал некоторые случаи упразднения противопоставлений гласных. Так, после согласных [c', ʒ', č', ġ', ž', ĩ, l'] упраздняются противопоставления [y — i, ə — e], в этом положении становятся возможными лишь [i, e]: ср. [adunynđu, adunətu, adunə], но [ynkuĩĩndu. ynkuĩĩetu, ynkuĩĩe]. В морфологии это привело к появлению омофонии некоторых форм, которые в нормальных условиях отличались друг от друга. Так, стали омофонами 3 л.ед.ч. наст. вр. изъявит. накл. и 3 л.ед.ч. наст. вр. сослагат. накл. глаголов I-го спряжения, основа которых оканчивается на [ĩ, l'], ср. [ad°unə] — [s'e] (= *să* «чтобы») [ad°un'e], но [ynk°uĩe — s'e ynk°uĩe, tal'e — s'e tal'e].

В случае, если за ударными *a* или *e* (перед которыми были вышеуказанные согласные) следовал слог с гласной *ă* [ə] или *e*, противопоставление между ними нейтрализовалось. Гласный *a* в *cl'amă* > [kl'ătə] уже не от-

В результате появления начальных *j* и *w* в начальном положении сохранялись лишь гласные *a*, *ă* [ə], *i* [y].

⁵¹ Вариант [ȳ] гласного /c/ был дважды обусловленным — предшествующим палатальным *n* и подударным положением, перед слогом содержащим *ă*.

личался от ϵ в $leg\grave{a} > [l'äg\grave{a}]$. Это привело к появлению форм $[kl'ëm^o u, kl'ëm'i]$, вместо нормальных форм $cl'ämu, cl'ämi$ (< лат. *clamo, *clamis*), поскольку ударному $[ä]$ (перед слогом с $\grave{a}$ или e) соответствует ударное $[e]$ (перед слогом с u или i). По образцу $[l'äg\grave{a} \dots l'eg^o u - l'eg\grave{i}]$ появилось $[kl'äm\grave{o} - kl'ëm^o u - kl'ëm'i]$ ⁵².

VIII. СЛАВЯНО-РУМЫНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИЧИНА ПОЯВЛЕНИЯ ГРУППОВОГО СИНГАРМОНИЗМА В ОБЩЕРУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

Языковая интерференция — обычное явление в фонетическом и фонологическом развитии двух или нескольких языков⁵³. В результате параллельного развития фонетизма ряда языков появляются фонологические союзы, в которые могут входить многие языки (таков, например, евразийский фонологический союз, к которому принадлежит и румынский язык)⁵⁴. Фонетические и фонологические характеристики, общие ряду соседних языков — которые могут быть и неродственными — передаются от одного коллектива к другому при помощи двуязычных индивидуумов, которые именно благодаря билингвизму пользуются особым престижем в данных языковых коллективах. Это способствует распространению в все более широких массах новых черт, появившихся у двуязычных в результате интерференции двух лингвистических систем⁵⁵.

Мы отмечали выше несколько раз, сходство между фонетическим развитием общерумынского и общеславянского, в результате чего появились групповой и слоговой сингармонизм в румынском и славянском. Это сходство не случайно: явно, что на фонетическое развитие румынского языка повлияла славянская фонетическая система⁵⁶. Другие романские языки не представляют ничего подобного. В свою очередь, они потерпели влияние других

---

⁵² Так же $[yngl'äc'e, yngl'ec'^o ü, yngl'ec'i]$ (вместо более древних форм $[yngl'äc'e, yngl'äc'^o ü, yngl'äc'i]$ < лат. *inglaciāt, inglacio, inglaciis*). (После депалатализации $[c']$ гласные $[e, i, ü]$ с предшествующим $[c]$, имеющим велярный или лабиовелярный тембр, стали $[ə, y, u]$).

⁵³ Lucien Tesnière, *Phonologie et mélange de langues*, TCLP, 8; Martinet, *Économie*, стр. 192 и след., 291, 305, 311, 316.

⁵⁴ Якобсон, *К характеристике*, стр. 26; его же, *Remarques*, стр. 109, прим. 50; его же, *Phonol. Sprachbünde*, стр. 234 и след.; его же, *Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues*, приложение к книге Трубецкого, *Principes*, стр. 361; Martinet, *Économie*, стр. 192 и след.

⁵⁵ Jakobson, *Fundamentals*, стр. 50.

⁵⁶ Roselli, *Influența* стр. 29 и след.; Petrovici, *Cons. durc și moi*, стр. 216 и след.; его же, *Cons. rot. și nerot.*, стр. 180; его же, *Slav. Einfluss*, стр. 109 и след.; его же, *Influența slavă*; его же, *Phonemsystem*.

фонетических систем: кельтской⁵⁷, германской⁵⁸, кантабрской (баскской)⁵⁹. Явление, которое в наибольшей мере способствовало появлению группового сингармонизма в общерумынском, была передача дифференциальных признаков гласных предшествующим согласным. В других романских языках не встречается аналогичной тенденции. Наоборот, эта тенденция является одной из основных характерных черт общеславянской фонетической системы, сохранившейся во многих современных славянских языках. Переход палатальности или лабиовелярности от гласного к согласному, начинающему слог, тесно связан с тенденцией к открытости слогов в общеславянском. Оба явления объясняются тенденцией, существующей в общеславянском, к сокращению числа имплозивных частей слога и к группированию дифференциальных признаков в начале слога, что объясняет как открытость слога (устранение любого имплозивного элемента после гласного слога), так и переход на согласный, начинающий слог, дифференциальных признаков гласных (палатализация и лабиовеляризация согласных), а также появление начального йота (*j*) или начального *w* перед палатальными или лабиовелярными гласными⁶⁰. Румынский язык никогда не представлял в своем развитии тенденции к открытости слогов, хотя бы в той мере, в которой это наблюдается во французском языке⁶¹. (Только падение конечных согласных привело к открытости всех конечных слогов в общерумынском). Палатализация и лабиовеляризация согласных, а также развитие начальных *j* и *w* не могут быть связаны с общими тенденциями романского и румынского фонетизма. Эти явления не входят в более общую формулу, как это было в славянском. С точки зрения романской исторической фонетики такие явления не мотивированы, в то время как в славянском они мотивированы всем ходом развития фонетической системы. В румынском языке они обязаны введению при помощи двуязычных индивидуумов некоторых славянских произносительных навыков начальных гласных и групп «согласный + гласный». Последующее фонетическое и фонологическое развитие общерумынского имело исходным пунктом общерумынский фонетизм — результат интерференции романского и славянского фонетизма.

Это развитие протекало параллельно со славянским, но результаты были отчасти различны, что объясняется различными исходными пунктами в

---

⁵⁷ M a r t i n e t, *Économie*, стр. 291.

⁵⁸ W. v. W a r t b u r g, *Évolution et structure de la langue française*, Лейпциг-Берлин 1939, стр. 55 и след.

⁵⁹ E. A. Llorach, *Fonología española*, 2ª ed., Мадрид 1954, стр. 207 и след., 224; M a r t i n e t, *Économie*, стр. 311, 316.

⁶⁰ M a r t i n e t, *Syllabes ouvertes*, стр. 145-163; его же, *Économie*, стр. 356 и след. Ср. и F. V. Mareš, *Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty*, «Slavia» XXV (1956), стр. 451 и след.

⁶¹ M a r t i n e t, *Syllabes ouvertes*, стр. 145 и след.

румынском и славянском. Ведь общерумынский фонетизм не был целиком славянским, он представлял старый восточнороманский фонетизм, который получил сначала некоторые «балканские» черты⁶², а потом — некоторые славянские черты.

IX. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГРУППОВОГО СИНГАРМОНИЗМА В ТЕМБРОВЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ СОГЛАСНЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ КОНЕЧНЫХ *u, ü, i, y (î)*.

Группы «нейтральный согласный + [y, ə, a]», «палатализованный (или палатальный) согласный + [i, e, ä]», «лабиализованный согласный + [u, o, â]» и «лабиопалатальный согласный + [ü, ö, ö̃]» были неразрывными. Хотя согласные с разными тембрами являлись лишь комбинаторными вариантами (за исключением палатальных, которые были самостоятельными фонемами), дифференциация слов и морфологических форм осуществлялась не только при помощи гласных разного тембра (которые являлись самостоятельными фонемами)⁶³, но и всей группой «согласный + гласный»⁶⁴. Например, три слова [takə], [t'äkə] и [t°äkə] отличались не оппозицией /a/ — /e/ — /o/ (последние два согласные реализовались, в результате романской инфлексии, в виде вариантов [ä], [â]), но противопоставлением /ta/ — /t'ä/ — /t°ä/ (в фонологической транскрипции, однако /ta/ — /te — /to/).

Система фонем общерумынского языка изменилась коренным образом в результате исчезновения конечных гласных верхнего подъема [u, ü, i, y]. Различительная функция, реализуемая прежде целой группой, «согласный + гласный», переходит к согласному, который сохранил дифференциальные признаки, полученные от последующего гласного. В других романских языках при оглушении гласных, их дифференциальные признаки исчезли бесследно. Например, во французском языке неударяемые гласные сильно ослабевали и во многих случаях полностью исчезали; однако соседний согласный не претерпевал влияния исчезнувшего гласного. Подобного явления не встречается ни в других романских языках,⁶⁵ ни в албанском. В румынском языке сохранение согласными тембра исчезнувших гласных напоминает аналогичное явление в славянском. Различие между румынским и славянским состоит в том, что в общерумынском подобное отпадение гласных произошло только в конечном положении (многие синкопы гласных в румынских словах произошли еще в поздне-латинский период, напр. *calidus*, *veteranus* и т.п. > *caldu*, *betranu* и т.п.), в то время, как в славянских

⁶² R o s e t t i, *Istoria*, II, стр. 73 и след.

⁶³ См. выше, стр. 18. Но [ä, â, ü, ö, ö̃] были лишь позиционными вариантами.

⁶⁴ Относительно аналогичного явления в общеславянском, см. J a k o b s o n, *Remarques*, стр. 31.

⁶⁵ M a r t i n e t, *Économie*, стр. 199.

языках слабые редуцированные исчезли не только в конечном положении, но и внутри слов. Этим объясняется тот факт, почему в румынском языке в положении перед согласными согласные не различаются по тембру.

В результате отпадения конечных гласных [u, ü, i, y] и сохранения их тембра предшествующими согласными, такие формы, как [paɾ^ou], ед.ч., paɾⁱ], мн.ч., [vəkaɾ^oü], ед.ч. [vəkaɾⁱ], мн.ч., ставшие [paɾ^o] — [paɾⁱ], vəkaɾ^o] — [vəkaɾⁱ] стали отличаться противопоставлением /r^o/ — /rⁱ/, /r^o/ — /rⁱ/.

Следует предполагать, что в некоторых говорах общерумынского языка [i], продолжавший лат. *rr* или славянск. *r*, очень рано стал сопротивляться палатализации. Также [c', ʒ'] депалатализировались на большей территории общерумынского. Формы [kaɾ^ou] — kaɾⁱ] (< лат. *carro*, *carris), [wom^ooɾ^ou — wom^ooɾⁱ] (< слав. *umoriti*), [s^ooc^oü — s^oocⁱ], [k^out'eʒ^oü — k^out'eʒⁱ] стали сначала [kaɾ^ou — kaɾⁱu, wom^ooɾ^ou — wom^ooɾⁱu, s^ooc^ou — s^oocⁱu, k^out'eʒ^ou — k^out'eʒⁱu], а после исчезновения конечных гласных верхнего подъема kaɾ^o — kaɾⁱ, wom^ooɾ^o — wom^ooɾⁱ (в старорум. текстах и диалектально: *tu omor*, см. словарь Тиктина, под *omor*): s^ooc^o — s^ooc, k^out'eʒ^o — k^out'eʒ. Таким образом, появились, в этих говорах, в конечном положении нейтральные согласные, противопоставляемые палатализованным, лабиализованным и лабио-палатализованным. Ср. противопоставление /r/ — /r^o/ — /rⁱ/ — /r^o/ в формах [kaɾ > kaɾ] = *tu cari* 'ты возишь' — [kaɾ^o > kaɾ^o] = *eu car* 'я вожу' — [kaɾⁱ] = *cari* 'древоточцы' (< лат. *carii*) — [kaɾ^o] = *car* 'древоточец' (< лат. *carius*, классич. лат. *caries*). Появление современных форм [tu kaɾⁱ, tu omorⁱ] и [socⁱ, tu kutezⁱ] (*tu cari, tu omori, sofi, tu cutezi*) обязано давлению морфологической системы, которая требует во 2-ом лице ед. ч. и во мн. ч. существительных дизных согласных.

Таким образом, согласные разных тембров эмансипировались от следующих гласных и из внефонологических вариантов стали самостоятельными фонемами. В конечном положении, групповой сингармонизм — в данном случае слоговой сингармонизм, ибо распространялся на весь слог, который всегда оканчивался на гласную — исчез в результате падения конечного гласного. Различительная функция, осуществляемая до сих пор целой сингармонической группой, переходит к согласным, имеющим разные тембры, ставшим конечными. Во внутренних группах, где различительная функция также осуществлялась целыми сингармоническими группами, согласные с разными тембрами приобретают особое значение благодаря обстоятельству, что они стали фонемами с особыми морфологическими функциями в конечном положении. Два члена группы «согласный + гласный» диссоциировались, а основную роль стали играть согласные. Различительная функция, выполняемая до тех пор целой сингармонической группой переходит к согласным с разными тембрами, а различие между гласными разных тембров становится фонологически несущественным⁶⁶. Фонологическое сближение гласных вариантов привлекло и к их фонетическому сближению⁶⁷.

⁶⁶ Относительно аналогичного явления в славянских языках, см. J a k o b s o n, *Remarques*, стр. 50; L u n t, *Phonemic Palatalization*, стр. 309 и след.

⁶⁷ См. следующую главу.

До исчезновения конечных гласных [u, ü, i] и, в ряде говоров, [y] (î), общерумынский язык имел палатальные согласные, являющиеся результатом переходного смягчения согласных, за которым следовал йот (переходное смягчение k, g происходило также перед палатальными гласными). После исчезновения конечных гласных верхнего подъема, в общерумынском языке появились согласные с фонологической (фонематической) палатализацией.

Между палатальными и палатализованными (дизными) согласными существует коренное отличие: для первых палатальная — обычно дорсальная — артикуляция является специфичной, в то время как для последних палатальная артикуляция, то есть поднятие спинки языка к небу, является лишь дополнительной одновременной, вторичной артикуляцией, которая примыкает к первичной, билабиальной, лабиодентальной, дентальной, боковой и т. п. артикуляцией согласного. Термин «палатализация» употребляется в исторической фонетике обычно для обозначения изменения специфичной артикуляции звуков в сторону центральной части полости рта, таким образом, что губные, зубные или велярные согласные становятся центральными или палатальными (дорсальными). В результате этой палатализации как p, b так и t, d или k, g могут стать палатальными взрывными типа k', g' ⁶⁸. Данная палатализация, в результате которой согласные изменяют место артикуляции называется в фонологии, в отличие от фонематической палатализации, переходной палатализацией (переходным смягчением) ⁶⁹. В румынской фонетике часто смешивают фонологическую палатализацию согласных с их переходным смягчением. Поэтому следовало бы ввести в румынскую лингвистику термины «фонематическая палатализация» и «переходная палатализация». Нужно отметить, что в языках, где существует корреляция по палатальности и непалатальности согласных, согласные с палатальным тембром являются лишь дизными. Фонологическая палатализация реализуется в результате добавочной деятельности спинки языка, в то время как для палатальных согласных, возникающих вследствие переходного смягчения, поднятие спинки языка к небу является основной артикуляцией ⁷⁰.

⁶⁸ Подобное смягчение, которое полностью изменило специфическую артикуляцию согласных, наблюдается в некоторых дакорумынских говорах, где формы *piei* (мн. ч. от *piele* 'кожа'), *lei* 'липа' и *chei* 'ключи' совпали в одну форму [t'eï] ([k'eï]). См. I. Pătruț, *Velarele, labialele și dentolele palatalizate*, «Dacoromania», X, стр. 298 и след. (В ALR, новая серия, среднеязычные взрывные промежуточные между [t', d'] и [k', g] обозначаются [t'', d''], в фонетической транскрипции Международной Фонетической Ассоциации [ç], [j]).

⁶⁹ Jakobson, *Remarques* стр. 31; Lunt, *Phonemic Palatalization*, стр. 307

⁷⁰ Якобсон, *К характеристике*, стр. 46; его же, *Phonol. Sprachbünde*, стр. 236; Трубецкой, *Grundzüge*, стр. 123 (Трубецкой, *Principes*, стр. 144). Не соответствует действительности утверждение А. Аврама (A. Avram, *Contribuții la studiul fonologiei limbii române*, SCL, VII-1956, стр. 202), что русские [t'], [d'], [n'], являются мульированными в том смысле, что их характерная артикуляция — дорсальная, как например, в случае согласных [t', d', ñ] в чешском, словацком, венгерском и румынском (трансильванские говоры) языках. Русские палатализованные зубные остались зубными — некоторые их называют даже апикальными — представляющими дополнительную артикуляцию спинки языка: передняя часть языка смыкается с верхними зубами и примыкающей к алвеолам зубной части твердого неба (см. Р. И. Аванесов, *Фонетика современного русского литературного языка*, изд. Моск. университета, 1956, стр. 151), в то время как мульированные согласные [t', d', ñ] являются палатальными взрывными; их дорсальная

Переходное смягчение согласных обычно встречается в языках, где нет корреляции по палатальности и непалатальности, или же такая корреляция была, но она исчезла. Так, например, чешский и словацкий языки потеряли корреляцию по палатальности и непалатальности согласных: в первой существуют три палатальных согласных (/d'/, /t'/, /ň/), а во втором — четыре (/d'/, /t'/, /ň/, /l'/) ⁷¹. В венгерском языке также четыре палатальных согласных, как и в словацком (во многих венгерских говорах и в литературном языке, однако /l'/ стал йотом). Можно ли говорить о корреляции по палатальности и непалатальности согласных в чешском, словацком и венгерском языках? В этих языках палатальные согласные противопоставлены лишь непалатальным соответствиям (/d' — d/, /t' — t/, /ň — n/, /l' — l/). Палатальные согласные принадлежат только одному ряду по месту образования. Таким образом, следует иметь в виду, что они представляют один ряд по месту образования, именно палатальный ряд, наряду с лабиальным, дентальным и велярным ⁷². Следовательно, неправильно утверждение, что можно говорить о корреляции по палатальности и непалатальности в каком-нибудь языке лишь в том случае, если в данном языке существуют мультированные дорсо-палатальные согласные. Нельзя отрицать существование корреляции по палатальности и непалатальности согласных в румынском языке только по той причине, что в румынском литературном языке — за исключением /k'/, /g'/ — нет «мягких» согласных (т.е. согласных, которые подверглись переходному смягчению). Нельзя смешивать переходную, фонетическую палатализацию с фонологической палатализацией согласных, как это делают Л. Тамаш и А. Аврам ⁷³.

Х. ЛИНЕАРНАЯ СИСТЕМА ГЛАСНЫХ В ОБЩЕРУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

Выше было указано, что в общерумынском языке, в период до появления тембровой корреляции согласных, были семь гласных фонем:

i	î	u	(ü)
e (e)	ă	o (o)	(ö)
(ä)	a	(ă)	(ö)

(дорсопалатальная) артикуляция специфична для них, кончик языка упирается в нижние зубы. В фонетической транскрипции следовало бы обозначить палатализованные согласные другим диакритическим знаком, чем палатальные. Так апострофом после согласного обозначается палатализованный характер (полумягкость) согласного ([t', d', n', l']) а знаком минуты переходное смягчение ([t', d', n, l']). (См. M a r e š, *Vznik slovanského fonologického systému*, «Slavia», XXV, стр. 483, прим. 121). Хорошее описание произнесения русских палатализованных зубных в сопоставлении с произнесением словацких палатальных согласных можно найти в работе А. V. I s a č e n k o, *Fonetika spisovnej ruštiny*, Братислава 1947, стр. 114-115.

⁷¹ J a k o b s o n, *Phonol. Sprachbünde*, стр. 236; T r u b e t z k o y, *Grundzüge* стр. 118 (*Principes*, стр. 140).

⁷² В чешском, словацком и венгерском противопоставление между зубными /t/, /d/, /n/ и палатальными /t'/, /d'/, /ň/ (в чешской орфографии t', d', ň) стоит на той же плоскости, что и противопоставление между зубными и губными и т.п. См. N. S. T r u b e t z k o y, *Die phonologischen Systeme, TCLP*, 4, стр. 97; J a k o b s o n, *Phonol. Sprachbünde*, стр. 236; T r u b e t z k o y, *Grundzüge* стр. 118, (*Principes* стр. 140).

⁷³ См. L a j o s T a m á s, *Cu privire la sistemul fonemelor limbii române*, SCL, VII (1956), стр. 176 (на венгерском языке: *A román nyelv fonémarendszeréről*, оттиск из «Filologiai Közlöny», 1956, стр. 96); A. A v r a m, *Constituirea corelației consonantice de timbru palatal în limba română*, SCL, VIII стр. 56 и след.

В скобках указаны позиционные варианты гласных фонем. Под ударением /e/ /o/ представляли варианты [e], [ä], [o], [å], обусловленные гласными следующего слога: более закрытый вариант ([e], [o]) появлялся перед *и* или *і* следующего слога, а более открытый вариант ([e], [o]) — перед *ă* или *e* (или в конце слова, в случае [e]). Гласные /u/ и /o/ ([o], [å]) реализовались как [ü] и [ö], ([ö] [ö]) после палатальных согласных.

В результате перехода различительной функции к согласной внутри группы «согласная + гласная», гласные одного и того же подъема превратились в позиционные варианты. В общерумынском языке остались только три гласные фонемы. В этой линейной фонетической системе, сохранившейся в некоторых дакорумынских говорах существенным фонологически был только подъем. Три гласные фонемы общерумынского языка различались лишь по подъему⁷⁴.

Превращение гласных разных тембров в комбинаторные варианты было вызвано также тем, что из 12 гласных (7 фонем и 5 позиционных вариантов) лишь три, именно [i], [ä], [a] могли стоять в начале слова: перед остальными в этом положении появлялся [j] (йот) или [w]⁷⁵. Поэтому варианты [i], [ä], [a] ([y], [ə], [a]) следует считать основными вариантами трех гласных фонем: /y/, /ə/, /a/.

ХІ. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ОБЩЕРУМЫНСКОГО ЯЗЫКА /a/, /ä/, /i/ (/a/, /ə/, /y/)

Превращение гласных разных тембров в внефонологические варианты было также возможным в результате того что они выполняли одинаковые морфологические функции ещё до установления тембровой корреляции согласных. Помимо вышеуказанных примеров (стр. 13) можно добавить следующее: гласные [a], [ä], [å] выполняли функцию определенного члена ж. р. ед. ч., напр. [kasa] — [v'inaä] (в совр. языке /vija/ = *via* 'виноградник') — [v'ed°uwå] (в совр. языке диалектально [väduna]). Те же гласные нижнего подъема ([a], [ä], [å], [ö]), чередуясь с гласными среднего подъема, являлись показателями 3 л. ед. ч. наст. вр. изъяв. и сослагат. накл., напр. [wuřařt'e] = *urăřte* 'он ненавидит' — [l'ägə] = *leagă* 'он связывает' — [r°ägə] = *roagă* 'он просит' — [d'esgl'°ökə] = *dezghioacă* 'он лущит', или являлись показателями ед. ч. существительных и прилагательных, напр. [carə] = *țară* 'страна' (после ранней депалатализации /c'/) — [s'ärə] = *seară* 'вечер' — [m°ägə] = *moară* 'мельница' — [č'°ögə] = *cioară* 'ворона'. Глас-

⁷⁴ Относительно существования линейных систем гласных в разных языках, см. T r u b e t z k o y, *Grundzüge*, стр. 87 и след. (*Principes*, стр. 102 и след).

⁷⁵ И в настоящее время румыны не могут произносить начальные или изолированные [i], [e], [u], [o] без предшествующих полугласных [j] или [ɥ]: [ji], [je], [ɥu], [ɥo]. См. выше, прим. 46.

ные среднего подъема ([ə], [e], [o]) представляли окончание именит. пад. ж. р. ед. ч. существительных и прилагательных, напр. [kasə] — [v'iŋe] (в совр. языке [viŋe] = *viŋe* 'виноградник') — [v'eduwo] (в совр. языке диалектально [văduŋă]), [bunə] — [v'ekl'e] = *veche* 'старая' — [n'ăwo] = *noii* 'новая', окончание 3 л. ед. ч. простого перфекта 1-го спряжения, напр. [ymblə'] — [v'egl'é] = *veghe* 'он бодрствовал' — [l'uwó] = *luă* 'он взял'. Те же гласные ([ə], [e], [o], [ö]), в чередовании с гласными нижнего подъема служили показателями 1-го и 2-го лица ед. ч. наст. вр. изъявит. и сослагат. накл., например [wurəsk'ʊ] = *urăsc* 'я ненавижу' — [l'eŋil] — [r'oŋi] — [d'esgl'öŋi] или мн. ч. существительных и прилагательных [cəŋy] = *țări*, 'страны' — [s'er'i] — [m'or'i] — [č'ör'i] = *ciori* 'вороны' и т. п.

Морфологическая эквивалентность является одним из необходимых условий, чтобы разные, но сравнительно ближе в акустически-моторном отношении, звуки стали вариантами одной и той же фонемы⁷⁶.

Мы показали в другой работе⁷⁷, что в румынском литературном языке варианты /a/ (*a*, *ea*, *oa*, *ioa* = *eo**a*), /o/ (*o*, *io* = *eo*), /u/ (*u*, *iu*), /e/ (*ă*, *e*) и /y/ (*î*, *i*) являются эквивалентными в морфологическом отношении. В общерумынском языке были эквивалентными в морфологическом отношении не только *a*, *ea*, *oa*, *ioa* (*eo**a*) (фонема /a/), но и *ă*, *e*, *o*, *io* (*eo*) (фонема /ə/), а также *î*, *i*, *u*, *iu* (фонема /y/). Вышеуказанные примеры (стр. 12 и 13) показательны в этом отношении. Тембр гласной всегда определяется фонетическим окружением и только ее подъем имеет различную функцию. В некоторых современных говорах — как в общерумынском языке — это относится и к формам с энклитическим артиклем существительных и прилагательных (если основа оканчивается на «смычный + плавный», вышеуказанное относится и к нечленным формам ед. и мн. ч.). Известно, что во многих территориальных говорах, также как и в общерумынском, чередование лабиализованных и нелабиализованных согласных (палатализованных или нейтральных) отличает ед. ч. от мн. ч. у существительных и прилагательных мужск. рода (/par°/ — /par'/, so/c°/ — so/c/, o/k°/ — o/k'/, /əst°/ — /əst'/ = *acest* — *acești* 'этот, эти' и т. д. Определенный энклитический артикль существительных и прилагательных мужск. рода состоит, в этих говорах, из гласной фонемы [y]. После лабиализованной согласной она реализуется в виде [u] (/par°/ + /y/ > [par°u], o/k°/ + /y/ > o[k°u]) после палатализованной согласной в виде [i] (/par'/ + /y/ > [par'i], o/k'/ + /y/ > o[k'i]), а после нейтральной согласной — в виде [y] so/c/ + /y/ > so/cy/ (во многих говорах нет фонемы /c'/). В случае групп «смычной + плавный» ед. ч. также характеризуется конечной согласной лабиализованной,

⁷⁶ Р. И. А в а н е с о в, *Из истории русского вокализма. Звуки î и у*, «Вестник Московского университета», № 1, 1947, стр. 41 и след.

⁷⁷ Р е т р о в і с і, *Echivalența*.

противопоставляемой палатализованной согласной мн. числа: $so[dr^{\circ}u]$ — $so[dr'i]$. Поэтому, естественно, что в ед. ч. будет $[u]$ а во мн. ч. $[i]$.

В тех говорах, где — также, как и в литературном языке — исчезла лабиализация конечных согласных, u артикля или конечный u предшествуемый группой «смычный = плавный» опять стал самостоятельной фонемой, которая противопоставляется гласной фонеме верхнево подъема $/y/$ с вариантами $[y]$, $[i]$: $/par/$, диал. $/soc/ = so\check{t}$ 'супруг' + $/u/ > /paru/$, $/socu/ — /par'/$, диал. $/soc/ = so\check{t}i$ 'супруги' + $/y/ > [par'i]$, $[socy]$.

ХII. ТЕНДЕНЦИЯ К ФОНЕТИЧЕСКОМУ СБЛИЖЕНИЮ ГЛАСНЫХ СОВПАВШИХ В ФОНОЛОГИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ.

1. ФОНЕТИЧЕСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ $[a]$, $[ä]$, $[ä]$, $[ö]$

Одним из результатов фонологического совпадения гласных одного и того же подъема было их сближение, а в некоторых случаях и совпадение в фонетическом отношении⁷⁹. Так, гласные нижнего подъёма $[a]$, $[ä]$, $[ä]$, $[ö]$ совпали в акустическом отношении в один звук $[a]$: $[takə]$, $[t^{\epsilon}äkə]$, $[t^{\circ}äkə]$, $[skl'^{\circ}örə]$ стали произноситься как $[takə]$, $[t^{\epsilon}äkə]$, $[t^{\circ}äkə]$, $[skl'^{\circ}ärə]$. Верно, однако, что $/a/$ после палатализованной, лабиализованной и лабиопалатализованной согласной⁸⁰ представляет легкий палатальный, лабиальный или лабиопалатальный тембр. Но этот оттенок $/a/$ настолько слаб, что данный гласный воспринимается как $[a]$. В румынской поэзии четыре варианта $/a/$, именно $[a]$, $[^{\epsilon}a]$, $[^{\circ}a]$, $[^{\circ}ä]$ полностью рифмуют между собой⁸¹. (Не следует забывать, что в фонетической транскрипции $[^{\epsilon}a]$, $[^{\circ}a]$, $[^{\circ}ä]$, или $[^i a]$, $[^u a]$, $[^{\bar{u}} a]$, гласный элемент, обозначаемый маленькими буквами e , o , $ö$ или i , u , $\bar{u}$ представляет переходный звук, который появляется автоматически между согласными разных тембров и последующими гласными)⁸².

⁷⁹ А в г а т, *SCL*, VIII, стр. 57 и след. Относительно аналогичного явления в славянском, см. J a k o b s o n, *Remarques*, стр. 61 и след.

⁸⁰ Округленно-палатализованная согласная.

⁸¹ Р е т р о в и с и, *Rimele*, стр. 9 и след.

⁸² Относительно обязательного появления переходных звуков между фонемами, см. К. L. P i k e, *Phonetics, A critical analysis of phonetic theory and a technic for the practical description of sounds*, 5-th print., Анн Арбор-Лондон 1955, стр. 110 и след. Во всех языках, имеющих согласные с собственным фонологическим тембром, между ними и следующими гласными появляются переходные гласные тембра i , e (после палатализованных согласных), u , o (после лабиализованных согласных) или $\bar{u}$, $\bar{o}$ (после лабиопалатализованных согласных). См. О. Б р о к, *Очерк физиологии славянской речи* («Энциклопедия славянской филологии», вып. 5.2), Спб. 1910, §§ 180, 181, 182; Т р у б е з к о у, *Grundzüge*, стр. 52, 123 (*Principes*, стр. 60, 145). См. также A n d r é B u r g e r, *Phonématique et diachronie*, «Cahiers Ferdinand de Saussure», 1955, 13, стр. 28-29; *Грамматика русского языка*, изд. АН СССР, 1952, I, стр. 59, 61, 62; Л. Щ е р б а, *Русские гласные в качественном и количественном отношении*, Спб. 1912, стр. 85 и след. А. V. I s a č e n k o, *Fonetika srpskoje ruštine*, стр. 176.

В результате этого фонетического сближения вызванного фонологическим совпадением [a], [ä] (< e), [â] (< o), [ö] (< o), латинское e, o превратилось в a. Таким образом не дифтонгизация ударных e и o перед слогом, содержащим *ă* или e,⁸³), вызвала это явление, а тот факт, что ударные e и o более открытые по сравнению с ударными e и o перед слогом, содержащим *u* и *i* (явление, названное инфлексией гласных и встречаемое и в других романских языках) — совпав фонологически с a, превратились и фонетически в эту гласную, после того как e и o передали согласным, также как и в славянском, палатальный, герср. лабиальный тембр и после того, как согласные с этими тембрами стали самостоятельными фонемами. В славянских языках также нет дифтонгизации *ě* или *ę* (e носового), например в бг. дял (общесл. *děľz*), которое произносится как рум. *deal*, в польск. *miasto* (< общесл. *město*), русск. мясо (общесл. *měso*): русские и польские слова представляют в первом слоге дифтонгоид [ʲa] или [ea] близкий к рум. [ea]. Таким образом, здесь налицо фонологическое и фонетическое совпадение *ě* или *ę* с a после палатализации предшествующих согласных, сначала фонетического, а потом — после падения редуцированных в слабом положении — фонологического. В славянских языках также появляется переходный гласный e (*i*) между палатализованным согласным и следующим гласным, с той же длительностью, что и в румынском языке⁸⁴).

Явление «дифтонгизации» ударных e, o в положении перед *ă*, e в румынском языке — на самом деле фонологическое и фонетическое совпадение ударных e, o с a после появления тембровой корреляции согласных — вызвано славяно-румынской лингвистической интерференцией. Сначала имело место романское явление инфлексии гласных, а потом славянские явления группового сингармонизма и его рефонологизации путем появления согласных с собственным фонологическим тембром.

Более закрытые разновидности ([e] [o]) и более открытые ([e] = [ä], [o] = [â]) гласных /e/, /o/ представляли в древнейшем периоде общерумынского языка позиционные варианты фонем /e/, /o/. В период появления согласных с собственным фонологическим тембром, период характеризуемый сильным славянским влиянием, варианты [ä], [â] совпавшие фонологически с /a/ и реализуемые в виде дифтонгоидов [ea], [oa], уже не были обусловлены следующим слогом, содержащим *ă* или e. Из восточно южнославянского (болгарского) вошли в румынский язык многочисленные слова, содержащие [ea] — в действительности /a/ с предшествующим дизонтым согласным —, за которым не следовали *ă*, e напр. *deal* = /d'al/ (< сл. *děľz*), *leac* = /l'ak/ (< сл. *lěkz*), *neamț* = /n'amc/ (< сл. *němьcъ*), *peag* > *pag* (< сл. *pěgz*), *sfeat* > *sfat* (< сл. *sъvěťz*), *smead* > диал. *smad* (< сл. *smědz*), *vac* > диал. *vac* (< сл. *věkz*) и т.п. Ср. и топонимические названия *Breastovăț > *Brastavăț* (< сл. *Brěstovьcъ*), *Breazova*, (< сл. *Brězova*), *Pleașov* (< сл. *Plěšovъ*), *Predeal* (< сл. *Prědělъ*), *Smeadovița > *Smadovița* (< *Smědovica*)⁸⁵ и т.п. В этот же период вошли из славянского в румынский язык слова, в которых e и o находились перед *ă*, e в румын

⁸³ Iorgu Iordan, *Diftongarea lui e și o accentuați în pozițiile ă, e*, Яссы 1920, стр. 35.

⁸⁴ По Л. В. Щербе (указ. раб., стр. 89), переходный гласный e между русскими палатализованными согласными и последующим a равен примерно 5 сотых секунды. Коллектив фонетического отдела Бухарестского института языкознания нашел, что переходные e и o в румынских «дифтонгах» ea, oa равняются, в среднем, 5 сотых секунды (SCL, VI—1955, стр. 195; VIII — 1957, стр. 353-354).

⁸⁵ Формы *pag*, *sfat*, *smad*, *vac*, *Brastavăț*, *Smadovița* представляют обычную в румынском языке депалатализацию палатализованных губных и /r'/ (r дизонтый).

ских формах, напр. *gleznă* (< сл. *gleznъ*), *greblă* (< сл. *greblo*), *cobe* (< сл. *kobъ*), **mol'e* < *molie* (< сл. *molъ*), **os'e* > *osie* (< сл. *osъ*), *slovă*, мн. *slove* (< сл. *slovo*) и т.п. Чередования [e]: [ea], [o]: [°a] уже не были обусловлены фонетически.

Таким образом, нельзя утверждать — как это делает Л. Тамаш⁸⁶ — что [°a] в форме *toată* (при сравнении с формой *tot*) обусловлено существованию *ă* в следующем слоге. Это не соответствует даже для общерумынского языка, после включения таких славянских элементов, как вышеуказанные; тем более, это не соответствует для современной стадии развития румынского языка, когда можно произносить, с одной стороны *bonă*, *noră*, *robă*, *slovă*, *sobă*, *soră*, *tobă* и т.п. а с другой стороны *dour*, *încoa*, *groaznic*, *poa-să* = *poate să* 'может', *frumoaso*, *ochioaso* и т.п. с [°a], за которым не следует *ă*, е. Чередование «гласный среднего подъема ~ гласный нижнего подъема», т.е. [e] ~ [a], [e] ~ [°a], [ə] ~ [a]; [o] ~ [°a]; [üo] ~ [üa] (*veri* ~ *vară*, *seri* ~ *seară*, *țări* ~ *țară*, *mori* ~ *moară*, *ciori* ~ *cioară*), стало фоно-морфологическим средством. В вышеуказанных примерах гласные среднего подъема являются показателями мн. числа, а гласные нижнего подъема — ед. числа⁸⁷). Само собой разумеется, что ед. дисло отличается от мн. числа и чередованиями «двезный согласный (мн. ч.) ~ недвезный согласный (ед. ч.)», т.е. /r'/ ~ /r/ и «ноль ~ конечное /ə/». В заимствованных словах или в тех, в которых окончание -/ə/ (-ă) заменило, в результате давления морфологической системы, окончание -и превратившееся в ноль звука, различие между разными грамматическими формами осуществлялось без чередования «гласный нижнего подъема ~ гласный среднего подъема». Перед *ă* не всегда появляется *ea* (а), *oa*: *conferă*, *greblă*, *secretă*, *seră*, *adoră*, *slovă*, *sobă*, *soră* (< *sor* < *soru* < лат. *soror*) и т.п. Однако, давление морфологической (фоно-морфологической) системы достаточно сильно и в современном языке, настолько, что вышеуказанное чередование проявляется и в новых заимствованиях (ср. *baloane* — *balon*, *boală* — *boli*, *capoate* — *capot*, *ceată* — *cete*, *coasă* — *cosaș*, диал. *gleaznă* — *glezne*, *otoară* — *otor*, *provoacă* — *provoci*). В формах *baloane*, *capoate*, *provoacă*, вариант [°a] гласного /a/ на месте *o* появился не под влиянием *ă*, с следующего слога, а в результате применения чередования с морфологической функцией «[°a] ~ [o]». Также в форме *toată* и иных подобных в общерумынском языке периода после появления тембровой корреляции согласных и в современном румынском языке [°a] и, тем более, /t°/ не обусловлены последующим *ă*⁸⁸.

2. ФОНЕТИЧЕСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ ГЛАСНЫХ [ə, e, o, ö] и [y, i, u, ü]

Как можно было бы ожидать, в результате устройства полости рта, варианты гласного среднего подъема не сблизились в фонетическом отношении в той же мере, в которой это случилось с гласными нижнего подъема. Расстояние между [e] и [o] намного больше, чем расстояние между [ä]

⁸⁶ *SCL*, VII—1956, стр. 188.

⁸⁷ См. выше, стр. 25 и след.

⁸⁸ Lajos Tamás (*SCL*, VII стр. 188) считает, что и округленный *t* в форме *toată* (t°atə/) обусловлен следующим /ə/ (ă). По его мнению, в форме *tot* начальное *t* не округлено, следовательно в *tot* — *toată*, если допустить существование округленных согласных только перед *a*, мы имели бы в начальном положении противопоставление [t] — [t°], а [t°] обусловлен конечным *ă*. Но начальный *t* в *tot* также округлен, что и начальный *t* в *toată*: различие между двумя формами реализуется противопоставлением *o* — /a/ и /ноль/ — /ə/ (ă). В современном румынском языке *a* на месте *o* не обусловлен следующим *ă*, ибо в многочисленных формах типа *noră*, *robă*, *sobă*, *soră* и т.п. *o* не переходит в *a*.

и [ä]. Вспомним четырехугольник Джонса, в котором нижняя сторона, где помещены гласные нижнего подъема, короче стороны гласных верхнего подъема⁸⁹. Что касается гласных среднего подъема, в разных говорах наблюдается фонетическое сближение, в большей или меньшей мере. Так, [ö] очень близок в фонетическом отношении к [o] во всех говорах. Только внимательные фонетисты могут наблюдать наличие [ö] в таком диалектным слове, как [kʰupʰtʰoʊorʰoʊ]⁹⁰, который произносится с [ö], довольно близким к [o].

Но ä, e, o представляют во многих говорах тембр [ə] с предшествующим согласным, имеющим различные тембры. Больше всего эти гласные варианты близки в мегленорумынском диалекте (говор села Люмница), где любые ударные e и o появляются в виде [iä] и [uä] (в самом деле [ə] с предшествующим диезным или бемольным согласным)⁹¹. Подобные звуки отмечены и в *ALR* для дакорумынских говоров⁹². В особенности e после палатальных согласных или гласных с сильным палатальным тембром — либо диезных либо ставших, в результате переходного смягчения, настоящими среднеязычными согласными — обычно транскрибируется [ě], а в *ALR I* часто [ä]⁹³.

Вообще же нельзя говорить о фонетическом совпадении вариантов [ə, e, o], как в случае вариантов [a, ä, ă]. Тем больше, такого совпадения нет в случае вариантов [y, i, u], хотя и в этом случае можно слышать в разных народных говорах, в особенности в Молдове, произношение i или u близкие к [y], с предшествующим диезным или бемольным согласным, напр. [pʰyldə], [tʰiç kʰyɫç] вместо *pildă, te culci*. Но тот факт, что варианты гласной фонемы не совпадают в фонетическом отношении, не свидетельствует ещё о том, что предшествующие согласные не стали самостоятельными фонемами с разными фонологическими тембрами, как утверждает А. Аврам. По его мнению, только в том случае можно говорить о появлении согласных с собственным фонологическим тембром, если гласные, ставшие позиционными

⁸⁹ D. J o n e s, *Das System der Association Phonétique Internationale (Weltlautschriftverein)*, «Lautzeichen und ihre Anwendung in verschiedenen Sprachgebieten», von Fachgelehrten zusammengestellt unter Schriftleitung von M. Hepppe, Берлин 1928, стр. 21 и след.

⁹⁰ В фонетической транскрипции «Атласа румынского языка» (*ALR*) [cʰupʰtʰoʊorʰ]^{i iu} = *cuptor* 'печь'. Поскольку все слово, сначала до конца, произносится с округленными губами, два i после t и r не могли не быть округленными. Поэтому в более точной фонетической транскрипции следовало бы писать вместо переходного i знак ü т.е. i округленное: см. выше, прим. 29.

⁹¹ C a r i d a n, *Meglenoromîniî*, I, §§ 13, 50.

⁹² P e t r o v i c i, *Cons. dure şi moi*, стр. 207 и след.; его же, *Cons. rot şi nerot.*, стр. 176.

⁹³ Например, Ссвер Поп обозначает e в слове *piert* в виде [ä] или [ě] и очень редко [e]. См. *ALR I*, том I, карта 39.

вариантами, совпали в фонетико-акустическом отношении⁹⁴. Наблюдения над вокализмом языков с тембровой корреляцией согласных и с системой гласных, имеющей небольшое число фонем, или даже с линейной фонетической системой не подтверждают этот тезис. Гласные фонемы обычно реализуются в этих языках в виде вариантов, довольно отдаленных друг от друга в акустико-моторном отношении⁹⁵. Что касается комбинаторных вариантов гласных фонем, следует отметить, что они рифмуют между собой. Мы указали в другой работе, что у Эминеску рифмуют варианты *a—ea—oa—ioa*, *ă—e*, *i—î*.⁹⁶ В народной поэзии рифмуют также *o* с *ă-e*, и *u* с *i-î*, напр. *scol — spăl*, *luncă — adîncă*.⁹⁷ Сам Эминеску прибегал иногда к таким рифмам, как *gînd — fund*, *mînă — brună*.⁹⁸ *plînge — ajunge*⁹⁹. Подобные рифмы доказывают, что народные говоры, точнее часть их, до сих пор сохранили линейную систему гласных общерумынского языка, в котором *ă* [ə], *o*, *e* и *i* [y], *î*, *u* представляли по одной гласной фонеме¹⁰⁰.

ХІІІ. ЯВЛЕНИЯ ГАРМОНИИ СОГЛАСНЫХ В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

После того, как тембровые различия согласных стали фонологическими, а тембр гласных был обусловлен предшествующим согласным, наблюдается влияние конечных согласных основы на другие согласные данного слова, в том смысле, что все согласные слова стремятся представлять тот же тембр — палатальный или велярный. Поскольку тембр гласных обусловлен предшествующими согласными, в словах и формах имеющих согласные с палатальным или велярным тембром, гласные будут представлять варианты с палатальным или велярным тембром. Считая, что тембр гласных является фонологически существенным, а тембр согласных несущественным, некоторые лингвисты данное явление называли гармонией гласных¹⁰¹. На самом деле — это гармония согласных, ибо появилась в результате ассимиляции на расстоянии между согласными разных тембров. Приведем пример явления гармонии согласных: латинские формы **melu*, ед. ч — **meli*, мн.

⁹⁴ A. A v r a m, *SCL*, VIII, стр. 57.

⁹⁵ Ср. T r u b e t z k o y, *Grundzüge*, стр. 87 и след. (*Principes*, стр. 102 и след.); M a r t i n e t, *Économie*, стр. 119.

⁹⁶ P e t r o v i c i, *Rimele*, стр. 9 и след.

⁹⁷ G. D e m. T e o d o r e s c u, *Poesii populare romine*, Бухарест 1885, стр. 331-352.

⁹⁸ M. E m i n e s c u, *Opere*, IV, *Poezii postume*, Бухарест 1952, стр. 153.

⁹⁹ M. E m i n e s c u, *Opere complete*, I, *Literatura populară, Scrisori inedite*, Бухарест 1902, стр. 130.

¹⁰⁰ Относительно роли фонем, а не звуков, как акустических явлений, в стихосложении, см. J. M u k a ř o v s k ý, *La phonologie et la poétique*, *TCLP*, 4, 1931, стр. 283; R. J a k o b s o n, *Über den Versbau der serbo-kroatischen Volksepen*, «Proceedings of the International Congress of Phonetic Sciences», оттиск из «Archives Néerlandaises de Phonétique Expérimentale», t VIII—IX, 1933, стр. 44.

¹⁰¹ Ср. S. P u ș c a r i u, *Limba română*, I. *Privire generală*, Бухарест 1940, стр. 66.

ч., стали сначала [m̥ɐu] — [m̥ɐi] а потом, в результате группового сингармонизма [m'ɐr°u] — [m'ɐr'i]. После падения конечных гласных *u* и *i* появились бемольные согласные фонемы (ставшие в большинстве говоров нейтральными) и дизные согласные фонемы /r°/, /r/, /r'/: [m'ɐr°], [m'ɐr] — [m'ɐr']. Эти односложные формы были общерумынскими, ибо все четыре диалекта представляют падение конечных гласных *u* и *i* (за исключением случаев, когда им предшествовали группы согласных). В дакорумынском диалекте можно наблюдать почти всеобщую депалатализацию губных согласных /p'/, /b'/, /m'/, /f'/, /v'/ (в конечном положении палатальный тембр никогда не исчезал). После депалатализированных согласных варианты гласных с палатальным тембром были автоматически заменены вариантами с велярным тембром: [ᵉa], [e], [i] стали [a], [ɔ], [y], напр.]bᵉatə], [b'atə], (< лат. *vitta*) > /batə/, [fᵉatə], [f'atə] > /fatə/, [mᵉasə], [m'asə] > /masə/, [p'ɐr°] > /pər°/, [m'ɐrg°] > диал. /mərg°/, [b'ewut°] > /bəwut°/, [f'in°] > /fyn°/, [v'ind°] > /vynd°/, [b'ind°] > /bynd°/. Форма ед. ч. [m'ɐr°], [m'ɐr] стала также /mər°/, /mər/. Но в результате ассимилятивного воздействия конечного /r'/ на начальное /m'/, форма мн. ч. осталась и в дальнейшем /m'ɐr'/. В работах по исторической фонетике румынского языка говорится о воздействии конечного *i* на *e* основы, который уже не превратился в *ä* после губного. Но в период депалатализации губных конечное *i* уже исчез. Что касается гласного *e*, то его тембр не результат воздействия *i* следующего слога (которого уже не существовало; в то время, слово было односложным), а результат воздействия предшествующего дизного согласного. Таким образом появились формы, как /f'ec'/, /ynv'ec'/, /p'ɐr'/, /v'ɐr'/, /v'ez'/, /v'inz'/, которые были противопоставлены формам /fət°/, /ynvəs°/, /pər°/, /vər°/, /vəz°/, /vəd°/, /vynd°/, /vynz°/. Это явление имело место и в случае других согласных, не только губных, и в многосложных словах: /tynər°/ — /t'in'ɐr'/, /sətmynsə/ — /s'em'inc'e/.

Поскольку в большинстве случаев согласные, которые сближают свой тембр, принадлежат разным слогам¹⁰², это явление можно назвать межслоговым сингармонизмом. Его можно назвать также гармонией согласных, поскольку речь идет о сближении тембра — велярного или палатального — согласных¹⁰³.

Следует отметить, что непалатализованные и палатализованные согласные фонемы служат показателями разных грамматических форм, напр. ед. ч. и мн. ч. существительных и прилагательных ([bəs — b'ec'e, fət — f'ec', fatə — f'et'e, masə — m'es'e, mər — m'ɐr', parə — p'ɐr'e, pər — p'ɐr', varə — v'ɐr', vər — v'ɐr', vynət — v'in'ec', vynətə — v'in'et'e] и т.п. или

¹⁰² Ср. [batə—b'et'e, facə—f'ec'e, masə—m'es'e, n'evastə—n'ev'es't'e, patə—p'et'e, varə — v'ɐr'e, vynət — v'in'ec', vynətə — v'in'et'e] и т.п.

¹⁰³ Относительно гармонии согласных в румынском языке, см. Petrović, *Cons. dure și moi*, стр. 203 и след.

1 л. и 2 л. ед. ч. наст. вр. изъявит. и сослагат. наклонения ([arəg — ar'er', arəs — ar'eš', karət — kar'es', ymbət — ymb'es', ynvəs — ynv'es', s'amən — s'em'en', sufər — suf'er'] и т. п.

Конечный согласный, определивший сингармонизм согласных, во многих говорах потерял свой палатальный тембр. Эта поздняя депалатализация некоторых конечных согласных не привела, как правило, к депалатализации других согласных данного слова. В такой форме как [v'ez'] конечный /z'/ воспрепятствовал депалатализации /v'/: ср. формы [vəd] или [vəz] в некоторых говорах [vəd°], [vəz°], [vadə], [vəzut], но в форме /v'ez/, обычной для большинства говоров¹⁰⁴, не произошла депалатализация палатализованных губных согласных¹⁰⁵. Депалатализация может распространяться на весь конечный слог, начинающийся с /c/ (t) или другим согласным не поддающимся палатализации, в то время как предшествующий слог сохраняет свой палатальный тембр. Так [b'es'e], [f'es'e], [ar'es'e], [ynv'es'e] и т.п. становятся диалектально [ar'csə], [ynv'csə] без депалатализации /p'/ /b'/, /f'/ или /v'/ (ср. формы [arəs], [bəs], [facə] [ynvəs]). Это явление объясняется таким образом: чередование «непалатализованные согласные ~ палатализованные согласные» стало морфологическим средством. Мн. ч. [b'es'e] (*bețe*) отличается от ед. ч. [bəs] (*băt*) противопоставлением /b'/ — /b/, [e] — [ə],¹⁰⁶ /c'/ — /c/ и [ноль] — [e]. Под давлением морфологической системы противопоставление /b'/ — /b/ (также [e] — [ə], обусловленное тем же противопоставлением) сохраняется и в случае, если противопоставление /c'/ — /c/ невозможно в тех говорах, где отсутствует фонема /c'/. Под влиянием /c/ второго слога появляется вариант [ə]. Между тем, сама форма [f'es'e] (*fețe*) — на месте более старой формы [fac'e] (< нар. лат. *faciae* классич. лат. *facies*) — обязана давлению системы, требующей чередования [a] — [e], ср. [batə] — [b'et'e], [fatə] — [f'et'e], [masə] — [m'es'e] и т.п., где чередование [a] — [e] объясняется фонетическим развитием.

Однако, иногда депалатализация распространяется и на палатализованные согласные других слогов, после депалатализации палатализованного согласного конечного слога. Так, форма мн. ч. [s'em'inc'e] (*semințe*), противопоставляемой форме ед. ч. [semuncə] (*sămînță*) стала в большинстве дакорумынских говоров одинаковой с формой ед. ч. В этих говорах нет фонем /s'/, /c'/ и поэтому форма мн. ч. должна была быть [səm'incə],

¹⁰⁴ Палатализованная фонема [z'] встречается только в Мунтении (без Олтении), в Добрудже и, на небольшом ареале, в Западных Карпатах (Munții Apuseni).

¹⁰⁵ В том же положении находятся и диалектальные формы [ar'eš'], [kar'ec], [d'esf'ec], [f'ec], [ymb'es'], [ynv'es'], [rəs'ec] и т.п. по сравнению с [arəs], [karət], [d'esfət], [fət], [ymbət], [ynvəs], [rəsəc].

¹⁰⁶ Противопоставление [e] — [ə] обусловлено: после палатализованного согласного появляется [e], после непалатализованного — [ə].

но [m'i] не могла сохраняться между двумя непалатализованными слогами и стало [my]. (Естественно, и в случае [i] — [y], как и в случае [e] — [ə], здесь налицо чередование, обусловленное предшествующим палатализованным или непалатализованным согласным).

XIV. ВЫВОДЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Если принять во внимание влияние на фонетику общерумынского языка, можно заключить, что южнославянские диалекты представляли в эпоху, непосредственно предшествующую исчезновению слабых редуцированных, легкую палатализацию (полумягкость) согласных, за которыми следовали передние гласные (*i*, *ь*, *e*, *ě*, *ę*). Вероятно, эта палатализация была той же степени, что и палатализация, встречающаяся во многих современных румынских и болгарских говорах. Сочетание *te* произносится в этих говорах с *t*, имеющим тембр *i*, что ведет к произношению *e* как дифтонгоида: [tⁱe]. Эта палатализация существенным образом отличается от русской и, в особенности, от польской палатализации, в результате которой *t* сильно изменяет свою артикуляцию. Окраска *i* согласного в указанных болгарских и румынских говорах является лишь повышением его тона, а не переходным смягчением. Подобное повышение тона согласных, за которыми следуют передние гласные, следует предполагать также для южнославянских говоров и общерумынского в период, непосредственно предшествовавший исчезновению слабых редуцированных в славянских диалектах и конечных *и*, *i* в румынском.

Архаичный этап палатализации [tⁱe] сохранился до настоящего времени во многих болгарских и румынских говорах. Но, как правило, другие говоры представляют развитие этого этапа в двух направлениях. С одной стороны, в результате переходного смягчения [tⁱe] стало [t'e] (с [t'], близким к [t'] русского литературного языка или словацкого языка) или даже [če] (с [č], близким к сербо-хорватской аффрикате č). С другой стороны, палатальный тембр согласного понизился от *i* к *e* до полного совпадения с последующим *e*: [tⁱe] стало [t^ee], потом [te], как в болгарском или румынском литературном произношении. Поэтому, в болгарском и румынском литературных языках повышение тона согласного встречается только перед /a/, /o/, /u/, в болгарском языке также перед ъ [ə]: ср. бг. [t^eah] или [tⁱah] = *тях*, [pətⁱe] = *пътя*, рум. [Kost^ea] = личное имя *Costea*, [kost^eo] = *Costeo!* (зват. форма), [bukureštⁱul] = *Bucureștiul*.

Чтобы объяснить совпадение ударного *o* и *a* в общерумынском, не обязательно ставить это явление в связи с совпадением *ō и *ā в общеславянском.¹⁰⁷) Фонологическое изменение сочетания (*to*), произнесенного [t^oo],

¹⁰⁷ Ср. André Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, I, *Phonétique*, Лион-Париж 1950, стр. 114 и след.; Petrović, *Cons. rot. și nerot.*, стр. 181; его же, *Slav. Einfluss.*, стр. 120 и след.; его же, *Influența slavă*, стр. 19; его же, *Phonem-system*, p. 39.

в [t°a] объясняется появлением бемольных согласных фонем, в результате падения конечного *u* и переходом к согласному различительной функции в сингармоническом сочетании [t°o]. Это привело к фонологическому, а потом и фонетическому сближению [o] и [a] в эпоху, не слишком отдаленную, так как падение конечных *u*, *i* в румынском и слабых редуцированных в южнославянском произошло, примерно, начиная с XI в.

Хотя фонологическое развитие в румынском и восточно-южнославянском было параллельным, в румынском появились округленные согласные, а в славянском нет, что объясняется существованием, в более древнюю эпоху общерумынского, вариантов [o] и [o] ([ǫ]), которые передали предшествующему согласному свою лабиализацию. В славянском тенденция к дебиализации действовала в более отдаленную эпоху; *ō, *ū, *u давно стали *a*, *y*, *ъ*, а *o совпал с *a в гласный, лабиальность которого была очень слабой и фонологически не была существенной¹⁰⁸), таким образом, что при падении слабых редуцированных не могли появляться, как в румынском, округленные согласные. Поэтому, сохранение фонологического значения лабиализации согласных (или, что одно и то же, « дифтонга » *oa*) нельзя считать подобного рода славянским архаизмом в румынском языке, как я допускал в другой моей статье.¹⁰⁹

Если в общеславянском и были лабиовеляризованные согласные, за которыми следовало *ʷa* (А. Вайан передает это сочетание посредством *oa*), как предполагает А. Мартине,¹¹⁰ то это было в более отдаленную эпоху, чем период первого контакта восточнороманского и славянского, который начался в VI в.

Фонологическое и фонетическое совпадение румынского *ε* и славянского *ě* после дизного (полумягкого) согласного с *a*¹¹¹ произошло, как в общерумынском, так и в восточно-южнославянском одновременно, то есть в период падения конечных *u*, *i* в румынском и слабых редуцированных в южнославянском, приблизительно в XI веке.

---

¹⁰⁸ См. Mareš, « Slavia », XXV, стр. 445.

¹⁰⁹ См. Petrovici, *Interpénétration d'une phonologie slave et d'une morphologie romane*, « Mélanges linguistiques, publiés à l'occasion du VIII Congrès international des linguistes à Oslo, du 5 au 9 août 1957 », Бухарест 1957, стр. 85.

¹¹⁰ Martinet, *Économie*, стр. 359, прим. 39, и стр. 362.

¹¹¹ Речь идет здесь не об общеславянском переходе *ě* (< *ē) в *a* после палатальных согласных (ср. *stojěti > *stojati*), а о южнославянском (болгарском) явлении, согласно которому *ě* с предшествующим непалатальным, но палатализованным согласным, перешел в *a*: напр. ст. болг. *d'ělъ* > н. бг. [d'al].

- Bourciez, *Éléments* = Édouard Bourciez, *Éléments de linguistique romane*, 4e éd., Париж 1946.
- Candrea, *Psaltirea* = I.-A. Candrea, *Psaltirea Scheiană*, I-II, Бухарест 1916.
- Candrea-Densusianu, *Dicț. etim.* = I.-A. Candrea-Ov. Densusianu, *Dicționarul etimologic al limbii române, Elementele latine*, Бухарест 1907.
- Capidan, *Aromânii* = Th. Capidan, *Aromânii, Dialectul aromân, Studiu lingvistic*, Бухарест 1932.
- CL = «Cercetări de lingvistică», (Academia R.P.R., Filiala Cluj, Institutul de lingvistică), Клуж, I (1957).
- Densusianu, *Histoire* = O. Densusianu, *Histoire de la langue roumaine*, I-II, Париж 1901-1938.
- Gramatica l. române* = *Gramatica limbii române*, I-II, Ed. Academiei R.P.R., 1954.
- Якобсон, *К характеристике* = Р. О. Якобсон, *К характеристике евразийского языкового союза*, Париж 1931.
- Jakobson, *Phonol. Sprachbünde* = R. Jakobson, *Über die phonologischen Sprachbünde*, TCLP, 4, Прага 1931.
- Jakobson, *Remarques* = Roman Jakobson, *Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves*, TCLP, 2, Прага 1929.
- Jakobson-Halle, *Fundamentals* = Roman Jakobson and Morris Halle, *Fundamentals of Language*, Гаара 1956.
- Lombard, *Prononciation* = Alf Lombard, *La prononciation du roumain*, Упсала 1935.
- Lunt, *Phonemic Palatalization* = Horace G. Lunt, *On the Origins of Phonemic Palatalization in Slavic*, «For Roman Jakobson», Гаара 1956.
- Martinet, *Économie* = André Martinet, *Économie des changements phonétiques, Traité de phonologie diachronique*, Берн 1955.
- Martinet, *Syllabes ouvertes* = A. Martinet, *Langues à syllabes ouvertes: le cas du slave commun*, «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 6 (1952), стр. 145 и след.
- Meyer-Lübke, *Grammaire* = W. Meyer-Lübke, *Grammaire des langues romanes*, I-IV, Париж 1890-1906.
- Meyer-Lübke, *Rom. Lautlehre* = W. Meyer-Lübke, *Romanische Lautlehre*, Лейпциг 1890.
- Petrovici, *Cons. dure și moi* = Emil Petrovici, *Corelația de timbru a consoanelor dure și moi în limba română*, SCL, I (1950), стр. 172 и след.
- Petrovici, *Cons. rot, și nerot.* = Corelația de timbru a consoanelor rotunjite și nerotunjite în limba română, SCL, III (1952), стр. 127 и след.
- Petrovici, *Echivalența* = E. Petrovici, *Echivalența morfologică a variantelor fonemelor vocalice românești*, CL, I (1956), стр. 11 и след.
- Petrovici, *Egy magy. hangt. sajtáság.* = E. Petrovici, *Egy magyar hangtani sajtáság tükröződése a román nyelv magyar kölcsönszávaiban*, отиск из «Magyar Nyelv», III (1956), стр. 6 и след.
- Petrovici, *Influența slavă* = E. Petrovici, *Influența slavă asupra sistemului fonemelor limbii române*, Бухарест 1956.
- Petrovici, *O particularitate* = E. Petrovici *O particularitate a fonetismului maghiar oglindită în elementele maghiare ale limbii române*, «Studii și cercetări științifice», Academia R.P.R., Filiala Cluj, V (1954), стр. 439 и след.

- P e t r o v i c i, *Phonemsystem* = E. P e t r o v i c i, *Kann das Phonemsystem einer Sprache durch fremden Einfluss umgestaltet werden? Zum slavischen Einfluss auf das rumänische Lautsystem*, Gaara 1957 (« Janua Linguarum », nr. III).
- P e t r o v i c i, *Rimele* = E. P e t r o v i c i *Rimele românești din punct de vedere fonologic*, отиск из сборника « Limbă și literatură », изд. Societatea de științe istorice și filologice din R.P.R., 1955.
- P e t r o v i c i, *Slav. Einfluss* = E. P e t r o v i c i, *Zum slavischen Einfluss auf das rumänische Laut- und Phonemsystem*, « Vorträge auf der Berliner Slavistentagung (11—13 November 1954) », Берлин 1956.
- R o s e t t i, *Influența* = A l. R o s e t t i, *Influența limbilor slave meridionale asupra limbii române* (sec. VI-XII), Ed. Academiei R.P.R., 1954.
- R o s e t t i, *Istoria, II* = A l. R o s e t t i, *Istoria limbii române, II. Limbile balcanice*, Бухапест 1938.
- R o s e t t i, *Istoria IV* = A l. R o s e t t i, *Istoria limbii române, IV, Româna comună*, Бухапест 1941.
- R o s e t t i, *Limba rom. sec. XIII-XVI* = A l. R o s e t t i, *Limba română în secolele al XIII-lea — al XVI-lea*, Ed. Academiei R.P.R., Бухапест 1956.
- SCL = « Studii și cercetări lingvistice », Бухапест.
- TCLP = « Travaux du Cercle Linguistique de Prague ».
- T r o u b e t z k o y, *Principes* = N. S. T r o u b e t z k o y, *Principes de phonologie*, Париж 1949.
- T r u b e t z k o y, *Grundzüge* = N. S. T r u b e t z k o y, *Grundzüge der Phonologie*, TCLP, VII, Прага 1939.

Екатерина Фодор

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Сложившись на базе категории одушевленности, категория персональности стала одной из характерных особенностей грамматического строя западных славянских языков¹. Однако, в каждом из них она имеет свои специфические особенности, свой предел распространения. Наиболее широкое распространение она получила в польском языке.

Проблема становления категории персональности является одной из интереснейших проблем польского языкознания. Естественно, что она привлекала и привлекает к себе внимание исследователей.

Не касаясь всей истории изучения данного вопроса в Польше и за рубежом, нельзя не упомянуть значительные труды последних лет, и в первую очередь действительного члена Польской Академии Наук Г. Граппена «*Histoire de la flexion du nom en polonais*», Wrocław 1956, стр. 312, «*Le noms de nombre en polonais*» Kraków, 1950, стр. 166. Как свидетельствуют уже сами названия, оба исследования посвящены более широкой проблеме. Вопрос категории персональности имен существительных и числительных в них освещается попутно. Количество работ, целиком посвященных данной категории в польском языке, невелико.

До сих пор остается неясным, как следует рассматривать это грамматическое явление: то ли как категорию грамматического рода, то ли как особую форму внутри грамматического рода, то ли как категорию лица и

---

¹ Из неславянских языков категория персональности (по терминологии румынских языковедов — *gen personal* — личный род) характерна для румынского языка. (См. С. R a c o v i ț ă. *Sur le genre personnel en roumain*. «*Bulletin Linguistique*», VIII, (1940); A. G r a u r *Contributions à l'étude du genre personnel en roumain*, «*Bulletin Linguistique*», VIII, (1940) и другие). Правда, некоторые пытаются опровергнуть ее наличие в румынском языке (см. E. S e i d e l. *Gibt es ein Genus personale?* «*Bulletin Linguistique*», XVI, 1948).

не-лица в пределах грамматической категории одушевленности и неодушевленности и т.д.

В связи с различием в его понимании существует разнобой и в терминологии. Большинство исследователей (Т. Лер-Сплавинский, Р. Кубиньский, Й. Лось, К. Джевецкий, К. Раковицэ и др.)² употребляют термины лично-мужской или личный род, противопоставляя ему женско-вещный или неличный род³.

Другие дают термин личная-мужчинская или лично-мужские формы (Л. М. Селищев и автор статьи «Польский язык» в БСЭ)⁴. У меньшинства исследователей находим термин категория лица (С. Б. Бернштейн, Н. А. Кондрашов и др.)⁵.

Такой разнобой в терминологии обусловлен не только различием в понимании данной проблемы в пределах польского языка, но и недостаточной изученностью специфических особенностей категории персональности (по другой терминологии категории лица) в каждом из славянских языков.

Нельзя не согласиться с трактовкой Н. А. Кондрашова⁶ категории лица в словацком языке, с его общими теоретическими установками в этом направлении. И все же мы предпочли дать параллельный термин — персональность — во избежание напрашивающихся аналогий с категорией лица, например, в русском языке.

Термины категории лица и не-лица у А. А. Шахматова⁷ и вслед за ним у В. В. Виноградова⁸ обозначают грамматические явления), возникшие в иных исторических условиях, нежели категория персональности и неперсональности⁹.

---

² T. L e h r - S p ł a w i ń s k i i R. K u b i ń s k i. *Gramatyka języka polskiego*. Wrocław, 1952, s. 55; J. Ł o ś. *Gramatyka polska*. Cz. III, 1927, s. 45; K. D r z e w i e c k i. *Le genre personnel dans la declinaison polonaise*. Paris, 1918; C. R a c o v i ț ă. *Sur le genre personnel en roumain*. «Bulletin Linguistique», VIII, 1940.

³ Ср. у Г. Г р а п п е н а: «Sous-genre anime» и «sous-genre personnel» H. G r a p p i n. *Histoire de la flexion du nome en polonais*, стр. 110, 114.

⁴ Л. М. С е л и щ е в. *Славянское языкознание*. Т. I, М. 1941, стр. 292, БСЭ, 2 изд. Т. 33, стр. 662.

⁵ С. Б. Б е р н ш т е й н. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. Краткие сообщения института Славяноведения АН СССР, вып. 18, М. 1956, стр. 15. Н. А. К о н д р а ш о в. *Славянские языки*. М. 1956, стр. 63.

⁶ Н. А. К о н д р а ш о в. *Категория личности имен существительных в словацком языке*. «Славянская филология», вып. II, 1954.

⁷ А. А. Ш а х м а т о в. *Очерки современного русского языка*. Сборник «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку». М. 1952, стр. 146.

⁸ В. В. В и н о г р а д о в. *Русский язык*. М. 1947, стр. 88.

⁹ Если иметь в виду, что под категорию «не-лица» и «неперсональности» подводятся и имена, обозначающие существа женского пола, играющие также активную роль в жизни общества в наше время, то термин «лицо», «не-лицо», «персональность»,

« По своему происхождению, — пишет А. А. Шахматов, — она (категория лица и не-лица — Е.Ф.) древнее категории одушевленности и неодушевленности; это видно из того, что в словах на — а — мужского рода находим только имена лиц, а не животных (ср. позднейшее распространение мужского рода на слово «собака» в украинском и белорусском); сопоставьте с этим и то, что в местоимениях личных и вопросительных категория лица имела исконно выражение.

В современном языке категория лица имеет ограниченный круг распространения, расширившись (например, в употреблении родительного вместо винительного) в категорию одушевленности и неодушевленности »¹⁰.

В. В. Виноградов указывает, что в современном русском языке категория лиц мужского рода обнаруживается в именительном падеже единственного и множественного числа. Она находит выражение в субстантивации имен прилагательных мужского рода, в формах словообразования. А. А. Шахматов дополнительно отмечает ее наличие в именах числительных типа двое, трое. Если в современном русском языке категория лица имеет «ограниченный круг распространения», то в современном польском языке категория персональности пронизывает весь грамматический строй языка. И не только условия существования первой и второй отличны друг от друга, но и причины их возникновения. Академик А. А. Шахматов считает, что категория лица выделилась из общего значения предметности под влиянием местоимений.

Формирование категории персональности в польском языке относится к значительно более позднему периоду; оно не было связано с процессом выделения лица из общего значения предметности, являвшимся к этому времени в польском языке, как и в русском, как и в других славянских языках уже пройденным этапом. Категория персональности выделилась не из общего представления о предметности, а из общего представления об одушевленном, живом мире.

Появление категории одушевленности, растворившей в себе категорию лица, относят к периоду ранних древнерусских памятников письменности. Сочетания типа «чтъжъ стѣца моего» или зѣклахъ слѣпца, къзърѣ на Петра находим уже в «Остромировом евангелии» и «Мариинском евангелии»¹¹.

Категория одушевленности утвердилась в польском языке раньше категории персональности. Смещение форм родительного-винительного и вини-

---

«неперсональность» следует рассматривать как относительно удачно выбранные исследователями. На «мифологичность» терминов «лица», «не-лица», «одушевленности», «неодушевленности» указывает и акад. В. В. Виноградов (см. «Русский язык», стр. 89).

¹⁰ А. А. Шахматов. Там же, стр. 146.

¹¹ См. П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка, М. 1954, стр. 164.

тельного в единственном числе у существительных одушевленных мужского рода с превалированием в употреблении форм родительного-винительного характерно уже для ранних памятников письменности. Раньше форму родительного-винительного падежа приняли существительные, обозначающие лиц мужского пола, поскольку в первую очередь нужно было отграничить действующее лицо от объекта действия. Медленнее осуществлялся этот процесс у существительных одушевленных, обозначающих животных. Например, *Świętosław wjął koń i chłopa, jakom dał Abramowi żrzebiec* и т.д.

Однако, к 16 веку выражения типа «*wsiadaj na swój koń*», «*na dziki zwierz*» и подобные им становятся уже традиционными и используются писателями в определенных стилистических целях. Ни категория одушевленности, ни категория персональности в польском языке не проявили тенденции раствориться одна в другой.

Категорию персональности принято считать установленной в языке с XVIII века. Она оформилась под влиянием тенденции выделить во множественном числе в отдельную группу слова мужского рода, обозначающие лиц, играющих активную социальную роль. В этих целях были использованы морфологические средства различения и синтаксические. Нельзя отрицать, что в содержании категории лица и категории персональности есть общая черта: и в русском языке, и в польском с ними связывается, в первую очередь, представление о лице, об его активной социальной роли.

Принципиальное возражение вызывает термин мужеско-личный род и женско-вещный род. В связи с этим читаем у академика Т. Лер-Сплавинского и Р. Кубиньского в их «Грамматике польского языка».

«... во множественном числе существует только два рода: первый из них имеют существительные, обозначающие существа мужского пола (*osoby męskie*), — это мужеско-личный род (*męsko-osobowy*); второй имеют все остальные существительные, независимо от того, какого рода они были в единственном числе — мужского, женского или среднего. Это род, который можно было бы назвать женско-вещным (*żeńsko-rzeczowy*)¹². Категория грамматического рода рассматривается ими с точки зрения формально-синтаксической. Так, в частности, по поводу двух выше названных родов авторы замечают: «... во множественном числе есть только два рода. Мы об этом узнаем только по форме добавляемых прилагательных и местоимений»¹³.

---

¹² Т. L e h r - S p ł a w i ń s k i i Р. K u b i ń s k i. Указан. работа, стр. 55.

¹³ Там же.

Сравним у Й. Лося:

« В 18 веке находим уже новые отношения, т.е. две категории значений: форму прежнего именительного падежа множественного числа сохранили мужеско-личные имена, другую же категорию образовали одушевленные и неодушевленные имена. Поскольку в других склонениях уже с общеславянской эпохи имена женского и среднего рода не имели

Рассматривая каждый из грамматических родов имен существительных как формальный класс, академик В. В. Виноградов указывает, что «эти классы имеют обозначение и выражение номинатива (именит. пад.), в некотором количестве особых падежных окончаний для каждого из них и в формах суффиксального словообразования»¹⁴. Категория грамматического рода знаменательна. Она оказывает влияние на семантическую судьбу слова. С ней, в известной мере, связываются реальные родовые представления, зависящие от представлений о естественном поле живых существ.

Ни «лично-мужской род», ни «женско-вещественный» не могут рассматриваться как два новых формальных класса слов по той причине, что слова, входящие в них, уже ранее были включены в классы слов, имеющих определенные грамматические и лексикосемантические показатели мужского, женского и среднего рода. Нам кажется, что о формировании новых категорий грамматического рода во множественном числе можно было бы говорить лишь в том случае, если данные показатели испытали бы качественные изменения. Действительно, во множественном числе произошла семантическая перегруппировка существительных по принципу активно-действующего лица и неактивно-действующего лица. Установились отличные синтаксические связи с первыми и вторыми, появились новые формальные показатели у первых и вторых. Однако, на основании того, что существительные женского, среднего и существительные «неличные» мужского рода объединяют во множественном числе некоторые общие формальные признаки и определенные синтаксические связи, нельзя делать вывода о наличии новой категории рода. Родовые показатели у существительных во множественном числе значительно ослаблены, но не изменены качественно.

В данном случае имело место формирование категорий персональности и неперсональности, связанных в известной мере с категорией рода, но не являющихся таковой.

Нельзя смешивать эти грамматические категории и с грамматическими формами, как это делает Л. П. Селищев.

Как проявляется категория персональности?

Существительные, обозначающие лиц мужского рода, имеют в именительном падеже множественного числа формы, отличные от форм других

собственного именительного падежа множественного числа, поэтому в польском языке вместо трех родов — мужского, женского и среднего, употреблявшихся в именительном падеже единственного числа, возникли в именительном падеже множественного числа формы двух родов — мужеско-личного и немужеско-личного» (Указан. сочин. стр. 45).

Как видим, и Я. Лось в своей мотивировке наличия в именительном падеже множественного числа двух родов исходит из формального понимания категории рода.

¹⁴ В. В. Виноградов. *Указан. работа*, стр. 58.

существительных. У этой же группы существительных форма родительного падежа множественного числа используется в роли винительного падежа в отличие от других групп существительных, где формы винительного падежа остаются старыми.

Категория персональности пронизывает имена прилагательные, числительные, местоимения и глагол, где она развилась в тесной зависимости от имени существительного, с которым указанные части речи вступали в синтаксические связи.

Процессу формирования категории персональности в польском языке предшествовал процесс распределения существительных в именительном падеже множественного числа по семантическим группам, начало которого следует отнести к дописьменной эпохе. В первую очередь стала выделяться группа неодушевленных существительных. Процесс этот закончился приблизительно в XV веке. В XVI веке в именительном падеже множественного числа уже были две семантические категории слов: одушевленная и неодушевленная, каждая из которых имела свои грамматические показатели. Однако, на этом процесс семантического и грамматического разграничения имен существительных в именительном падеже не был завершен.

С XVI века начинает складываться новая грамматическая категория — категория персональности, прочно вошедшая в грамматический строй польского языка к XVIII веку.

Однако, было ошибочным устанавливать точные хронологические рамки для процесса складывания этой категории — XVI—XVIII века. Его начало уже было заложено в процессе образования двух семантических групп существительных — одушевленной и неодушевленной. В этом последнем уже таились зародыши нового грамматического явления.

Становление категории персональности — значительный этап в истории грамматического строя польского языка. По сравнению с русским языком здесь шел обратный процесс — не растворение категории лица в категории одушевленности, а утверждение ее прав на существование. Это был процесс дальнейшего семантического и грамматического разграничения внутри группы одушевленных существительных с последующим выделением группы существительных, обозначающих лицо, с присущими им грамматическими признаками. Этот процесс внес значительные изменения в грамматический строй польского языка, прежде всего, в историю именного склонения — вызвал перегруппировку падежных флексий во множественном числе (в именительном и винительном падежах).

Значительный материал для истории становления категории персональности дают уже первые памятники письменности. Наблюдения над топонимикой папской Буллы 1136 года позволили сделать некоторые выводы не только в области лексики, фонетики, но и в области морфологии, в частности, в области интересующего нас вопроса. Те названия местностей, которые

произошли от названий их владельцев, жителей или их профессий, как правило, имеют персональную форму именительного падежа множественного числа:

Starzy Biskupicy¹⁵ Białowieżycy, Świerprawicy, Skarbnicy, Swędry, Sowicy, Lochowicy, Wzorowicy, Małowicy, Bralicy, Janowicy, Turkowicy, Krolewicy, Rudnicy, Żyrdnicy и т. д. при Górzycе (уменьшительное к слову góra), Czaple (от czapla), Turkowiszczе (от tur) и т. д.¹⁶

При образовании форм с у или с е, вероятно, решающее значение имел факт, образовано ли название от слова, обозначающего «лицо» или «нелицо». Показатель одушевленности или неодушевленности играл второстепенную роль. Иначе вновь образованные слова могли принять уже существующий в языке образец с —е—. В Булле, в подавляющем большинстве, окончание —е— имеют названия, происшедшие от слов женского рода (например, Czaple от czapla) или существительных мужского рода, обозначающих животных (например, Turkowiszczе от tur) и т. д.

Аналогичные факты находим и в других памятниках письменности, например, в памятнике «Przywilej protekcyjny papieża Adriana IV d'a biskupstwa wrocławsk, 1155 года встречаем: Groszewicy, Husowicy, Sulisławicy и др.¹⁷ «Przywilej protekcyjny Inocentego IV d'a Wrocława» 1245 года дает Budzycy, Skotnicy, и другие; памятник XIII века «Księga Henrykowzka» Zukówicy (в названной местности жили сыновья Жука), Raczycy (от собственного имени Rak), Jaworowicy (от собственного имени Jawor), Januszowe (от собственного имени Ян) и другие¹⁸.

Вплоть до первой половины XIII века чаще употреблялись формы —с—у—, как отмечает Бодуэн-де-Куртене в своем труде «О древнепольском языке». Во второй половине 13 века в некоторых памятниках замечается смещение форм с —у— и с —е—. Отдельные названия местностей, оформленные через —у—, встречаются вплоть до начала XIV века. В конце XIV века устанавливается форма с —е—. Так, например, в памятнике конца 14 начала XV века «Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi» можно найти ряд названий того же типа (свыше 20) с окончанием —е—: Czulice, Krzyżanowice, Ropczycе и т. д.

Смена окончаний, вероятно, произошла в связи с тем, что была утрачена семантическая связь между словом, давшим название местности, и словом, ставшим названием данной местности. Там же, где не была утрачена семантическая связь между словами, названия местностей сохранили персональную форму множественного числа именительного падежа на —у—.

¹⁵ Здесь и далее в приводимых примерах используем современную польскую графику.

¹⁶ См. *Najdawniejsze zabytki języka polskiego*. Biblioteka Narodowa, № 104, стр. 64—82.

¹⁷ См. «Prace Filologiczne», XI, 1927.

¹⁸ См. *Najdawniejsze zabytki języka polskiego*, стр. 86—90.

Наблюдения над памятниками этой поры позволили сделать и другой вывод, о том, что флексия —у— была уже закреплена за существительными мужского рода, обозначающими лиц. Однако, в целом в памятниках этой поры в именительном падеже еще нет четкого формального разграничения не только между «лицом» и «не-лицом», но и шире—между одушевленным и неодушевленным. Отсутствует, в подавляющем большинстве случаев, закономерность в употреблении флексий именительного падежа вплоть до XV века. Например, в памятнике XIII века—песне «Bogurodzica» находим любопытный пример смешения окончаний в одном и том же слове: anjeli-aniołowie. Правда, «Kazania Świątokrzyskie» (XIV век) больше всего используют окончание *i*, *y* у одушевленных существительных: grzesznicy, wrodzy, diabli, poganі и т.д.

В этот период формы именительного падежа множественного числа неодушевленных существительных и частично одушевленных начинают испытывать влияние со стороны форм винительного падежа множественного числа. Например, krole pogańscy (Kazania Świątokrzyskie) «Psalterz Floriański» (конец XIV—начало XV веков) дает большее количество примеров на существительные одушевленные и неодушевленные, имеющие окончания *y*, *i*: obłocy, stolcy, cudzoziemscy, ptacy, grzesznicy и др. Однако, наиболее широко используется окончание *owie*, проникшее в существительные из других основ (изначально его имели лишь существительные с основой на *й*); Śladowie moi, synowie, oścowie naszy, węzowie krajowie, pośladkowie, mężowie и т.д. Форма с *owie* проникает и в слово nieprzyjaciel; находим: nieprzyjaciele moi и nieprzyjacielowie.

Значительно больше находим форм винительного падежа в именительном у существительных неодушевленных: boki, kraje, palce и т.д. Из одушевленных существительных получило форму винительного падежа лишь слово syn—synu boże. Количество подобных примеров растет в памятниках XV века: «Psalterz Puławski», «Biblia królowej Zofii», «Kodex Suleda» и др. Процесс закрепления определенных окончаний за определенной категорией имен существительных в этот период совершается одновременно с процессом семантического размежевания существительных на одушевленные и неодушевленные и частично на существительные, обозначающие лиц и не обозначающие лиц. В качестве морфологического средства дифференциации между одушевленными и неодушевленными использовались формы винительного падежа, все шире выступавшего в роли именительного падежа у существительных неодушевленных. Формы именительного падежа закреплялись за одушевленными существительными, а некоторые из них только за существительными, обозначающими лиц. Так, в памятнике «Biblia królowej Zofii» окончание —у— закреплено преимущественно за существительными, обозначающими лиц. Окончание —owie—, ставшее в позднейшую эпоху показателем категории персональности имен существи-

тельных в именительном падеже, в этом памятнике пока еще употребляется и у существительных одушевленных и неодушевленных. Впрочем, статистические данные, приводимые Й. Лосем, свидетельствуют в пользу неперсональных существительных: из 54 форм — 23 формы у существительных, обозначающих лицо, и 31 форма — у прочих существительных¹⁹.

В «Кодексе Суледа» окончания *u*, *i* уже являются показателями именительного падежа только у определенной группы существительных — обозначающих лицо; окончание *owie* употребляется как у существительных неодушевленных, так и одушевленных.

Одновременно происходит становление категории персональности и неперсональности у имен прилагательных. Здесь рано осуществилась дифференциация окончаний по принципу сочетаемости прилагательного с существительным, обозначающим лицо или не обозначающим лицо. С одной стороны мы встречаем формы типа *anjeli święci*, *trze krole pogańscy* (Kaz. świętokrz.), *mądrzy apostoły* (Kaz. Gnieźnienskie), *ubodzy szlachcicy* (Statut Wiślicki), *synowie ludzscy* (Psalt. Flor) и т.д., с другой — *miłosierny oczy* (Kaz. Gn.) *czarny obrazy* (Zywot św. Błażeja), *czczonowie zabi* (Mam-motrekt 1426 r) *dziwne rzeczy* (Psalt. Puł.) и т.д.

То же самое можно сказать и о субстантивированных прилагательных, обозначающих лиц: *święci* (Kaz. Gn) *niemocni*, *chromi*, *nędzni* (Zywot św. Błaż) и т.д.

Именительный падеж множественного числа имен прилагательных испытал влияние со стороны форм винительного падежа прежде всего у прилагательных, выступающих с существительными мужского рода, не обозначающими лиц. В результате этого процесса устанавливается впоследствии в именительном падеже форма с флексией — *e* —. У прилагательных среднего рода под воздействием форм прилагательных женского рода к XVI веку в именительном падеже также устанавливается флексия — *e* —.

Несколько иначе, чем у прилагательных, складывается категория персональности и неперсональности у местоимений. В древнепольских памятниках письменности хорошо представлены местоимения различных разрядов. Именительный падеж множественного числа вплоть до XV века сохраняет три формы — для мужского, женского и среднего рода. В XV веке под влиянием форм местоимений женского рода устанавливается у большей части местоимений среднего рода в именительном падеже флексия — *e* —. У местоимений мужского рода, как и у существительных мужского рода, вплоть до XVI века отсутствует закономерность в употреблении персональных и неперсональных форм.

Соответственно этому встречаем: *sługi twoi* и *sluży twe*, *wszytocy krajowe* и *wszytki kraje* (Psalt. Flor); *ci co znają* (Psalt. Flor.) и *tyto trzy*

¹⁹ J. Ł o ś. Указан. работа, стр. 45.

króle (Kaz. Gn.); ci działowie będą (Bibl. kr. Zof.) и woły ty są moje (Psalt. Puł.) и др. В XVI веке формы *tacy ci, oni, wszyscy* и т.д. начинают все больше употребляться по отношению к существительным, обозначающим лиц.

Древние польские памятники письменности проливают свет и на историю становления категории персональности в именах числительных. Остановимся на истории лишь нескольких числительных²⁰, представляющих интерес с точки зрения нашей проблемы. С существительными мужского рода в целом вплоть до XVII века употребляется числительное: *dwa: dwa syny* (Bibl. kr. Zof) *dwa bracieńca, dwa szczyta* (Kaz. Gn.); с существительными женского и среднего рода вплоть до конца 16 века употребляется форма *dwie: dwie grzywny* (Roty przysięg sądowych), *dwie słowie, dwie lecie* (Rej). У числительного *три* форма *trze* первоначально употреблялась с существительными мужского рода, обозначающими лицо: *trze bogowie* (Psalt. Flor.), *trze panowie, trze oścowie* (Psalt. Flor.) *trze synowie, trze mężowie* (Bibl. król Zof.) при форме *trzy* для прочих существительных: *trzy lata* (Roty przysięg sądowych) *trzy grzywny* (Statut Wiśl.) *trzy słupowie* (Bibl. król. Zof.). В XV веке появляется форма *trzej* (*trzej bracia, trzej kmieci*) употреблявшаяся наряду с формой *trze*: *nie trzej niestworzeni ani trze przezmierni* (Psalt. Puł.). Аналогично развивались формы числительного *четыре*. Числительные от 5 до 10 не дают нужного нам материала.

В двучленных числительных вплоть до XV века склонялись отдельно оба элемента. Так, в «Свентокшиских проповедях» находим форму: *za trzy-nadzieście dni* (форма *nadzieście* восходит к общеславянской форме местного падежа на *dziesięć*, постепенно изменившейся при быстром и небрежном ее произношении²¹). В «Статуте Вислицком» находим уже форму *cztyrnaćście grzywien*. Изменение здесь претерпел второй член, первый остался без изменения.

Хорошо представлен в памятниках глагол во всех временах и наклонениях, характерных для той эпохи. Правда, для вскрытия сущности происходивших в глаголе процессов, связанных, в частности, с категорией персональности, большие затруднения создает несовершенная древнепольская графика²². Как известно, в древнепольском языке на протяжении долгого времени мягкость согласных графически не отражалась. В связи с этим многое приходится устанавливать гипотетично. Предполагаем, что вплоть до XVI века причастие прошедшего времени на —*ł*— в составе сложных времен глагола имело две формы во множественном числе *y* и *i*, в употреблении которых в более

²⁰ Более подробные сведения по данному вопросу дает Г. Г р а п п е н в своем исследовании. *Les noms de nombre en polonais, Kraków, 1950.*

²¹ См. Т. Л е р - С л а в и н с к и й. *Польский язык*, М. 1954, стр. 140.

²² Подобного рода трудность исследователи испытывают и при анализе других грамматических явлений.

ранних памятниках нет определенной последовательности по отношению к персональным и неперсональным формам существительных. «Kazania Świątokrzyskie» — *jeście nie chodzili, nie uczynili, usłyszeli, zwolnili, czynili, pośpieszyli, rozpaczyli* и т.д. «Psałterz Floriański»: *iż bychą się nie poruszyli śladowie moi, ustawili schylić w ziemię oczy swe, przelożyły są wigilije, widziely są cie wody, bały są cie, zamacily są sie, głos dali są obłocy, rozświeciły są błyskawice twoje* и т.д.

Правда глосы в латинских памятниках XV века, «Żywot św. Błażeja» и «Biblia król. Zof» более закономерно употребляют формы с *ty* и *li*. «Głosy»: *ze sromu urzasły się, drzwi były zamkniony* и т.д. «Żywot św. Błażeja»: *a tłuszcze naśladowały, wołały; niewiasty odpowiedziały, modliły, niesły, stopiły; twoi bogowie byli* и т.д. «Biblia król. Zofii»: *aby świeciły światła, odeszły żaby, Mojżesz i Aaron wyszli, zmarły są żaby, uczynili czarnoksięznicy, nie były muchy, były chowany prawa* и т.д.

В страдательных причастиях также замечаются колебания в употреблении форм на *i* и *y*. В памятниках XV века формы на — *i* —, как правило, сочетаются с существительными, обозначающими лица, а формы с — *y* — со всеми остальными.

Значительного развития польский язык достиг в так называемый «золотой век» (XVI век). В этот период произошли значительные изменения во всей его структуре. Поскольку изменения в грамматическом строе любого языка происходят медленно, то, естественно, в произведениях писателей XVI века можно найти формы и конструкции, характерные и для памятников XV века. Так, например, окончание — *y* — *i* — в именительном падеже множественного числа присуще и существительным, обозначающим лица, и обозначающим животных. Например у Н. Рея: *lwi, psi, krucy, ptacy, robacy* и т. д.; у Ст. Ожеховского: *szpacy, krucy, wilcy, psi*, и т. д.; у Я. Кохановского *psi, wilcy, ptacy, robacy, smocy, szpacy, pacholcy, rogani, posłańcy młodzieńcy*, и т.д.; у С. Клоновича — *ptacy*; у П. Скарги — *wilcy, lwi*.

Окончание *owie*, в основном, становится показателем именительного падежа существительных одушевленных вообще. Например, у Н. Рея: *orłowie, szkorpionowie, zubrowie, ptaszkowie* и т.д.; у Ст. Ожеховского: *lwowie, orłowie, wołowie, mnichowie, smokowie* и т.д.; у Я. Кохановского: *ojcowie, żydowie, starcowie, gryfowie, tyranowie, wieszczkowie, wnukowie* и т.д.; так же у П. Скарги, у Ст. Мужиновского и др.²³.

Следует заметить, что у одних писателей превалируют формы с *y*, *i* над формами с *owie*, у других — наоборот. Например, у Ст. Мужиновского окончание *owie* у одушевленных существительных превалирует над *y*, *i*.

---

²³ См. St. Rospond. *O języku J. Kochanowskiego*. Warszawa, 1949 и St. Rospond. *Studia nad językiem polskim XVI w.*, Wrocław, 1949.

У Секлюциана и Я. Сандецкого-Малецкого окончание *owie* непродуктивно. Характерной особенностью этого периода является смешанное употребление окончаний *u*, *i* и *owie* в одних и тех же словах у одних и тех же авторов. Например, у Н. Рея: *aniołowie*—*anieli*, *biskupowie* — *biskupi*, *prorokowie* — *prorocy*, *mędracowie* — *mędracy*, *kurpcowie* — *kurcy*; у Я. Кохановского: *historykowie* — *historycy*, *wielorybowie* — *wielorybi*, *heterykowie* — *heterycy* и т.д.

Однако, в этот же период за группой существительных, обозначающих животных, также у вышеназванных писателей, и в первую очередь у Я. Кохановского и П. Скарги, начинают закрепляться формы винительного падежа множественного числа, например, *woły* вместо *wołowie* и т. д.

С другой стороны, формы винительного падежа на — *e* — проникают в именительный падеж существительных персональных типа *ziemiańe*, *lekarze*, *ludzie* и т. д. Правда, некоторые из них еще долго удерживали флексию — *u* — : *rodzicy*, *dziedzicy*. В XVII веке окончания винительного падежа — *u*, *i* — становятся показателями именительного падежа у значительной группы существительных, обозначающих животных. Правда, составитель грамматики польского языка Mesgnien²⁴ отмечает еще две формы для этой категории существительных — *psy* и *psi*. Но другой составитель грамматики польского языка Woyna²⁵ для подавляющего большинства существительных этой категории дает формы винительного-именительного. Как справедливо замечает польский исследователь Ст. Роспонд²⁶, у поэтов *u*, XVII века — Ш. Шимоновича, В. Коховского, В. Потоцкого формы *ptac*, *psi*, *szpasy*, *lwi*, и т. д. использовались в стилистических целях.

Как отмечалось выше, у прилагательных рано стала появляться категория персональности и неперсональности. У прилагательных на *szu* при существительных персональных с середины XVII века появляются формы на *si*. Смещение форм *inszy* — *insi* находим у Зиморовича, Коховского и Потоцкого. Окончательно укрепляется в языке *si* к XVIII веку. Вместо форм *naszy*, *waszy* при существительных персональных появляются в начале XVII века впервые у Петрицы²⁷ формы *nasi*, *wasi*: *potomkowie wasi*, *wasi synowie* и т.д. Правда, у него находим и форму *naszy*: *naszy gotowi byli*. Формы *nasi*, *wasi*, *insi*, а также *mnisi*, *Włosi* входят в языковой обиход только к XVIII веку.

Формы *trzech*, *cztyrzech* появляются в родительном падеже множественного числа в XIV веке, как предполагают, под влиянием соответствующих форм родительного и местного падежей местоимений и местоименных при-

²⁴ Mesgnien. *Grammatica seu institutio Polonicae linguae*. Dantisci, 1649.

²⁵ Woyna. *Compendiosa linguae Polonicae constitutio*. Dantisci. 1690.

²⁶ См. вышеназванную работу — *Studia nad językiem polskim XVI w.*, стр. 139.

²⁷ Petrycy. *Instructio albo nauka jak się sprawować czasu moru*. Kraków, 1613.

лагательных²⁸. В XVII веке, перейдя в именительный падеж, они стали показателями категории персональности. В этот же период форма родительного падежа *dwi* переходит в именительный падеж, употребляясь с существительными персональными, например, у В. Потоцкого находим: *co dwu albo trzech wie, już to nie sekret*. Правда, еще в XVI веке Я. Кохановский в качестве персональной формы в именительном падеже использовал *dwaj*: *dwaj pięciu nie zdoła*.

Таким образом, процесс становления категории персональности в именительном падеже был длительным и сложным. В результате к 18 веку окончания *y*, *i*, *owie* стали использоваться для выражения категории персональности у имен существительных. У прилагательных, причастий, числительных и местоимений соответственно возникли свои показатели категории персональности. У каждой из вышеназванных частей речи использовались различные морфологические средства дифференциации персональных форм от неперсональных. Так, например, как отмечалось выше, у существительных такую функцию выполнял винительный падеж, формы которого стали употребляться у неперсональных существительных. У числительных 3—4 в качестве средства разграничения была использована форма родительного падежа в применении к персональным существительным и т.д.

В дальнейшем категория персональности проникает и в винительный падеж. Здесь в качестве морфологического средства дифференциации персональных и неперсональных существительных выступает форма родительного падежа по аналогии с родительным-винительным единственного числа. Как известно, к XVII веку во множественном числе формы именительного и винительного падежей у персональных существительных уже различались. Здесь совпадали лишь формы прямого дополнения существительных персональных и неперсональных. Возникла необходимость формального отличия объекта действия, выраженного персональным существительным, от объекта действия, выраженного неперсональным существительным.

Первые примсры на родительный-винительный множественного числа дают произведения художественной литературы лишь со второй половины XVI века. У Я. Кохановского их находим только два: *wiedmy tesalswie czartów zwołały, synów tegoż pancerzali*. Количество их возрастает в произведениях писателей XVII века.

Аналогичные изменения в винительном падеже произошли и в склонении имен прилагательных, причастий, местоимений и числительных.

Старые формы именительного падежа у существительных неперсональных и винительного падежа — у персональных стали использоваться вплоть до наших дней в определенных стилистических целях. По поводу их стилистического употребления читаем у Т. Лер-Сплавинского и Р. Кубиньского:

²⁸ См. J. Ł. o ś. *Указан. работа*, стр. 125.

« Для выражения недоброжелательности, пренебрежения, или фамильярности по отношению к определенным лицам употребляются формы именительного падежа с неличным окончанием: (końcówka nieosobowa), pany, chłory, próżniaki и т.п. Иногда это придает словам оттенок архаизма: posły, pany (radne), hetmany; той же цели достигаем, заменяя окончание —owie на —e —: króle, męże, wodze, ojce и т.п. И наоборот, желая персонифицировать неличные существительные (rzeczowniki nieosobowe), употребляют личные окончания (osobowe): ptacy (niebiescy), orłowie dzicy (Mickiewicz. Pan Tadeusz) и т.п.» И далее: « Иногда, желая придать речи торжественный оттенок, говорим: «Trzeba cześć dawne króle, pany i męże zasłużone и т.п.»²⁹.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Категория персональности не может рассматриваться ни как категория грамматического рода, ни как грамматическая форма. Это грамматическая категория, оформившаяся на базе категории одушевленности.

2. Категория персональности в польском языке охватывает имена существительные, прилагательные, причастия, местоимения, числительные.

3. Категория персональности сформировалась под влиянием тенденции выделить во множественном числе в отдельную группу слова, обозначающие лиц, играющих активную, социальную роль.

Для различения персональных и неперсональных существительных были использованы морфологические и синтаксические средства.

4. Не совсем правильно устанавливать точные хронологические рамки для процесса становления категории персональности. Его начало следует отнести не к 16 веку, а к значительно более раннему периоду — к периоду складывания в именительном падеже множественного числа двух групп существительных — одушевленной и неодушевленной. Уже ранние польские памятники дают ценный в этом отношении материал.

5. С установлением категории персональности произошли серьезные изменения в грамматическом строе польского языка и в первую очередь в системе именного склонения.

6. Первую попытку закрепить определенные окончания именительного падежа множественного числа за группой персональных существительных следует отнести к ранней эпохе польской письменности.

7. Процесс складывания категории персональности у имен существительных вызвал аналогичное явление в именах прилагательных, числительных, причастий и местоимений.

8. У различных частей речи использовались различные морфологические средства дифференциации персональных форм от неперсональных

²⁹ T. Lehr-Splawinski i R. Kubiński. Указан. работа, стр. 77, 81.

в именительном падеже множественного числа. Чаще всего такую функцию выполнял винительный или родительный падеж.

9. В XVII веке разделение на персональные и неперсональные формы в именительном падеже множественного числа стало языковой нормой.

10. Во второй половине XVI века персональная форма устанавливается и в винительном падеже, где в качестве морфологического средства отличия персональных форм от неперсональных использовались формы родительного падежа множественного числа.

11. Установление персональной формы в винительном падеже было вызвано необходимостью отличить объект действия, выраженный персональным существительным, от объекта действия, выраженного неперсональным существительным.

12. Начиная с XVII века неперсональные формы стали использоваться в роли персональных и наоборот лишь только в определенных стилистических целях.

Дамьян П. Богдан

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА СЛАВЯНО-РУМЫНСКИХ ГРАМОТ XIV века

Изучение языка славяно-румынских грамот начинается в сороковых годах прошлого века в связи с опубликованием первого издания славяно-румынских грамот. Так, в 1830 году Русская Академия Наук послала молодого тогда врача Юрия Венелина в научное путешествие в Румынские и Балканские страны, которые тогда находились под владычеством Оттоманской Империи. Первым результатом путешествия Ю. Венелина было опубликование: Влахо-болгарских или дако-славянских грамот, изданных Русской Академией Наук два года спустя после смерти автора, в 1840 году. В этой работе, ценность которой признана и в наши дни¹, Ю. Венелин делает короткое описание языка славяно-румынских грамот, показав разницу между языком славяно-румынских грамот, написанных в Валахии, и грамот, написанных на этом же языке в Молдавии, подчеркивая сербские элементы в языке славянских грамот, написанных в Валахии².

К концу XIX века интерес к изучению языка славяно-румынских грамот значительно возрастает, что видно из трех работ болгарского филолога и лингвиста Л. Милетича, а именно: «Дакоромъните и техната славянска писменостъ»,³ «Нови влахобългарски грамоти от Брашов»⁴

---

¹ См. Damian P. Bogdan, *Textele slavo-române în lumina cercetărilor rusești*, I, отд. оттиск «Relații romîno-ruse în trecut», București, 1957, стр. 26—28.

² См. С. Б. Бернштейн. *Разыскания в области болгарской исторической диалектологии*, том I. Язык валашских грамот XIV—XV веков. Академия Наук СССР, Институт славяноведения. Издательство Академии Наук СССР, Москва-Ленинград, 1948, стр. 23, см. и Damian P. Bogdan, *Textele slavo-române în lumina cercetărilor rusești*, III Studii de limbă și ortografie, «Analele Romîno-Sovietice, Seria Istorie 1957, вып. 3—4.

³ «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, издава на Министерството на народното просвещение, книга IX, отд. оттиск, София, 1893.

⁴ В том же Сборнике, указанном в 3-ем примечании, книга XIII} (1896), стр. 3—152.

и «Към грамотите от Брашовската сбирка⁵» (самая важная из всех)⁶. В нашем веке изучению языка славяно-румынских грамот посвящены работы бывшего профессора Ясского Университета, Илья Бэрбулеску, а именно: *Fonetica alfabetului chirilic în textele române din veacul XVI și XVII* изданная в 1904 году. Она развивает положения докторской диссертации, которую И. Бэрбулеску защитил в 1899 году в Загребском Университете. Эта работа, как видно касается не только языка грамот, но и других славяно-румынских текстов. Тот же характер имеет и работа «*Curentele literare la români în perioada slavonismului cultural*», которую И. Бэрбулеску опубликовал в 1928 году, и серия статей, которые тот же ученый-румын опубликовал в возглавляемом им журнале «Arhiva». Среди работ И. Бэрбулеску самой интересной считается «*Curentele literare*».

Нужно отметить и содержательную статью И. Богдана: «Über die Sprache die ältesten moldauischen Urkunden» опубликованную в 1908 г. в сборнике, посвященном бывшему его профессору Венского Университета Ватрославу Ягичу — *Jagič — Festschrift. Zbornik u slovu Vatroslava Jagića*.

Языку молдавских грамот также посвятил одну работу вдумчивый и неустанный исследователь славяно-румынских текстов русский филолог А. И. Яцимирский, а именно: «Язык славянских грамот молдавского происхождения», появившуюся в 1910 году⁷.

Столь же значительным является вопрос украинского языка в молдавских грамотах XIV и XV веков, опубликованных В. А. Ульяницким и Е. Калужняцким. В 1910 году Петербургский Университет назначил золотую медаль за решение данной проблемы. В этом же году студент Владимир Ярошенко представляет для премии свою работу: «Исследование малорусского языка молдавских актов XIV—XV веков, изданных г. г. Ульяницким и Калужняцким», которая на базе реферата профессора, впоследствии академика А. А. Шахматова получила обозначенную выше премию.⁸ Вл. Ярошенко продолжал исследования в данной области, и в 1931 году он публикует работу «Українська мова в молдавських грамотих XIV—XV ст.», посвященную А. А. Шахматову и сопровождаемую особенно ценным словарем⁹.

Последняя работа, посвященная изучению языка славяно-румынских грамот, это докторская диссертация советского лингвиста С. Б. Бернштейна, профессора Московского Университета имени М. В. Ломоносова, опубликованная в 1948 году под названием «Разыскания в области болгарской

⁵ В том же Сборнике указ. в 3-ем примечании, книга XXV (1909), стр. 1—25.

⁶ См. об указ. сочинениях Милетича совершенно справедливое мнение С. Б. Бернштейна в указ. соч. стр. 17, 31—40.

⁷ «Статьи по славяноведению», вып. III.

⁸ См. D a m i a n P. B o g d a n, указ. соч.

⁹ «Збірник комісії для дослідження старої української мови», Київ, 1931.

исторической диалектологии», том I с подзаголовком «Язык валашских грамот XIV—XV веков», которая является наилучшей работой из всех написанных до сих пор о языке славянских грамот Валахии¹⁰.

Мы вкратце коснулись трудов, посвященных языку славяно-румынских грамот. Косвенные же указания, относящиеся к языку упомянутых текстов, находятся в целом ряде работ и рецензий, подписанных П. С. Билярским, П. А. Лавровым, А. И. Соболевским, А. И. Яцимирским, П. А. Сырком, Г. А. Ильинским, О. Марковым и В. Розовым¹¹.

После всего вышесказанного, мы переходим непосредственно к исследованию фонетических особенностей, характерных для славянских грамот, написанных в XIV веке в Валахии и в Молдавии. В отличие от прошлых работ наше исследование опирается на подлинники, ибо издания, имеющиеся до сих пор, не могут быть использованы для исследования фонетических явлений¹². Также в отличие от других исследователей, из которых некоторые изучают только одну сторону фонетической системы славяно-румынских грамот¹³, а другие, хотя и касаются всей фонетической системы, не имели все-таки под рукой всего надлежащего материала¹⁴. Наша работа касается всех важнейших особенностей фонетической системы славяно-румынских грамот XIV ст.

БОЛЬШОЙ И МАЛЫЙ ЮСЫ (ѣ, ѥ)

Известно, что фонемы большой и малый юсы, которые с точки зрения артикуляции в старославянском языке IX—X и начала XI веков были носовыми гласными; в среднеболгарском языке они стали чистыми гласными: ѣ произносится как ѣ или ѥ, а ѥ как чистое е¹⁵.

В средне-болгарских текстах кроме исконного употребления юсов как в старославянских текстах существует так называемая правильная и неправильная мена. Таким образом, после звуков, обозначаемых буквами ш, ж, шт, жд вместо старых е и ѣ пишется ѣ, а после ѣ, ѥ, ѥ вместо е и ѣ пишется наоборот ѥ — это будет правильная мена. Потом на основе употребления

¹⁰ См. Damian P. Bogdan, указ. соч.

¹¹ Ibidem.

¹² Исключение из этого представляет только издание Ивана Огиенка «Дві най-старші молдавські кирилівські грамоті 1388 року», «Slavia», XIII (1934—1935), стр. 665—689. Собственно говоря оно представляет только одну молдавскую грамоту — и ее издание на стр. 678—679.

¹³ В этом смысле написана работа Вл. Ярошенко и отчасти и работа И. Богдана (см. Damian P. Bogdan, Ioan Bogdan — *Activitatea științifică și didactică «Romanoslavica»*, III, 1958).

¹⁴ В этом духе написана указанная работа С. Б. Бернштейна, см. Damian P. Bogdan, *Textele slavo-române în lumina cercetărilor rusești*, III.

¹⁵ См. например: Профессор Б. Цонев. *История на български език*, том втори, посмъртно издание под редакцията на проф. Д-р Ст. Младенов, София, 1934, стр. 381.

юсов после ч удалось выделить охридскую группу текстов, в которых употребляется чж на месте старых чм и чж, а после і — некоторые среднеболгарские тексты (среди которых и охридская группа текстов), имеют всегда ж, а другие напротив всегда или почти всегда м. Неправильная мена юсов в среднеболгарских текстах не преследует первоначального распределения малого и большого юсов после всех согласных, причем преобладает то ж, то м; но существуют также и тексты, которые утратили совершенно один из юсов¹⁶. Следует обратить внимание на то, что еще в ранних среднеболгарских текстах замечена была мена м:ε¹⁷ во многих среднеболгарских текстах находим параллелизм между м:ж и ѣ:а.

Написание шж < шм и т.д., в тех же текстах свидетельствует о фонетическом процессе лабиализации¹⁸, но параллелизм с шк > ша и до некоторой степени с шю > шюу указывает скорее на простую депалатализацию (отверждение). Точно также рассматриваются и следующие явления: мена ж — а, которая встречается в одних текстах; в других текстах мена ж — ѣ или м:к в текстах, где употребляется только м, встречается потом мена м — ε и м — ѣ¹⁹.

Еще в двух старославянских памятниках: Мариинский кодекс и Клоцов сборник часто чередуется ж — оу, что вероятнее всего можно объяснить существованием одного болгарского говора, находящегося под влиянием сербского языка. Некоторые исследователи предполагают связь этого диалектного типа со славянскими грамотами из Валахии²⁰, а другие с Апостолом Верковича XIV века²¹.

Что касается других славянских языков, которые лежат в основе языка славяно-румынских грамот известно, что в сербском языке ж > оу, м < ε, но в начале слов: м > к или ја, а в русском языке: ж > оу (ю), а м < и.

---

¹⁶ См. капитальную работу N. van Wijk «История старославянского языка». Перевод с немецкого В. В. Бородич. Под редакцией и с предисловием Н. А. Кондрашова. Издательство иностранной литературы, Москва, 1957, стр. 210 (немецкое издание этой работы было оценено Ст. Кульбакиным как «прекрасный труд»).

¹⁷ Открытие принадлежит Ст. Кульбакину, см. N. van Wijk, указ. соч., стр. 211.

¹⁸ Как процесс лабиализации рассматривается В. Н. Щепкиным и Ст. Кульбакиным, см. N. van Wijk, указ. соч., стр. 212.

¹⁹ N. van Wijk, указ. соч., стр. 212. О следах деназализации большого юса в к и малого юса в ε пишет André Vaillant в своей работе несомненной ценности — как ее называет А. Dostal — «Руководство по старославянскому языку». Перевод с французского В. В. Бородич. Под редакцией и с предисловием В. Н. Сидорова. Издательство иностранной литературы, Москва, 1952, стр. 55. Примеры: м > ε и к > м см. в работе, которая стала классической, W. Vondrák, *Alt kirchenslavischen Grammatik*, zweite Auflage, Берлин, 1912, стр. 144.

²⁰ См. например W. Vondrák, указ. соч., стр. 144.

²¹ См. например St. Kul'bakin «Revue des études slaves» III, стр. 240. Анализ дан у N. van Wijk, указ. соч., стр. 205.

Почти все эти явления, касающиеся эволюции ж и љ в среднеболгарском, сербском и русском языках, представлены и в фонетике славяно-румынских грамот XIV века — одни в большей степени, другие в меньшей.

Правильное употребление — а именно, как в старославянском языке, большого юса встречается в самой старой славянской грамоте Владислава I-го, предназначенной монастырю Водица, без обозначения года. Можем предположить однако, что она написана около 1374 года²².

В этой грамоте ж появляется в следующих словах: мл(с)²³ тїж бжїѣж (два раза) — тв. п. женск. р. ед. ч., кадилницѣ сребрънѣж — вин. п. женск. р. ед. ч., съсѣды — им. п. мужск. р. мн. ч., ѡдѣждѣж — вин. п. женск. р. ед. ч., нарѣкницѣж — им. п. женск. р. мн. ч., ѡхѣбѣж — вин. п. женск. р. ед. ч., вѣждѣж(т) — буд. вр. 3-го лица мн. ч., идѣиѣ — прич. наст. вр. дейст. зал., рѣшавѣж — вин. п. женск. р. ед. ч., старѣишиѣж (два раза) — вин. п. мужск. р. ед. ч., дрѣжѣтъ — сослг. нак. наст. вр. мн. ч. 3-его лица, полагѣтъ — та же самая флексия — и вѣждѣиѣмѣж — местн. п. мужск. р. прич. наст. вр. дейст. зал. ед. ч. Прибавим, что в этой грамоте существует только одна форма большого юса соответственно правильной мене в среднеболгарских памятниках, о которой будет идти речь дальше.

В следующей по древности грамоте — Дана I-го от 3 октября 1385 года²⁴ — кроме мл(с)тиѣж кїѣж из указанной грамоты Владислава I-го, встречаем: хѣлаѣж — вин. п. женск. р. ед. ч., сѣда — род. п. мужск. р. ед. ч., сѣдѣтка — род. п. сред. р. ед. ч., вѣдѣж(т) — буд. 3-го лица ед. ч., тисменѣж — вин. п. женск. р. ед. ч., прѣтѣжѣж — наречие, ѡрѣхѣжѣж паднѣж — вин. п. женск. р. ед. ч., кодѣкницѣж — та же флексия, вѣж(д)ѣж — сосл. нак. 3-го лица, наст. вр. мн. ч., начѣлѣствѣжѣцаго — род. п. мужск. р. прич. наст. вр. дейст. зал. ед. ч. член. ф. Но кроме правильных форм появляются и формы среднеболгарские, о которых будет речь ниже. То же положение характерно и для грамоты Старого Мирчи от 27 июня 1387 года²⁵, где мы потом имеем петрокицѣж и крѣлицѣж — вин. п. женск. р. ед. ч. Слишком мало данных находим в грамоте того же господаря от 4 сентября 1389 года²⁶ из которой

²² См. подлинник в Государственном Бухарестском Архиве, Историческая Секция Валахии, № 1, лучший снимок у Angelian Sacerdoțeanu и Damian P. Bogdan. *Culegere de facsimile pentru Școala de arhivistică*, Seria Slavă (№ 1—20), Бухарест, 1943, снимок 1. Датирование грамоты по работе: *Documente privitoare la istoria României*, veacul XIII, XIV, XV, B, стр. 27 № 20.

²³ Мы заключили в круглые скобки выносные буквы подлинника.

²⁴ См. подлинник в Государственном Бухарестском Архиве, Историческая Секция Валахии № 2, снимок в указ. раб. A. Sacerdoțeanu и Damian P. Bogdan, сним. № II.

²⁵ См. подлинник в Государственном Бухарестском Архиве, Историческая Секция Валахии, № 3.

²⁶ См. подлинник в Государственном Бухарестском Архиве, Историческая Секция Валахии, № 6.

сохранился только отрывок. В этой грамоте мы имеем правильную форму *нѣ* и среднеболгарскую эволюцию *ж : ѣ* в имени *мѣдричка* — им. п. мужск. р. ед. ч.

В грамоте, в которой отсутствует год написания — господаря Старого Мирчи (предполагается, что она написана в 1399 году, 11 мая)²⁷ встречаем почти все формы правильного употребления большого юса, как и в грамоте от 3-го октября 1385 года.

Если мы обратимся к молдавским грамотам, то отметим русское влияние, которое в первых грамотах проявляется в отсутствии большого юса. Таковы все внешние грамоты²⁸, начиная с письма Петра Мушата, написанного 10 февраля 1388 года²⁹ и продолжая грамотами, написанными 5 января, 1393 года³⁰ (две грамоты), 1395 года, одна до 6 января, а другая 6-го января³¹, две грамоты с 1400 года — одна до 25 марта и другая 25-го марта³² и внутренние грамоты³³ с 1392 года 30 марта³⁴ и 28 ноября 1399 года³⁵. Единственные молдавские грамоты, которые имеют большой юс — это грамоты Александра Доброго, одна написанная 29 июня 1400 года³⁶, а другая — того же года 4-го августа³⁷, но и в этих грамотах большой юс появляется только три раза: в первой упомянутой грамоте два раза в слове *нѣтъ* и один раз в слове *рѣка*, т.е. правильно как в старославянском. Именно в этом ее отличие от следующей грамоты, где существует среднеболгарская форма, о которой будет речь ниже.

---

²⁷ Датирование грамоты по работе «*Documente privind istoria României, Veacul XIII, XIV, XV, V*, стр. 46 № 31. См. подлинник в Государственном Бухарестском Архиве, Историческая Секция Валахии, № 8.

²⁸ То-есть грамоты предназначенные лицам и монастырям, находящимся вне Молдавии.

²⁹ Подлинник, находящийся в Варшавском «*Archiv Główny*», кажется, сгорел во время последней войны, см. сним. у *Jean Bogdan*, *Album paleographique moldave*, сн. I, грамота 2 и указ. издание Ивана Огиенка.

³⁰ Подлинник, находящийся в Варшавском «*Archiv Główny*», кажется сгорел во время последней войны, снимок у *Jean Bogdan*, указ. соч. сн. 3, грамота № 1.

³¹ См. подлинник вместе с цитированными в 29 и 30 примечаниях, снимок у *Jean Bogdan*, указ. соч., сним. 2, грамота I и сним. 4.

³² См. подлинник, находящийся вместе с цитированными в 29—31 примечаниях, снимки у *Jean Bogdan*, указ. соч., снимок 6, грам. 1 и 2.

³³ То-есть грамоты предназначенные лицам и монастырям, находящимся в Молдавии.

³⁴ См. подлинник в Государственном Бухарестском Архиве, печать № 111, снимок у *Jean Bogdan*, указ. соч., сн. 2 и у *A. Sacerdoțeanu* и *D. P. Bogdan* указ. соч., снимок № IV.

³⁵ См. подлинник в Библиотеке Академии Рум. Народ. Рес., Ясский филиал, фонд Спиридони, LIII — I-a. См. снимок в нашей работе: *Despre domnii moldoveni Ștefan I și Iuga* «*Revista Istorică Română*» IX (1939), стр. 172.

³⁶ См. подлинник в Библиотеке Академии Рум. Нар. Рес., Грамоты, XLV — 150, снимок у *Jean Bogdan*, указ. соч., сним. № 5.

³⁷ См. подлинник в Библиотеке Академии Рум. Народ. Рес., Грамоты, CXXIV — 46.

Малый юс как и в старославянском языке появляется в грамоте Владислава 1-го в следующих словах: *имѧ* — вин. п. сред. р. ед. ч., *крѣмѧ* — им. п. сред. р. ед. ч., частица *сѧ*, с помощью которой образуются возвратные глаголы. В грамоте Дана 1-го встречаются: *начѧлѣ* — мест. п. сред. р. ед. ч., *прѣславныѧ* — род. пад. женск. р. ед. ч., *коващицѧ* — та же флексия, *начѧлника* — род. п. мужск. р. ед. ч., *начѧлствѣѡущаго* — род. п. мужск. р. прич. наст. вр. действ. зал. ед. ч. член. ф., *прѣ(с)гыѧ* — род. п. женск. р. ед. ч. и *прѣклѧ(т)* — сосл. наклон. 3-го лица, ед. ч.

В грамоте с 1387 года, 27 июня, кроме вышеуказанных форм грамоты Дана 1-го, частица *сѧ* чередуется с *се*; те же формы и в грамоте от 11 мая 1399 года. Из отрывка же грамоты от 4 сентября 1389 года нельзя ничего установить.

В молдавских грамотах замечается употребление малого юса как и в старославянском языке, например, в грамоте от 1392 года, 30 марта, где находим: *китѧзю* — дат. п. мужск. р. ед. ч., *кѣтѧзѧ* — род. п. мужск. р. ед. ч., *тисѧчноѧ* — вин. п. сред. р. ед. ч. и *память*. *Китѧзѧ* — род. п. мужск. р. ед. ч. встречается два раза в грамоте, написанной 28 ноября 1399 года, в то время как другие грамоты не знают указанного употребления малого юса. Правильная и неправильная мена *ж*: *ѧ* появляется в *моѧ* — изъяв. наклон. 1-го лица ед. ч. из грамоты Владислава 1-го, *дѣшѧ* — род. п. женск. р. ед. ч. и *марѣѧ* — в той же флексии — грамоты Дана 1-го, где еще находим: *приложнишѧ(с)* — сигм. аорист 3-го лица мн. ч., *записашѧ(с)* — та же флексия, *пр(с)тыѧ* — род. п. женск. р. ед. ч., *кл(ѧ)чѣѧ* (два раза) — та же флексия. Также и в грамоте с 1387 года 27 июня: *прѣч(с)тыѧ* (два раза) — та же флексия — *кл(ѧ)чѣѧ* (два раза) — та же флексия — и то же самое встречаем и в грамоте 1399 года 11 мая.

ѧ < ѧ находится в частице *се* (с помощью которой образуются возвратные глаголы) в грамоте Мирчи Старого от 1387 года 27 июня, где мы имеем топонимическое название: *коващице* — род. п. женск. р. ед. ч. рядом с *ѧ < ѧ* в окончании того же слова и в том же падеже.

Мы показали выше, что *ѧ < ѧ* встречается в ономастическом названии *мѣдрѣчка < мѣдрѣ < мѣдрѣ* в грамоте, написанной 4 сентября, 1389 года.

ѧ < ѧ мы находим не только в молдавской грамоте от 29 июня 1400 года, а именно: в *праштѣрѣтомѧ* — дат. п. средн. р. мн. ч., где чередуется с *прашчюр(ѣт)омѧ*, но и в грамоте того же года, только от 4 августа в том же слове *прѣштѣрѣтомѧ* — та же флексия.

ѧ < ѧ появляется в молдавской грамоте от 1392 года 30 марта в наречии *тоѧ*.

Русское произношение *ѧ = ѧ* передается графически через *ча* в *ѡ(нѡ)чатомѧ* и *праѡноѡчатомѧ* — оба слова стоят в дат. п. средн. р. мн. ч. — которые находим в грамоте от 30 марта 1392 года, также встречается и написание *ѧ = ѧ* в: *моѧ* и *поѧ* — оба слова в род. п. сред. р. ед. ч. — в

грамоте 1392 года, 30 марта; *жко* — в грамоте с 1393 года, 5 января и *китаза* — род. п. мужск. р. ед. ч. в грамоте от 28 ноября 1399 года. Примеры многочисленны во всех молдавских грамотах.

оу<ж появляется в грамоте Мирчи Старого от 1387 года, 27 июня, где мы имеем: топонимическое *тисменю* — вин. п. женск. р. ед. ч., в сравнении с *тисменж* — той же флексии из грамоты Дана 1-го.

Особенно интересным нам кажется то, что славянские грамоты Валахии от 3 октября 1385 г., от 27 июня 1387 г., и от 11 мая 1399 г., знают сочетание: гласный + носовой согласный, «*un*» например, в топонимическом названии: *оуггроклахи* < *жггроклахи* < *жгроклахи* которые читаются: Унгровлахии, Онгровлахии и «*Qgrovlahii*». Такое же сочетание: гласный + носовой согласный «*ot*» отражает ономастическое слово *ротманж*, а именно графисм его: *ротмнана* — род. п. мужск. р. ед. ч., — в молдавской грамоте 1399 года, 28 ноября и *рктжмнана* грамоте, написанной 4 августа 1400 года.

Потом нужно подчеркнуть тот факт, что в связи с утратой лабиального образования в гласном *ъ*, которой происходит из *ж* — перед этим гласным в начале слова появилась в конце XII — XIII ст. фриктивная артикуляция *o : o'ъ* (*sau 'ъ°*) > *o'ъ* > *o'ъ*. Благодаря этому факту появились сочетания с *o* в начале слова, сочетания, которые широко обнаруживаются в среднеболгарских текстах³⁸. Первый пример этого фонетического явления встречается в самой старой славяно-румынской грамоте — хрисовул Владислава 1-го где есть топонимическое название *кжгроклахи* — род. п. женск. р. ед. ч., которое нужно читать Вънгровлахии.

Такую же форму мы встретим потом в одной грамоте Мирчи Старого, первого десятилетия XV-го века в написании: *вжггроклахи*³⁹ (читай вънгровлахии). Такое же фонетическое явление появится и во второй половине XV века в ономастическом названии *вънжъ*, древн. слав. *жже* «веревка»⁴⁰.

Русская фонема *оу(ю) < ж* широко отражена во всех молдавских грамотах, факт, на которой указывали все исследователи. И мы здесь будем настаивать только на том факте, что в грамоте 29 июня 1400 года, где появляется большой юс, как в старославянском языке, это явление только спорадическое — десять раз появляется *š* (см. *пѣтъ*, *пѣте(м)*, *дѣба* (пять раз) *лѣгомъ*, *пѣтемъ* (два раза) и три раза *ж* — но и самое слово *пѣтъ* появляется три раза как *пѣтѣ* и только два раза как *пѣтъ*.

³⁸ См. напр., содержательный курс А. М. Селищева «Старославянский язык». Часть первая. Введение. Фонетика. Москва, 1951, стр. 271.

³⁹ См. подлинник в Государственном Бухарестском Архиве, Историческая Секция Валахии, № 14.

⁴⁰ Ономастическое название «*Vânjea*» фиксируется в следующих топонимических названиях: *Vânjești*, *Vânjulești*, *Vânju Mare* и *Vânjuleț* — последние два существуют и теперь.

В старославянском языке, кроме долгих и кратких гласных были и гласные сверхкраткие ер (ѣ) и ерь (ѣ).

С точки зрения акцента эти фонемы были сильные и слабые. Под ассимилирующим влиянием соседних звуков ѣ переходит в ѣ или ѣ > ѣ⁴¹ (например дѣка и дѣкѣ)⁴², вследствие чего возникли частые колебания между ѣ и ѣ, вызванные не только ассимиляцией по мягкости, ослаблением ѣ и ѣ, но и другими причинами⁴³. В конце старославянской эпохи сильные ер и ерь начали палатализироваться и таким образом ѣ стал о, а ѣ—ѣ. Приблизительно в том же периоде ер и ерь в слабом положении начали терять фонетическое значение, превратившись из звуков в простые графические знаки. Потеря фонетического значения слабых ѣ и ѣ имело следующие последствия: 1) ер и ерь в неударном положении сохраняются благодаря орфографической традиции; 2) слабые ер и ерь смешиваются, но есть и тексты, где преобладает ѣ или ѣ или существует только один из них; 3) слабые ер и ерь были заменены диакритическим знаком, названным паерком; 4) слабые ер и ерь исчезают совсем из текстов.

Все фонетические явления, связанные с эволюцией ѣ и ѣ в старославянском языке знакомы и среднеболгарским текстам. Они почти все имеют место и в славяно-румынских грамотах 14 ст.

Таким образом сильный ер появляется в середине слова закономерно в следующих словах из грамоты Владислава 1-го: кѣстави — неопред. наклон., съсѣды сѣбрѣни — им. п. мужск. р. ед. ч., дохѣдѣ — им. п. мужск. р. ед. ч., крѣшнѣ — род. п. средн. р. мн. ч., смрѣти — род. п. женск. р. ед. ч., дрѣжжѣ — сосл. наклон. 3-го лица мн. ч., сѣкѣтѣ — дат. п. мужск. р. ед. ч.

В грамоте Дана 1-го имеем: кѣз(д)виже — сигм. аорист 3-го лица, ед. ч., кѣсприѣмни(к) — им. п. мужск. р. ед. ч., кѣпраша(т) — сосл. накл. наст. вр. 3-го лица, ед. ч., брѣзого грѣла — род. п. сред. р. ед. ч., недосѣкрѣшенъ прич. прошед. вр. страд. зал. — в окончании есть вокализация сильного ѣ, о котором будет речь ниже, — потѣрѣдити, прѣкѣ, потѣрѣжда(т), потѣрѣжда(м) — изъяв. накл. наст. вр. 3-го и 1-го лица ед. ч., крѣшнѣ — род. п. сред. р. мн. ч. и дрѣзнѣтъ. В грамоте Мирчи Старого, 27 июня 1387 года имеются: недосѣкрѣшенное — прич. прошед. вр. страд. зал. член. ф., испѣлнѣти, тѣчѣж, хрѣсомоуѣнци, потѣрѣдити, прѣкѣ, потѣрѣждамѣ, потѣрѣжда. В грамоте того же господаря, написанной в 1399 году, 11 мая, мы имеем почти те же формы как и в грамоте от 27 июня 1387 года.

Из молдавских грамот сильный ерь в середине слова обнаруживается сперва в грамоте, написанной в 1392 году, 30 марта: на кѣнѣц, а потом в грамоте,

⁴¹ N. van Wijk, указ. соч., стр. 154.

⁴² André Vaillant, указ. соч., стр. 65.

⁴³ Ibidem.

написанной 28 ноября 1399 года, где форма *чръзъкъ брълады* следует за формой *къ берла(доу)* там же и: *съродниковъ* род. п. мужск. р. мн. ч. и *оуткръженїа* — род. п. сред. р. ед. ч. В грамоте от 1400 года, 29 июня находим: *грѣтань* — вин. п. мужск. р. ед. ч., *крѣтань* — *casus generalis*, *дрѣжитъ* — изъяв. наклон. 3-го лица, ед. ч., *бръли хръловского* — род. п. мужск. р. ед. ч. и *оуткрѣженїе* — вин. п. сред. р. ед. ч. Последние три формы, вместе с *рътъмпа* встречаются потом и в грамоте от 4 августа 1400 года.

ь < ѣ сильный встречаем в середине слова в грамоте Дана 1-го, где мы имеем, кроме *ь/ѣ* в *недосъкрѣшнь* и *сѣкрѣши*, следует и: *ь < ѣ*: *шѣчиж*, *хръсемѣици*, *поткрѣжда*, *оуткрѣженїе(м)* — тв. п. средн. р. ед. ч., *всѣдрѣжитѣкъ* — род. п. мужск. р. ед. ч. В грамоте Мирчи Старого от 11 мая, 1399 года имеем: *испльннти*. *ѣ < ѣ* сильный в середине слова появляется в грамоте Владислава 1-го, где местоим. *къкъ* и *късѣкъкъ* появляются в следующих флексиях: *късен*, *късемѣ*, *късѣмѣкъ*, *късѣкъ(х)*, *късѣкъ*, *късѣкъкъ*, *късѣкъко*. Форма *къкъ* устанавливается потом в других грамотах. Мы имеем ее в грамотах Мирчи Старого от 27 июня 1387 года, 4 сентября 1399 года и 11 мая 1399 года.

Вокализация сильного *ѣ* и *ь* появляется первый раз в грамоте Владислава 1-го, где мы имеем местоим. *късѣкъ* — им. п. мужск. р. ед. ч., в грамоте Дана 1-го также: *кѣ(с)*, то же самое в грамоте от 27 июня 1387 года, как и в грамоте от 11 мая 1399 г.

В молдавских грамотах кроме старославянской вокализации *ѣ* и *ь*, которую мы встречаем в на конецъ в грамоте от 28 ноября 1399 года, в той же грамоте мы встречаем и русскую вокализацию: *къ берла(доу)*. Но русское *ер < ѣ* в Молдавии намного старше, оно появляется еще в самой старой грамоте, которая дошла до нас — письмо Петра Мушата от 10 февраля 1388 года. Здесь есть *оусерд(ѣ)ч(н)ѣ* — о котором будет речь в главе о слоговых плавных.

Слабые *ер* и *ерь* в середине слов нам не встречались. Они сохранились только в некоторых молдавских грамотах, как, например, в: *чърсачкъцы*, *владимировкъцы*, *марышекъцы*, *шербокъского*; в грамоте, обозначенной 1392 года 30 марта, где мы находим все-таки и *боукоурокци < боукоурокъци*. То же самое в грамоте от 6 января 1395 года: *кролевѣсткъкъ* (*кролевѣстка*), такъ же, *оугорѣского*, *немѣцѣмѣкъ*, *намѣстѣкки*.

Слабые *ер* и *ерь* на конце слов находятся так же, как и в старославянском языке, в следующих словах грамоты Владислава 1-го: *монастырь* — им. п. мужск. р. ед. ч., *послѣшакъ*, *никодимовѣмѣкъ* — тв. п. мужск. р. ед. ч., *црѣковъкъ*, *ѣзодъкъ*, *сѣзидѣхъкъ*, *ококанъкъ*, *позлащенъкъ*, *виръкъ*, *трѣкоуѣтъ* — изъяв. наклон. наст. вр. 3-го лица ед. ч., местоим. *азъкъ* и предлоги: *къкъ*, *съкъ*, *къкъ*. В грамоте Дана 1-го имеем: *мѣмонастырькъ*, *рѣв(дѣ)тѣлъкъ* — им. п. мужск. р. ед. ч., *днѣъ* — вин. п. мужск. р. ед. ч., *къкларъкъ* — та же флексия, *чинъкъ* и *ѣ* в тех же самых предлогах грамоты Владислава 1-го. В грамоте Мирчи

Старого от 27 июня 1387 года находим: *рекомѣмъ* — прич. страд. зал. наст. вр. средн. р., *рѣдѣтель*, *Радѣль*, *данъ*, *късприемникъ*, *полѣмъ*, *храмъ* — все в им. п. мужск. р. ед. ч., *днѣ*, *поткрѣждамъ*, *село коуманскыи бродъ*, *блато*, *вистрець*, *оу кѣклокъ*, *кѣкларь*, *мѣнастирь*, *постакъ* — род. п. мужск. р. мн. ч., *гоунищѣ* — род. п. средн. р. мн. ч., *холокъ*, *крышищѣ*, *доходѣмъ*, *доунакъ*, *приложилъ*, *ѡ(т) всѣмъхъ работъ и данковъ*, *пожелѣватъ* — изъяв. наклон. наст. вр. 3-го лица, ед. ч., вместе с предлогами: *къ*, *съ*, *къ*. В грамоте того же господаря от 4 сентября 1389 года имеем: *приложихъ* и *(Рѡ)манъ*. В грамоте от 11 мая 1399 года конечные слабые *ер* и *ерь* сохраняются почти всюду.

Если обратимся к молдавским грамотам, то заметим много случаев наличия *ъ* и *ь* на конце слова, как и в старославянском языке. Таким образом мы имеем в грамоте от 30 марта 1392 года: *гнѣ*, *богданъ*, *оурѣкъ*, *лѣгъ*, *листъ*; в грамоте от 5 января 1392 года: *романъ*, *слѣгъ*, *пановъ*; в грамоте до 6 января 1395 г.: *стефанъ*, *хмелекъ* и т.д.; в грамоте от 6 января 1395 года: *чиннамъ*, *пзъ*, *пскъ*, *везъ* и в грамоте от 28 ноября 1399 года: *на конецъ*, *по напнамъ* *осподаремъ*. В грамоте от 25 марта 1400 года следуют: *съ*, *бродъ*, *хотаръ*, *г(с)и(д)ръ*, *записъ*, а в грамоте от 4 августа 1400 года: *оусемъ* *доходомъ* — твор. п. мужск. р. ед. ч.

ь < *ъ* появляется, начиная с грамоты Владислава 1-го, где мы имеем: *г(с)иъ* (два раза) — им. п. мужск. р. ед. ч., *трѣкоуѣтъ* — изъяв. наклон. ед. ч. наст. вр. 3-го лица, *перширь* — род. п. мужск. р. мн. ч., *мѣхокъ* — та же флексия, *сырокъ* — та же флексия, *доходѣмъ* — им. п. мужск. р. ед. ч., *доунакъ* — та же флексия, *на кѣскѣхъ* *празникъ* — вин. п. мужск. р. ед. ч., *никодимъ* — им. п. мужск. р. ед. ч. и *бѣъ* — та же флексия, *оубо-гымъ* — дат. п. мужск. р. мн. ч., *данковъ* — род. п. мужск. р. мн. ч., *ракотъ* — род. п. женск. р. мн. ч., *речѣтъ* — изъяв. наклон. наст. вр. 3-го лица ед. ч., *ѡстакитъ* — та же флексия, *полагажтъ* — сослаг. наклон. наст. вр. 3-го лица мн. ч., *дрѣжжтъ* — та же флексия, *оубѣтъ* — та же флексия, но ед. ч., *поткоритъ* — та же флексия — следовательно существует преимуще-ство *ь* < *ъ* перед *ъ*—*ь*. В грамоте Дана 1-го: *азъ*, *данъ* (два раза) — им. п. мужск. р. ед. ч., *г(с)иъ* — та же флексия, написание которое устанавли-вается потом в славянских грамотах из Валахии —, *недоскрѣшенъ*, *помѣмъ* — им. п. мужск. р. ед. ч., предлог *къ*, *постакъ* — род. п. мужск. р. мн. ч., *киръ* — им. п. мужск. р. ед. ч., *рл(д)ѣмъ* — та же флексия, *ациганъ* — род. п. мужск. р. мн. ч., *работъ*, *данковъ* и *доходѣмъ* — все в род. п. мн. ч., *дѣнакъ* — им. п. мужск. р. ед. ч., *кж(д)тъ* — сослаг. накл. наст. вр. 3-го лица, мн. ч., *причтенъ* — та же флексия, ед. ч. — Также в грамоте от 4 сентября 1389 года: *имъ* — дат. п. мн. ч., *дѣдцямъ* — та же флексия, *господаръ* — им. п. мужск. р. ед. ч., *кскѣхъ* — род. п. мн. ч., *стыхъ* — род. п. мн. ч.

Это же явление обнаруживается в молдавских грамотах, где мы имеем: *домань* и *хотарь* (два раза) — им. п. мужского рода, ед. ч., *даль* — изъяв. наклон. прошед. вр. 1-го лица, ед. ч., *поперекь*, *черескь*, *середь*, *моухь* — род. п. мн. ч., и в грамоте от 30 марта 1392 года. В грамоте от 5 января 1393 года мы имеем: *листь* — им. п. мужск. р. ед. ч., *нашихь* — род. п. мн. ч., *дѣтемь* — дат. п. средн. р. мн. ч. — чередуется с *дѣтемь* — той же флексии, *будучимь*. В грамоте от 1395 года до 6 января: *г(с)дрь* и другие, в грамоте того же года и месяца, но 6-го числа: *крать* и *михаль* — им. п. мужск. р. ед. ч. В грамоте от 28 ноября 1399 года имеем: *черескь*, *оукозь* — род. п. мужск. р. мн. ч., *хотарь*, *боарь* — род. п. мужск. р. мн. ч., *осподарь* — им. п. мужск. р. ед. ч., *скродниковь* — род. п. мужск. р. мн. ч.

Также в грамоте от 1400 года до 25 марта: *имаеть* — изъяв. наклон. наст. вр. 3-го лица ед. ч. В грамоте от 29 июня 1400 года: *александрь*, *г(с)(д)нь*, *крать*, *жоупань*, *когдань* и т. д., а в грамоте от 4 августа 1400 года: *родителемь* — дат. п. мужск. р. мн. ч., *михаль*, *тодерь*, *хотарь*, *колкрь* — род. п. мужск. р. мн. ч., *бѣзь*, *подобникь*, *инсань* — прич. прошед. вр. страд. зал. мужск. р. — и т. д.

Преобладание *к < ѣ* слабый конечный перед *к—ъ* в грамоте Владислава 1-го может быть объяснено скорее сербским влиянием, чем среднеболгарским, потому что нужно всегда иметь в виду, что получателем грамоты был серб Никодим. Это подтверждается и наличием местоименного окончания *га* в *наигорнига мостица* и в фразе *да га оукиеть* в той же грамоте. Материал сербских грамот подтверждает данный вывод, потому что во многих из них преобладает *к < ѣ* перед *к—ъ*. Из валашской грамоты Владислава 1 сербский фонетический показатель *к < ѣ* перешел в другие грамоты из Валахии, а из них в молдавские грамоты.

ъ—к появляется в грамоте Владислава 1-го и именно: *трѣдомь* и *вѣскѣмь* — твор. п. мужск. р. ед. ч. *врѣшѣмь* — твор. п. средн. р. ед. ч., *церокѣмь* — твор. п. мужск. р. ед. ч. В грамоте Дана 1-го имеем: *природители моемь* и *покаѣниемь* — твор. п. средн. р. ед. ч. В грамоте от 27 июня 1387 года имеем: *полокиномь*, *силомь*, *потоккомь*, *врѣшѣмь*, *вѣскымь*, *покаѣниемь* — все в твор. п. ед. ч.

В молдавской грамоте от 1392 года 30 марта имеем: *оускѣмь*, *доходомь*, *дѣломь*, *пракомь* и *когданомь* — все в твор. п. ед. ч. Также *печаткь*. В грамоте от 5 января 1393 года имеем: *приколѣньемь* — также в твор. п. средн. р. ед. ч. и *носпольсткомь* — в той же флексии.

Такие элементы находятся и в следующих грамотах: одна от 1395 года до 6 января, другая от 6 января, третья от 28-го ноября 1399 года — здесь: *боарь* — род. п. мужск. р. мн. ч. В грамоте от 29 июня 1400 года имеем: *кѣрзиномь* — твор. п. мужск. р. ед. ч., а в грамоте от 29 июня того же года: *кѣсь* — им. п. мужск. р. ед. ч.

О < 'н слабый конечный появляется только в русских памятниках и в этом отношении дают особенно интересные сведения берестяные грамоты, открытые еще в 1951 году⁴⁴ во время археологических раскопок в Новгороде.

Это явление более орфографического характера, чем фонетического появляется в молдавских грамотах, начиная с самой древней из них — грамоты от 10 февраля 1388 года, где мы имеем: тѣмо, кѣс(о)мо, на сомо листу, оуѣху, сѣсь листо, оу насо, почти всюду листо — им. п. мужск. р. ед. ч., так же: занисо, понедѣлико и подо. В грамоте от 30-го марта 1392 года — предлоги: со и што. Предлог со кроме кѣзо — существует и кѣзъ — появляется в грамоте от 5 января 1393 года. В грамоте от 1395 года до 6 января — предлоги: кѣзо — рядом с кѣзъ, со и што, а в грамоте от 6 января того же года — предлоги: ко и кѣзо — рядом с бѣзъ —, кѣзо возле бѣз есть и в грамоте от 1400 года до 25 марта. В грамоте от 25 марта 1400 года существуют предлоги: надо, кѣзо — рядом с кѣз — и со.

ѣ—ъ сильный в середине слова заменен паерком в грамоте Дана 1-го, где мы имеем: $\widehat{\text{всѣиѣми}}$, $\widehat{\text{всѣ}}$ (четыре раза и раз $\widehat{\text{всѣи}}$). В грамоте Мирчи Старого от 27 июня 1387 года мы имеем: топѣца . ѣ—ъ — слабый конечный заменен паерком первый раз в грамоте Владислава 1-го, а именно, в предлоге сѣ , выраженном в следующем предложении: а сѣ кѣ(р) никоди мовѣми трѣдомѣ и в предлоге кѣ из фразы: идѣше кѣ рѣшакѣ . ѣ—ъ слабый в середине слова заменен паерком первый раз в грамоте Дана 1-го, где мы имеем: ангачешѣско , потом в грамоте от 27 июня 1387 года где есть: давѣчешѣскы . В грамоте от 4 сентября 1389 года имеем: тѣхѣзи .

Утрата в написании сильных ъ и ѣ в середине слов отмечена первый раз в грамоте Дана 1-го, где мы имеем: *всѣкыми* и *всѣко* вместо *въ(ѣ)сѣкыми* и *въ(ѣ)сѣко*.

То же явление наблюдается и в молдавских грамотах от 6 января 1395 года — где мы имеем: дѣтми, ксе и ксѣми и в грамоте до 25 марта 1400 г., где мы имеем также: ксе.

Исчезновение из написания слабых ъ и ь обнаруживается первый раз во всех формах комбинаций местоим. кто < кѣто и что < чѣто в грамоте Дана 1-го. В той же грамоте появляется в этом положении и предлог к < кѣ а предлог с только один раз, потому что преобладает форма съ. В той же грамоте встречаем: прѣкращеніем — твор. п. средн. р. ед. ч. вместо прѣкращеніемъ.

В молдавской грамоте от 30 марта 1392 года встречаем в этом положении предлог *ис* < *исъ* и *к* < *къ* как и на *кѣнцѣ*. В грамоте от 5 января 1393 года

⁴¹ См., например, статью советского лингвиста Р. И. Аванесова «Фонетика» в сборнике «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». Академия Наук СССР, Институт языкознания. Издательство Академии Наук СССР, Москва, 1955, стр. 85 и отзыв В. А. Курашкевича «Вопросы языкознания», 1957, № 2, стр. 123—124.

имеем предлог из/ис. В грамоте от 1395 года, но до 6-го января кроме предлога ис и к мы имеем: пред, без и под.

В грамоте от 6 января 1395 года кроме предлога с и к еще находятся и: ис и к, которые правда чередуются с исъ и къ — преобладает все-таки форма ис и к. В грамоте от 1400 года до 25 марта имеем: кѣз — возле кѣзо — с, пред, к и под. И почти то же самое в грамоте того же года, 25-го марта. А в грамотах от 29 июня и 4 августа 1400 года имеем: тѣм (тѣм) кроме к, который устанавливается рядом с лѣто.

Все-таки нельзя полностью изучить слабые ѣ и ѣ в середине и в конце слова, потому что многие части слов по принципам традиционной орфографии имеют выносную согласную (внутреннюю или конечную)—согласная, которая должна стоять перед ѣ или ѣ — таким образом получается сокращение слова за счет выносной буквы — в результате чего слово остается без ер или ерь⁴⁵. А предлог ѡтѣ имеет всегда конечное выносное; выносной является также и буква с слова естъ — 3-е лицо ед. ч. изъяв. наст. вр. как и р в слове кѣр.

Кроме первичных ѣ и ѣ существуют в языке старославянских памятников ер и ерь второстепенные, которые, по мнению М. Фасмера, проявляются в особенности в иноязычных словах и в согласных группах, которые были не свойственны старославянскому языку⁴⁶. И в этом случае Фасмер показывает, между прочим, наличие ѣ—ѣ второстепенных в: марѣка, ѡлѣтарѣ, ѡлѣдрѣка, ѡлѣксандрѣкѣ, ѡлѣтонѣнѣ, конѣстантинѣ. Это фонетическое явление присуще отчасти и славяно-румынским грамотам. Так, в грамоте Владислава I-го паерок над буквой м в слове камѣхы — род. п. женск. р. ед. ч. — и тот же диакритический знак над буквой н в слове ѡлѣтѣнѣ грамоты Дана I-го, указывают на ѣ—ѣ второстепенные, а в молдавской грамоте от 30 марта 1392 года сталкиваемся с этим явлением, а именно в ономастических названиях, как: ѡлѣксандрѣ и ѡлѣдриѣнѣка.

---

⁴⁵ Например, в грамоте Владислава I-го находим 34 слова в этом положении — без ѡ(т) и без кѣ(р); в грамоте Дана I-го — 46 без ѡ(т) и без е(ст) и 26 слов в грамоте от 27 июня 1387 года; в грамоте от 18 мая 1399 года 11 без ѡ(т) и без е(ст) а в молдавской грамоте от 6 января 1395 года, мы имеем — 48 слов с выносными согласными и все без ѡ(т) и без е(ст). Таким образом, между формами с выносными согласными находятся части слов, как например: нѣоце(х), госпо(а)ского, ѡк(ст) и нѣписа(х) — в грамоте Владислава I-го: по(а)писа, стрѣ(ц), ѡсми(х) — в грамоте Дана I-го; в молдавской грамоте от 30 марта 1392 года: жо(р)живча и дѣ(н); в грамоте от 28 ноября 1399 года: мо(а)да(к)скы(х) (два раза), въск(х) и въдѣ(т) а в грамоте от 29 июня 1400: по(а), ти(м), дѣло(м) и т.д.

⁴⁶ См. Prof. Dr. M. Vasmer, *Altbulgarisches. Die reduzierten Vocale (ѣ, ѣ) in den Freundwörter des Altbulgarischen* «Zeitschrift für Slavische Philologie», I (1924), стр. 156 и след.: (см. рецензию С. Кульбакина «Южнославянский филолог» V, стр. 308—309 и то, что написано этим же автором в его классической работе *Le vieux slave*, Париж, 1929, стр. 117—119.

Фонема ять произносилась в старославянском языке как *ĭ*, что равно рум.: *ia*, *ea*. В период среднеболгарского языка начинается не только переход ять в *'a* в Восточной Болгарии, но в группе среднеболгарских текстов обнаруживаются западноболгарские варианты *ĭ* и *e*⁴⁷. В сербских и русских текстах *ĭ*, наоборот, был закрытой фонемой *ĕ*⁴⁸. Потом нужно добавить, что в украинских говорах *ĭ* в ударном слоге превратился в *i* еще в XI ст., и также *i* в неударном слоге. Однако, последнее произошло в XIII—XIV ст.⁴⁹.

Процесс развития ять прослеживается не только в среднеболгарских и русских текстах, но и в славяно-румынских грамотах.

ѣ < ѣ замечается сначала в славяно-валахских грамотах а именно: в грамоте от 3 октября 1387 года и от 11 мая 1399 года, где мы имеем топонимическое название Тисмана, написанное так: тисмена < тисмѣна.

В молдавских грамотах это явление гораздо больше распространено, мы его имеем во всех соответствующих словах первого полногласия, как и в других частях слова. В грамоте от 30 июня 1392 года мы имеем: поперѣкъ, черѣкъ, середѣкъ. В грамоте от 5 января 1393 года: презѣкъ — но это польское *przez* — и черѣкъ. В грамоте от 1395 года до 6-го января имеем: предѣ; в грамоте того же года, от 6-го января, рядом со кѣкъми есть и кѣми. Грамота от 28 ноября 1399 года нам дает черѣкъ — рядом с чѣкъѣ. Грамота от 29 июня 1400 года дает наряду с полногласной формой поперѣкъ и: кѣрню, лесѣ, оуѣмѣ (три раза) делѣ(м) < дѣкъ «гора» — слово которое встречается четыре раза и только в этой форме — кѣмѣи и прикѣсити. В грамоте того же года, но от 4 августа находим наряду с полногласной формой черѣкъ — чѣе(с) (два раза) и: кѣрню (два раза), дела (делѣмѣ) < дѣкъ, прокѣтъ, кѣмѣи и привѣсити; в грамоте от 30 марта 1392 года находим: прикѣсити.

на < ѣ встречается в слове кистиарника < кистѣрника грамоты от 4 августа 1400 года.

ѣ < ѣ встречаем в грамоте от 28 ноября 1399 года, а именно: в слове нѣтедоула — род. п. мужск. р. ед. ч., а в других грамотах то же слово имеет написание нѣтедоула или нѣтедоу(л).

и < ѣ был объектом прежних изучений, но что не было показано это то, что иногда этот гласный чередуется с ѣ, как например, в грамоте от 4 августа 1400 года, где сперва мы имеем форму прѣстѣ три раза, а потом два раза прѣсти.

⁴⁷ N. van Wijk, указ. соч., стр. 190.

⁴⁸ С. Б. Бернштейн, указ. соч., стр. 149 и 153.

⁴⁹ Е. Тимченко, *Курс історії українського языка*, издание 2-е, Киев, 1930, стр. 140 у С. Б. Бернштейна, указ. соч., стр. 153, примечание 1. См. об отражении формы *ĭ* как *i* и работу Л. А. Булаховского, *Питання походження української мови*. Академія Наук Української РСР, Інститут мовознавства, ім. О. О. Потебни, Київ, 1956, стр. 143.

Также не указано, что *кираккра* появляется только в молдавских внешних грамотах 14 ст., а именно, в тех, которые были предназначены польскому королю.

СЛОГОВЫЕ ПЛАВНЫЕ Р'Ь (РЬ), Л'Ь (ЛЬ)

Общеславянские слоговые плавные *ɾ* и *l̥* в славяно-румынских грамотах переданы через *рѣ* (*rk*) и *лѣ* (*lk*). Это графическое написание не отражает ни процесса утраты слоговости плавными, ни позиции *ѣ* (*ɤ*) перед плавными; оно отражает только определенную орфографическую норму — среднеболгарскую, которая обнаруживается уже в самой древней славяно-румынской грамоте Владислава 1-го, например⁵⁰: кадианиѣж сребрѣиѣж. ѡ(т) ѡсмѣ
крѣшиѣж, по смѣрѣти, да дрѣжѣтъ иже тамо ннѣи.

Также в грамоте от 27 июня 1387 года: монастирь... недосъкръшеникъ, поткръднѣти, прѣкѣ, потврѣжда(т), потврѣжда(м), ѡ(т) ѡсми(х) крѣпниці, кто ли дрѣзнѣтъ. В грамоте от 11 мая 1399 г., имеем почти такие же части слова: недосъкръшенное испакнѣти, поткръднѣти, прѣкѣ, потврѣждамъ, хрѣсомоуци, по семъ потврѣжда, къ семъ потврѣжда, сна ксѣ... потврѣжда, съ... оуткрѣжденіемъ. Но в грамоте Дана 1-го встречаем и написание рѣ, а именно: радѣлк... не съкрѣши, съ село(м) хрѣсомоуцини, сна всѣ... поткрѣж(д)а, съ ксѣкы(м)... оуткрѣденіѣ(м), ѡ(т) га... всѣдрѣжителѣ. Также лѣ в испакнѣти в грамоте Мирчи Старого от 11 мая 1399 года. Эта орфографическая форма: рѣ, лѣ не среднеболгарского происхождения, а сербского⁵¹, потому что в сербских грамотах 14 ст. слоговое *r* передается обычно через рѣ⁵².

Сочетание ѣр (ѣр) не знакомо славянским грамотам из Валахии 14 ст.⁵³. Написание рѣ, аѣ появляется и в некоторых молдавских грамотах, в грамоте от 28 ноября 1399 года имеем: чрѣзѣ брѣлады и нашего оуткрѣженїа; в грамоте от 29 июня 1400 года: сѣло на нѣмѣ грѣтанѣ, выше крѣтанѣ, што дрѣжитѣ... строе, на чрѣны потоке, кѣра... крѣан хрѣловского, а (на конее) оуткрѣженїе а в грамоте от 4 августа 1400 года находим: кѣра... рѣтжанана, кѣра крѣан

⁵⁰ См. С. Б. Бернштейн, указ. соч., стр. 157.

⁵¹ *Ibidem.*

⁵² М. Г. Д о л о б к о. О языке некоторых боснийских грамот 14 века, I, II, 1915, стр. 47, арид С. Б. Берингтейн, указ. соч., стр. 157.

⁵³ В 15 ст. мы находим *ѣ* и *ѣ* только в грамоте Мирчи Старого от 10 июня 1415 года (см. подлинник в Библиотеке Академии Румынской Народной Республики С—132), где имеем: *дѣрствѣ градѣ владѣи(ц), та аше . . . стѣвѣди(т) сын хрисѣстѣ(а) и ѣвѣръ вѣо на ни(х).* Примеры, приводимые С. Б. Бернштейном в указ. соч. стр. 257, по И. Богдану (I. B o g d a n, *Documente privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul și cu Țara Ungurească în sec. XV și XVI* № 1 и CCXXX) не могут быть приняты во вниманиис, потому что в подлинниках указанных грамот буквы *ѣ* и *ѣ* слов *т(ѣ)жѣхѣниѣ* и *д(ѣ)жѣхѣниѣ* надстрочные, поэтому трудно установить, писцы этих грамот писали *ѣ* и *ѣ* перед или после *ж* и *ѣ* (см. соответствующие грамоты, изданные G. G. T o c i l e s c u, 534 *documente istorice slavo-române*, грам. № 3, стр. 5 и грам. № 458, стр. 459).

хрѣлѣкскаго и оуткрѣж(д)еніе. Молдавские внешние грамоты не знают написания: рѣ, лѣ, но те же грамоты отражают почти последовательно русские сочетания: ер, ор < рѣ и ол < лѣ; с этой точки зрения представляют интерес внешние грамоты.

Например, в первой молдавской грамоте от 10 февраля 1388 года имеем: оусерд(е)ч(н)е покланяние; в грамоте от 30 марта 1392 года: кѣлики самодерж-
ажники и лѣто шестотисѣчное полно; в грамоте от 5 января 1393 года: ткердо
держати; в грамоте от 28 ноября 1399 года: къ берладѣ чередуется с
чрѣзѣ крѣпиды, но сначала дана форма с ер, а потом с рѣ; в грамоте от 25
марта 1400 года: цѣлока(л) крѣстѣ.

Русские сочетания ер, ор, ол не известны молдавским грамотам от 29
июня 1400 года и от 4 августа того же года.

ГРУППЫ шт, жд

Как известно, было достаточно написано о существовании групп шт и жд
в славяно-румынских грамотах⁵⁴. К этому можно было бы добавить тот факт,
что и в молдавских грамотах отражено среднеболгарское произношение
групп шт, жд. Так, если буква ш читается как шч в русских памятниках, в
написании праштѣрѣтомъ в молдавской грамоте от 29 июня 1400 года и
прѣштѣрѣтомъ в грамоте от 4 августа 1400 года, отражается старославян-
ский и среднеболгарский звук št. Но добавим, что в грамоте от 29 июня
1400 года существует шч/шт: мы имеем первый раз: прашчѣрѣтомъ, а второй
раз: праштѣрѣтомъ; št находится и в предложении: до моста драгомира бра-
нищѣрка грамоты от 4 августа 1400 года. Группа жд существует в
прѣж(д)еніишамъ грамоты 29 июня 1400 года и в оуткрѣжденіе грамоты,
написанной 4 августа 1400 года.

L-EPENTHETICUM

Известно, что утрата палатализованного звука ѡ — *l-epentheticum*
проявляется в большей степени в среднеболгарских текстах. Только во
второй половине 14 ст. орфография терновского патриарха Евфимия уста-
навливает строгое правило употребления этого звука после губных⁵⁵. От 14 ст.
мы имеем два примера из славяно-валашских грамот, когда появляется
l-epentheticum. Например, в грамоте Дана 1-го имеем: ѡбрѣтѡ(х) къ земли
г(с)ка ми — то же самое находим и в грамоте Мирчи Старого от 11 мая 1399
года только с одной разницей, что здесь не имеем знака палатализации. Мы
имеем один только пример без *l-epentheticum*, его нам дает грамота Мирчи
Старого от 27 июня 1387 года: к земли г(с)ка ми.

Для молдавских грамот проблема наличия *l-epentheticum* ясна, здесь
он — явление обычное.

⁵⁴ См. С. Б. Бернштейн, указ. соч., стр. 164 и I. Bogdan, указ. соч., стр. 373.

⁵⁵ С. Б. Бернштейн, указ. соч., стр. 161.

Смягчение или палатализация согласных или групп согласных ш, ж, ч, шт, жд, ц, з (s), ѡ, ѣ, ѣ, характерное для старославянских текстов, отчасти для среднеболгарских памятников, а также и для других славянских текстов, проявляется частично и в славяно-румынских грамотах.

Например, в грамоте Дана 1-го имеем: кѣ земли г(с)ка ми в той же грамоте диакритический знак палатализации для р и н появляется в предложениях: (сѣ) полокино(м)) топорна, сѣмъ коуманскы брѣ(д), сѣ сѣмъ(м) хрѣсомуици, ни инѣкто ѡ(т) и(х) же по мѣѣ. В молдавских грамотах палатализация свистящих ш и ж, аффрикат ч, ц представляет явление русского языка, но это может быть также и элементом молдавской фонетической системы, в особенности в словах: журжѣ и жупанѣ и категорично в чюнгѣ — на чюнгѣ(х), где чередуется с на чюнгѣ(х), но и здесь тоже молдавское произношение: *ciu* = чю.

В грамоте от 30 марта 1392 года имеем: самодержавиѣ — им. п. мужск. р. ед. ч., топонимическое название: чурсачкѣцы, кѣра жупана жу(р)жевича, кѣра жупана стецкѣка — таким образом жупана/жюпана —, пана журжека, нашу печатѣ. В этой же грамоте отражен процесс палатализации *št* в связи с чем имеем: працюрѣтомѣ — дат п. средн. р. мн. ч.

В грамоте от 5 января 1393 года имеем: кѣра слоужѣва, твердо держати и землѣ колоньскѣ. В той же грамоте: приколѣнѣмѣ — твор. п. средн. р. ед. ч. В грамоте от 6 января 1395 года кроме нашу печать, бжѣю помочѣю — твор. п. женск. р. ед. ч., мочѣю — та же флексия — на(и) дра(г)шѣ и каннишѣ. В грамоте от 29 июня 1400 года: кѣрзинѣомѣ — твор. п. мужск. р. ед. ч. возле кѣрзинѣи, а в грамоте от 4 августа 1400 года: чюнгѣ(х) / чюнгѣ(х) — мест. п. мужск. р. мн. ч.

ПРЕДЛОГ КѢ

В некоторых говорах, лежащих в основе языка старославянских памятников ѣ еще не получило губно-зубного произношения, в связи с изменением слабых ѣ и ѣ, начальное к --- (w) и ѣ --- были очень близки по произношению. Смещение кѣ — и ѣ — вследствие фонетического перехода к в ѣ — характерно для сербского церковного языка, но его можно встретить и в русском языке ⁵⁶.

Это явление характерно и для славяно-румынских грамот, и к тому, что было до сих пор известно ⁵⁷, можно добавить следующее: мы имеем здесь сербское фонетическое явление, ѣ(s) а не болгарское к(кѣ) в валашской грамоте от 3 октября 1385 года в следующих предложениях: нѣ да ѡ(т)пра-

⁵⁶ André Vaillant указ. соч., стр. 91.

⁵⁷ С. Б. Бернштейн, указ. соч., стр. 173—175 и 1. Bogdan указ. соч., стр. 374.

какъ тѣ тако ѿ монасты(р), на жаленъскон рѣцѣ ѿ дѣкѣчию(х), водѣницѣ ѿ кистрици, сна кък занисашѣ(с) оу аргини — первое и последнее предложение находятся и в грамоте от 27 июня 1387 года, в той же грамоте находится и второе предложение, но здесь находим чередование с къ дѣкѣчию. Также и в грамоте от 11 мая 1399 года имеем кроме первого предложения из грамоты Дана 1-го следующие: на жалени оу дѣкѣчию(х), и оу покроу, ѿ(т) костина села оу тополници, и водѣница оу кистрици.

В молдавских грамотах кроме указанного — оу вместо къ — и оу, закрепленного в местоимении оускѣскѣ нужно подчеркнуть тот факт, что во внешней грамоте от 6 января 1395 года оу появляется очень редко, превратившись в к. Потом внутренняя грамота от 29 июня 1400 года имеет в хронологии: къ кѹ дѣкѣ, а грамота аналогичная того же года, но от 4 августа имеет: к лѣ(т).

ПОЛНОГЛАСИЕ

Очень важным новшеством в области славянского вокализма, которое изменило фонетическую систему восточнославянских языков по сравнению с другими славянскими языками⁵⁸ является полногласие. Существует первое и второе полногласие. Первое полногласие состоит в том, что в известных условиях старославянским слогам: ра, ла, рѣ, лѣ соответствуют в восточнославянских языках слоги: оро, оло, ерѣ, ело (старослав. кразда > русс. борозда, старосл. власть < русс. колость, старослав. дрѣко < русс. дѣрѣко, старослав. млѣко < русс. молоко). Второе полногласие свойственно и другим славянским языкам. Оно заключается в том, что в известных условиях плавные слоговые рѣ(рѣ), лѣ(лѣ) получают сначала ер, или ерь (скѣрѣкѣ < скѣрѣкѣ, маѣрини < маѣрини). Первое полногласие отмечаем в молдавских грамотах 14 века. Оно было хорошо исследовано⁵⁹. К тому, что было написано, мы можем добавить то, что в грамоте Романа Мушата от 30 марта 1392 года кроме полногласных форм, которые преобладают, есть и неполногласная: ѿ(т) планишы до моря, в грамоте Юги от 28 ноября 1399 года: черѣск/чѣкѣк. Также в грамоте Александра Доброго от 29 июня 1400 года: цѣкѣж(д)ѣ почикшишь родителемъ. Что касается внешних молдавских грамот, здесь нужно подчеркнуть тот факт, что в большинстве из них полногласные формы чередуются с соответствующими польскими формами. Так, в письме от 10 февраля 1388 года кроме города польские формы преобладают, например, находим: коднслакѣ, кролю, кролекоѣ. В грамоте от 5 января 1393 года имеем: королеки (два раза) но и кролеки, потом: есторонѣ. В грамоте от 6 января 1395 возле: есторонѣ, еременемъ, коднслакъ и городъ есть и:

⁵⁸ См. проф. П. Я. Черных, *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 1952, стр. 74 (см. обстоятельную рецензию на этот курс известного советского лингвиста Л. А. Булаховского «Вопросы языкознания», 1953 года, № 1, стр. 131—139).

⁵⁹ См., например, I. Bogdan, *указ. соч.*, стр. 373.

крякы и кряк. Все эти данные еще раз убеждают нас в том, насколько сильным было влияние адресанта на редактирование и даже графику грамоты.⁶⁰

ѣ (е) > о

Начальное сочетание *je* (*ie*) в восточнославянских языках изменилось через стадию *e* в *o* перед слогом с гласным переднего ряда, если после него не следовал слог с ударяемым гласным переднего же ряда; таким образом объясняются русские формы *озеро*, *осень*, *одинъ* в сравнении со старославянскими: *резеро*, *ресень*, *единъ*⁶¹. Это явление свойственно и молдавским грамотам. Оно было исследовано⁶², и к тому, что было сказано, можно добавить следующее:

Грамота от 29 июня 1400 года имеет, кроме *o* в *оже* и среднеболгарскую форму *ѣ* в: *ѣдно село*, *ѣдноу селоу*.

ѣ > о

Поскольку славянский гласный *o* был открытым, а именно, близким к *a* в иноязычных словах, которые перешли в русский язык, вместо начальной фонемы *a* появляется иногда *o*⁶³.

Это русское фонетическое явление свойственно и молдавской грамоте от 30 марта 1392 г., где находим ономастическое название: *олександро*, факт, известный из предшествовавших исследований. То, что еще не известно и стоит подчеркнуть, — это факт что это русское фонетическое явление устанавливается в надписи большой печати Александра Доброго⁶⁴, где мы находим: *олександра* — род. п. мужск. р. ед. ч.

КЕНДЕМА ВМЕСТО Ѣ (И)

Было подчеркнуто, что в молдавских грамотах, диакритический знак, кендема иногда находится вместо гласного *ѣ* (*и*)⁶⁵. Это же фонетико-орфо-

⁶⁰ См. Damian P. Bogdan, *Diplomatica slavo-română din secolele XIV și XV*, отд. отд. «Revista istorică română», V—VIII, București, 1938, стр. 5 прим. 3, 20 прим. 1, 63 прим. 2, 67 прим. 3, 68—69, 82—84, 100—101, 120, 121, 128, 129, 161—162.

⁶¹ И. А. Булаховский, *Исторические комментарии к русскому литературному языку*, Киев, 1950, стр. 68.

⁶² См. например, I. Bogdan, указ. соч., стр. 372.

⁶³ А. И. Соболевский, *Лекции по истории русского языка*, издание четвертое, Москва, 1907, стр. 29.

⁶⁴ Damian P. Bogdan, *O străveche matrice de pecete românească*, «Studii și materiale de istorie medie» I отд. отд., Бухарест, 1956, стр. 8. См. нашу работу в рукописи: *Inscripțiile pecetilor mari ale domnilor Moldovei din sec. XIV — XVII*.

⁶⁵ Иван Огиенко, *Cum trebuiesc editate documentele moldovenești*, «Arhiva» XXVIII (1931), стр. 531 и Ilie Bărbulescu. Profesorul Ohienko despre publicarea documentelor româno-slave, «Arhiva» XLIV (1937), стр. 103.

графическое явление известно и некоторым из славянских грамот Валахии 14 ст.

Таким образом, в грамоте Владислава 1-го имеем предложение; и кирѣ w(r) срѣднѣ кѣсъ — которое в грамоте Дана 1-го выражено таким образом: w(r) срѣднѣи кирѣ кѣ(с), и да ирк'(ст) иркѣ господарѣ колѣнѣ а в грамоте Дана 1-го так: сѣ хрѣ(м) и(с)тыж кѣ(д)чѣж ѿж.

И АСПИРАНТ

Передача звука r через h это украинская особенность в молдавских грамотах, потому что в украинском языке r взрывной был рано заменен y фрикативным, а позже появляется и h аспират⁶⁶. Это явление было исследовано раньше⁶⁷. То, что не было известно до сих пор, это, что h украинский аспират появляется в грамоте Юги от 28 ноября 1399 года два раза⁶⁸. Так, мы имеем следующие предложения с этим фонетическим явлением: а по нашимъ житѣмъ которы бѣде(т) осподарѣмъ оу земли мо(а)да(к)скон, которы осподарѣмъ иму поручитѣмъ.

Во внешних молдавских грамотах появляются и некоторые польские фонетические элементы, уже изученные⁶⁹. Мы не останавливаемся на них не только потому, что они уже были изучены но и потому, что польский фонетизм не перешел во внутренние молдавские грамоты, следовательно, он не является органическим элементом языка всех молдавских грамот 14 ст.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего сказанного выше вытекает следующее: в основе фонетических явлений славянских грамот Валахии 14 ст. лежат старославянские фонетические явления, в виде среднеболгарских и отчасти сербских фонетических явлений. Что касается фонетических явлений славянских грамот из Молдавии 14 ст., они имеют в основе старославянские явления, отраженные в виде среднеболгарских и русских фонетических явлений, преобладают все-таки явления восточнорусских языков, выраженные через: оу(ю) < ж, оу < рѣ, ерѣ < рѣ, ѡа < аѣ, ичѣ, ч < ичѣ, ж < жѣ, полногласие, начальное ѡ < ѡ(ѣ). В молдавских грамотах замечается, хотя и в меньшей мере, влияние сербских фонетических явлений — это влияние славянских грамот Валахии.

⁶⁶ См. А. М. Селищев, рецензию на работу Н. Дурнова, «История русского языка», «Известия II Отделения Русского языка и словесности Академии Наук СССР», XXXII (1927), стр. 312.

⁶⁷ См. I. Bogdan, указ. соч., стр. 374.

⁶⁸ Мы подчеркнули это явление сначала в нашей работе: *Din paleografia slavogomina*, «Documente privind istoria României» introduce, том первый и отд. оттиск, 1956, стр. 7.

⁶⁹ См. I. Bogdan, ук. соч., стр. 376.

Панделе Олтяну

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ТРАНСИЛЬВАНИИ

До сих пор славянский язык в Трансильвании изучен недостаточно. Некоторые даже удивляются услышав о том, что славянский язык использовался в роли литературного и церковно-культового языка в Трансильвании, так как официально эту роль выполняли там латинский и венгерский языки. На всей территории Трансильвании встречаются славянские рукописи, книги и даже надписи, как например, надписи в церквах в Рибице и Крыщёре¹. Правда, по сравнению с Валахией и Молдовой, число славянских рукописей и книг на территории Трансильвании гораздо меньше. Не надо забывать, что в Трансильвании славянский язык не являлся государственным. Им пользовалось лишь румынское и славянское православное население.

Большая изношенность книг является доказательством того, насколько широко были распространены и каким спросом пользовались славянские книги в Трансильвании. По пометкам, сделанным на них, видно, что славянскими книгами пользовались сотни лет. Их хранили как редкую и драгоценную вещь. Иногда их покупали коллективно за золотые, за флорины, за пшеницу, за скирды сена. В 1704 г. за переплет рукописи славянской литургии написанной в 1560 г. уплатили 4 локтя полотна.

Записи на книгах содержат страшные проклятия против того, кто хочет их передать другим. Такие записи встречаются часто на книгах, найденных в церквах Бихора, Молосича и др. Из других записей узнаем о преступлениях, совершенных турками, изображенными сказочными чудовищами. В записях на книгах, найденных в церквах Круширской долины, описы-

---

¹ S. D., *Vechile biserici din Zarand și ctitorii lor din sec. XIV—XV-a*, Cluj, 1930, стр. 250, 259.

ваются великие бедствия, вызванные в конце XVII-го века борьбой между курицами и лобонцами, в которой участвовали отчасти и крестьяне².

В церкви в Ремея находятся иконы византийского стиля с славянскими надписями.

Славянская книга помогла румынскому населению Трансильвании избежать ассимиляции с венгерским населением в государстве, где господствовали венгерский и саксонский языки. Славянская культура подняла православное трансильванское население на высокий уровень развития. Славянская книга носила не только церковный характер; книги на славянском языке были разнообразных типов: с историческим, дидактическим, анекдотным, юридическим и даже литературно-художественным содержанием. В северо-западной Трансильвании написаны известные «Сказания о Дракуле Воеводе». В областной библиотеке в Оради хранится до сих пор одна из замечательных книг древней чешской литературы: космография *Vsesho sveta kronika*... 1554 г. Млада Зигмуна из Пухова, переработанная по образцу космографии Себастиана Мунстера. В ней в большом количестве сведения о Трансильвании, Валахии, Владе Цепеше. Книга была широко известна в Трансильвании, где культура гуманизма распространялась и людьми, знающими славянский язык⁴. С запада, через сербо-хорватскую среду приходит знаменитый народный роман «Александрия», который где-то на севере Трансильвании был переведен на румынский язык. Перевод сохранился в поздней копии, сделанной Попом Ионом Румыном из Сымпетра Хуньедоарской области⁵. Дидактические труды великого чешского педагога — Яна Амоса Коменского, особенно «*Didactica magna*», «*Orbis sensualium pictus*» и «*Praecepta morum*» были широко распространены в Трансильвании. На основе последнего труда разрабатывается и печатается азбука украинского языка⁶. На севере Трансильвании также была широко распространена известная: «Славорутенская Грамматика», М. Лучкая 1830, переработанная после Смотрицким⁷ и И. Добровским.

² Șt. Moțaș, *Istoria bisericii române din Transilvania*. I. стр. 372, а также рукописный материал из Архива г. Орадя о *Cărți și cărturari bihoreni din veacul al VI-a până la începutul sec. XIX-a*.

³ P. Olteanu, *Lexicul Povestirilor slave despre Vlad Țepeș*, «Rev. Univ. C. I. Parhon», Buc., 1955.

⁴ P. Olteanu, *Știri despre romini și țara lor în cea mai veche cosmografie cehă*, în «Studii de Istorie Medie», 1958.

⁵ Копия хранится в *Codex Negoeanus*, Acad. R.P.R. Mss. ч. 3821. в лексике имеются славянские следы как нагомудри, неоглави; мир так брате; и о всем радости. N. Cartoian, *Cărțile populare în limba română*, I. *Epoca Sud-Slavă* N. Iorga, *Ist. lit. române*, I, 1929 стр. 213—231.

⁶ Я. А. Коменский проживал с 1650 г. по 1654 г. в Карол-Патаке, на северо-востоке Трансильвании. Stanciu Stoian și I. Antohi, *Opera lui Komenský, temelii școlii și pedagogiei la istoria pedagogiei*. Бухарест 1958, стр. 107.

⁷ В. Погорелов: *Карпаторусские этюды*, Братислава, 1938 г. стр. 5—56. Г. И. Геровский, *Русский язык в церковно-славянско-русской грамматике М. Лучкая*, (Карпаторусский сборник, Ужгород 1931, стр. 259—311).

Из вышесказанного вытекает, что славянский язык и славянская культура в Трансильвании находились на высоком уровне развития. Местные трансильванские власти и знатные люди переписывались с Молдовой и Валахией на славянском языке. До сих пор известно около шестисот документов подобного рода с достаточно богатым и разнообразным содержанием, для передачи которого был необходим довольно развитый славянский язык. Наиболее известными центрами этой культуры были — Монастырь в Перихрушико; православные протопопаты, как например, в Ораде, Альба-Юлии, но особенно саксонские города: Брашов, Сибиу, Фэгэраш, Бистрица.

Полагают, что славянский язык, используемый в Трансильвании того же характера, что и славянский язык, используемый в Валахии и Молдове. Это справедливо, главным образом в отношении южной части Трансильвании; что касается северной части, то там употреблялся славянский язык, названный нами «карпатским», в котором встречаются многочисленные моравизмы, архаизмы, украинизмы и полонизмы.

Положение славянского языка в Трансильвании отличается от положения славянского языка, использованного в Валахии и Молдове: число рукописей и книг, изданных в Трансильвании на славянском языке очень невелико. В подавляющем большинстве они поступали из других стран, особенно из Валахии, Молдовы, Сербии, Украины, Польши, Москвы, Киева, Будапешта и даже из Венеции⁸.

Богослужебные книги для северотрансильванского славянского населения печатались на Украине, в Польше и даже в восточной Словакии, в Белграде, Мункача, Ужгороде и т.д. Недавно в двухстах церквах Бихорского района было найдено больше 900 книг, из которых: 277 были изданы в Валахии — в том числе 115 в Рымнику Вильчи: 12 напечатаны в Москве; 2 — во Львове; 2 — в Венеции. Много дяков и славянских переписчиков, переплетчиков, живописцев прибывают из Валахии, Молдовы и из других центров славянской культуры. Поэтому славянский язык Трансильвании не носит унитарного характера и не представлен в единой редакции.

То же самое можно сказать и о языке, использованном в канцелярских документах. В Трансильвании не было славянской канцелярии; документы появлялись спорадически: из общего числа 600, большинство было создано в Валахии и Молдове. Наше исследование посвящено изучению языка только тех документов, которые были изданы в Трансильвании. И даже среди них мы оказали предпочтение тем, которые исходили от местных властей и знатных людей Трансильвании. Речь идет об около десяти документах исходящих от брашовских кирока и прыгарок⁹, о реестре расходов —

---

⁸ P. Olteanu, *Aux origines de la culture slave dans la Transylvanie du Nord et le Maramureș*, «Romanoslavica», Бухарест. I, стр. 169, 1958.

⁹ Gr. Tocilescu, *534 documente istorice slavo-române*. Бухарест 1931, стр. 464—469.

очень важном для изучения принятого на юге Трансильвании к началу XVI-го века¹⁰ славянского языка, из Фэгэраша, Бистрицы, Сигета¹¹ — имеем по одному документу. Среди них наиболее важным с точки зрения его древности и языка восточнославянской редакций является акт от I мая 1404 года¹².

Кроме этих документов следует упомянуть документы, изданные позже в Трансильвании: документ от 28 сентября 1419 г., выданным в Ораде, Сигизмундом, в котором он подтверждал веротерпимость православным Валахии¹³. В том же городе в 1537 г. Иоаном Заполия были посланы Мехмет-бею три документа¹⁴, написанные на славянском языке сербской редакции, использованного в качестве дипломатического языка в канцеляриях венгерских королей, а с XV-го века — и в канцеляриях других балканских стран, в том числе и румынскими княжествами, включая и южную Трансильванию. Венгерских королей сопровождали дьяки и писцы, знатоки этого языка, и в любом месте, по необходимости, они издавали соответствующие документы на славянском языке. Таким образом Сигизмунд издает документы в городе Хагенау в Швейцарии (1418 г.), в Братиславе (1428 г.). Это не значит, что в соответствующих местностях, ни даже в Ораде, пользовались постоянно этим языком. Поэтому в нашем исследовании язык этих документов изучается более в сравнительном плане, а не как первоисточник для характеристики славянского языка. На севере Трансильвании и в Марамуреше, в крестьянских домах, еще можно найти заботливо спрятанные за закопченными балками документы, написанные на славянском языке карпатской редакции с многочисленными полонизмами и украинизмами древнейшей поры¹⁵.

Изводы, место, эпоха и характер текстов настолько разнообразны, что в таких условиях славянский язык Трансильваний не имел унитарной структуры. Язык этот зависел не только от происхождения и культуры писца, но и от культуры и происхождения местного славянского населения. В Трансильвании перекрещиваются все три славянские редакции, кроме «карпатской» редакции, использованной в северной Трансильвании и в Марамуреше.

---

¹⁰ G r. T o c i l e s c u, *Цит. тр.* стр. 469—475.

¹¹ Из Фэгэраша имеем документ судьи Майлата к брашовянам (G r. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 468) Из Бистрицы — документ число 533 Григория по поводу размежевания некоторых пастбищ (G r. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 549—550).

¹² Документ представляет собой очень развитую форму с точки зрения дипломатики, палеографии и языка, что является доказательством того, что такие документы в северной Трансильвании писались гораздо раньше, но не сохранились. См. Н. С. А н т о ш и н: «*Закарпатская грамота*» «Научн. записки». Унив. Ужгород, 1955, стр. 3—62.

¹³ P. P. P a n a i t e s c u, *Documentele Țării Românești*, Бухарест. 1938, стр. 121—125.

¹⁴ G r. M i k l o s i c h, *Monumenta serbica*, 1858. стр. 553—556.

¹⁵ P. O l t e a n u, *Aux origines de la culture slave...* стр. 188—197.

На базе материала, имеющегося в нашем распоряжении, не претендуя на исчерпывающую постановку проблемы, мы укажем на самые важные особенности славянского языка Трансильвании в хронологическом порядке и по редакциям.

Мы остановимся меньше на характерных чертах болгарской редакции, так как они более известны и встречаются во всех трансильванских текстах. Церковнославянский язык носит отпечаток болгарских говоров окрестностей Салоник. В чистой болгарской форме этот церковный язык не использовался даже в Великой Моравии, где он настолько моравизировался, что к концу IX-го века, когда ученики Кирилла и Мефодия, изгнанные из Моравии, возвратились в Болгарию, возникла необходимость его пересмотра с целью придания болгарского вида. В этой форме он использовался и у нас, только с более аналитическим строем, установившимся еще в XIII-ем веке¹⁶. Кроме того, он имел некоторые особенности, узаконенные позже орфографией тырновской школы патриарха Ефтимия, как «л» эпентетик и др.¹⁷. Среднеславянский язык болгарской редакции сохранился лучше в церковных книгах. В частных документах, в записях и надписях аналитический строй проявляется гораздо сильнее. В лексику и даже в грамматическую структуру проникают многочисленные румынизмы¹⁸, венгеризмы и грецизмы. Многие элементы восходят к живому языку хубак, прозорец, елаа - елаате, ебати.

В церкви в Крыщёре найдены под портретом основателей надписи. Повидимому писец знал недостаточно славянский язык. Он пишет «раба» и для мужчин и для женщин: «раба божи ласлакоу билак... раба божи жупаница кише... раба божи штефанъ билак... раба божи хтиторъ жоупаноу килак...»¹⁹ «раба» известен и древнеславянскому и болгарскому живому языку. Эти надписи датируются приблизительно концом XIV века. Надписи церкви в Рибице, Хунедоарской области богаче и написано книжником хорошо знающим установленный порядок славянских надписей²⁰. В языке жития встречаются среднеболгарские элементы, а именно — вместо синтетических форм склонения используется один раз форма с предлогом: . II съ

¹⁶ К. Мирчев. *История грам. на бълг. яз.* — София, 1953. стр. С т. М л а д е - н о в. Значението на боянския надпис за бълг. яз. «Ист. годишник» XXXI.

¹⁷ Проф. С. П. Бернштейн отмечае эти руманизмы в: «Розыск. в области болгарской исторической диалектологии, Москва, 1949, стр. 251.

¹⁸ G. T. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 469—475 Л. М и л е т и ч — *Седмоградските българи* стр. 90—92 и «*Нови грамоты...*» стр. 147; указывает на то что: «jella» и «jellate» существует и в говоре трансильванских болгар. «Ела» возможно < новогреч.: ἔλα ἐλάτε или ἔλαω или с турецк. «ala».

¹⁹ S. D., *Vechile biserici...* стр. 229; 259.

²⁰ „Изкопанимъ отца и пославшимъ сна и съкръшенимъ... сконча и сѣвога ѿ поста... съкръши поплъ драгошникъ въ актъ хъци меца юли и съкръшии и неписа... рѣкж“ (S. D. g o m i r, *цит. тр.* стр. 254).

жоупаницѣ «го стана» вместо: «съ жоупаницѣ». . . Однако здесь может быть также влияние румынского языка, которое более явно обнаруживается в артикулованных именах собственных: «жупанъ Миклакушѣ». Встречаются также сербские элементы: «сѣда < sȑda »; и восточнославянские — возвратное местоимение «се > ся», присоединенное к глаголу: «сѣкръшишь и исписа ...»

Личное местоимение используется в дательном притяжательном падеже: «жена и деца мѣ; родители ми»²¹. Редко употребляется инфинитив; он заменен конструкцией «да» с изъявительным наклонением: «да ми чинит». А будущее время образуется с помощью: «щѣ».

Болгарское влияние сильнее ощущалось в южной Трансильвании вплоть до второй половины XV-го века, когда усиливается сербское влияние.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА КАРПАТСКОЙ РЕДАКЦИИ

В основе языка Кирилла и Мефодия лежат болгарские диалекты окрестностей Салоник. Благодаря этим двум учителям вышеназванные диалекты стали литературным языком всех славянских народов. В начале этот язык использовался в Великой Моравии, где испытал влияние местных языков славян Моравии, в результате возникает древнейшая редакция церковно-славянского языка, *моравская редакция* ²².

Общеизвестно, что эта культура распространилась еще в IX-м веке в Польшу, в Западную Украину и, вероятно, в Северную Трансильванию и в Марамуреш. Закарпатский историк Гадзегга считает, что там, среди восточных славян в Карпатах христианство распространилось во второй половине IX-го века, когда Кирилл и Мефодий находились в Моравии. В то же время в этих местах были основаны и первые монастыри. Это было осуществлено, вероятно, благодаря моравским славянам Северозападной Трансильвании. Подтверждают это предположение данные недавних археологических раскопок ²³ и некоторые языковые факты, сохранившиеся в топонимии ²⁴, ономастике, в местных румынских говорах и в церковно-

²¹ Этот дательный, притяжательный падеж свойствен также румынскому языку.

²² M. Weingart, *Ceskoslovenský typ církevně-slovančiny*, Bratislava, 1948, стр. 9—121. См. также труды словацкого слависта Ján Stanislav: *Dejiny slovenského jazyka*, I, 1956, стр. 34—49.

²³ D. Mascia устанавливает, что в IX веке на северо-западе Трансильвании поселился новый слой славяноморавского населения. (*Necropola de la Someșeni* «Tribuna», Cluj, 1957, Nr. 8 стр. 3—4. *Raportul de activitate pe 1957*).

M. Comsa поддерживает то же мнение, основываясь на данных исследований керамики местного славянского населения, тождественной с керамикой моравских славян. Доклад напечатается.

²⁴ E. L. Moór: *Die slavischen Ortsnamen der Teissebene*. ZONF VI, 1930: 1—37: 105—140. Ján Stanislav, *Slovenský juh v stredoveku I—II*, 1948, Martin. P. Olteanu, *Numiri slave în Transilvania de Nord*, «Limba și Literatură», III, 1957, Бухарест, стр. 193.

славянском языке, который в Трансильвании и Марамуреше до настоящего дня используется славянским православным населением, то есть словаками, русскими и карпатскими украинцами. Этот церковнославянский язык является карпатской редакцией церковнославянского языка. До сих пор он не исследован. А может быть это и есть древнейшая разновидность славянского языка, которым пользовались в Трансильвании²⁵.

Наряду с основным болгарским словарным фондом, присущим любой редакции, в грамматическом строе и в лексике этого языка встречаются моравизмы, панонизмы и местные карпатские элементы.

В большинстве случаев моравизмы, отмеченные в карпатославянском языке те же, на основании чего слависты П. И. Шафарик, А. И. Соболевский, М. Вайнгарт, Я. Станислав, А. В. Исаченко и другие установили мораво-панонское происхождение разных текстов или славянской топонимии²⁶.

В числе таких фонетических особенностей отмечаем: $\text{ъ} > \text{«o»}$ и «e» $\text{сѣнѣ} > \text{«сон»}$ и сѣн ; $\text{тѣнѣ} > \text{ton}$ и ten как в словацком языке. $\text{тѣтѣ} > \text{tot}$, как в восточнославянском языке и в южновосточной области Гемера. Форма «tot» встречалась и в древнечешском языке²⁷. Таким образом ten и tot в карпатославянском языке являются моравизмами. Древнеболгарский язык имел «tenъ» . Моравизмом является также приставка $\text{so-} < \text{сѣ-}$: sohrešiti , sošvoriti или $\text{вѣ-} > \text{vo-}$: vonmen

$\text{к} > \text{е}$: $\text{дѣнѣ} > \text{«deñ»}$.

$\text{ж} > \text{u}$: ruka , mučiti .

$\text{ж} > \text{ä}$, а : imä , $\text{hradet} < \text{grędeti}$.

Отмечаем стяжение: $\text{dobrojemu} > \text{dobrému}$ являющееся отличительной особенностью западнославянских языков и присущее церковно-славянскому языку словако-грекокатоликов. Субстантивированные и краткие прилагательные имеют место и в славянском языке карпатской редакции: «просты человек, грешны Ефросинь, Щефан Волоскы, дѣжны — должен».

« R, l » представлены в центральнословацком южнославянском и восточнославянском варианте «smrl» и «смѣртѣ» «krm» и «корм» , кормлати , dlhý и «долхи» , stip и «столи» .

Те же варианты написания встречаем и в группе плавных согласных; метатезированные формы сближаются словацким и с южнославянскими язы-

²⁵ P. Olteanu: *Aux origines de la culture slave* стр. и, 185 *Lexicul povestirilor slave despre Vlad Ţepeş*, Бухарест, 1955, отпечаток.

²⁶ P. I. Šafařík: *Über der Ursprung und die Glagolitismus*, Praga, 1858.

А. И. С о б о л е в с к и й: *Церковно-славянские тексты моравского происхождения*, «Русско-фил. Вестник. Сборник отдел. русск. языка и словесности». Петерб. 1910 г. XXXXVIII. ном 3. M. Weingart, *цит. труд.*, I. Stanislav, *цит. труд.*, стр. 34—39; 207—232..

²⁷ Форма «tot» еще сохраняется в каймавском диалекте и, может быть, в Истрии. J. Stanislav, *цит. труд.*, стр. 57, 122—123, 209, 216, 217.

нами: *presladkoe*, *chranitis*, полногласные формы с восточнославянскими: *присолодкое*, *хоронитись*.

Переход $g > h$: *pagъ > nahý*; *grobъ > hrob*, свойствен как моравскому, так и украинскому²⁸ изводу. Яркими моравизмами являются те слова, в которых встречается не только $g > h$, но и метатеза плавных согласных: *hlava*, *hrad*, *hlahol*.

В некоторых случаях встречаем и стяжение: «*hradý*» < *gradъ-jъ*; *dobrého* < *dobrajego*.

Имеются: *r*, *l* слоговые, как в центральнословацком языке, и стяжение: *hrdý*, *dlhý* или *hlboko*²⁹. В восточнословацком диалекте в таких случаях сопровождающий гласный: *долхи*, *хорди*, как в украинском и русском языках. Следовательно, формы: *hrdy*, *dlhy* в карпатской области являются моравизмами.

Другим моравизмом, в церковнославянском языке карпатской редакции, заимствованным из центральнословацких диалектов, где он считается южнославянским элементом, являются группы: «*ort*, *olt*» > *rat*, *lat*: *rozum* и *gazum loni* и *lani*, *loket* и *laket*, *роженъ*, *розтригся*. Этот процесс имел место с VI-го по IX-й век³⁰ в области между Малыми Карпатами и Нитрой, где также под южнославянским влиянием возникла: *dl*, *tl* > *l*: *molim*, *kadilo* раньше было *dl*, *tl*: *modlim*, *kadidlo*. Эти фонетические явления характеризуют центральные и западные словацкие диалекты, развившиеся позже³¹. Отсюда некоторые фонетические особенности проникли в моравскую редакцию церковнославянского языка, а также сохранились и в славянском языке карпатского извода.

Группы: *kt*, *gt*, *tj* > *št* и *dj* > *žd* продолжают болгарскую традицию, напр. *pošt*, *nemošt*, *alčušti*, *odežde*, как в западнославянском языке моравского извода: > *c*, *z*, *dz*: *nemos*, *všemohuci*³² калька латинского: *omni potens*), или: «*ѡѣцаной*». Эти же группы встречаются и в восточнославянской огласовке в церковно-славянском языке карпатских украинцев и русских: «*всемохуци*³³, *ночь*, *мочь*, *утверждение*, *безмежное*».

«*L*» эпентетикум встречается часто («*откупление*, *земля*, *обновление*»), но непоследовательно.

²⁸ В словацком языке процесс $g > h$ завершился к концу XII-го и к началу XIII-го века. J. Stanislav, *цит. труд.* I, 38. — В украинском языке процесс $g > h$ завершился в XIV-ом веке.

²⁹ *Молитвеникъ для греко-катол. русск. народа*. Прешов, 1944, стр. 62—63. *Chval'te boha*, *sostavil Pavel Spišak*, Ružomberok, 1942, p. 224, 247. *Молитвеник или набожные молитвы и песни для русских лиц*, A. Duchnovici, Užhorod, 1926.

³⁰ Ján Stanislav, *цит. труд.* стр. 36.

³¹ Отсюда имеется *dl*, *tl* > *l* в старых чешских документах. Ján Stanislav, *цит. труд.* стр. 41, 52, 119, 216.

³² *Chval'te boha*, стр. 41.

³³ *Молитвеник*, стр. 46.

В этом церковнославянском языке встречаются такие глагольные формы — как «vrazumeti, urazumeti» — которые И. Иречек считает моравизмом словацкого происхождения.

Существительное «имя» встречается часто: imä в Венском евангелии и в Псалтыри Климента, которые, по Иречеку, также моравского происхождения.

Группа str > sr: sreda, sretnuti — как в центральных словацких диалектах, в церковнославянском языке карпатского извода и сербо-хорватском языке. Это упрощение, которое произошло в народноразговорной речи, имеется и в румынском языке в Трансильвании, куда проникло из церковнославянского языка: Sretenie = церковный праздник (2 февраля).

Встречается форма «cirkev» с «i», что для северной Трансильвании³⁴ объясняется через центральнословацкий диалект. Имеется также в Киевских листках: «циркѣае».

Древнечешский язык имел: «cierkev» а с XIV-го века: «cirkev», Форма: cirkev распространилась от Адриатического моря через Хорватию в Центральную Словакию, а к XIII-му веку в Польшу: cyrki имен: cirkьky³⁵.

Церковнославянский язык Северной Трансильвании сохраняет и в морфологическом строе некоторые моравизмы, из них отмечаем:

Существительное «мать» сохраняет старую основу «mati» как и в некоторых словацких документах и в народной словацкой поэзии³⁶. В церковнославянском языке карпатского извода используется в этой форме, особенно имен. и зват. пад.: «hlahola mati jeho sluham»³⁷; Или: «I v hriešiech rodi ma mati moja».

Зват. пад. других существительных употребляется в форме именительного, как в центральнословацком диалекте³⁸.

У существительных муж. р. в зват. пад. ед. ч. имеется: «I» саги mōj! ³⁹. Личное местоимение I-го л. имеет и старую форму: jazъ; дат. ед.ч.: mne, а вин.ед. ч.: mьja как в западнославянских языках; «ku mně», встречается в церковнославянском языке⁴⁰ у хорнятов из Перега, Печикского района Тимишоарской области.

«Tohto» вместо «tohoto» является также словакизмом, редко встречаемым. Местоимение «который» передается польским: «iže», словацким «ktorý», украинским «ketri» и карпаторусским: «kotri».

³⁴ Chval'me boha, стр. 14, 241.

³⁵ Ján Stanislav: Dejiny, стр. 209.

³⁶ Ján Stanislav: Dejiny... I, стр. 38 А. В. Исаченко: *Индоевропейская славянская терминология родства в свете марксистского языкознания* «Slavia» XII, 1958 г. стр. 43—80.

³⁷ Chval'me boha, 268²; 229—231.

³⁸ Ján Stanislav: Dejiny... р. 228.

³⁹ Chval'me boha, стр. 403.

⁴⁰ «Da prijde mati hospoda jeho ku mně. (Chval'me boha, стр. 230—231).

Местоимение: «što» и «ništo» сохраняется до нашего времени в южнославянском диалекте.

Прилагательное характеризуется краткими формами, существительными употребляемыми не только как именной частью составного сказуемого, но и как определение: «zdravъ, grozenъ, bogatъ, diven, silen boh».

Частица «naj», которая сопровождает повелительное наклонение проникла в церковнославянский язык карпатского извода, наверное, из украинского разговорного языка: «i naj na mene isprovedsja». Однако в той же роли встречается и частица «da», которая характерна для старославянского языка болгарской редакции.

В церковнославянском языке карпатской редакции часто встречаются *действительные причастия в роли предиката*. Особенно причастия прошедшего времени на: —(к) ѣ, которые в церковной редакции имеют краткие формы: *otroky ot pešti izbaviu; sy i prežde syi*⁴¹; *ot hroba i mrtvyja vozdvihnuv*⁴². Употребление этих причастий в роли предиката является архаизмом и местной особенностью. В церковнославянском языке карпатского извода они еще более архаичны, потому что встречаются также у глаголов несовершенного вида — как это было в старославянском языке, напр: «hradu» *jady*⁴³. Они были заменены причастиями на —л— как доказал А. А. Потебня еще до письменной эпохи. Однако, в зависимости от места и аспекта, замена была различной. Как устанавливает И. П. Ломтев, были полностью заменены только причастия на: —(к) ѣ и от глаголов несовершенного вида; от глаголов совершенного вида были заменены только в определенных диалектах, например, в тех, из которых развился русский язык. Наоборот в белорусском, украинском и карпатославянском языках они были широко распространены⁴⁴.

Очень редко встречаем такие причастия вместе со связкой: *къ бо къ рождъ с ѿ*⁴⁵. Чаще встречается связка с причастиями настоящего времени

⁴¹ «I naj budeti».

⁴² *Chval'me boha*, стр. 404.

⁴³ *Chval'me boha*, стр. 267, 437, 365; стр. 410: «Prepodobne, evanhelie, isplnio, položil jesi . . .» — *Chval'me*, стр. 410.

⁴⁴ А. А. П о т е б н я, *Из записок по русской грамматике*, Харьков, 888 I, стр. 132—133.

И. П. Л о м т е в, *Очерки по истории синтакс. русск. языка*, Москва, 1956, стр. 190-192.

Е. В. Н е м ч е н к о, *Именные формы действ. причастия в древнейших памятниках чешского языка*, в *Исч. записки Инстит. славяноведения*, 1954 стр. 225-256. N e m e c I. K. *otázce staroslověnských participií praes. act. sloves. dokonavých*, «Slavia», Praha I. 1957 стр. 1—12.

О распространении этих причастий в украинском и белоруском языке см.

А. М е л ь н и ч у к, *Развитие предикативного употребления причастий на —(в)ъ, —(в)и в Восточнослав. язык.* Сборник слав. языка Киев, 1957 г. и «Вопросы языкозн.» 1957/п. 5. стр. 150

⁴⁵ Встречается в Октоихе использовавшемся в Трансильвании (Библ. Акад. РНР, Мсс. 41), представляется редким свидетельством, потому что в Остромировом евангелии нет подобного примера и даже в русских летописях они редки.

действительного залога: «Царь к к р а т о у л с а ⁴⁶ или: к и х о м к к е с е - л а щ е; или: п о д о к н и н а м к б ж д ж т к т в о р а щ е н е м; ⁴⁷.

Но встречаются и одиночные причастия только в роли предиката: Они ч а ю щ е ш т н е г о к е л и к о н ѣ ч т о н г л а г о л а н а ⁴⁸.

Однако архаической и местной чертой церковнославянского языка карпатского извода является то, что в нем встречаются чаще в роли предиката причастия прошедшего времени на: — (к)ъ », чем причастия настоящего времени, что отсутствует в других текстах. Это подтверждают данные церковнославянского языка и исторических художественных сочинений, как Сказание о дракоуаѣ кождѣ, которое — по нашему мнению — написано на карпатосреднеславянском языке ⁴⁹ русской редакции. В нем имеются 39 причастий прошедшего времени на — (к)ъ, из которых 14 выступают в роли предиката: они г а д ш е и к о з в е с м и н а с а. Причастий настоящего времени предикативного употребления только 6.

В нецерковнославянском карпатославянском языке « g » сохранился, — однако, в этом языке, как и в церковнославянском имеется много архаизмов, русизмов и западных элементов. Сохраняется, например, инфинитив и редко встречается конструкция « da » в изъявительном наклонении. Сохраняется двойственное число: i budete dva vъ ploti jednu; ⁵⁰; или: « приняи два ланинска мнѣха; »; или: « и покѣа ѿ рѣцѣ отѣщи » ⁵¹.

В числе лексических архаизмов отмечаем: *prsti* ⁵²; *lanita*, *chodataj*, которые встречаются и в Киевских листках; *chorigovъ* < *chorogъ* ⁵³, *likъ*, *likovati*; *prachnetъ* считаемый моравизмом, заменившим слово: *zъlъ* ⁵⁴; « *vladika*, ». со старым смыслом: владелец, властитель, царь: *Hospodi*, *Vladiko*, *života mojeho*; встречается и: « *Vladkyňa* ».

Имеется ряд грецизмов из языка Кирилла и Мефодия: *liturgja*, *trapeza*, *episkorpъ*, *igumenъ*, *ikona*, *chorъ*, *dogmaty*, *jerei*.» Встречаются и другие слова — кальки греческого языка: *blagosloviti* = εὐλογέω а *dobrorečiti* »

⁴⁶ Сказание о дракоуаѣ кождѣ (1487) лист 206 ч.

⁴⁷ Ps. Scheiană, I. A. C a n d r e a. Смотри у:

P. Olteanu, *Funcția predicativă a participiilor active în textele slavo-române*. Vol. omag. I. Iordan, 1958.

⁴⁸ Сказание о дракоуаѣ кождѣ 1486. лист. 207 в. рукопис Белозерск.

⁴⁹ P. Olteanu, *Lexicul povestirilor slave despre Vlad Țepeș Buharest*, 1955, « Rev. Univ. » *Limba Povest. slave despre Vlad Țepeș Buharest*, напечатается в 1959 году.

⁵⁰ *Chval'me boha*, p. 267.

⁵¹ Сказание о дракоуаѣ кождѣ лист. 210 в. Рук. Белозерск.

⁵² *Sozdavy človeka ot prsti*: вся персть, вся пепель.

⁵³ *Молитвенник*, 435; *Chval'me boha*, p. 263.

⁵⁴ Fr. Miklosich, *Lexicon palcoslovenicum*, 1094. Л. А. Булаховский считает, его, старым русизмом, *Питания*, стр. 96. I. Stanislav (*Definy* ... I. 1956, стр...) считает его моравизмом.

представляет латинское *benedicere*; «*vyšedržitelj*» калька: < *Παντοκράτωρ*, но *vyšepohuci*⁵⁵ или: *кхсемохуци* < с латинского «*omnipotens*».

Многие грецизмы и болгаризмы в карпатославянском языке заменены моравизмами латинского происхождения, реже германского: *тхъа* < латинского: *missa*, *kriz* < итальянского: *croce*; *kostolj* < лат: *castellum*; «*opat*» — абат; *biskupъ*⁵⁶, *žalmj*, *obetъ*; *sobota* из литературного греческого: *σάββατον*⁵⁷; *mlich* из германского *munich*.

В карпатославянском языке встречаем «кара» из среднелатинского: «*sarpa*»⁵⁸ (головной убор); *kramola* среднелат.: *carmula*⁵⁹, что является архаизмом, засвидетельствованным в моравославянском языке в значении: «восстания, бунта», а позже «заговора»⁶⁰, заменяя древнерусское слово: *котора*⁶¹. Встречаем его и в Сказании о дракоуах, 214: *онъ сконъ издахъ не крамолъ*.

Иногда в карпатославянском языке греческое слово сосуществует со славянским или латинскими словами: *ikona* и «*obraz*»⁶², «*rusalije*» и греческое «*pentikostije*»; или сак. *схлъ*, *посхлъ*, *аносхолъ* и греческое: *анокансаръ*⁶³. Последнее греческое слово широко распространено в славорумынских документах. Греческое: *архиспратигъ* сосуществует с «*archivojvoda*»⁶⁴.

«*Ran*» имеет значение латинских: *dominus* и *deus* как в велокоморавских текстах. Такой же извод имеют сложные прилагательные: *маломонъ* которое сосуществует с украинским: *хворый* или *маломудръ*⁶⁵.

В значении понятия «жизнь», встречаем: старое слово «*žitie*» засвидетель-

⁵⁵ *Chval'me boha*, p. 318.

⁵⁶ В Сказание о дракоуах...: *оу карадинского кнезюпа*.

⁵⁷ В народногреческом языке: *σάββατον* древнеслав: *соко́та* сохраняется в венгер. «*szombat*».

⁵⁸ V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha, 1957, p. 191. Засвидетельствовано в Сказании о дракоуах f. 204: «*а канъ сконъ я глахъ не слыша*».

⁵⁹ V. Machek, цит. труд. стр. 232: считает, что эпоха и обстоятельства, при которых оно заимствовано, неизвестны также как и: «*Karl* > *Kralъ*», то есть до метатезы плавных согласных.

⁶⁰ Встречается в переводе номоканона Иоана Схоластика († 578 г). перевод сделан вероятно Мефодием в Великой Моравии. Перевод сохранился в «*Ustjužskaja kormčaia kniha*» с XIII-го века—Mss. № 108 в Музее Румянцева, теперь в библиотеке имени Ленина, о котором M. Weingart говорит: *Je lexikálne veľmi starobylý v niektorých slovách shodný so stslav. životom sv. Metoda... komkanie* < латинского-сообщение — *communicare*: *kramola*, *mäsopest*. (Českoslov. typ cirkevnej slovančiny... Bratislava, 1948, стр. 25—26.

⁶¹ M. Wasmers... I. Šreznievski, *Материалы для древнерусского языка*, I, 1893, С. 1913.

⁶² «*ловъзани икону*» — *Chval'me boha*, стр. 401.

⁶³ См. здесь: сербскую редакцию, и Ján Stanislav: *Dejiny*... стр. 57.

⁶⁴ *Chval'me boha*, стр. 449.

⁶⁵ *хворого посхлциши*, (Молитвенник для...)

ствованное и в « Книге з Жилины », 1457 г. *životъ* — общепринятое в наше время в чешском и словацком языках, но отсутствующее в украинских и белорусских документах;⁶⁶ и *žiznъ*⁶⁷.

Godina = час, имеющий 60 минут, но « čas » = время, как в моравославянском языке; в греческом и словацком языках имеется: hodina = час⁶⁸.

Типичным моравизмом является: *tyžden*, которое не связано ни с русским (неделя), ни с болгарским (седмица). Понятие « одеяние, одежда » выражается через: *odeža*, или в болгарской огласовке — одѣжда; а верхняя убашка через *срачица* старослав.: < сѣрѣкъ, заменяя греческое ἐπενδύτ. Нижняя обшивка одежды священников называется *omet-omät<mesti* (сбрасывать, lat. *jacere* вероятно в слиянии: *omäti* (давить, нагромождать). Оба объясняют смысл понятия рум.: « omät » « сугробы », то есть нагромождение снега рассеянного, нанесенного метелью. Понятие « сбрасывать » рассеивать не объясняет в достаточной мере « omet », которое связывается с украинским и русским словом: « омёт ». Встречается также в ротацизирующих текстах переведенных с карпатославянского извода. В Ворон. Псалтыре имеется: мир... съходящее на *ометы* одежда его⁶⁹. В русских версиях имеется: « на ометы его ». В сербохорватском « omet » заменен словом: *скѣт*; в Кралицкой Библии заменен словом: *podělek*⁷⁰. Румынское слово: *omät* (сугробы) распространено в северо-восточных областях Румынии, что указывает на его карпатовостонославянский извод. Такое же распространение имеет и слово: *колюкъ*; в сербской редакции: *кѣхъ* < стсл. *oklchъ*⁷¹.

Наряд с: *казнал* встречается: *скаркъ*⁷². « гостъ » сохраняет старое значение: « купец », и « иностранец »; а слово: *ближнн* означает: родственник, преданный, искренний⁷³. Наряду с « ад » часто употребляется « *reklo* »⁷⁴, которого не знают ни южнославянские, ни восточнославянские

⁶⁶ A. Sprinsek, К сравнительному изучению лексики московских и украинских грамот XIV—XV-го веков. « Вопр. яз. » 1956, № 6 стр. 120.

⁶⁷ *Молитвенник для...* Прешов, 1944 г. стр. 62.

⁶⁸ Украинцы из Сигета употребляют в церковных песнопениях *приносими нинѣ тяжелу годину* или: *пришла моя последна година*.

⁶⁹ Вор. Псалт: CXXXII, 2, переводит. рум. сл.: « omätъ ». C. Gălușcă: *Slavisch-Rumänischer Psalterbruchstück*, Hale 1913, p. 184. Скеян. Псалт имеет тоже « omätъ », а Псалт. Хурмузаки: *tivială, tivitură*, (то есть: обшивка). I. Candrea: *Ps. Scheiană* II. стр. 44.

⁷⁰ Библия, Москва, 1941 г. стр. 370. Библия, Београд, 1923 г., стр. 580. Које се стаче на сѣт од халѣне нѣгове Kral. Biblia tekouci až i na podělek roucha jeho. (стр. 570).

⁷¹ В других редакциях: *mudrec* — волшебник, маг. В сербской редакции славорумынских документов: *кѣхъ* или болг. *каѣхъ* — маг, волшебник, вор, разбойник. В древнерусском имеется и женское слово: *колюшница* M. Vasmer, *цит. труд* стр. ...

⁷² A. I. Sprinčak, *цит. труд* стр. 122, *skarbs* (украин. *скарб*) встречается и в славорумынских документах, восточнославянской редакции.

⁷³ А. С. Львов = Из наблюдений старославянских памятников, 1954, стр. 170—171.

⁷⁴ « Не кидай мсня до пекла » Chval'me boha, p. 282.

языки. В значении «чистилице» употребляется: «mytarstvo» и «čistilište» а на словацком «Očistec». Таким же западнославянским своим германским происхождением является: *museti* < герм. *müssen*; на украинском: «мушетъ»⁷⁵; тоже *дяковать* герм. «*dancken*».

Часто встречаются глаголы: «činiti, povedati, hlaholati, vonzati» в украинской редакции — «горнутися»; — «šatatisja», hradeti, (Chvalme boha, стр. 440), «zuvva», «lišati» — оставить — как в сербскохорватском. *Tägar* нам кажется также моравизмом, потому что в старочешском языке имеется: *těhař* — *robotník*. Древним выражением является: радъ ѿдъ, а рахунокъ — германизмом⁷⁶. Также является: «reľeny» — на словацком: *plienky*. Отрицание «ni» является моравизмом, употребляемый и в настоящее время в южных и центральных говорах словацкого языка⁷⁷. «шчиро» имеет тот же смысл, что и «вельми». «хосенъ» = полз. с магиарчины. *кирекъ* (с мягким «р» под влиянием подкарпаторусских говоров) является местным заимствованием с венгерского языка.

Славянское население Карпат, используя этот язык в качестве языка богослужения, в котором почитают ряд западных святых, убеждены, что он является подлинным кирилломефодиевским языком, а также что у них сохраняется старая и православная вера. Поэтому они и называются: «старокерци»⁷⁸.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ РЕДАКЦИИ

Славянские тексты «восточной» редакции в Трансильвании имеют два оттенка: с одной стороны, в документах, посвященных Ардялу — прибывших в Ардял, или происходивших из Ардяла — отражен язык молдавской канцелярии; с другой стороны, отражен тот русский язык, довольно архаичный, в котором имеется много элементов среднеславяноболгарского языка и который используется в Северной Трансильвании, в Марамуреше и в бывшей подкарпатской Руси⁷⁹.

В религиозных текстах среднеславяноболгарские элементы более многочисленны. Этим языком написаны и славянские сказания о Владе Цепеше, и даже славянорумынский документ от 1404 г., Сигет; считаемый

⁷⁵ Украинцы из Сигета говорят: «Я знаю что мушу умерети».

⁷⁶ *Молитвеник*, р. 10.

⁷⁷ Ján Stanislav, *Dejiny* стр. 218—262.

⁷⁸ Справ.: P. Olteanu, *Aux origines de la culture slave dans la Transylvanie du Nord et le Maramureș*, Бухарест, 1958. «Romanoslavica», I стр., 196—197.

⁷⁹ Fr. Tichý: *Vývoj současného spisovného jazyka na Podkarpatské Rusi*, Прага, 1938, стр. 3—6 пас.

G. Gero v s k i j, *Jazyk Podkarpatské Rusi*, «Československá Vlastiveda», t. 3, 1934, Прага, стр. 481 пасл. и «Пряшевщина, ист. лит. сборник», Прага 1948 стр. 60—69,

А. Л. Петровым самым древним документом на карпаторусской территории⁸⁰.

Некоторые современные исследователи, как М. С. Антошин, считают, что как документ от 1404 г. Сигет, так и молдавские документы, написаны на старорусском языке, которым пользовались по всей карпаторусской области и на севере Венгрии. Центром этой культуры является монастырь Пери. (Уршинько). Ион Богдан считает, что: «официальным языком молдавской канцелярии был русский»⁸¹.

Речь идет о среднеславянском языке восточной редакции с местными влияниями: украинским, польским, румынским, венгерским, и южнославянским.

В отличие от таких исследователей, как Л. Милетич, И. Бэрбулеску и др. — которые считали, что нет разницы между славорумынскими документами из Молдавы и Валахии — современные исследователи считают, что такая разница существует.

В языке молдавских документов преобладают западнорусские, а не чисторусские элементы⁸². Профессор С. П. Бернштейн обращает внимание на тот факт, что молдавские документы содержат много фактов интересных для украинской исторической диалектологии и, что до сих пор они еще не подвержены многостороннему и детальному изучению⁸³.

Некоторые документы, касающиеся Молдавы и Ардяла, представляют собой сербскую редакцию и даже содержат типичные сербизмы. Их относим к половине XV-го века, ко времени княжения Штефана Великого, Штефана Лэкустэ, а также и к более позднему времени — к периоду княжения Петра Рареша. Язык молдавской канцелярии восточнославянской редакции широко использовался и в Трансильвании.

В фонетическом строе языка восточнославянской редакции встречаем следующие особенности:

---

⁸⁰ А. Л. Петров, *Древнейшие грамоты, по ист. карпаторусской церкви и епархии 1931—1498*, Прага 1938, и *Древнейшая церковно слав. грамота 1404 г.* Ужгород, 1927 г. стр. 16 наст.

⁸¹ Ion Bogdan, *Über die Sprache der ältesten moldavischen Urkunden*, в *Sbornik u slavu Vatroslava Jagića*, Berlin, 1908, p. 377... *Mittel bulgarischer oder serbischer Sprache*, а о документах из Молдавы категорически объявляет: «die Urkunden sind in russischer Sprache verfasst» (p. 374).

⁸² Если термин белорусский более понятен с точки зрения исторической, а не лингвистической, то термин «русский» не понятен (ср. Damian P. Bogdan, *Contribuțiuni la studiul diplomaticii vechi moldovenești*) «Revista Istorică Română», IV, (1934). См. в том же смысле, правдивые примечания: Gr. Nandriș, *Documente slavoromâne din minăstirile muntelui Athos*. Бухарест, 1936, стр. 14—15. О. Markov, *Slavia*, Прага, 7, пр. 2, стр. 399—401. А. И. Яцимирский, *Язык славянских грамот молдавского происхождения*, стр. 154.

⁸³ С. П. Бернштейн, *Розыскания в области...* стр. 224.

«Сигитѹ» то есть ѹ Сигитѹ. «Годир» написан «Годѣр»⁸⁸); или «сморид» вместо смород; поухаши вместо: поѣхаши.

Другим характерным украинизмом в трансильванских славянских текстах является «икание»: «е, о > і»: нис, поииа камин онн дида (Васлуй 1449 г.). Иногда встречаем е > ји мюд, люд вместо — лед)⁸⁹, — это явление часто встречается в XII—XIII-х веках.

После палатальных согласных — «е > о»: пѹщон, блажон: или: прииол, иіола, чори, жона, ничого (1449 г.). Часто в текстах украинского извода имеется — к > ѹ: кдобн вместо: ѹдобн; ѹнѹк — вместо кнѹк; кдока > ѹдока.

Иногда «о > ѹ»: бѹлише вместо колише, крѹд вместо брод; пѹд планинѹ вместо под планинѹ. Иногда встречаем протезу «ѹ»: ѹкѣск или протезу «і», что имеет место и в сербо-хорватском языке: нскода, нсклад реже — «і > ѹ»: докикапи > добѹкапи.

Самым характерным восточнославянским фонетическим элементом в трансильванских текстах является полногласия (плеофония): город, берег, колото, коропилис, золото и др. Группа плавных согласных представляет также и вариант польского языка: broniti, król, zlot, plonin, chlop, но реже.

Встречаем чаще метатезу: град, злаише, краниши. Встречаем dj > ž: прѣже, чѹжой, також. Явление, характерное также и для церковных довольно древних текстов, хранящихся в трансильванских архивах: кѣ нсхожане; азъ не сжжю пришед⁹⁰.

Tj, kt, gt > č: свѣчь, ночь, мочь и skj > šč: огнище, чтѹчи. Однако, чаще встречается болгарское шт: «хощет».

«L» эпентетикум сохраняется, но не строго: зѣман крашокаѣном, торгокю (1435 г.).

Реже, чем в молдавских документах, в трансильванских документах встречается западнославянский — точнее польский вариант групп: gt, kt, tj > c (ц) «моц, кѹдѹцим; обѣцаной».

Среди морфологических особенностей следует отметить, что в системе склонения смешиваются окончания: -а, -у род. пад., ед. ч. у существительных муж. р. с основой на «о»: кзор, -а, -ѹ; град, -а, -ѹ; смрад, -а, и, -ѹ⁹¹.

В дат. иногда встречается украинская форма: -оки: дидоки или -ѣки: днѣви⁹². В этих местах считается также украинизмом зват. пад. на: ји: государю, кралю.

⁸⁸ Так объясняет Л. А. Булаховский й, *цит. труд.* стр. 49. Переход е > і происходил в укр. языке концу XIII в преникнув и в старор. яз. Н. С. Антошин указывает, что в карпаторусских говорах говорят «sigot» «Sigut» (*цит. труд.* стр. 30).

⁸⁹ Л. А. Булаховский й, *цит. тр.*, стр. 54—55.

⁹⁰ Иъ сжжю мироки но да спаж мир. (Mss. Nr. 22, *Evangeliiar*, f. 30 r.

⁹¹ М. Луцкау *Gramatica slavo-ruthena* подчеркивал, что в «ruthenico utroque modo usuatur». Ср. и Н. С. Антошин *Закарпатская грамота*, стр. 34.

⁹² Л. А. Булаховский й: *цит. труд.* стр. 67: указывает, что это украинизм.

Мест. пад. ед. ч. оканчивается на: «-с, -ѣ» как в карпатославянском языке: на торгѣ; к Бышиграде; к дому; ѣ сѣгѣѣ. Окончание «-и (-у)» свойственно древнерусскому языку.

Имен. пад. мн. ч. оканчивается на «і», а после задненебного согласного на «ы»: тўрицѣ и тўркы; предѣцѣ и предѣкы; или градоке или копароке или предкоке (1449 г.).

В род. пад. мн. ч. часто употребляется окончание «-ей», характерно для восточнославянского языка: государей, людей, однако встречается и окончание -ек, домов, «панек».

В твор. пад. мн. ч. редко употребляется окончание *ы*, часто встречающееся в карпаторусском языке: *съ посадники* или *мнозиан копѣи*.

У существительных жен. р. встречаются формы на «-ю», встречающиеся когда-то в восточнославянском языке: чарю (1486), кодою (1404 г.), шумю (1388 г.)» или «со скою торговою (1435 г.)».

Старый твор. пад. с окончанием на «ы» употребляется с пространственным значением: *примамлени закѣт мои ұсны твоями*⁹³; и *ұсны нсхожане*⁹⁴.

У прилагательных и причастий отмечается часто употребление субстантивированных и кратких форм: да еснх слокоден и довроколен или: колъ деветъ, колоскы; или посол неизящен.

У существительных жепск. р. мест. пад. ед. ч. имеется окончание -ој: молдавской, перешокской; род. пад. ед. ч.: -ого; дат. пад. ед. ч. -ому, характерное для восточнославянского языка: молдавского, доброго; молдавскому, доброму. Келемужному пану.

У местоимений редко встречается архаическая форма: *изъ* наряду с «я» и *азъ*. Восточнославянскими являются также: винительный *сѣа*, *тѣкѣ*; дательный: *сѣкѣ*, *тѣкѣ* (1458 г.); творит. ед. ч.: *сѣбою*; *предъ тобою*, *надъ собою* (1450 г.) Роман к Брашовянам). Другим восточнославянским элементом является соединение возвратного местоимения: *ся* с глаголом: *кормляшесѣ*, *дикишишѣ*; родит. пад. ед. ч. жен. р.: *еѣ* < древнеслав. *jeje*: *мужѣ*. Часто встречаются краткие формы: *тѣ*, *ми*, *ти*, *ей*; *рѣцѣ* *ей*; эти формы происходят от живого языка. Также часто встречаются: *тѣи* < *тѣѣ*; *кѣи* < *кѣѣ*; *каѣ*, но употребляемые в роли указательного местоимения. В той же роли используется и местоимение женского рода: *кѣи* *прѣлѣсти*; или: *тоѣ* *чарѣ*; *тѣти* *инѣзи*; *да тѣтъ* *скидѣтельствѣетъ о мнѣ* ⁹⁵ *Онѣ*, *она*, *оно* употребляются также в роли указательного местоимения. Встречаем *кѣ* *сѣ* *кѣ*, который размежевается в карпатославянском языке, таким же образом как встречается, «который» во всем восточнославянском языке. Специфическими формами являются также: *лише* *егоу*; *егоу* *милости*; *подъ негоу* *господствѣ* *руку* *и* *обронити* *нас*.

⁹³ В славорумынской Псалтыри из Мехадии, написанной на севсре Ардяла, переводится:... «cu rostul tău» (N. Iorga, *Observații și probleme bănațene*, 1940, Planșej).

⁹¹ Сказание о Дракоуѣк воеводѣ — Лист 210 ч.

⁹⁵ Mss. Nr. 22, Evangheliar. Institutul de lingvistică, Cluj.

В глагольной системе славянского языка Трансильвании встречаем следующие характерные черты, свойственные восточному и карпатославянскому языку.

Глаголы несовершенного вида на — ати; вѣдаши; сиужаши; глаголы совершенного вида на: -нж—: дерзнути, кѣрнути; отсутствие связки: сѣвнѣмъ онъ сконх; частое употребление инфинитива, чередующееся с конструкцией да в изъявительном наклонении; утрата аориста и имперфекта в языке славорумынских документов, также как и в Молдаве; частое употребление причастий на «(в)ъ», — (в)ъш — особенно в роли предиката; все эти элементы являются архаизмами и характерными украинизмами в севернотрансильванских текстах ⁹⁶.

Первое л. ед. ч. на: «ѣ» и «м»: прошеѣ; кажем; у III-го л. ед. ч. имеется окончание -тъ: видишь; приметъ что является характерной чертой старославянского языка русской редакции ⁹⁷. В Трансильвании найден Апостол XII—XIII-х веков, написанный на славянском языке восточной редакции, в котором последовательно встречается окончание -тъ: хощетъ, поминаетъ, да пограмишь премудрымъ... крѣпкомъ. А в Евангелиаре (сохранен в Институте языкознания в Клуже) последовательно встречается окончание -тъ, как в ед. так и в мн. числах: естъ, яко хощатъ; сам да глаголетъ ⁹⁸.

Первое л. мн. ч. имеет, как в украинском и сербском языках, окончание «-мо»; однако и окончание «-мы», как в польском языке («имамы; чинимы»), а также встречается старославянское: «имамъ». Ион Богдан считает белорусскими элементами: «знаюм, сакѣюм». Окончание «-мо» используется и в аористе: «привѣснхмо, ұразумѣхмо» ⁹⁹.

Вероятно, эти аористы сербского происхождения.

Причастие настоящего времени действительного залога на «ч»: чтѣчи, локлечи или: крашкени не мочи имѣт поставиши содана. (1449 г.). Причастие прошедшего времени действительного залога на: -(в)ъ под влиянием украинского языка напр.: бѣв: едну шкапу за которю бѣв порѣкою кончул дари. Часто встречаются описательные формы перфекта: прирадилисѣ есми (1449) г. или для выражения цели: аки еси лишил; цель выражается также и связкою: щобы: щобы послаа до крашока.

Будущее глаголов несовершенного вида образуется с помощью глагола «хочѣ» и инфинитива: хочѣ лежамъ. Иногда глаголы совершенного вида также образуют описательные формы будущего: азъ хочѣ отплатити.

⁹⁶ С. М е л ь н и ч у к, *Развитие предикативного употребления причастий на -(в)ъ, -(в)ъш» в восточнославянских языках*. «Сборник слав. яз.». Киев. 1957 г. напечатается. Р. O l t e a n u, *Funcția predicativă a participiilor în -(v)ъ în textele slavo-române*, 1958.

⁹⁷ Mss. 20, fila 178: Встречается тут и полногласия: «gorodni»: r > er-or»: «preder-žitomu, sinerti, gorditsa; dolgo, stolpnik».

⁹⁸ Mss. No. 22 *Evangeliiar*, f. 25 Cluj. На пергаментных листах, приклепанных на обложке имеется окончание «-тъ» и род. пад. ед. ч. на «-ого»: идного оставлетъ.

⁹⁹ I. B o g d a n, *Über die Sprache...* p. 376.

Часто встречаемые глаголы на «-укаши» считаются также украинизмами: *слубуваши* «докуваши»¹⁰⁰.

Восточнославянские элементы встречаются как в лексике старославянского языка, перешедшего в Трансильванию из Молдовы и карпатской области, так и в текстах трансильванского происхождения, написанных в восточной редакции. Эта лексика отличается от лексики старославянского языка, употребляемого в Валахии. Разница обнаруживается даже в дипломатических документах: слова «листь» и «грамота» не встречаются в канцелярских валашских документах; специфическим также для молдавских документов являются: «на кулуш керу» «или» «на колышею крепость» или «знаменито чинимъ»; «дамо к'к'домо» (1404, Гигет). Часто встречаются названия денежных знаков в восточнославянской редакции: «грикни, злоты» или другие польские заимствования в украинском языке: «пенязе, гроши, злоты» и др.; наименования высших должностей: «шолтуз < герм. schultheiss; со значением «отечество» имеется «очизна» (1447—Бакэу). В некоторых церковных текстах встречается «годинна» в значении «часа», являющееся моравизмом вошедшим и в старославянский язык карпатского извода: *придох на годинъ сию*¹⁰¹. Другим архаизмом является: «кладика»: *азъ ракъ кладики...* (1453). Во многих выражениях восточнославянские элементы сосуществуют наряду с западнославянскими, как и в украинском и карпатославянском языках. К половине XV-го века, в пошлинной привилегии выданной Александром Водой, сыном Илиаша Воды, имеется: «але полотно и ковокъ локтемъ да продаютъ»¹⁰². Союз «да» является южнославянским элементом; «ковокъ», вероятно, является заимствованием из венгерского языка, а в «полотно» встречается полногласие. Или «и изрукъ ни жадному за чужего токара». *Сило; селници*, и так с «да > л» как в восточнославянском и в южнославянском языках; или «без аксини и оуской хнирости»¹⁰³. Интересным является «покорозн». Часто встречаются глаголы с прибавкою: «кы» (латинское -ex = из) характерной для восточных и западных славянских языков: «кынипи нашей земли»; в валашских же текстах имеется: «и зипи». Местоимение «кажди» также характерно для восточных и западных славянских языков: «от каждого кола» (1449). Часто употребляется прилагательное: «лепъ, лена».

¹⁰⁰ Л. А. Булаховский: *Питания...* стр. 39—40.

I. Bogdan, считает «slubuium» «белорусизмом» *Über die Sprache der ältesten moldavischen Urkunden*, 376.

В. Ярошенко, *Українська мова в молдавських грамотах XIV—XV вв.* Збірник Комисії для дослідження укр. мови. Киев I, 1931 г., стр. 247—338.

¹⁰¹ Mss. Nr. 22 Evangheliar, p. 28 Inst. de lingvistică, Клуж.

¹⁰² Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 492.

В документе, выданном 13 апр. 1564 г. в Бистрице (Gr. Tocilescu *цит. тр.* стр. 550).

¹⁰³ Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 514.

В числе наречий чаще встречаемых в трансильванских текстах восточно-славянской редакции отмечаем: «опрочъ, разкъ, кезде, коли, тепер, назад, лише» (1447). До сих пор мы встретили только один раз: «адам» (очень): «дам кон турецкий адам ленив» Или: «уже» — «уже кы чисти есте». Также встречаются специфические союзы «щобы: щобы торгокани», «лебо» (1449 г.).

Часто встречаются выражения известные и древнерусскому языку: «где падает Гънынца у Тисы» славорумынский документ 1404 г.¹⁰⁴ (Сигет). Такие же выражения встречаются в древних украинских и русских документах.

Другой особенностью славянского языка восточной редакции Трансильвании являются лексические западнославянские элементы, вошедшие в него через посредство карпатославянского и польского языков. Так имеются существительные «пинези» и «пенязе, злоту, гроши, нан» (Бистрица 13 апр. 1564 г.) «никогда, радца» в западнославянских языках до сих пор существует: *radca* (1437 г.); «место (город): судци он места крашева». «калка» — как в польском, чешском и словацком языках — : «ни една калка» (1572 г.); «мешканіе; шокодолни: даемо на знаніе шокодолни, опекалик» (является полонизмом); шокар из турецкого: *tavar*.

Среди глаголов отметим наиболее часто встречающиеся: «сюковапи»¹⁰⁵ лишати (мешайте их продакани дружни камари), не смети, радниши; имеется польская форма: «обрениши: да упасиши и да обрениши нас» (1450 г. Роман); «карати» в польском языке пишется: «кага» штраф¹⁰⁶. В южнорусских говорах часто употребляются глаголы на: «укати» = их же встречаем и в трансильванских текстах: «оплакати; испречиши: испрachte то люди». Часто встречается: «дяковати» герм. *danken*, даже с окончанием «м» в I-е л. ед. ч., как и в словацком языке: «дякуем господкути кельми; тигати». В карпатославянском языке: «акировка гали за класи»¹⁰⁷. Также западнославянским элементом является: «нишини люди». Или наречие: «инуд» — «ни на которой стране инуда» (1450 г.)¹⁰⁸.

¹⁰⁴ Н. С. Антошин, *Закарпатская грамота*, стр. 21 и насл. Ср. например В. Розов, *Украински грамоти*, т. I., Киев, 1928 г., или И. Борковский, *Синтаксис древнерусских грамот*, Львов, 1949. В документе Григория Биров из Бистрицы (Gr. Tocilescu, ч. 533 стр. 549). Н. Милеску *Описание первая части вселенная именуемой Азии*. 1677 г. гл. XVII... «243 рѣка Іалъ впаде в тѣкъ проливу».

¹⁰⁵ Еже сюкуем и сюбили I. Bogdan, *Cinci documente slavo-române*, Бухарест, 1889 стр. 24 и сл.

¹⁰⁶ В тексте 1263 года имеется: «почапи карипи понки» К этому глаголу восходит и имя божее «Карна» (упомянутой в «Слове о полку Игореве») А. А. Булаховский: *Питання*... стр. 97.

¹⁰⁷ P. Olteanu, *Limba povestirilor slave despre Vlad Ţepeş*, напечат. 1958.

¹⁰⁸ I. Bogdan, *Cinci documente*... стр. 25.

Встречаются союзы западного извода: причинный союз «п р о т ѡ ж ѣ» и союз цели «а в и» (известный в древнеукраинском языке даже в форме: «а б и х ѣ» — то есть «а» с аористом «бых»¹⁰⁹. Выразительным полонизмом является: «подлѹг: подлѹг того нашего листѹ и записѹ»¹¹⁰.

Наше представление о славянском языке Трансильвании будет более полным, если к вышеописанным особенностям добавим особенности сербской редакции, греческие, турецкие, и особенно венгерские и румынские элементы, отсутствующие в украинских и русских грамотах.

ОСОБЕННОСТИ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА СЕРБСКОЙ РЕДАКЦИИ

К половине XV-го века на территории Трансильвании распространяются тексты на славянском языке сербской редакции, используемый в то время в роли дипломатического языка в балканских государствах, в также в сношениях между венгерскими королями и «Высокой Портой». В XV-ом веке сербские поселения встречаются вплоть до Арада. Из Сербии прибыли к нам монахи, начиная с Никодима, оставившего в наследство нам красивое славянское евангелие, долгое время хранившееся в монастыре Прислопе Хацегской области¹¹¹. На этом сербском языке македонского типа около 1450 года поп Симион из Хэлмаджи, Арадской области создает копии четырех евангелий; на нем были написаны документы и расходные регистры для бирова и прѣгарии из Брашова. В церковных и протопопских архивах на всей территории Трансильвании и Баната находят многочисленные документы и старые книги, до сих пор неизвестные и не изученные специалистами. Искусство печатать книги переято нами из Венеции через Д. Любавич из Четины. Также на сербском языке попал в северную Трансильванию знаменитый народный роман «Александрия». Язык сербской редакции, использованный в трансильванских и валашских документах, отличается от сербского дипломатического языка того времени лишь румынским аспектом¹¹². Этот язык имел тесные связи с живыми говорами, особенно со штокавским диалектом, и представляет первостепенный интерес для истории сербских диалектов. Важно и то, что в словаре этого языка сохранились древнейшие элементы.

Болгарский лингвист Л. Милетич игнорировал сербские элементы в валашских дипломатических документах¹¹³. Обращали внимание на эти эле-

¹⁰⁹ О. Б. Безпалько... *Историч. грам. укр. мови*, Киев, 1957 г., стр. 378.
Л. А. Булаховский: *Питання* ... стр. 94.

¹¹⁰ I. Bogdan, *цит. труд.* стр. 25.

¹¹¹ Первый документ сербской редакции из Валахии — документ Александра Альдя от 1432 г. к Брашовянам. Проф. Бернштейн утверждает категорически, что эта грамота написана на сербском языке с значительными местными особенностями С. П. Бернштейн, *Разыскания в области болгарской диалектологии*, Москва, 1948, стр. 131.

¹¹² Fr. Miklosich, *Monumenta serbica*, 1858, стр. 553. Южносл. фил. XX Белград 1953—4, стр. 353 на сл.

¹¹³ *Дакороманите и техната славянска писменност*, стр. 319.

менты И. Венелин¹¹⁴ и особенно профессор С. П. Бернштейн, издавший первую грамматику языка валашских документов, который он считает болгарским языком, но с элементами или влиянием сербскими¹¹⁵.

Мы считаем, что использовался также славянский язык сербской редакции с неотделимыми болгарскими элементами. На этом языке румын из южной Трансильвании написал недостоверно апокрифическое письмо Михаю Храброму¹¹⁶. К началу XVI-го века сербизмы появляются даже в надписях церкви святого Николая из Скеи Брашова, хотя болгары поселились там в 1392 году¹¹⁷.

В области фонетики отметим лишь те случаи, где сербские элементы встречаются рядом с болгарскими в тех же грамотах. ѣ, ѣ > е, а: дѣлѣ > дан. Но добитѣкѣ > добиток¹¹⁸ и сохраняется чаще всего в конце слова: естѣ, добрымѣ R > рѣ, -ѣг: грѣнцъ, тѣрпипи¹¹⁹ или ере ми дрѣжимъ веру¹²⁰ L > у, ль и редко > о (XV-в.) дужни, дожен: дългосел¹²¹ Q > u: содѣск > судец; соудцоу брашевскомоу¹²². Часто встречается: сусед < sosed; су < сжтѣ; бѣхѣ < бѣхѣ¹²³. Встречаются однако и болгарские формы: ж > ѣ: вждетъ > вѣдет. Ё > е рѣтъ > рет. Ъ > е, ё: да га кероуеши;¹²⁴ срѣси, место. «Приём» «ё>е» «появляется повсюду в екавском диалекте»¹²⁵.

Иногда «ы > е» а не > i: крико¹²⁶ «Ort, olt» > rat, lat: работа, лает: пол-
лакти чекърлатоу¹²⁷. К началу XV-го века «ort > rot»: робства, рожен¹²⁸.

¹¹⁴ И. В е н е л и ц, *Влахо-болгарские или дакославянские грамоты*, ст. Петерб., 1840, стр. 132.

¹¹⁵ С. П. Б с р н ш т е й н , *цит. тр.* стр. 80—128.

¹¹⁶ Рукопись найдена Ивичом в Венс (Прилози за книжевност, језик, историју и фолклор» V., 1925). С. Драгомир считает что язык этого письма — среднеболгарский. Он не отмечает тех многочисленных сербизмов, которые содержатся в письме). *Încă ceva despre scrisoarea apocrifă a lui Mihai Viteazul Închinare lui N. Iorga, Cluj 1931.* стр. 135—152.

¹¹⁷ Sterie Stinghie, *Istoria bisericii Scheilor Braşovului*. Braşov 1899 Anex. St. Motaş, *Despre cronica bisericii Sf. Nicolae din Scheii Braşovului de protopopul Vasilie*, «Drum drept». Vълени, 1931, Нр. 3, стр. 165—188.

¹¹⁸ Судья и пръгари из Брашова пишат Удре из Бузэу (Gr. Tocilescu *цит тр.* стр. 463).

¹¹⁹ Судья Брашова . . . (G r. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 464).

¹²⁰ Лукач, судья Брашова (G r. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 465).

¹²¹ Судебная книга, Брашов (G r. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 469).

¹²² (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 467) документ «Судья Брашова» архив. Gr. Tocilescu, число 468).

¹²³ Бёхоу ради да. (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 464).

¹²⁴ Судья Брашова к Нягое Басарабу. (G r. T o c i l e s c u, *tamzê* стр. 462).

¹²⁵ В славском диалекте «*děd* > *ded*»: в икавском «*did*» а в иекавянском: *djed* Rajko Nahtigal, *Slovanski jaziki*, Ljubljana, 1938, стр. 177.

¹²⁶ Я оныя овце не соу нищо криво. Gr. Tocilescu *цит. тр.* стр. 464.

127 Пръгари из Брашова записывают вещи выданные Дуке из Гречъ. Документ Александра Алдя.

¹²⁸ G r. T o c i l e s c u *цит. мр.* стр. 50.

« Tj, gt, kt > k', c', что встречается вместе с болгарским прием « щ (št) »: kōtje > кукa, svētje > svekia¹²⁹. Часто встречается хокети < chotjeti » или окети > кети; или помогти > помоки. Реже встречаются причастия идки, плачуки. Формы с к' восходя к формам сербских говоров Македонии и отчасти к формам северо-западных болгарских говоров. Формы с « ч » исходят большей частью из области Тимока. В старославянский язык Трансильвании они, проникли через сербский дипломатический язык, а также через писцов¹³⁰. Dj > g(r)đ: medja > megiu является также сербизмом, развивающимся параллельно с tj, kt > k', č. Он встречается и в документах, изданных знатными людьми Трансильвании: и да имам докар жикот мегю нами¹³¹ — и так: medja > мегю, или predje > преге; takodjere > такогере; gospodja > госпога. Такое произношение было свойственно некоторым сербо-хорватским диалектам — как штокавскому, карашовянскому и северозападному македонскому. К концу XV-го века это произношение становится нормой¹³².

Это же явление свойственно и глаголам: dojditi; najditi в которых вначале произошла перестановка: dojde > dodje > doge dohem, doheš или: najditi > nadjiti > nagiti. Жупын (барин) Лукач, судья Брашова писал: и тоє не ке нагини¹³³. Встречается также в письмах Штефана Батория, трансильванского Воеводы, к Али-бею Михальберговичу (1482—1489 гг.): да доге свободно (dojde > dodje > doge (доге) там же: нареденіе < naredjenje», поткрѣтєнь < potvrđenje¹³⁴. В этих письмах никогда не встречаются болгарские формы dj > жд. Формы поге, доге, нагит, являются сербизмом, часто встречаемым в документах конца XV-го и начала XVI-го вв. К нам они попали через сербский дипломатический язык, в котором они встречаются, начиная с половины XV-го века, под влиянием штокавского диалекта. Перестановка jd > dj > d' (r')» и палатализация d' (h) характерны также и для карашовянского диалекта. В сербскохорватском языке это явление засвидетельствовано в конце XV-го века.

« Ch(χ) » начальное выпадение, но не последовательно: хокем, кем, окем или «хижа» «и» «ижа». В трансильванских документах мы не встречались до сих пор с выпадением даже интервокального « ch (χ) ». « В различных документах в большинстве случаев XV-го и XVI-го вв. — встречается

¹²⁹ Засвидетельствованы в расходном реестре Брашова (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 471).

¹³⁰ А. М. Селищев, *Очерки по македонской диалектологии*, стр. 132 М. Reseta, *Der Stokavische Dialekt*, 1907, стр. 136—137.

¹³¹ В документах судьи Брашова (Gr. Tocilescu *цит. тр.* стр. 463).

¹³² Стойко-Стойков, *Българската диалектология*, София, 1953; Т. Тодоров, *Северозападните български говори...* Emil Petrovici, *Graiul Carașovenilor...* стр. 104.

¹³³ Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 465.

¹³⁴ Или: и од тебе да погне на големага господара портоѹ. И. Радоничич, *Пет писма из краи XV-века* — «Южносл. филолог» XX, (1953—4) «Приложн» стр. 363 насл.

«лаҳати» = желать, хотеть, значение которого — из-за редкости его употребления — не всегда знали не только наши переводчики, но даже сербские книжники¹³⁵. Тот же глагол в карашовянском говоре становится «лаги» а, потеряв свое самостоятельное лексическое значение, он стал вспомогательным глаголом при образовании будущего времени: лаҳати > лагани > лапи: лам да попекам¹³⁶ буду петь.

Начальная группа «(кк-)» палатализуется в >сѣ-(цк-) как во всех южнославянских, так и восточнославянских языках: за цкѣтїе¹³⁷.

Группа «dl—» упростилась > l, например, в сербо-хорватском, в то время как в словенском языке частично сохранилась, как и в западнославянском языке: ере соѣ ѹкрали¹³⁸ *cho* > *f*: *chvatiti* > *fatiti*: и фатили сѣ кони ѹ Рѹкѹрѹ¹³⁹. К Рѹкѹрѹ а они соѣ ѹфатили кѹжѹ¹⁴⁰. *Dvi* > *di*: *dviže* > *diže*: тко сѣ диже на землю кралек. Такие упрощения групп согласных указывает на народную речь. «ѹ > и»: ѹзѣти, ѹсѣм и кѹ > ѹ также как в украинском: ѹ Фигѣтѣ — (1404 г.). В апокрифическом письме Михая Храброго: ѹ рѹкѣ, ѹзимаѣт¹⁴¹ к > t: кнѣта: сирѣмаѹ кнѣте краљу¹⁴² L > o особенно в конце слога: порѹчаа > порѹчао¹⁴³ или кеома, чокек »

«L» эпентитикум встречается; считается, что это сербизм,¹⁴⁴ потому что в болгарском языке он исчез к половине X-го века. В текстах на среднеболгарском языке он употребляется в связи с орфографическими требованиями школы патриарха Ефтемия Тырновского¹⁴⁵.

В трансильванских грамотах «л» эпентетиком употребляется, однако, не так последовательно, как в молдавских документах, где он появился под влиянием восточнославянского языка. С усилением сербского влияния в южной Трансильвании в трансильванских грамотах, начиная с XV-го века,

---

¹³⁵ Этот глагол встречается в письме Штефана Баторя, трансильванского Боеводы: ...мир дрѣжала кѹй не мѣгѹ нами и лаҳа да напреда дрѣжати. Н. Радойчиц находит, что «един мислим тежко разумѣва реч ѹ окомѣ нѣсте лаҳа» но переводит точно: хтети, желати. В словари Вука Караджича: lă = жели. Н. Радойчиц, там же. стр. 364 посл.

¹³⁶ Emil Petrović, *Grafiul Carașovenilor* ... стр. 191.

¹³⁷ Засвидетельствован в расходном реестре Брашова Gr. Tocilescu, стр. 475.

¹³⁸ Пишут судья и прѣгари Брашова к Нягое Басарабу (Gr. Tocilescu, там же. грам. число 464 стр. 462.

¹³⁹ Тот же документ брашовян к Нягое Басарабу (Gr. Tocilescu, там же.

¹⁴⁰ В документе жупына Лукача, судья Брашова к бану (губернатору Крайовы) Gr. Tocilescu, цит. тр. стр. 465.

¹⁴¹ S.D., в «Închinare lui N. Iorga: Клуж 1931 стр. 135—152.

¹⁴² Судья Брашова к Нягое Басарабу (Gr. Tocilescu, цит. тр. стр. 462—463.

¹⁴³ Судья Брашова к Шербану бану Крайовы. Gr. Tocilescu цит. тр. 467. или «био» в апокрифическом письме Михая Храброго, стр. 145.

¹⁴⁴ С. П. Бернштейн, *Разыскания* ... стр. 163.

¹⁴⁵ А. М. Селищев, *Старослав. язык I*, Москва, 1954 г., стр. 209. Ján Stanislav, *Dejiny* 279—81.

«л» эпентетикум встречается все чаще и чаще. Судья Брашова называет Влада Монаха: господарь земян¹⁴⁶.

В области морфологии следует отметить, что трансильванские грамоты сербской редакций сохранили синтетическое склонение. В склонении существительных женского рода произошло объединение существительных с основой на «а» — «женѧ» и с мягкой основой — ја: «дѹшѧ». Таким образом, в род. пад. ед. ч. имеется «е»: землѣ, рѹкѣ, коєко дѣ; в дат. пад. ед. ч. «жени» и «дѹши». Редко встречается твор. пад. ед. ч. на «—ом» — съ дружином си, или милосѣном божиом «и» моом добром колом. У существительных с основой на «і» не встречается этот творительный на «ом» «с великом радости», за исключением вышеуказаного: «милосѣном божиом». Однако встречается старый твор. пад. ед. ч. на «—ју»¹⁴⁷ «любвию» или «крепостию», который засвидетельствован в апокрифическом письме Михая Храброго¹⁴⁸.

Имен. пад. мн. ч. женск. р. на «е»: кошѹлѣ=рубашки; слѹгѣ, книгѣ¹⁴⁹.

Существительные муж. р. в им. пад. мн. ч. имеют «і» и «е» «чловеци людие», реже: «хланови»; односложные существительные обычно имеют «-ове»: «кдове, градове». В апокрифическом письме Михая Храброго: и градове и людѣ¹⁵⁰. В надписи церкви из Скеи Брашова встречается только раз род. пад. мн. ч. на — «ѹхъ: данїемъ благочесныхъ господарѹ от Молдова»¹⁵¹. В дат. местн. и творит. падежах мн. ч. не употребляется новое окончание «-нма», как и в литературном языке.

Парные существительные сохраняют древнее двойственное число: «ере кидели очима»¹⁵².

Прилагательные субстантивированные выступают как в роли определения, так и в роли именной части составного сказуемого: «пак закон»¹⁵³; или: «доклѣ бѹдем азъ живъ»; глагола на гла, велико зло; Краткие формы более редки: «римскы царь». Типичным сербизмом является род. пад. ед. ч. у прилаг. муж. р. на «-ога, огъ: тѹрскаго цара; до единого влас.

¹⁴⁶ Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 461. Или: от влашской земли надпись 1598 г. в румынской перкви. Скей Брашова. Sterie Stinghe, *Ist. bis. Scheilor Braşovului*, 1899, Braşov прилож.

¹⁴⁷ Развитие произошло таким образом: женж > женож > женою > женоу > мж XIII в. женом. Новые формы на -ом встречаются больше в сербском дипломатическом языке, напр. в документах Сигизмунда Р. Р. Panaitescu, *Documente slavo-rom. din Sibiu*, 1936, стр. 19.

¹⁴⁸ S.D., *Încă ceva despre scrisoarea...* стр. 145.

¹⁴⁹ За кошѹлѣ — расходный реестр из Брашова (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 470). Или: «И варе што изречет наше слѹгѣ» жупын Лукач, судья Брашова (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 466).

¹⁵⁰ S.D., *Там же* Мн. ч. на «-ове» встречается и у существ. среднего рода «слове» — судебная книга из Брашова (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 469).

¹⁵¹ Sterie Stinghie *цит. тр.* приложения со славянским текстом.

¹⁵² В грамоте Жупына Лукача из Брашова (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 465).

¹⁵³ В грамоте, выданной судьей Брашова (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 463; 468).

Сравнительная степень выражается аналитически с «по» как и в болгарском языке: «по много, по слаби». Однако встречаются и синтетические формы: «младѣй краи» или: «нашим снариѣм крапѣм»¹⁵⁴. Часто встречается: «кѣкѣ, кншѣ», которые сохранились как архаизмы в карашовенском и крусевацком говорах¹⁵⁵.

Местоимение представлено часто употребляемым с многочисленными формами, специфическими для сербского языка: «я», реже «iazъ»; «га» вместо «его, го»; «да га обеси»¹⁵⁶ «а тога човека немо зналаи ни едно клакжа да учини квар»¹⁵⁷. Во множественном числе встречаются и краткие архаические формы: н ѡ ѣ, ч ѡ ѣ.

Указательное местоимение представлено в формах, которые встречаются и в других славянских языках: «този, онзи», засвидетельствованы в болгарском языке в XIII-го века¹⁵⁸, а в сербском языке — в XV-го веке. Часто употребляются и сложные формы: «tъjъ > тои, къjъ > кои» — известные также болгарскому и славянскому языку карпатской редакции. Род. пад. ед. ч. указ. местоимения на «-го, -ого: -онога, овога; за нашега човека»¹⁵⁹, на самого глаку»¹⁶⁰ является типичным сербизмом.

В качестве возвратного и вопросительного местоимения часто употребляется: «ся, што», характерное для штокавского диалекта, легшего в основу сербского литературного языка¹⁶¹. Характерны для сербского языка также и формы: «к са > ска кѣто > тко», которые встречаются в документах уже в начале XV-го века. Напр. Не знам тко е лѣгал — Документ судѣи Брашова, Лукача. Gr. Tocilescu. Цит. тр. стр. 465. — Эти формы обычны для диалектов сербского языка, откуда они перешли потом и в сербский дипломатический язык¹⁶².

Отметим наиболее характерные формы глагола:

Первое лицо ед. ч. настоящ. врем. изъявительного наклонения имеет «-м», (свойственное атематическим глаголам, как и в других славянских языках):

---

¹⁵⁴ В документе Жуп. Лукача, судѣи Брашова (Gr. Tocilescu, цит. тр. стр. 466).

¹⁵⁵ Emil Petrović, цит. труд, стр. 170.

¹⁵⁶ Суд и 12 прѣгари Брашова к Нягое Басарабу (Gr. Tocilescu, цит. тр. стр. 464).

¹⁵⁷ Документ Майлата, судѣи Фэгэраша к Брашовянам. Gr. Tocilescu цит. тр. стр. 470).

¹⁵⁸ Встречается в Врачанском евангелии (К. Мирчев: Историч. грамоте на буломгарский язык, стр. 123).

¹⁵⁹ Документ Майлата, судѣи Фэгэраша (Gr. Tocilescu, цит. тр. стр. 468).

¹⁶⁰ В документе жуп. Лукача, судѣи Брашова: (Gr. Tocilescu, цит. тр. стр. 461).

¹⁶¹ R. Nahtigal, Slov jaz. стр. 65. K. Horálek, Úvod... стр. 368.

¹⁶² В письмах, опубликованных Н. Радойчином (цит. тр. стр. 353). или Fr. Miklosich, (Monumenta serbica, 1858).

«молим; дакам ұзнаніе»¹⁶³ однако встречается реже и старые формы на «-ү, -ю» «:» «егдали можү извадиши; нк молю и прощү»; или: «да знам како хожю ұчинниши» где имеются оба окончания¹⁶⁴. Формы на «ү»: хожю, прощү встречаются и в литературном языке как архаизмы¹⁶⁵. Формы на «-м» в славянском языке Трансильвании являются сербизмами.

Также сербизмом является и окончание I-го л. мн. ч. на «-мо, -мү». часто употребляемое в брашовских документах, «яко ми посламу Іаков от Рѣжнек»¹⁶⁶ или: «ми нмаму книгү»¹⁶⁷. Окончание «-м и» чаще встречается к концу XV-го века. Окончание «-мо» встречается не только в настоящем времени: «нѣмо»¹⁶⁸, но и в аористе: «нагохмо, посилахмо»; или в надписи церкви Святого Николая в Скеи Брашова: «и съждах мо пиранъ»¹⁶⁹.

В 3-ем л. ед. ч. «т» выпадает, однако непоследовательно: «да се крати» но: «да дакат»¹⁷⁰. Такое же положение встречается и в сербском дипломатическом языке. Окончание «-ш» выпадает также и 3-ем мн. ч.: — жтѣ > жтѣ > ет > е; жт > ү: сжт > сү: ере сү наше ричи¹⁷¹; или: да ходо лкдїе, что является типичным сербизмом в котором различие между формами 3-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. можно установить лишь на базе грамматического согласования и контекста: «и понеже түй хоштет донти наше слүзе»¹⁷². Гтонка и дүмнишрү карѣ што ке изречаш». Отсутствие окончания «т» в 3-ем лице свойственно также и сербскому дипломатическому языку, а в диалектах встречается повсеместно¹⁷³.

Аорист представлен в нескольких формах, характерных для сербо-хорватского языка: односложные глаголы, оканчивающиеся на «н, м, р, ј» имеют в 3-ем л. ед. ч. и мн. ч. окончания «-т»: «поах, онѣ поат, они поат»;

¹⁶³ Документ жуп. Лукача, судьи Брашова, (G r. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 467).

¹⁶⁴ Последние примеры из апокрифического письма Михая Храброго S.D., *цит. тр.* стр. 144.

¹⁶⁵ R. N a h t i g a l, *цит. тр.* стр. 94.

¹⁶⁶ Документ судьи Брашова и 12 прѣгаров к Владу Монаху G r. T o c i l e s c u *цит. тр.* стр. 461). Проф. С. П. Бернштейн категорически заявляет: «бесспорно, что — то в валашских грамотах сербизм (*Разыскания...* стр. 195).

¹⁶⁷ Документ судьи Брашова (G r. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 464.) или: како емѣ тѣкмили « в документе изданном так же в Брашове (G r. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 463).

¹⁶⁸ Документ Майлата Судьи Фэгэраша (G r. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 468).

¹⁶⁹ S t e r i e S t i n g h i e, *цит. тр.* приложн.

¹⁷⁰ Документ судьи Брашова (G r. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 464).

¹⁷¹ Там же, стр. 463, однако имеется и «сѣтъ» — там же, стр. 462.

¹⁷² Документ Лукача, судьи Брашова (G r. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 464).

¹⁷³ И. Р а д о и ч и ч, *цит. тр.* стр. 364—365; Е. Р e t r o v i c i, *цит. тр.* стр. 196, Болгаре из Трансильвании (Чергэу) используют архаические формы: сторѣнт, могонт, удѣмант, (Л. М и л е т и ч, Седмоград-булгари и техниат язык стр. 46 и «Сборн. нар. мотв» XIII, стр. 135).

или «приах, он приаш, они приашт»¹⁷⁴ Первое л. мн. ч. на «-мо, -ско, -ме»: «да дахмо книге; разуме́мо; еко што дадохме нче прѣгари»¹⁷⁵ третье л. мн. ч. аориста имеет широко распространенное окончание «-ше» из «ша > шя > ше»: прополопи тѣгда се заклашѣ книше ко симъ рекамъ. Или в брашовском наречии: они ниже ста́ша... ниже ре́ша¹⁷⁶.

Имперфект встречается редко и чаще всего в значении аориста: «он се учинише по велик; монси дакаше»¹⁷⁷. Разница между аористом и имперфектом больше носит видовой характер, нежели временной; ту же картину мы имеем и в сербо-хорватском языке¹⁷⁸: «И Драгославъ ни кѣху ради да му давати»¹⁷⁹.

Аорист и имперфект употребляются с частицей «да», что свидетельствует об ослаблении этих глагольных времен, которые уже исчезли в некоторых сербо-хорватских диалектах, например в чакавских. В болгарском языке сохраняются.

Перфект представляет в ед. ч. в качестве сербизма переход причастия на -л -в -о -што му е послало и поручао¹⁸⁰. Во мн. ч. «-ле»: «запрѣтнле, кзале». Такие формы встречаются и в сербском дипломатическом языке и в диалектах¹⁸¹.

В повелительном наклонении часто употребляются формы на: «-!те» и реже на: «-ете», которые характерны для болгарского языка: «да се не грабнше»¹⁸². Сербизмами являются формы на -а, -айте («но их не кзиманше»). До сих пор они не отмечены в наших текстах, хотя и имеются в них. Они встречаются также в карашовенском говоре¹⁸³.

Будущее время в текстах сербской редакции образуется с «хскю, хокем, кем, хочү, чү» и с инфинитивом на «-ти», который сохранился лучше, чем

¹⁷⁴ «-г» в аористе восходит к формам настоящего времени или к связке с последующим словом, начинающимся с гласной. Между аористами старославянского языка и между аористами сербо-хорватского языка существует поразительное сходство. См. более подробно у: A. Vaillant, Le désinence — tñ de 2-e et 3-e personne du singulier de l'aoriste. Южносл. фил: 1953—4. стр. 21—37.

¹⁷⁵ Документ издан в Брашове. (Gr. Tocilescu, цит. тр. стр. 461).

¹⁷⁶ Sterie Stinghie, цит. тр. стр. 48.

¹⁷⁷ Документ судьи Брашова к клучеру Влайку — Gr. Tocilescu, там же 464.

¹⁷⁸ Rozdil medzi aoristem i imperfektem je v srbchr. jen vidový. K. Horálek, Úvod. стр. 367. Судьи и прѣгари из Брашова (Gr. Tocilescu, цит. тр. стр. 464).

¹⁷⁹ Лукач судья Брашова к Шербану, бану Крайовы (Gr. Tocilescu, цит. тр. стр. 467).

¹⁸⁰ Лукач судья Брашова к Шербану, бану Крайовы (Gr. Tocilescu, цит. тр. стр. 467).

¹⁸¹ В карашовенском говоре: «omutavio»: «su se namlozile» (Emil Petrovici, цит. тр. стр. 212).

¹⁸² Документ Майлата, судьи Фэгэраша к Брашовянам (Gr. Tocilescu, цит. тр. стр. 468).

¹⁸³ В карашовенском говоре: «porevaj, porevajte» (Emil Petrovici, цит. тр. стр. 208).

в болгарском языке: «*ми кемо пак служниши господство ти, што ќе кити*»¹⁸⁴. Или: «*докле кемо гледати*». Такие формы встречаются и в документах судей Фэгэраша и Брашова¹⁸⁵. В апокрифическом письме Михая Храброго инфинитив следует за вспомогательными глаголами: «*да како хокет может браштити и пазити*»¹⁸⁶.

Действительное причастие прош. вр. на (к)ъ редко встречается в роли сказуемого. Например, в надписи в церкви святого Николая из Скеи Брашова от 1598 г. имеется: *распалсѧ и украсивсѧ*; предикативная функция причастия «*украсив*» подчеркивается тем фактом, что оно связано с основным сказуемым «*распался*» союзом «и». Употребление причастий прошедшего времени на «-(к)ъ» в роли сказуемого является архаизмом, и встречается больше в церковных текстах¹⁸⁷.

Отметим некоторые интересные явления в области лексики, которые своей формой, своей семантикой или своим употреблением указывают на сербо-хорватский извод. В расходном реестре из Брашова от 1508—1509 гг., который свидетельствует о зажиточной жизни, встречаем многочисленные существительные, называющие носильные вещи. Делали одежду из редкой и дорогой материи: «*за астарю и свило*» (сатин и шелк)¹⁸⁸; носили перчатки из белой бумазеи: «*за рукавице от богасию бел*»¹⁸⁹. Пользовались вышитым шелком «*чатма*» или другими сортами шелка. «*чефти*» или восточным сатином «*кофтерие*».

Другие названия даны в западном изводе — латинском, германском или западнославянском. Поэтому их не встречаем в текстах болгарской редакции: «*кошуле*» < лат. *casula*; < герм. *kasele* = *sămașă*¹⁹⁰, «*совоне*» итал. *sarone*; «*іакост*» крепость; на чешском и словацком языках «*качество*» «*Спенза*» лат. *srensa* (расход)¹⁹¹, «*хлан*», который сосуществует наряду с «*човек*», *хижа*, *ижа*» < герм. *hus, haus*¹⁹² (домик); «*камара*, *камараш*» (казначейство,

¹⁸⁴ Судья Брашова к Нягос Басарабу (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 462).

¹⁸⁵ (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 468).

¹⁸⁶ S.D., *Incă ceva despre scrisoarea apocrifă*, стр. 145).

¹⁸⁷ Sterie Stinghie, приложения с слав. текстом.

¹⁸⁸ Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 471.

¹⁸⁹ Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 474.

¹⁹⁰ *За един чол и кошуле и перии* (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 475). «*кошуле*» свидетельствуется много раз. Большинство лингвистов утверждают, что он является латинизмом. Другие допускают германское происхождение. Во всяком случае на славянском языке «*кошула*» является западным заимствованием, так как встречается только в западнославянских языках. Общеславянское слово было «*соркъ*».

V. Machek, *Etymologický slovník jaz. českého i slov.* стр. 125.

I. Stanislav, *Dejiny...*, Bratislava, 1936 с. ....

¹⁹¹ Сохраняется в документах из Брашова очень долго. Напр. в грамоте Арона Воды: *с пензи по триста аспри*. St. Stinghie, *цит. тр.* прилоси.

¹⁹² V. Machek, *цит. тр.* стр. 167.

казначей); катаньци » < франц. *le cadenas* = *claustrum*, у славян замок, а у венгров — *lokot* Западнославянским является также: « великдень » (Пасха) а « Пенязе » герм. *pening*¹⁹³.

Другие термины, встречаются так редко, что в прошлом наши слависты или не перевели их совсем, или перевели ошибочно. Напр.: *за един кавад што су умил* = за один кофейник что вымыли — 15 аспри. Однако, *кавад* — дорогая шелковая одежда, вышития золотом: *кавада* жлта, злата. Стирка такой одежды могла фигурировать в расходном реестре за 15 аспри, но мытье одного кофейника — ни в коем случае. На чешском и словацком: «*kabat*»; на венг. «*kabat*»¹⁹⁴. греч. «*καβαδης*»¹⁹⁵ «*мут*» = сумка¹⁹⁶, «*мутка*» — кукла¹⁹⁷, *месел* (?)¹⁹⁸. Интересным является «*мангар*» = мелкие деньги¹⁹⁹, «*бут*» — коробка²⁰⁰, «*пипань*» = пипап в писании от Скеи.

Сербизмами являются «*петраве*»²⁰¹, и «*рушник*» — полотенце народная форма, потому что встречается в разговорном языке, как и «*ревеник*» = колодец²⁰², «*срекие*» свеки²⁰³, «*детикио*»²⁰⁴, *христоши* крестоносцы; или *бухвъ* = вор как и «*злотворец*, *тать*; *вузь* и «*повод*» сопровождающий «*скут*» = подол, *рутиште* = одежды. Более редкими славянскими элементами являются: «*билие*» — трава; «*вес*» = село²⁰⁵.

В текстах сербской редакции глаголы более редки, имеются: «*лахати*» = желать, хотеть; «*штитеть*» = искать, просить; «*извадити*» = вынимать; «*нагити*» = находит; «*теглити*» = тянуть; «*терати*» = притеснять; «*тужити*» «*узбати*» = доверять или «*кубосати*» = обмануть.

¹⁹³ Рјечник србскор. яз. IV, р. 893.

¹⁹⁴ Слово «*пенязе*» «*kabat*» проникло в Трансильванию и через славянский язык карапатской редакции, и через сербский дипломатический язык, а также через язык молдавской канцелярий.

¹⁹⁵ Одни полагали и «*кавад*» < лат. *карра*; но «*карра*» это употреблялось больше как головной убор, тогда «*кавада*» в XIII-м веке это женская туника. В XIV-м веке и в сербо-хорватском языке употреблялось со значением «*платья*», также как и в славянском языке Трансильвании. (Рјечник... стр. 904. V. Machek, *Etym. slovník*... стр. 184.

¹⁹⁶ «за ечмен д мут... един мут (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 470).

¹⁹⁷ «за фиру муткал в... (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 470).

¹⁹⁸ ... за едно месел около трапеза. (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 473).

¹⁹⁹ Рјечник... VI, р. 443: «*мангар*» = бакарли пинез, краицара, новец.

²⁰⁰ Может быть и турецк. «*бут*» = бедро, ляжка или «*пут*» = дорога, след *стазя* или *щебенъ* (M. Vasmer, *Russisches ethymol. Wörterbuch*. стр. 153).

²⁰¹ Расходный реестр Брашова (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 469). St. Stinghe, *цит. тр.*

²⁰² Там же.

²⁰³ Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 472.

²⁰⁴ В документе жуп. Лукача, судьи Брашова Gr. Tocilescu *цит. тр.* стр. 465.

²⁰⁵ «За билие» (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 470). И «*егда пришел ест вовесзи езо ині*» = когда пришел в село с другими. Материал касающийся румын из Скей Брашова. Sterie Stinghe, *цит. тр.* стр. 44. 48.

Редко употребляются прилагательные: « прус » = темносиний; « лена » = хорошая, красивая. Более многочисленны наречия, характерные для сербского языка: « веке » — больше²⁰⁶; веле драго = очень дорог; « крево, ино, овано » = там; « туй » неголи, докле = до сих пор; « ономадни²⁰⁷, « убо — то есть и « сьда »²⁰⁸ = теперь, сейчас; « адля » = очень, встречается реже; « ево » = вот²⁰⁹. Из союзов, характерных для сербского языка, отмечаем: « ега, іере » = что, потому что; « тере » = чтобы и другие.

Язык трансильванских текстов сербской редакции тесно связан не только с дипломатическим языком, но и с живыми говорами²¹⁰ сербского языка. Сербский аспект славянского языка Трансильвании подтверждается не изолированными и случайными элементами, а сходными с сербским языком элементами грамматического строя и словаря.

В славянском языке Трансильвании и особенно в текстах сербской редакции имеется большое число заимствований из венгерского языка. Некоторые из них употреблялись в разговорном языке румын и славян Трансильвании. Другие венгерские элементы проникли через латинский язык. Они были использованы в языке канцелярии венгерских королей²¹¹. Ряд терминов относится к названиям разных должностей, функций и социальных положений в государстве. Самым распространенным термином является: « бiрo » примарь, судья. Он встречается в разных формах: « бiров, вiрар » или с мягким « ř » как в славянском языке карпатского извода: « бiрев »²¹², или в румынской форме « бiрoу ». Также распространено в документах венгерское слово « полгаре » > слав. « пръгар, пъгар » < герм. bürger; часто употребляется и « паркалаб » венг., « порколаб » = castellanus (владелец замка); « фолноги ». венг. фолноги = государственный судья (в лат. villicus), напр. в судебной книге из Брашова имеется: і суді сьс фолноч д селове і сус фолноч, узумаєт²¹³. « урік » из рум. uric = венг. ögök, встречается в документе Сигета от 1404 г., часто употребляется в документах, пришедших из молдавской канцелярии, как румынское влияние из: « уріку », « варошени » венг. vágoš;

---

²⁰⁶ « не можем веке търпети » писал судья Брашова (G r. T o c i l e s c u, цит. тр. стр. 464).

²⁰⁷ В апокрифическом письме Михая Храброго (S.D., цит. тр. стр. 144).

²⁰⁸ В документе жуп. Лукача судьи Брашова (G r. T o c i l e s c u, цит. тр. стр. 467).

²⁰⁹ В документе пръгаров из Брашова (G r. T o c i l e s c u, цит. тр. стр. 451).

²¹⁰ В некоторых документах появляются пословицы, поговорки, даже ругательства, проклятия, с непристойными глаголами, как « іебати », очень распространен в карашовенском говоре. Или « нехокю забити хлебъ і соль што сьм ео із руке господству ти ». Сербизмами в этом выражений являются: « нехокю што ео (ел < іедти = кушать, есть) и род. од. ч.: из руке.

²¹¹ С. П. Б е р н ш т е й н. Разыскания... стр. 69.

²¹² P. O l t e a n u, *Lexicul Povestirilor slave*.

²¹³ G r. T o c i l e s c u цит. тр. стр. 469.

Н. С. А н т о ш и н. Закарпатская грамота, стр. 12—13.

« *пори* » венг. *pór* герм. *Bauer*, называются « *крестьяне* » в области Бырса. « *Корда* » = сабля ²¹⁴ « *марха* » = скот, богатство, « *товар* » в том же значении: « *товарь* » венг. *tovar*, а может быть турецк. *tavar* ²¹⁵. « *Вама* » венг. *vám* проник в славянский язык из румынского; « *кефа* » = щётка, « *гашти* » — кальсоны венг. *gate* = брюки ²¹⁶; « *хотар* » венг. *hátár*. Топонимические названия « *Сигет* », где издан документ 1404 г.: « *у Сигету* » венг. *sziget* = остров на реке ²¹⁷.

Венгерские элементы многочисленны и в документах, прибывших в Трансильванию из Валахии, и в документах трансильванских воевод ²¹⁸, что указывает на то, что венгерское влияние на язык славянский сильнее, чем предполагалось до сих пор.

В славянском языке Трансильвании встречаются также *турецкие элементы*. Некоторые из них связаны с канцелярскими документами: « *ходзет* » = *siget*, *зарис*, купчая крепость *исклаф*, *башиа*, ²¹⁹ *тафта*, *фота*, *хамалькь* ²²⁰, *дулама* < турецк. *doloma* « *махрама* » < рум. *mağamă*, *настрапъ* < турецк. *pastara* = сосуд, кружка ²²¹. Непонятным для наших исследователей славянского языка является: « *налбанта* » его переводили: « *жуганар* » (холощеньный скот) вместо *кузнец* < турецк. — араб. *nalbant* ²²². В апокрифическом письме Михая Храброго встречается турецкое слово: « *мерхум* » = усопший ²²³.

Церковный славянский язык Трансильвании сохраняет в лексике много *греческих элементов*. Одни из них являются древними, потому что проникли в славянский язык одновременно с первыми религиозными текстами или из румынского языка. Среди них на первом месте стоит ряд глаголов на: « *са* », проникших в славянский язык или прямо из греческого, или через богослужебные тексты, или через румынский язык. Из греческих глаголов, оставленных без перевода (только славизированных) отмечаем: « *педепсати* » ²²⁴ греч. < *πεδεψα* (н. гр. *παίδευω*); « *власфγμισати* » < греч. *σιγματ. аориста* *βλασφημίσαι* = проклять, « *Липсати* » болг. « *липсувам* » греч. *λείπω*, *ἐλείψα* = лишать; « *липса* » греч. *λείψις* = лишение; Это очень древнее слово

²¹⁴ Расходный реестр из Брашова (G r. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 470, 475).

²¹⁵ V. M a c h e k, *цит. труд*: « *товарис таварна, фабрика* » стр. 533.

²¹⁶ Расходный реестр (G r. T o c i l e s c u *цит. тр.* стр. 470; 475).

²¹⁷ Н. С. А н т о ш и н: *цит. тр.* стр. 42.

²¹⁸ См. I. B o g d a n, *Relațiile Țării Românești cu Brașovul...* lista de cuvinte.

²¹⁹ В расходном реестре из Брашова (G r. T o c i l e s c u, *цит. тр.* стр. 469—474).

²²⁰ Тамже стр. 472.

²²¹ « *Настрап* » встречается и в самой древней ракоцианской книге, напечатанной в Альба-Юлий. N. D r ă g a n u, în Anuarul Inst. de Istorie națională, Клуж 1921 стр. 234.

²²² « *за едін налбанду* »; в славянском им. « *Налбанта* » = ковач, поткивач *Риечник...* VII стр. 418. Встречается в словаре Вука Караджичу.

²²³ S.D., *Încă ceva despre scrisoarea...* стр. 145).

²²⁴ S. M u r n u, *Elementele grecești din limba română*, Бухарест, 1909 К. Horálek, Úvod do studie стр. 368.

проникло также и в румынский язык прямым путем из греческого²²⁵. Часто встречается в документах и народных выражениях «*сосати*» повидимому, эта калька румынского языка²²⁶. В болгарском имеется «сосам», на албанском «*sos*» греч. σῶζω н. гр. σῶνω, буд. σωσω = прибывать, приходить, приезжать²²⁷.

Таким же древним и в румынской форме является: «*мартурисати*» < греч. μαρτυρέω аор. μαρτύρησα. Или «*фолос*» и «*фолосати*» < греч. ὄφελος.

Позже такого рода глаголы становятся более многочисленными, особенно в канцелярских документах среднеболгарской и сербской редакции. Вероятно, они использовались в южной Македонии, потому что имеют иногда народную форму. Как показал А. Мазон, имеются многочисленные формы греко-турецкого происхождения, потому что перешли в славянский язык или из греческого сигматического аориста, как «*власфимисати*»; или из греческих форм на — *изо*, — *исо* —, имеющих в основе прошедшее время глагола турецкого языка: «*казанди*» греч. καζανδίζω. Эти два типа глаголов часто употреблялись в балканских языках. В результате они были усвоены и болгарским языком: «*казандисам*» кѣлнсам = белить и др.²²⁸.

Поэтому в канцелярских документах и в других текстах, пришедших с юга, встречаем глаголы типа: «*урисует, орисовати*» — приказывать; часто встречаются и «*орисмо*» — приказ < греч. ὀρίζω (ὀρίζω); «*гева-сити*» = двигать с места; «*харсовати*» благодарить «*неволисати*» = стараться; «*фтасати*» и «*вътасати*» = достигать, находить, кончать греч. φθάνω — ἔφθασα. Древним является и глагол: «*скандалисати*» греч. < το σκάνδαλον, σκανδαλίζω и др.²²⁹.

Из существительных, проникших в славянский язык одновременно с первыми кирилломефодиевскими текстами, следует отметить: «*трапеза*» < греч. τραπέζα²³⁰ н; «*литургия, икона, иконостас, орги*» < греч. ὀργή, -ής также древним является и в румынском языке и — за «*һ*» > *ic*²³¹. «*Катас-тиф*» < греч. κατὰστίχον, повидимому в славянские тексты из Брашова

²²⁵ S. Murgu *цит. тр.* стр. XII.

²²⁶ Напр.: «како ми ест време сосало» I. Bogdan, Doc. privitoare la relațiile Țării Rom. cu Brașovul. I стр. 248. Или «сосует ми до гърло ми». Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 47.

²²⁷ S. Murgu *цит. тр.* стр. X.

²²⁸ А. Мазон: *D'une formation verbale d'origine greco-turque*: «Mélanges linguistiques offerts à M. Vendryès, Paris, 1930 стр. 263—273. Глаголы турецкого происхождения имеют и в болгарском языке суффикс: -«*днс*»- L. Baulieu, *Grammaire de la langue bulgare*, Paris, 1933, стр. 290—291).

²²⁹ Чаше употребляется в канцелярских документах. (S. Murgu, *цит. тр.* стр).

²³⁰ Существовал также и в общенародном языке, потому что встречается в расходном реестре Брашова (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 474.)

²³¹ S. Murgu *цит. тр.* «Иконостас встречается и в расходном реестре Брашова (Gr. Tocilescu, *цит. тр.* стр. 473), может быть румынского происхождения.

проник из румынского языка²³². В таком расходном «Катастифе» (реестре) встречаем «за хартие» < греч. «χαρτία = бумага²³³, «тимпан» (ладан) < греч. θυμιάνα²³⁴; «кандили» (лампадка, светильник) < греч. κἀνδῖλος²³⁵; «аспри» — < греч. ἄσπρον — очень часто используется. Встречаются также названия дорогих материй: «хаздеиа» < греч. χάσμιον — шелк; «вилар» < греч. < βήλαρος = бархат и др. В связи с торговлей: «ло ефтино» < греч. ἔσθηνος = дешевый; «захар» < греч. захара²³⁶; «арвуиа» греч. ἄρραβων = задаток. Также часто употреблены: «поклисапи» = посол и «поклисорство» < греч. ἀποκρισιάριος; греческий термин чередуется часто с славянским: «посоль»²³⁷; «Тестемел» < греч. τεστμελι²³⁸.

Многочисленные греческие элементы встречаем в канцелярских документах, пришедших из Валахии²³⁹.

В языке канцелярских документов Трансильвании имеется много отклонений от славянской основы, аналитических выражений и слов из румынского языка. А. Я. Яцимирский заявлял, что язык наших документов — это литературный вид живого румынского языка, потому что дьяки думали по-румынски, а выражались по-славянски²⁴⁰. Самыми многочисленными являются наименования мест или лиц, которые встречаются даже в Сигетском документе: «Думитру, Сыныца, Леока, пань Радуль», с постпозитивным членом²⁴¹.

Часто эти наименования включены в славянские документы: напр.: в межевальном документе Григория «биров» Бистрицы: «от Сипхсеоржю»,

²³² Засвидетельствован еще в 1489 г. вместе с «хрисовул» < греч. χρυσοβουλον. Но «катастиф» употребляется в брашовском разговорном языке. (G r. T o c i l e s c u, цит. тр. стр. 469; S. M u r n u цит. тр. стр.

²³³ Расходный реестр (G r. T o c i l e s c u, там же).

²³⁴ G r. T o c i l e s c u, цит. тр. стр. 472.

²³⁵ «за к кандили». G r. T o c i l e s c u, цит. тр. стр. 474.

²³⁶ G r. T o c i l e s c u цит. тр. стр. 472. T i k l i n, Die rum. Wörterbuch стр. 1789.

²³⁷ Встречается не только в документах, но и в религиозных книгах или в анекдотах, напр. в «Сказанни о Дракуле Воеводе».

²³⁸ В расходном реестре (G r. T o c i l e s c u, цит. тр. стр. 470).

²³⁹ Часто употребляются: «скулище» < гр. σχολα, позже = «имущество, богатство» как и «комате». В связи с пошлиной: «скала» < гр. скала; итал. скала лат. scalagium = оплата, пошлина за корабли «кумерк» < н. гр. κουερк = пошлина, такса. Или «керамида» = кирпич; «херетесима» = благодарство «царвули» = лапти кожанные; «периволи» = сад; «анепсеос» = внук. В документах архива гор. Сибиу: «хора» = страна, но и «поликандра» в церкви — люстра; «пиргь» < гр. πυργος = башня; «харагие» < гр. χαραγή = казначейство и др. P. P. P a n a i t e s c u, Documente slavo-române din Sibiu стр. 11; 17; S.D., Documente nouă privitoare la relațiile Țării Românești cu Sibiul în secolii XV și XVI. Buc. 1927. О греческом влиянии на сербо-хорватский язык см. M. V a s n e r Die griechischen Lehnwörter im serbio-kroatischen, 1944.

²⁴⁰ А. Я. Яцимирский. Язык молдавских грамот стр. 21.

²⁴¹ Н. С. Антошин: Закарпатская грамота... «Научные записки XIII Ужгород, 1955, стр. 12. Думитру встречается и в документах жуп. Лукача, судьи Брашова. (G r. T o c i l e s c u, цит. тр. стр. 467). Radul встречается и в надписях.

или « *шакo Симжеорженилор не подобает* » « *нь илуанилор* », или « *до хотар Маиренилорь; до валя Аурарилорь, Капота Михул* »²⁴². Также в документах из Брашова: « *от Чернатул* »²⁴³ да ходи за свою пагубу і за *Херманенилорь* ».

Румынскую форму представляют и наименования в надписях в церквях Заранды и Крыщеры, а также Рибицы Хунедоарской области: « *Владиславу, Микльушу, Стана, Сора* »²⁴⁴.

В трансильванских текстах встречаются также нарицательные существительные румынского происхождения, напр: « *Записе пръгаров* » из Брашова: « *Фота, пунга, вуката, сребро* »²⁴⁵ или « *ты загуби моего непота* » . . . како есте учинили моему *непоту* »²⁴⁶. В апокрифическом письме Михая Храброго румынизмы встречаются в синтаксических конструкциях, в неправильном использовании падежей и даже в словаре. Напр: « *Да имам поучение и ръспунсъ* » *от великом гозподство ти* ». Видимо это написано румыном из Фэгэраша, Брашова или из Сибиу; поэтому он употребляет формы « *Никулай* ». Немцев из Трансильвании он называет « *Саши* », « *Трансильванских* » венгров он отмечает от других. Употребляет винит. пад. с « *по* », как в румынском языке « *да не оставим по сынъ господство ми* »²⁴⁷ = *să nu răăşesc pe fiul domniei mele*.

В нескольких надписях, сохраненных в церкви святого Николая в Скеи Брашова, встречаем румынские наименования. Здешние румыны были хорошими книжниками. Хронику церкви написал: « *іереі Радул син ереі Радул Темпе от свіатага црѣков от Скеи Врашовском* »²⁴⁸.

Расходный реестр Брашова написан на славяно-румынском языке: « *скъндури за . . . куге, за верижси, за цѣцѣни . . . цынте и верижси и к цѣцѣни, за фиру, за един амнаріу, за един чуру (решето), за чорати . . . за надрадзи — за кѣпестри . . . котел съ тортъ* < лат. *torquere*; за *буреци*, за *споит тилси* и котел, за мунакас лат. *manus* (за работу), к *зидари* — за брючинари » лат. *brassea*, за *чингѣтори*, за *аче*, за *кеотори*, за *сърма*, за *кумпене*, за *мертиче*, със *мынуше* »²⁴⁹.

Под влиянием румынского языка в славянском языке Трансильвании не сохраняются ни падеж, ни род имен существительных, ни предложное управление. Некоторые славянские слова созданы по румынским образцам.

---

²⁴² Наименования показывают, что население северо-восточной Трансильвании было румынское и говорило на румынском языке. (G r. T o c i l e s c u, цит. тр. стр. 550.

²⁴³ G r. T o c i l e s c u, цит. тр. стр. 461.

²⁴⁴ Документ судьи пръгаров Брашова. (G r. T o c i l e s c u, цит. тр. стр. 463).

²⁴⁵ G r. T o c i l e s c u, там же; стр. 461. Надпись от 15 июля 1417 г. S.D., *Vechile biserici* . . ., стр. 251.

²⁴⁶ G r. T o c i l e s c u, цит. тр. стр. 550—551.

²⁴⁷ S.D., *Încă ceva despre scrisoarea*, стр. 144—145.

²⁴⁸ S t e r i e S t i n g h i e, цит. тр. стр. 56.

²⁴⁹ G r. T o c i l e s c u, цит. тр. стр. 469—474.

В некоторых славянских текстах встречаются даже целые предложения, написанные на румынском языке ²⁵⁰.

Это свидетельствует о том, что и в Трансильвании, как и в Валахии и в Молдове, еще в XV-ом веке говорили на румынском языке. В документах другие народности: Скеи, болгары, сербы — названы своими именами так, как румынское население, коренное и мажоритарное, называло всех новоприбывших ²⁵¹. Из-за своей своеобразной структуры славянский язык Трансильвании является языком «*sui generis*» ²⁵².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего вышесказанного вытекает, что славянский язык на севере Трансильвании использовался в той древнейшей форме, в которой он пришел из Великой Моравии в конце IX-го века. На его базе сложился славянский язык «карпатской редакции», До сих пор он употреблялся как язык богослужений у «хорниатов», прибывших из восточной Словакии (например, население Перега Печикского района, Тимишоарской области). Рутенское население употребляет в качестве богослужебного языка тот же самый язык, но с русскими, украинскими и польскими элементами, особенно в лексике.

Итак, церковно-славянский язык карпатского извода имеет две разновидности: моравскую и восточную. Надо признать, что термин «карпатский» больше объясним с географической и исторической точки зрения, нежели лингвистической.

Крупнейшими центрами распространения письменности на славянском языке карпатского извода являлись монастырь в Пери, основанный, повидимому, в XI-м веке ²⁵³; потом Ужгород, Мункач, Бьлград, Орадя. На севере Трансильвании издаются документы, как например, Сигетский — 1404 г., в котором элементы славянского языка карпатского извода сочетаются с

---

²⁵⁰ Вот напр. как заключается соглашение между Яковом Тамашем и Михой из Брашова и с Войку из Рымнику-Вильча и с Думитру о перевозке 40 тюков шерсти и об оплате: «также ако хокет имат пенези; ере они да и платит сва, кьда хокет донесет вльна. ши иар де ну се вор циня де кувынты, съ пуге патрузеч флорини... G r. T o c i l e s c u *цит. тр.* стр. 460.

²⁵¹ В Скеи Брашова болгары пришли только в 1392 г. В документах их именуют: «булгарии дин Скеи». Даже когда речь идет только об одном сербе, в документе говорится: «*acel sirb*». Следовательно, надо уточнить мнение о том, что якобы население Трансильвании до XV—XVI-го вв. являлось болгарским, как полагал Л. Милетич. Он считал, что там существовали даже боярские болгарские семьи. (Към грамотите от Брашовската сбирка. В сборник. Нар. умот. XXV).

²⁵² G h. G h i b ā n e s c u, *Surete și izvoade*, стр. XCIX. Изучение румынских элементов в славорумынских документах значительно продвинуто благодаря ценным исследованиям профессора Дамиана Богдана: *Glosarul elementelor românești din documentele slavo-romîne*, Бухарест, 1946. *Characterul limbii textelor slavo-romîne* Бухарест, 1946.

²⁵³ Историк Юрий Заткович утверждает что монастырь в Пери обладал многими грамотами от венгерских королей. Однако эти грамоты уничтожены татарами в 1241—1242 гг. Г. Г е р о в с к и. *Прящевчина*, Историко-лит. сборник. Прага, 1948, стр. 69.

древнерусскими. В северозападной Трансильвании написано «Сказание о Дракуле Воеводе»

В Трансильвании хорошо знают и среднеславянский язык восточной редакций и язык грамот молдавской канцелярий (использованный примарем (биром) из Бистрице).

В течение X-го века, особенно во второй половине X в. славянский язык проникает из Болгарии на север по Дунаю и в Трансильванию. Особенности древнеболгарского языка обнаруживаются частично во всех текстах, особенно в религиозных текстах на юге Трансильвании, где к половине XV-го века усиливается влияние славянского языка сербской редакции, как в религиозной литературе, так и в светской, и даже в документах знатных людей из сакских городов — Брашова, Сибиу, Фэгэраша, а также на западе Трансильвании — в Араде и Банате.

В северной Трансильвании и в Марамуреше на рубеже XV-го и XVI-го вв. большинство текстов восточного извода пореводят на румынский язык. В то же время за устранение славянского языка боролись разные течения эпохи Реформации. Однако славянский язык играл значительную роль в жизни румын Трансильвании, крепко соединяя их со своими румынскими братьями с этой стороны Карпат и со славянским населением, проживающим на той же территории.

Славянский язык долго удерживался в Бихорской области, куда прибывали из Валахии и Молдовы странствующие дьяки, которые переписывали и распространяли славянскую книгу.

Таким образом — через странников — распространялась и румынская книга, обеспечивая будущему румынскому литературному языку единство строя и словаря. Также по всей Трансильвании странствовали переплетчики и иконописцы ²⁵⁴.

После 1700 г. в Трансильвании начинается постепенная замена славянского языка румынским языком. Самой распространенной румынской книгой в то время было «Казанье Варлаама» ²⁵⁵. К 1750 г. славянский язык был окончательно заменен румынским. Румынское население и даже духовенство с большим трудом понимали славянский язык.

Славянский язык в Трансильвании своим разнообразием представляет большой интерес для славяноведов, а своим богатым содержанием представляет немалый интерес для исследователей древней культуры наших предков.

---

²⁵⁴ Так поп Симион из Халамаджи Арадской области, в 1450 г. пишет четыре евангелия на среднеславянском языке сербской редакции. Иоан из села Нанкова — Марамуреша к половине XVI-го века пишет одну «минею», одно Казанье и «7 тайнств». В Бихоре действует молдавский учитель Василий Стурзе; он копирует в 1698 г. казанье по изводу, напечатанному в Болграде. Также в Бихоре монах Георгий расписывает образ Александра Македонского. (St. Motaş, *Istoria bisericii şi a vieţii religioase a Românilor din Ardeal şi Ungaria*, I 1918 стр. 366.

²⁵⁵ Iosif E. Naghiu, *O bibliotecă documentară*, Oradea (mss).

Г. Михайлэ

ВОПРОСЫ СОСТАВЛЕНИЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

1.

Первый этимологический словарь румынского языка, составленный А. Чихаком (A. de Cihac), появился почти девять десятилетий тому назад. В него вошли как слова латинского фонда румынского языка, так и заимствования из соседних языков, среди которых первое место занимают славянские¹. Этот важный труд, составляющий начало научного изучения румынской лексики в целом, принадлежит, со всеми своими положительными и отрицательными чертами², к «героическому» и «романтическому» периоду румынской лексикографии, вершиной которого является неоконченный *Etymologicum Magnum Romaniae* (т. I—IV, Бухарест, 1886—1898) современника Чихака — Б. П. Хаждеу.

Чихак собрал в своем словаре все разнородные по происхождению слою румынского языка, стараясь, по словам Л. Шаиняну, все объяснить: «хорошее или плохое, объяснение все равно дается»³. На самом деле, не преуменьшая значения труда Чихака, его современники и последующие поколения исследователей отметили серьезные упущения и неточности в отдельных разделах словаря, в особенности во второй части, в частности в разделе «славянских элементов». Причиной этих недостатков был хотя бы тот факт,

---

¹ A. de Cihac, *Dictionaire d'étymologie daco-romane*. I: *Éléments latins comparés avec les autres langues romanes*; II: *Éléments slaves, magyars, turcs, grecs-moderne et albanais*. Francfort s/M. 1870—1879.

² Объективный синтез критик современников Чихака дал Л. Шаиняну в своей *Istoria filologiei române*², Buc. 1885, стр. 198—206. См., в последнее время, I. Şiadbei, *Lexicografia română şi istoria cuvintelor*, «Limba română», 1957, No. 6, стр. 20—21.

³ Указ. раб., стр. 200.

что на той стадии развития румынской (и, отчасти, европейской) этимологической лексикографии, Чихак не мог с одинаковой компетентностью решить все этимологии румынского языка, как латинские, так и славянские, венгерские, турецкие или греческие, не говоря уже об автохтонных, которые до сих пор остаются недостаточно изученными. Само сравнительно-историческое языкознание находилось в то время в начале второго своего периода развития, периода ознаменовавшегося крупными успехами конца XIX в. и первых десятилетий XX в. В последующие десятилетия появились новые этимологические словари основных индо-европейских языков, в частности романских и славянских, которые легли в основу этимологических разысканий до настоящего времени.

Следующее поколение исследователей вновь обратилось к этимологическому изучению, в первую очередь, латинского фонда как основы румынского языка. Три десятилетия спустя С. Пушкариу напечатал свой *Etymologisches Worterbuch der rumänischen Sprache. I. Lateinisches Element* (Heidelberg, 1905). Вскоре после этого, И. А. Кандря и О. Денсушяну начали опубликовывать такой же «Этимологический словарь румынского языка. Латинские элементы» (*Dicționarul etimologic al limbii române. Elementele latine*, fasc. 1—4, A — Putea, Buc. 1907—1914), к сожалению не оконченный. Эти две работы остаются до настоящего времени основными источниками по этимологиям латинского фонда румынского языка, но и они, после 50 лет, нуждаются в серьезных дополнениях.

Одновременно, специалисты по разным соседним языкам вновь подвергли исследованию венгерские, греческие и турецкие заимствования. Так, уже в конце прошлого столетия появились одна за другой работы: С. К. Мындреску «Венгерские элементы румынского языка» (*Elemente ungurești în limba română*, Buc. 1892), где слова распределены на две большие категории: 1) диалектальные слова и 2) общенародные слова; Г. Г. Мурну «Исследование о до-фанариотском греческом элементе в румынском языке» (*Studiu asupra elementului grec antefanariot în limba română*, Buc. 1894), в котором различаются слова, проникшие в румынский язык через посредство других языков (главным образом, церковнославянского), и прямые заимствования (последние составляют меньшее число)⁴; Л. Шаиняну «Восточное влияние на румынский язык и культуру» (*Influența orientală asupra limbii și culturii române*, vol. I—II, Buc. 1900), посвященное турецкому влиянию на румынский язык, являющееся моделью серьезной трактовки подобного рода проблемы.

---

⁴ См. «Введение», стр. IX и след. Греческие заимствования последующих веков были впоследствии изучены L. Gál di, *Les mots d'origine néo-grecque en roumain à l'époque des Phanariotes*, Budapest, 1939.

Что касается влияния славянских языков на румынский язык, следует отметить что после выхода в свет словаря Чихака появилось довольно много работ и статей, как в самой Румынии, так и за границей, занимающихся этой проблематикой. Однако, до настоящего времени основное внимание исследователей было обращено на фонетическую сторону заимствованных слов, в связи с общей проблемой датировки древнеславянского влияния, а также определения славянских диалектов, которые соприкасались с румынскими. Богатый материал содержат в этом отношении работы И. Барбулеску, посвященные фонетике славянских элементов румынского языка⁵, и в особенности книга А. Росетти «Влияние южнославянских языков на румынский язык (VI—XI вв.)» — (*Influența limbilor slave meridionale asupra limbii române* (sec. VI—XII), Buc. 1956)⁶, а также ряд статей Э. Петровича, опубликованных в последние два десятилетия в «Dacoromania», «Studii și cercetări lingvistice» и других журналах. В последнее время Э. Петрович усердно разрабатывает вопросы славянского влияния на фонетическую систему румынского языка⁷, а также проблемы славяно-румынской топонимики. В известной мере изучено славянское влияние на румынскую морфологическую систему⁸ и словообразование⁹, хотя последнее нуждается ещё в детальном исследовании, и только начинается изучение семантики славянских заимствований румынского языка¹⁰.

Сама лексика славянского происхождения была изучена в ряде работ с точки зрения группировки по реалиям слов, проникнутых в румынский язык

⁵ См., в частности его книгу *Individualitatea limbii române și elementele slave vechi*, Buc. 1929 (Критику её недостатков см. у A. I. Rosetti, *Mélanges de linguistique et de philologie*, Copenhagen — București, 1947, стр. 301—308).

⁶ Пересмотренное и дополненное издание третьего тома *Istoria limbii române*, Buc. 1940 (см. нашу рецензию в «Studii și cercetări lingvistice», VIII, No. 1—2, 1956, стр. 140—143).

⁷ См., в особенности, *Influența slavă asupra sistemului fonemelor limbii române*, Buc. 1956; *Kann das Phonemsystem einer Sprache durch fremden Einfluss umgestaltet werden? Zum slavischen Einfluss auf das rumänische Lautsystem*, 's-Gravenhage, 1957.

⁸ См., в частности, A. I. Rosetti, *Influența*, стр. 30 и след. (ILR, III, стр. 66 и след.); ср. М. К ř e p i n s k y, в *Actes du Sixième Congrès international des linguistes*, Paris, 1949, стр. 317—324 (ответ на 4-й вопрос).

⁹ См., например, O. D e n s u s i a n u, *Histoire de la langue roumaine*, I, Paris, 1901, стр. 244—245; G. P a s c u, *Sufixe românești*, Buc. 1916.

¹⁰ Кроме старой работы Л. Ш а и н я н у «Опыт по семасиологии румынского языка» (*Încercare asupra semasiologiei limbii române*, Buc. 1887), можно сослаться здесь лишь на отрывочные указания в работах А. И. Яцимирского, О. Денсушяну, С. Пушкарю, А. Росетти, А. Граура и др. и на статью Р. А. Б у д а г о в а, *Славянское влияние на румынский язык*, «Вестник Лгр. ун-та», 1947, № 12, стр. 80—94. См. Г. М и х а и л э, *Слова древнеславянского происхождения в румынском языке*. Автореферат диссертации, Москва, 1957, стр. 10—16; его же, *Некоторые вопросы изучения семантики древнеславянских заимствований в румынском языке*, «Вопросы славянского языкознания», вып. 4 (в печати).

в древнейшую эпоху соприкосновения румынских диалектов с юго-восточно-славянскими (болгарского типа). Используя материал, впервые собранный Фр. Миклошичем в своей известной работе *Die slavischen Elemente im Rumunischen* (Wien, 1861), которая положила основы «славо-румынистики», и в словаре А. Чихака, историки румынского языка и слависты произвели определенную классификацию славянских лексических элементов румынского языка с тем, чтобы установить в каких именно областях лексики (тем самым, отчасти, матеральной культуры) более интенсивно проявилось славянское влияние в период VI—XII вв. (Для книжных элементов, проникнутых с церковнославянского следует говорить о влиянии до XVI в.). Такие группировки слов даны в «Истории румынского языка» О. Денсушяну, в ряде статей А. И. Яцимирского¹¹, в работе Б. Цонева *Езиковни взаимности между българи и румъни* («История на български език», т. II, София, 1934, стр. 3—151), в книге Т. Капидана «Славянский элемент арумынского диалекта» (*Elementul slav în dialectul aromân*, Buc. 1925). Более подробно подобная классификация славянских элементов дана в вышеупомянутой работе А. Росетти¹².

Многочисленные этимологические заметки появились в разных румынских и иностранных языковедческих журналах («DacoRomania», «Arhiva», «Bulletin linguistique» и мн. др.), как результат творческих исканий славистов и романистов.

Что касается влияния новых славянских языков, на протяжении нескольких десятилетий появился ряд работ, посвященных заимствованиям с русского, украинского, польского и сербского языков¹³.

---

¹¹ Напр., *Славянские заимствования в румынском языке как данные для вопроса о родине румынского племени*, «Сб. статей... В. И. Ламанскому», ч. II, СПб. 1908, стр. 792—819.

¹² В ряде работ рассматриваются лишь определенные группы слов, как например: Н. D u m k e, *Die Terminologie des Ackerbaus im Dakorumänischen*, XIX—XX. Jhb. d. Inst. f. rum Spr., Leipzig, 1913, стр. 65—131; P. C a n c e l, *Termeni slavi de plug în daco-română*, Buc. 1921; P. S k o k, *Slave et roumain*, RESI, III, 1—2, 1923, стр. 59—77; A l. B o c ă n e ȝ u, *Terminologia agrară în limba română*, «Codrul Cosminului», II—III, 1925—1926, Cernăuți. Из более новых работ можно упомянуть, среди многочисленных статей и этимологических заметок: P. S k o k, *Leksikologijske studije: Rekonstrukcija dačkoslovenskog vokabulara* (оттиск из «Рада...», т. 272), Zagreb, 1948; Z d. W i t t o c h, *Les termes roumains d'origine slave relatifs à la nourriture*, «Romîno-slavica», No. 1, 1948, стр. 63—89.

¹³ Среди них можно упомянуть: C. S a n z e w i t s c h, *Die russischen Elemente romanischen und germanischen Ursprungs im Rumänischen* (II. Jhb. d. Inst. f. rum. Spr., Leipzig, 1895, стр. 193—214); Н. B r ü s k e, *Die russischen und polnischen Elemente im Rumänischen* (XXVI—XXIX. Jhb., 1921, стр. 1—69), с дополнениями и поправками D. S c h e l u d k o, *Nordslavische Elemente im Rumänischen* («Balkan-Archiv», I. Band, 1925, Leipzig, стр. 153—172); M a r g a r e t a C. Ț e f ă n e s c u, *Elementele rusești-rutene din limba română și vechimea lor*, Iași, 1925; I. P o p o v i c i, *Einige*

Однако, собственно лексикографические работы в «славяно-румынской» области отсутствовали за все эти десятилетия. Казалось бы, что при тогдашних возможностях, XIX век дал больше в этом отношении. На самом деле, 21 год раньше появления работы Миклошича, Я. Гинкулов напечатал свое *Собрание славянских первообразных слов, употребляемых в языке валахо-молдавском* (более 500 слов-корней)¹⁴. Совсем в иных целях составил несколько лет спустя И. Хелиаде-Радулеску свой «Словарь иностранных слов в румынском языке» (1840), содержащий около 1200 слов, среди которых большинство было славянским и которые он рекомендовал читателям не употреблять больше в разговорном и письменном языке¹⁵.

Последовали, в хронологическом порядке, упомянутые выше словари Фр. Миклошича и А. Чихака, которые остаются незаменимыми до настоящего времени. Достоин примечания тот факт, что Миклошич часто цитирует румынские слова в своем *Lexicon palaeoslavenico-graeco-latinum* (Vindobonae, 1862—1865) и в *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* (Wien, 1886). Следуя традиции своего прешедственника, Э. Бернекер также помещает в *Slavisches etymologisches Wörterbuch* (I. Band, II. Band: Lief. 11, Heidelberg, 1908—1913) румынские заимствования из славянских языков, наряду с венгерскими, албанскими, греческими. Это позволило румынским лексикографам продолжать изучение славянских элементов румынского языка, облегчая в известной мере их разыскания. Но славянские этимологические словари являются лишь рабочими инструментами и никаким образом не могут заменить славянской части румынского этимологического словаря.

Полный этимологический словарь румынского языка был отчасти заменен толковыми и исторически-толковыми румынскими словарями: L. Şăineanu, *Dicţionar universal al limbii române* (I-е изд. 1896; со 2-го издания 1906 г. указываются этимологии)¹⁶; Н. Tiktin, *Rumänisch-deutsches Wörterbuch*, I—III (Buc. 1895—1925); I. A. Candrea, *Dicţionarul limbii române din trecut şi de astăzi*¹⁷; A. Scriban, *Dicţionaru limbii româneşti*

Bemerkungen über die serbo-rumänischen Lehnwörter, «Slavia», VII, 1, 1928, стр. 15—24; I. Iordan, *Influenţe ruseşti asupra limbii române*, Buc. 1949; Gh. Mihăilă, *Observaţii asupra influenţei ruse în vocabularul limbii române contemporane*, «Limba română», 1954, No. 3, стр. 27—35.

¹⁴ *Собрание сочинений и переводов, в прозе и стихах, для упражнения в валахо-молдавском языке*, СПб. 1840, стр. 174—200.

¹⁵ *Vocabular de vorbe straine în limba română*. 1840 («Opere», ed. D. Popovici, t. II, Buc. 1943, стр. 319—367). О словаре (*Glossariu care coprinde vorbele din limba romana straine...*, Buc. 1871) А. Т. Лауриана и И. К. Массима нечего и говорить: антинаучный и предвзятый подход к «иностранному» словам был очевидным уже в момент его напечатания. Между прочим, и самому Хелиаде никто не последовал, и его «Словарь» остается простым документом времени.

¹⁶ 6-е изд., Craiova, 1929; 8-е изд. б.г.

¹⁷ *Dicţionarul enciclopedic ilustrat «Cartea Românească»*, Partea I, Buc. 1931.

(Iași, 1939). Все эти авторы дают при словах и краткие этимологические указания. Среди них, наиболее документированным и осмотрительным является Тиктин. Что касается слов славянского происхождения, он не ограничивается указаниями словарей Миклошича и Чихака, а ищет иногда новых путей этимологизирования и нередко приводит собственное наблюдение и дает ценные указания. Хотя, в основном, Кандря следует тем же принципам, он дает всё-таки больше славянских предполагаемых прототипов без ясного аргументирования (он снабжает их знаком *). В этом отношении компилятивный характер славянской части этимологий Кандря проявляется сильнее, чем у Тиктина, хотя и здесь читатель встречает многие этимологии, принадлежащие самому автору или извлеченные из новых источников. Скрибан часто дает довольно богатый славянский сравнительный материал для этимологий, но, местами, без достаточного контроля, а иногда прямо неподходящий. Не останавливаясь на более детальном рассмотрении славянской части этимологий этих словарей, можно отметить, что в большинстве случаев их основным источником остается «Лексикон» Миклошича для так называемых «древнеславянских» («старославянских» — рум. *vechi slave*) элементах.

Известно, что Миклошич составил словарь не только «старословянских» текстов, но и «церковнославянских», в широком смысле этого слова, включая сюда даже некоторые слова, извлеченные только из славяно-румынских грамот (в издании Венелина). В таком случае, нельзя цитировать как «старославянское» слово, встречаемое только в более поздних текстах (болгарской, сербской или русской редакции), а нужно искать более надежный материал в болгарском и сербском языках. Тиктин пользовался для всех этих слов указанием («*kirchenslavisch*»), в то время как Кандря и другие цитируют везде «*vsl.*» («старослав.»). Новый «Словарь румынского языка — толковый, этимологический, иллюстрированный» (находится в печати) поступает в отношении древних заимствований иначе: напр. *plug* — «слав. (стсл. *plugъ*)», указывая этим что слово принадлежит к древнему пласту заимствований и что «старославянская» форма является наиболее древней известной¹⁸. Однако, такая формулировка является менее удачной для книжных, церковных слов, большинство которых имеют, в конечном счете, греческое происхождение: здесь простое указание «ст. сл.» или «церк. сл. (< гр.)» было бы более подходящим (напр. *evanghelie*, *psaltire* и мн. др.).

Немаловажное значение дается этимологиям, в частности славяно-румынским этимологиям, в неоконченном «Словаре румынского языка» Румынской

---

¹⁸ Идея такого способа подачи принадлежит акад. Э. Петровичу. Ср. сказанное по этому поводу А. Росетти: «Когда мы сопоставляем румынское слово с старославянским или древнеболгарским, это не означает... что румынское слово происходит именно из старославянского, а просто цитированное старословянское слово является наиболее древним известным соответствием румынского слова» (*Influența*, стр. 27).

Академии (*Dicționarul limbii române*, Buc. 1907—1949, А—Л, с пропусками). «Знание происхождения того или иного слова — указывал главный редактор словаря С. Пушкариу в докладе, представленном словарной комиссии—необходимо для определения его значений и истории семантического развития. Изучение происхождения слов может во многом способствовать решению многих вопросов истории и культуры румынского народа» (т. I, ч. I, стр. XXXVII). Говоря о трудностях этимологической работы в области румынского языка, С. Пушкариу справедливо указывал, что здесь нужно «быть романистом, славистом, знать албанский, турецкий, новогреческий, венгерский и немецкий языки» и пользоваться наиболее совершенными словарями соседних языков, чего не всегда бывает, и т.п. Вот почему, этимологическая часть словаря менее совершенна, хотя как, оказалось впоследствии, сюда были включены и новые этимологии, нередко с указанием на автора или с изложением противоположных мнений¹⁹.

Этимологист должен быть на самом деле «полиглотом», но в условиях румынского языка идеальной формой работы является сотрудничество романистов, славистов, балкановедов, угроведов, тюркологов и т.п., которые отдельно решали бы вопросы разнородных пластов румынской лексики. На самом деле, за исключением Чихака, никто не пытался единолично решить все этимологии румынского языка. Указанные выше авторы избрали себе либо латинский фонд (Пушкариу, Кандря-Денсушяну), либо заимствования из определенного языка, и никто не может отрицать того, что, например, первые решили свою задачу именно в силу того, что были хорошими романистами.

Что касается нового «Словаря румынского языка» (толковый, этимологический, иллюстрированный), славянская часть этимологий была пересмотрена и дополнена при использовании новых славянских толковых и этимологических словарей. Но, при небольшом объеме этимологической части каждой словарной статьи, было невозможным включить сюда все, что можно было бы использовать в области славяно-румынских этимологий.

Тем более, было невозможным, хотя бы вкратце, осветить трудные вопросы при решении той или иной этимологии. В таких случаях слово остается иногда без указания этимологии, что отнюдь не решает вопроса. Это можно сделать лишь в специальном этимологическом словаре, посвященном славянским заимствованиям, также как латинский фонд и другие пласты заимствований требуют отдельных этимологических работ, которые должны лечь в основу большого этимологического словаря румынского языка²⁰.

---

¹⁹ См. I. Ș i a d b e i, указ. ст., стр. 25.

²⁰ В румынской лингвистической литературе лишь в последнее время раздаются голоса по вопросу возобновления этимологических разысканий с использованием новых, более совершенных методов работы. См. I. Ș i a d b e i, указ. ст., стр. 30; G. I v ă n e s c u, *Note etimologice. Istoria socială în serviciul etimologiei române*, «Studii și cercetări lingvistice», VIII, 1957, No. 4, стр. 509.

Следовательно, мы еще не располагаем полным этимологическим сводом славянских элементов, составленным на уровне современной лингвистической науки, подобным новому серьезному труду венгерского слависта И. Книежа «Славянские заимствования в венгерском языке» (*A magyar nyelv szláv jövevényszavai*, т. I, ч. 1—2, Budapest, 1955, 1044 стр.). В связи с этим представляется уместным остановиться на принципах составления первого тома обширного исследования венгерского слависта.

Лексический материал распределен на три большие группы: 1) слова несомненно славянского происхождения (около 800); 2) слова сомнительного происхождения, которые, в большинстве случаев, в сами славянские языки проникли из третьего языка (около 800); 3) слова неславянского происхождения, которые ошибочно были отнесены предшествующими исследователями к славянским заимствованиям (около 430)²¹. Кроме этого распределения слов в этимологическом плане, автор различает, с точки зрения общенародного венгерского языка, в каждой группе три категории слов: а) слова, принадлежащие общенародному разговорному языку (из несомненно славянских, например — 460); б) диалектные слова; в) устаревшие слова. Это различие дает возможность выделить стабильные, живые общенародные элементы славянского фонда венгерского языка от устаревших или территориально ограниченных.

И. Книежа следует принципам современной этимологической лексикографии, согласно которой этимология слов дается вместе с их историей на основе письменных памятников²². В начале каждой словарной статьи дается краткая история слова в венгерском языке (первое появление в текстах, варианты форм и развитие значений в историческом порядке, с указанием источников), после чего даются славянские эквиваленты: в первую очередь, дана славянская форма, которая по мнению автора является источником венгерского слова, затем южнославянские формы (ст. сл., церк. сл., болг., с.-х., словенск.), западно-славянские и восточно-славянские. Этот порядок обусловлен необходимостью привести на первом месте старославянскую форму а также тем, что преобладающее большинство славянских заимствований в венгерском языке южнославянского происхождения. Конечно, в случае словацких, чешских и т. п. заимствований указывается на первом месте соответствующая форма. Используя богатый материал (венгерские

²¹ См. резюме на русск. языке, стр. 1038. Числовые указания взяты из статьи П. К и р а й, *Славянское языкознание в Венгрии за последние десять лет*, «Вопросы языкознания», 1957, № 1, стр. 155. См. также И. Н. Г о л е н и щ е в-К у т у з о в, *Славяноведение в Венгрии*, «Известия АН СССР, ОЛЯ», т. XVI, вып. 6, стр. 523—524.

²² Ср., например, A. E r n o u t—A. M e i l l e t, *Dictionnaire étymologique de la langue latine, Histoire des mots*, Paris, 1932; M. V a s m e r, *Russisches etymologisches Wörterbuch*, I-III, Heidelberg, 1950—1958.

тексты и словари, основные лексикографические и лексикологические славянские работы), Книежа имел возможность во многих случаях сказать свое слово в решении этимологии того или иного слова.

Что касается второй группы слов, следует особо подчеркнуть постоянное стремление автора выяснить трудно поддающийся исследованию путь определенного слова до венгерского языка (через славянское посредничество или нет), имея в виду недостаточную разработанность самой исторической лексикологии славянских языков²³.

Наконец, третья группа также имеет свое обоснование: автор счел нужным объяснить исключение этих слов из славянских заимствований и дать, по мере возможности, реальную этимологию (напр., слова, заимствованные из румынского: *bojár* 'rumänischer Edelmann' < рум. *boier*, *zsarda* 'lange Stange' < рум. *joardă*, хотя в румынском они и могут иметь славянскую этимологию).

Основываясь на словаре Тиктина, автор в ряде случаев приводит и румынские слова, заимствованные из славянских языков (реже цитируюся албанские и новогреческие), не претендуя здесь на полноту.

Изучение славянских элементов, предпринятое венгерским славистом, этим не исчерпывается. Во втором, обобщающем томе будут разрабатываться вопросы фонетики, словообразования и семантики заимствованных славянских слов. В книге будет дано подробное описание общественно-исторических условий, в которых протекали процессы заимствования, что очень важно для истории венгерского и славянских народов²⁴.

Используя ценный опыт данной работы, можно предпринять и для румынского языка подобное исследование, если иметь в виду, что во многих случаях мы имеем дело со схожими условиями заимствования и что, в этом отношении, румынская славистика должна идти рука об руку с венгерской славистикой. Более того: если И. Книежа не имел возможности в достаточной мере использовать румынский материал, то исследователи славянских элементов в румынском языке могут пользоваться его работой как одним из важных источников, ибо многие слова заимствованы одновременно венгерским и румынским языками, также как и албаским языком (иногда и новогреческим)²⁵. Открывается, таким образом, возможность предпринять в будущем обобщающие исследования относительно славянского влияния на языки Балканского полуострова и Восточной Европы. Установление лексических пластов, общих для румынского, венгерского и албанского языков может привести к очень важным в историческом и культурном

---

²³ См. стр. 1038; см. также И. Н. Голенищев-Кутузов, указ. ст., стр. 523—524.

²⁴ См. П. Край, указ. ст., стр. 155.

²⁵ Ср., например: венг. *akol* — рум. *ocol* (сл. *okolъ*), венг. *asztag* — рум. *stog* (сл. *stogъ*), венг. *baba* — рум. *babă*, алб. *babë*, нгр. (обл.) βαβω (сл. *baba*) и мн. др.

отношении выводам. Кроме того, учет подобных слов, хорошо изученных во всех отношениях (фонетическом, словообразовательном и семантическом), в будущем этимологическом словаре славянских языков может дать интересный дополнительный материал для истории самих славянских языков в целом. Известно же, что румынский материал, например, неоднократно привлекался для той или иной проблемы сравнительно-исторической фонетики славянских языков (см., например, общие труды Мейе, Гуйера, Селищева, Вайана).

4.

Возвращаясь к этимологическому словарю славянских заимствований в румынском языке, пишу эти строки позволяя себе сообщить, что работа над собиранием и изучением материала была им начата в 1955 г. в связи с написанием диссертации « Древние южнославянские заимствования в румынском языке »²⁶, которая приняла, в первой своей части, форму своего рода « *dictionnaire raisonné* ». Продолжая известную традицию, автор изучил более 600 слов древнейшего фонда славянских заимствований в румынском языке, распределяя их по лексико-грамматическим группам (имена существительные, имена прилагательные, глаголы и т. п.), внутри которых классификация дается по « реалиям ». Так, имена существительные были распределены на восемь больших групп, каждая из них с несколькими подгруппами (всего 38 подгрупп), имена прилагательные на пять групп и т.п.²⁷. Кроме собственно этимологической части (при каждом слове приводились соответствия из южнославянских, восточнославянских и — в меньшей мере — западнославянских), в соответствующих разделах рассматривается место данных слов в лексической системе румынского языка, их соотношения с словами латинского фонда и иными заимствованиями, а также вопросы их семантического развития.

Само собой разумеется, что эти соображения и классификация имеют лишь предварительный характер, поскольку не были рассмотрены все напластования славянского происхождения, а слова не были вновь изучены в фонетическом и словообразовательном отношении. Это будет возможным только после составления полного этимологического свода всех славянских заимствований в румынском языке. Существующую картотеку следует дополнить новыми материалами, как из румынских источников, так и славянских²⁸.

---

²⁶ Собственно говоря, она была защищена в апреле 1957 г. под названием *Слова древне-славянского происхождения в румынском языке*, но такая формулировка менее точна.

²⁷ См. Автореферат диссертации, стр. 5—10.

²⁸ Словарь был включен в план Бухарестского Института языкознания. В настоящее время автор составляет полный словник на основе новых толковых словарей румынского языка и других источников. Старая картотека основывалась, главным образом, на словаре Кандря, наиболее полном до недавнего времени.

В общих чертах, в основе данного этимологического словаря будут лежать:

1. Все основные словари румынского языка: этимологические, исторически-толковые и толковые (Гинкулов, Миклошич, Чихак, Хаждеу, Тиктин, Кандря, Шаиняну, Скрибан, «Словарь румынского языка» (неоконченный), четырехтомный «Словарь современного румынского литературного языка» (*Dicționarul limbii române literare contemporane*, I — IV, Бух. 1955—1957)²⁹, «Словарь румынского языка — толковый, этимологический, иллюстрированный» (*Dicționarul limbii române moderne — explicativ, etimologic și ilustrat*, находящийся в печати)³⁰.

2. Картотека большого румынского словаря (Thesaurus), картотека и рукопись «Диалектального словаря», составляющегося в настоящее время клужскими и яскими лексикографами, а также диалектальные глоссарии, опубликованные в разное время, глоссарии к старорумынским текстам и. т.п.

3. «Румынский лингвистический атлас» (ALR, ALRM), старая и новая серия (включая подготавливающиеся к печати тома), в целях наиболее точного территориального определения слов и их конкретных значений.

4. Словари и глоссарии задунайских диалектов «общерумынского» языка: арумынский, меглено-румынский, истро-румынский (словари и глоссарии Mihăileanu, Dalametra, Capidan, Pușcariu, Pașahagi и др.).

5. Общие и частные работы по славянскому влиянию на румынский язык, опубликованные в Румынии и за границей со второй половины XIX в. до настоящего времени.

6. Все этимологические словари славянских языков, появившиеся в течение более семи десятилетий (Miklosich, Berneker, Преображенский, Trautmann, Brückner, Младенов, Holub — Kopečný, Vasmer, Sławski, Machek)³¹, и другие работы по славянской лексикологии и этимологии. (Сюда нужно добавить еще общие индоевропейские этимологические словари Walde — Pokorny и Pokorny).

7. Словари старославянского и церковно-славянского языка (Miklosich, Sadnik — Aitzetmüller), глоссарии к старославянским памятникам и пр., не говоря уже о необходимости использования материалов словаря старославянского языка, также как и этимологического словаря славянских языков, составляемых Чехословацкой Академией Наук³².

8. Толковые и исторические (когда таковые имеются) словари славянских языков: болгарского, сербско-хорватского, словенского, украин-

²⁹ Составлен Бухарестским и Клужским институтами языкознания Акад. РНР.

³⁰ Составлен Бухарестским институтом языкознания.

³¹ О проблематике этимологических словарей славянских языков см., в последнее время, статью О. Н. Трубачева, *Принципы построения этимологических словарей славянских языков*, «Вопросы языкознания», 1957, № 5, стр. 58—72.

³² См. отчет: *Konference o slovníku jazyka staroslověnského a o etymologickém slovníku jazyků slovanských* (J. Kurz, R. Večerká, E. Havlová), «Slavia», XXIV, 1, стр. 123—145.

ского, русского, белорусского, польского, словацкого, чешского, верхне- и нижне-лужицкого, а также другие лексикологические и диалектологические работы по этим языкам, в особенности по болгарскому, сербско-хорватскому и украинскому.

9. Этимологические и толковые словари венгерского, албанского и новогреческого языков, а также работы, посвященные славянским элементам в этих языках и греческим словам в славянских и румынском языках.

Таковы основные источники будущего этимологического словаря славянских элементов в румынском языке, словаря, который должен содержать возможно все заимствования, как древний славянский пласт, относящийся к периоду славяно-румынского билингвизма (примерно с VI по XII в.), так и более новые заимствования, проникшие в румынский язык книжным путем (церковнославянские слова, позднее, с XVIII в., русские заимствования) или устным (диалектные заимствования из болгарского, сербско-хорватского и украинского, имеющие более или менее широкое распространение на территории румынского языка). Устаревшие слова, как и узко-диалектальные будет целесообразным выделить определенным способом, также как это делает И. Книежа (применением различных шрифтов).

В отношении словника остается открытым вопрос о включении топониматики, ономастики и этнонимов славянского происхождения. Если топонимастика выходит за рамки обычного этимологического словаря³³ и требует специальных разысканий³⁴, то названия народов, личные имена и фамилии (хотя бы наиболее употребляемые в общенародном языке) должны найти здесь свое место (напр. *Pîrvu, Bogdan, neamt* 'немец' и др.).

Также остается выяснить в течение работы, должны ли быть включены румынские производные данных славянских слов. Иногда мы затрудняемся объявить данное слово производным на почве румынского языка или же на славянской почве, поскольку многие славянские суффиксы прочно вошли в словообразовательную систему румынского языка (напр. —*nic*, —*iță*, —*iște* и мн. др.). Нередко тот или иной славянский корень представлен в румынском языке двумя или несколькими словами (напр. *drag* — *dragoste*, а *munci* 'трудиться, работать' — *muncă*, 'труд, работа'), которые должны найти свое место в словаре. Чихак, например, объединяет слова славянского происхождения в большие гнезда, хотя нередко по очень отдаленным признакам этимологически-словообразовательного родства (напр. *zăpadă* 'снег' оказывается у него в том же гнезде, что и *năpădesc, năpaste, prăpădesc, prăpaste*; т. II, стр. 210—211). Но здесь важен принцип, и в этом отношении Чихак поступил правильно. Также, Кандря — Денсушяну в этимологическом

³³ Однако словарь М. Фасмера содержит многочисленные топонимические названия, также как и этнонимы, личные имена и фамилии, что придает ему еще больше ценности.

³⁴ Вопросами славянской топонимики на территории РНР в последнее время занимается акад. Э. Петрович.

словаре латиского фонда румынского языка помещают в словарной статье производные, что вызвало только одобрение читателей. Во всяком случае, включение в словарь основных производных будет способствовать выяснению жизненности тех или иных слов и представлять материал для словообразовательных исследований.

Каждая словарная статья будущего этимологического словаря будет иметь несколько параграфов, в которых обязательно должны содержаться:

1. Варианты и значения румынского слова в историческом порядке, с использованием данных текстов начиная с XVI в.³⁵, а также сведения о территориальной распространенности данного слова; здесь же будут указываться соответствующие формы в арумынском, меглено-румынском и истро-румынском диалектах, в случаях, когда имеющиеся материалы свидетельствуют об их наличии в данных диалектах³⁶.

2. Этимологическая часть. Для слов древнего пласта заимствований будут даваться лексические соответствия во всех славянских языках (где они встречаются): на первом месте старославянская форма или общеславянская (точнее, обще-южнославянская), потом болгарская, сербско-хорватская, словенская, за которыми следуют восточнославянские и западнославянские (вероятнее всего в скобках, поскольку они интересуют нас лишь в лексико-семантическом отношении), с указанием основных значений, в первую очередь для южнославянских. Для новых заимствований дается соответствующая форма (укр., русск.), с привлечением сравнительного материала (например, в случае поздних сербских и болгарских заимствований нужно привести обе формы, при русских и украинских словах нужно иногда привести и польскую форму и т.п.). В рамках возможности должны даваться и хронологические указания, например, в отношении русских заимствований.

Что касается устных заимствований с южнославянских языков хронологическим критерием должны служить фонетические показатели, а

---

³⁵ Нередко нужно привлекать сюда и данные славяно-румынских текстов, как это хорошо доказал для слова *cinste* 'честь' И. Барбулеску (*Studii privitoare la limba și istoria Românilor*, Buc. 1902, стр. 33 и след.). Ср. также новую этимологию, предложенную для рум. *prăvălie* 'лавка' Gh. Ivănescu (указ. см., стр. 516—517: в славяно-румынских текстах *привнѣлѣ*, *привнѣлѣ* < гр. виз. *πριβιλήγιου* < лат. *privilegium*).

³⁶ Подобно любому словарю румынского языка, этот словарь не должен одновременно содержать всех славянских элементов данных диалектов. Вообще же вопрос остается открытым: поскольку общий румынский словарь не включает арумынских и т.п. слов, тем самым признается что арумынский, меглено-румынский и истро-румынский «диалекты» или «языки» уже не принадлежат к румынскому языку. В прошлом же они составляли вместе с дако-румынским так называемый «общерумынский язык». См. Al. Graur, *Studii de lingvistică generală*, Buc. 1955, стр. 127; его же, *Dialectele limbii române*, «Limba română», 1956, No. 4, стр. 66—69. Противоположную, традиционную, точку зрения защищает в последнее время D. Mascréa, *Despre dialectele limbii române*, там же, 1956, No. 1, стр. 5—24, и *Cîteva precizări în legătură cu problema dialectelor limbii române*, там же, 1956, № 4, стр. 70—74.

также территориальная распространенность слова (например, если слово господствует на всей территории румынского языка, включая задунайские диалекты — например, *nevastă* 'жена' — есть все основания считать его древним заимствованием). Тем самым решается вопрос, является ли данное слово « субстратным » или же это позднее заимствование из болгарских или сербских диалектов (не говоря уже о книжных заимствованиях) ³⁷.

3. Соответствующие слова, заимствованные венгерским и албанским языками (иногда и новогреческим), с указанием основных значений (и источников).

4. Библиографическая часть: осылки на основные славянские этимологические словари, где дан соответствующий этимон, на этимологические (и историко-этимологические и пр.) румынские словари, где появляется данная этимология, на работы, статьи, и т.п., где даются новые этимологии слов, поправки к старым этимологиям и т.п. Противоположные мнения, в случае сомнительных слов, также будут кратко обсуждаться.

Пока недостаточно ясно, должны выделяться в отдельную часть слова сомнительного происхождения. Это будет возможным решать лишь после собирания основного материала, когда у автора будет возможность принять ту или иную точку зрения (напр., в случае неоднократно обсуждавшихся *baltă* 'болото', *gard* 'изгородь' и др.) ³⁸.

Тогда же будет возможным решать вопрос о подаче греческих слов (главным образом церковного лексикона), проникших через церковнославянский язык.

Что касается написания славянских слов, существуют два варианта: 1) передача слов в оригинальной орфографии (старославянской, русской, украинской, болгарской и т.п.). 2) научная транскрипция (точнее, транслитерация) слов ст. сл., русск., укр., болг. языков (и в том, и в ином случае слова латинизирующих славянских языков даются своей орфографией). Первый вариант удобнее и является абсолютно научным, но в неславянской стране, как Румыния, чтение слов неспециалистами будет затруднительным. При втором варианте фонетика слова вырисовывается читателю яснее и, если принципы транслитерции строго соблюдаются, такой способ может удовлетворить любого читателя. Книежа, например, дает все славянские слова (языков, пользующихся кирилловской азбукой) в латинской транскрипции. Бернекер давал лишь русские слова в оригинальной орфографии, транскрибируя остальные формы, в том числе старославянские. Фасмер поступает так же.

---

³⁷ См., в особенности, сказанное по этому поводу С. Б. Бернштейном, *Разыскания в области болгарской исторической диалектологии*, т. I, М.-Л., 1948, стр. 123—127.

³⁸ О сложных вопросах, которые ставят некоторые из славянских или предполагаемых славянских элементов, см. напр. I. Şiadbei, *Problemele vocabularului român comun*, Iaşi, 1934, стр. 26—41.

Таков общий план этимологического словаря славянских заимствований в румынском языке, во многом обязанный работе акад. И. Книежа. Для иллюстрации широты проблем, которые возникают при изучении определенного слова, этимология которого в общем известна, остановимся на некоторых конкретных примерах.

5.

Известно, что румынское слово *prost* происходит из слав. *prostъ* (точнее, из юго-восточных диалектов болгарского типа), но история его значений далеко не освещена в должной мере в научной литературе. Так, в «Грамматике румынского языка» утверждается, например, что значение «глупый» обязано своим появлением жаргонному употреблению слова *prost* в устах господствующих классов³⁹.

На самом деле история развития значений данного слова намного сложнее и, если здесь присутствуют и социальные причины, то отнюдь не в этом направлении. К тому же, значения румынского слова соответствуют значениям данного слова в славянских языках и, в первую очередь, в болгарском. Ср. рум. *prost* '1. (устар., нар.) простой. 2. обычный. 3. неумелый. 4. неученый. 5. глупый. 6. принадлежащий к низшим классам. 7. плохого качества, плохой' — болг. *прост* '1. простой. 2. обычный. 3. неученый. 4. глупый. 5. принадлежащий к низшим классам. 6. плохого качества'⁴⁰.

Образованное из префикса **pro-* и корня **slo-*, 'stare' общеславянское (праславянское) слово *pro-stъ* первоначально означало 'прямой, простертый', а потом и 'простой, обыкновенный' и т.п.⁴¹, значения, которые ещё встречаются в старославянском, древнерусском и украинском языках. В средневековых текстах (русских, болгарских, сербских) слово «*прост*» появляется также со значением 'простой (народ), laicus' (в противоположность духовенству), а в южнославянских языках постепенно получает и значения 'неученый; глупый' (ср. также в русском языке краткую форму

³⁹ «... Cuvîntul *prost* înseamnă la început «simplu», «din popor», «de rînd». Clasele stăpînitore au imprimat termenului *prost* o nuanță de dispreț și cuvîntul a ajuns să însemne «fără minte, neghiob» (*Gramatica limbii romîne*, vol. I, Buc., Academia R.P.R., 1954, стр. 34). Еще более ярко эта идея выступает в соответствующем месте сокращенного издания — *Limba romînă. Fonetică-Vocabular — Gramatică* (Buc. 1956, Academia R.P.R., стр. 22).

⁴⁰ Значения расположены в историческом порядке: в современном румынском языке на первом месте выступает значение «глупый». Показательно, что в отличие от *Речника* Герова (IV, 313—314), новый *Български тълковен речник* (авторы Л. Андрейчин и др., София, 1955, стр. 695—696) выдвигает на первый план также значение «глупый», за которым следуют другие.

⁴¹ Объяснение развития значений было впервые дано А. А. Потебней (*К истории звуков русского языка*. III. Этимологические и другие заметки, оттиск из «Р.Ф.В.», 1880 г., Варшава, 1881, стр. 51). См. А. Преображенский, *Эт. словарь*, II, 134; М. Vasmer, *REW*, II, 144.

прост). В венгерском языке то же слово славянского происхождения *paraszt* имеет следующие значения (в историческом порядке), из которых лишь последнее — не встречающееся в славянских языках — является живым в современном венг. языке: '1. simplex, rectus. 2. communis, vulgaris, trivialis. 3. rudis, barbarus, inurbanus. 4. indoctus. 5. laicus. 6. rusticus, agrestis, Landmann (крестьянин)' ⁴².

Таким образом, ясно что румынский и венгерский языки заимствовали полисемантическое слово, развитие которого протекало отчасти сходным путем с соответствующим словом славянских языков (в особенности, болг.), отчасти своим собственным путем (венг.), имея, в основном, те же лингвистические, психологические ⁴³ и социальные условия (напр. 6-е рум. значение и соответствующие значения слов в венг. и славянских языках). Более того, первоначальное славянское значение — 'прямой' сохраняется в арумынском, где *mpróstu* означает еще 'прямой, стоящий на ногах' ⁴⁴, что указывает, между прочим, на древнее проникновение этого слова в «румынские» диалекты.

Если взять другое слово, распространенное лишь на определенной территории румынского языка, как, например, *stative*, то данные «Румынского лингвистического атласа» (ALR II, новая серия, т. II, к. 470, 471; ALRM II, новая серия, т. I, к. 300, 301) указывают ясно, что это слово заимствовано из украинских диалектов, а не из сербских: данное слово распространено лишь на севере Молдавии, в Марамуреше и в северо-восточной Трансильвании, не только в значении 'ткацкий станок' но и 'определенная часть ткацкого станка' (= укр. *статива*) ⁴⁵. Его синоним *război* (ср. болг. *разбой* 'ткацкий станок', с.-х. *разбој* 'то же') безусловно более древнее заимствование из южнославянских диалектов: это слово распространено почти на всей территории румынского языка, включая центральную и западную Трансильванию, а также южную Молдавию. Но когда именно оно проникло в румынский язык, можно решить лишь в связи с другими заимствованиями, относящимися к возделыванию сукна и пр. (поскольку нет налицо особых фонетических показателей).

---

⁴² См. K n i e z s a, указ. раб., стр. 389. История венгерского слова была детально изучена в обширной статье P. K i r á l y, *Geschichte des ung. Wortes paraszt «Bauer»* («Acta linguistica», t. III, fasc. 1—2, Budapest, 1953, стр. 63—123).

⁴³ Ср., например, фр. *simple* и в значении «naïf, sans malice et par extension naïs» (*Dictionnaire Quillet de la langue française*, t. III, стр. 1794) Ср. Ж. Вандриес, *Язык*, русск. пер., М. 1937: «Простосердечие — достоинство характера — превращается в простоватость — недостаток ума. По-французски слово *simple* (простой) и по-немецки *einfältig* (то же значение) означают человека глуповатого или даже совсем глупого» (стр. 194).

⁴⁴ См. I. D a l a m e t r a, *Dicționar macedo-român*, Buc. 1906, стр. 142; T h. C a r i d a n, *Elementul slav în dialectul aromân*, Buc. 1925, стр. 73.

⁴⁵ Б. Гринченко, *Словарь української мови*, Держ. вид. Укр. 1925, стр. 180, 1815.

Подобных примеров можно привести здесь множество. Они ведут к заключению, что в изучении славянских элементов румынского языка нужно иметь в виду не только форму слова, но и его семантику, а также ареал распространения.

Только на основе полного словаря, решающего отдельно этимологию каждого слова, можно довести до конца тематическую классификацию славянских элементов румынского языка, всесторонне разрабатывать вопросы фонетики, словообразования и семантики заимствованных слов. Тогда станут ясными выводы, которые вытекают из языкового материала относительно культурно-исторических отношений румынского и славянских народов в раннее средневековье, а также в последующие века. Подобным изучением можно внести определенный вклад в разработку более обширного вопроса «формирования» румынского языка и народа и участия в этом процессе славянского элемента.

Словарь славянских заимствований в румынском языке мог бы появиться к столетию опубликования знаменитой работы Фр. Миклошича (1861 г.—1961 г.), будучи тем самым скромным «homage» нескольким поколениям славистов и романистов, которые внесли свой вклад в дело изучения этой обширной проблемы «славо-романистики».

Ион Константин Кицимья

АДАМ МИЦКЕВИЧ, Н. БАЛЧЕСКУ И «ВОСПЕВАНИЕ РУМЫНИИ»*

Никто из видных румынских деятелей периода 1848 года не был так близок к Адаму Мицкевичу (1798—1855) и не следил так внимательно за его политической и патриотической деятельностью, как Н. Балческу (1819—1852). Впрочем, Н. Балческу так же, как и Адам Мицкевич поэтически живо и с необыкновенной силой поставил вопросы, касающиеся жизни народа и его надежд на социальное и политическое освобождение. Этим, собственно говоря, и объясняется близость между молодым Балческу и более взрослым Мицкевичем, т.е. тождеством их чувств и демократических взглядов.

Адам Мицкевич обладал исключительным даром слова. Влияние Мицкевича особенно чувствовалось в демократических кругах Парижа, где находились революционеры из разных стран и куда Мицкевич прибыл в июне 1831 года.

Как мы уже указали в статье *Adam Mickiewicz et l'écrivain roumain G. Asaki*¹, у революционеров того времени пользовались успехом не столько литературные романтические произведения поэта, сколько его произведения революционного характера, многократно переводившиеся и пользующиеся широким спросом.

Так, *Konrad Wallenrod* и в особенности *Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego* имели большой отклик, главным образом, среди народов.²

Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego (Книги народа польского и полигримства польского), появившиеся на польском языке в 1832³ и особо

---

* Сообщение представленное на научной сессии Университета «К. И. Пархон» 22 апреля 1958 г.

¹ Опубликованной в сборнике «Romanoslavica», I, напечатанном в честь конгресса славистов в Москве 1958 г., Бухарест, 1958, стр. 124—135.

² *Ibidem*, стр. 134 и след.

³ St. Piłgosiński, *Ktore jest pierwsze wydanie «Ksiąg pielgrzymstwa» Adama Mickiewicza*, в «Pamiętnik literacki», 1913, стр. 314—318: первое издание появилось в начале декабря 1832 г., а второе — в конце декабря 1832.

нас интересующие, впервые были переведены на французский язык в 1833 г.: *Livres des pèlerins polonais* de Charles de Montalembert; перевод был сопровожден *Hymne à la Pologne* Ф. Ламенне⁴. В том же году появился новый перевод⁵. Оба немедленно были опубликованы разными издательствами. Произведение распространилось с молниеносной, быстротой покорив умы и вызвав симпатию к страданиям польского народа, а вместе с тем и к страданиям других народов. Накануне опубликования (6 мая 1833) Ламенне, поставленный в известность, вероятно, Монталамбером, восторженно писал: *Il va paraître incessamment un petit volume par Mickiewicz, sans contredit le premier poète de notre époque. Il y a là des choses ravissantes... Une si pure expression de la liberté tout ensemble est une merveille en notre siècle de servitude et d'incroyance.* Монталамбер сам предпослал переводу хвалебное предисловие, заострив внимание на вдохновенной исторической поэме *Konrad Wallenrod*, драматической поэме *Dziady* и *Księgi narodu polskiego*, которые считает значительным произведением, *par la foi impérissable au triomphe de la cause du droit et de la liberté.*

16 мая 1833 года Монталамбер послал Ламенне свой перевод *Księg*, а 22 июня 1833 г. посетил его вместе с Мицкевичем в Chênaie⁶.

Глубоко взволнованный книгой Мицкевича, Ламенне (1782—1854) написал в том же 1833 г. *Paroles d'un croyant*, опубликованные в Париже в 1834 году.

В том же году это произведение было переведено на немецкий язык⁷. Книга имела огромный успех. Были распроданы сотни тысяч экземпляров, и издатель Renduel отправился в Тулузу и Сен-Этьен, чтобы добиться запрета подпольных изданий⁸. Идеи Мицкевича, его книги получили широкое распространение. Связь между произведением Мицкевича и Ламенне была давно известна. В последнее время Yves le Hir в комментариях к последнему и самому лучшему изданию доказывает это на основе автографа Ламенне⁹.

Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego были переведены затем на хорватский, сербский (1835) и венгерский (1839) языки, потом на румынский язык, сначала в отрывках (1843)¹⁰; впоследствии (около 1844) целиком

⁴ Adam Mickiewicz, *Livre des pèlerins polonais*, переведенная Charles de Montalembert, Париж, издатель E. Renduel, 1833, LXXV—176 стр. Издание II, 1834.

⁵ Adam Mickiewicz, *Livre de la nation polonaise*, перевод Леметра, Париж, издатель Брун, 1833, 124 стр., издание II, того же года: 1833.

⁶ Yves le Hir, *Les paroles d'un croyant de Lamennais*, Париж, 1949, стр. 2.

⁷ Abbé de La Mennais, *Worte des Glaubens* перевод Ludvig Börne, Париж, 1834, 182 стр.

⁸ Yves le Hir цитир. работа, стр. V.

⁹ *Ibidem*, стр. 104, 110, 141, 181, 215 и т.д.

¹⁰ Была переведена Иосифом Ману V-ая часть и опубликована в «Foaie pentru minte, inimă și literatură», VI (1834), стр. 117—119.

под заглавием: *Cărțile norodului leșăsc de la începutul lumii pînă la tuncirea lui*, и на многие другие языки (английский, ирландский, итальянский, немецкий, чешский и т.д.). Это произведение Мицкевича имеет больше всего переводов¹¹. Полный румынский перевод остался в рукописи¹².

Также и произведение Ламенне имело отзвук в румынских княжествах, будучи переведено и опубликовано в 1848 г. под названием: *Слова верующего*¹³, отрывки из которого появились в журналах. Популяризация творчества Мицкевича произошла, таким образом, непосредственно и косвенно, его идеи витали над всей Европой того времени, возбуждая революционные умы особенно в период революции 1848 года.

Авторитет и влияние Мицкевича возрастают в 1840—1844 годы во время чтения им курса славянских литератур в Collège de France, где его друзьями были Жюль Мишле (1798—1874) и Эдгар Кинэ (1803—1875), где его слушала молодежь со всех уголков Европы. Лекции Мицкевича зажигают слушателей: курсы его разбираются нарасхват и печатаются на французском и немецком языках¹⁴. Сам Кинэ писал Мицкевичу в 1844: «не могу расстаться с Вашими курсами». В Collège de France и румынская молодежь слушала Мицкевича и писала на родину о взглядах и творениях польского поэта. Не удивительно поэтому, что позже Кинэ мог написать Д. Братияну в январе 1847 года: «сколько раз наполнялись наши глаза слезами . . . , когда мы слышали Ваш голос и Мицкевича, рассказывавшего нам о мученичестве Польши».

В Европе вспыхивает революция 1848 г. В феврале выступают французы и завоевывают некоторые свободы. Затем пламя революции начинает распространяться по Германии, Италии, Венгрии, Валахии и Молдавии, Хорватии, Чехии и Польше. В Париже Мишле и Кинэ получают право возобновить лекции в Collège de France, чтение которых было запрещено им и Мицкевичу.

5 марта 1848 года в большом зале Сорбонны произошло торжественное открытие курсов. Отсутствовал их друг Мицкевич, которому не разрешили возобновить курс. Оба его друга распорядились принести и поставить около них пустой стул; они воздали почести польскому поэту. Мицкевич

---

¹¹ По мнению St. Pigonia A. Мицкевич *Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego*, Краков, 1924, р. 43.

¹² Библиотека Акад. РНР ms. rom. no. 147, f. 1—125. Известная польским исследователям рукопись Wl. Mickiewicz, *Żywoł Adama Mickiewicza*, t. IV (Poznań, 1895), стр. 67; St. Wędkiewicz, *Mickiewicz w literaturze rumuńskiej*, «Czas» (Краков) от 13 января 1921.

¹³ A. F. de Lamennais, *Cuvintele unui credincios*, переведена с французского румынским переводчиком, имя которого неизвестно, Бухарест, 1848, 108 стр. Перевод сделан Дионисие Романо (по мнению I. Brăzu, *Lamennais la romîni din Transilvania*, в «Studii literare» 1948, стр. 190 и след.).

¹⁴ Adam Mickiewicz, *Dzieła*, Варшава, т. XV, стр. 595.

из Рима писал им 11 марта того же года с грустью: *Citoyens, les français jouissent déjà de la plénitude de leur liberté politique. Vos frères polonais sur la terre de France sont encore esclaves*¹⁵.

Адам Мицкевич пытается сформировать польский легион в Италии, затем возвращается в Париж в июле 1848 года. В следующем году, когда контрреволюционеры пытаются сдержать революционную волну в Европе, Мицкевич начинает издавать в Париже газету *La Tribune des Peuples*, вокруг которой собирает редакторов и сотрудников из разных стран: французов (17), поляков (5), итальянцев (3), румын (3), немцев (1), испанцев (1), хорват (1), бельгийцев (1), и чилийцев (1)¹⁶. Революционная борьба продолжалась средствами публицистики, дипломатических и политических действий, объединенных сил борцов поработенных стран.

Вдохновленный пример *Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego* со всем ее комплексом идей, политическая атмосфера создали условия для возникновения «*Cîntarea Romîniei*» (Воспевания Румынии), приписываемого одним из наших исследователей Н. Балческу, а другими Ал. Руссо (1817—1859). Вопрос, однако, остается открытым, доказательством чего являются новые исследования, в которых делаются попытки его разрешить¹⁷. По нашему мнению, подлежит рассмотрению прежде всего то, кому из этих выдающихся румынских писателей была более близкой политическая атмосфера, о которой мы говорили, на кого сильнее воздействовала вдохновленная речь Мицкевича, в результате чего он мог создать произведение, отвечающее его «стилю».

В ходе исследования данного вопроса нам не удалось установить какой бы то ни было связи между Ал. Руссо и Адамом Мицкевичем.

Действительно, говорилось о влиянии Мицкевича на Руссо на основе сходства *Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego* с «Воспеванием Румынии»¹⁸. Фактической же связи с Мицкевичем и его творениями не удалось установить. Именно это обстоятельство отрицает авторство Руссо относительно «Воспевания Румынии». Руссо принял участие в революции 1848 года, но его деятельность не может сравниться с деятельностью Н. Балческу. Ал. Руссо присоединился «простодушно» и романтически к волнениям молодежи, к своим друзьям. Захваченный событиями, он поступал как порыв-

¹⁵ *Ibidem*, T. XVI, стр. 181—182.

¹⁶ *Ibidem*, m. XII, стр. 342—343.

¹⁷ См. G. C. Nicolescu, *Paternitatea «Cîntării Romîniei»*, в «*Limba și literatură*», I (1953), стр. 231—252. Emil Boldan, во введении к Al. Russo, *Scrieri alese*, Бухарест, 1956, стр. 11, примечание I. Al. Dima, *Alecu Russo*, Бухарест, 1957, стр. 193—211. G. C. Nicolescu «*O ciudată nebăgare de seamă*», в «*Tribuna*», II, (1958) no. 3 (18 января), стр. 6.

¹⁸ G. Bogdan-Duică, *Alexandru Russo*, в «*Convorbiri literare*» 35 (1901), стр. 631—670. Мнение автора разделялось и другими исследователями.

вистый и разочарованный романтик, не имеющий определенных целей. К тюрьмам он отнесся сначала насмешливо, бравируя как романический герой (что видно из его заметок). Но когда шутка не удавалась, его охватывало лирическое, грустное настроение) см. *Sauvègea* (Совежа) и *Cugetări scrise în închisoarea de la Cluj*. (Размышления, написанные в Клужской тюрьме). Руссо путешествовал по стране или за границей один или в обществе друзей. Он посетил Банат, Блаж, Деж, Вену и др. В 1849 году он прибыл в Париж и находился здесь, вероятно до 1850 года¹⁹. Из его дела и документов мало узнаем о его деятельности. Он не пытается связаться с Мицкевичем или с революционерами других стран. Ему нравится одиночество. Идеологически и политически в большей мере он находился под влиянием других и особенно Н. Балческу, с которым он был в самых хороших приятельских отношениях с 1846 г., когда встретился с ним в имении Костаки Негри, Мынжина в Молдавии.

Наоборот, Н. Балческу является самой яркой фигурой румынского революционного движения 1848 года, обладающим политическим ясно-видением, талантом человека науки и литературы. В 26 лет Балческу уже зарекомендовал себя как человек науки. В жизни румын он сыграл такую же вдохновенную роль, какую Мицкевич сыграл в жизни поляков после 1830 года. В 1846 году Балческу отправляется в Париж и осуществляет одно из важнейших мероприятий — вступает в контакт с польской эмиграцией и с ее руководителем Адамом Чарторийским (1770—1861), знакомится с Паулем Батайяром, с которым впоследствии будет поддерживать связь. В польской библиотеке он изучает документы польской истории²⁰, задумав написать *Istoria Românilor sub Mihai-Vodă Viteazul* (Историю Румын во время Михаила Храброго). Путешествует по Италии, посещая Рим, Геную, Неаполь, Палермо, где проводит долгое время. Здесь он пишет несколько глав указанного выше труда, читает произведения великих романтиков (Байрона, Шиллера) и французских философов и историков. В 1848 г. он снова появляется в Париже и принимает активное участие в февральской революции. По возвращении на родину Балческу становится в центре внимания польской эмиграции, которая была в связи с ним из Парижа и Константинополя²¹. Балческу принимает активное участие в революции, посещает Константинополь, Белград, снова Константинополь (в марте 1849 года), Венгрию, опять Париж²², где пытается объединить румынские революцион-

¹⁹ A. I. Dima, *Alecu Russo*, Бухарест, 1957, стр. 109.

²⁰ Библиотека Академии РНР, рукопись № 80.

²¹ P. P. Păpăilescu, *Emigrația polonă și revoluția română de la 1848*, Бухарест, 1929, стр. 56 и след. См. и M. Handelsman, *Adam Czartoryski*, т. II. (Варшава, 1944), стр. 299 и след.

²² Ion Ghica, *Amintiri din pribegie*, издание Olimpia Boitoș, Крайова, т. I, стр. 43, 165; т. II, стр. 33 и след., стр. 153 и след.

ные силы, действовавшие порознь под различными политическими программами.

Непреклонная воля к борьбе, литературная и научная деятельность, любовь к отечеству. Неудивительно поэтому, что Н. Балческу чувствовал себя близким Мицкевичу, читал его произведения и интересовался его творчеством, обсуждал в переписке с П. Батайяром некоторые положения из лекций Мицкевича в *Collège de France*, отрывки из его произведений²³.

Впрочем, Балческу не мог не знать и не ценить Мицкевича, в то время когда последнему уже давно симпатизировали в Париже революционные круги и румынская молодежь писала ему²⁴, К. А. Россети в 1866 г. наслаждался его произведениями²⁵, а Ион Войнеску встречается в это время (1846) с Мицкевичем, читает и комментирует его сочинения²⁶, пользующиеся спросом в Мунтении и запрещенные цензурой в Молдавии²⁷.

Знакомство Н. Балческу с Адамом Мицкевичем привело к сотрудничеству в газете *La Tribune des Peuples*, начавшей выходить в Париже 15 марта 1849 г. Ее главным редактором был великий польский поэт. Балческу входит в состав редакционной коллегии, вместе с Д. Братияну и Ст. Голеску²⁸. Хотя состав сотрудников *La Tribune des Peuples* не был единым с идеологической точки зрения, все же в ней появились статьи, мечущие гром и молнии. Мицкевич возглавлял группу революционного направления, которой противостояла группа умеренной буржуазии. 13 июня 1849 была организована совместно с редакцией мелко-буржуазная манифестация, к которой присоединилась группа рабочих. Газета была закрыта, а Мицкевич ушел в подполье до 7 июля. Возобновленная 1 сентября, *La Tribune des Peuples* продолжала выходить до 10 ноября, когда была закрыта окончательно вследствие вмешательства царского посольства. Французское правительство пригрозило иностранным сотрудникам изгнать их из страны, если они не оставят газеты, Мицкевич же вместе с польскими редакторами были принуждены покинуть редакцию еще раньше,—15 октября. «Самый выдающийся среди наших сотрудников», отмечает последний номер *La Tribune*, «был принужден сломать свое перо по приказу царя Николая, посланному через французскую полицию».

---

²³ Согласно N. Bălcescu, *Opere. Scrisori și scrieri inedite*, G. Zane, т. II, часть I, Бухарест, 1946, стр. 75, N. G. Smochină, *Les émigrés roumains à Paris*, Париж, 1933, стр. 7—8.

²⁴ St. Wędkiewicz, *Cîteva cuvinte privitoare la unele probleme din domeniul istoriei legăturilor... între Poloni și Romîni*, Бухарест, стр. 20, прим. 61.

²⁵ C. A. Rosetti, *Jurnalul pe anul 1846*, в библиотеке Академии РНР, рукопись № 4638, стр. 15—59.

²⁶ N. P. Smochină, *цитир. работа*, стр. 17.

²⁷ St. Wędkiewicz, *Mickiewicz w literaturze rumuńskiel*, стр. 2.

²⁸ Adam Mauersberger, в своих комментариях, Adam Mickiewicz, *Dziela*, т. XII, стр. 343, пишет «С. Гылческу», что является очевидным упущением.

Н. Балческу находился в Париже и переживал этот период демократической борьбы и столкновений с реакционными властями, которые «попрятельски» подавляли какое бы то ни было революционное движение. Балческу, как и Мицкевич, любил борьбу слова и обоснованных мнений научного характера и воодушевляющего темпа. Во время революции 1848 г. на родине, он вел газету *Poporul Suveran* и собирался издавать газету *Naționalul*. В Будапеште основал периодический журнал *Democrația*, вышедший в двух номерах (первый 18 июня 1849 г.)²⁹.

В Париже после закрытия газеты *La Tribune* некоторые из бывших редакторов пытались возобновить ее, и Балческу снова был приглашен в качестве сотрудника³⁰. Он также приглашается сотрудничать и в журнале *La Pologne*, который пытается выйти за круг чисто славянских интересов в сторону интересов всех порабощенных народов³¹.

В следующем году, т.е. 20 сентября 1850 г. Н. Балческу стал издавать в Париже журнал *România viitoare*, вышедший только в одном номере. В комитет редакции входили: К. Балческу, брат Н. Балческу, Д. Братияну, Ст. Голеску, Н. Голеску, Ион Войнеску и др. Журнал имел целью воодушевить и объединить эмигрантов для более эффективной борьбы. С этой точки зрения воззвание Н. Балческу, напечатанное как передовица в журнале, становится более понятной³². Здесь в *România viitoare*, Н. Балческу публикует *Mersul revoluției în istoria Românilor*, (*Ход революции в истории Румын*)³³, здесь же публикует и *Воспевание Румынии*³⁴ с предисловием, датированным 8 августа 1850 г. для более сильного воздействия на читателей, он прибегает к приему романтиков, извещая, что нашел его в одном монастыре; все попытки открыть автора не увенчались успехом. Балческу скрывается, но само предисловие выдает его. Никто другой не мог так четко изложить цель и содержание работы, как сам автор. Отталкиваясь от идеи Мицкевича, выраженной «библейски» в *Księgi narodu*, но с реальной уверенностью, что страдания польского народа не являются смертью, а пробуждением и воскресением наставляя на новую жизнь и другие народы Европы³⁵, Н. Балческу указывает, что румынский народ уже исполнил эту «святую и славную миссию, порученную Румынам . . . для блага человечества, и которую они никогда не предали». Потому что «всякий раз как только большая опасность угрожала Европе и мировой цивилизации, Румыния,

²⁹ I. Ghica, *цитир. труд*, т. II, стр. 59. См. и C. Cîmpianu, *Tribuna*, 12 мая 1957, стр. 3.

³⁰ I. Ghica, *цитир. труд*, т. II, стр. 177.

³¹ *Ibidem*, стр. 178.

³² «*România viitoare*», 1850, № 1, стр. 3—5: прокламация названа *Poporul român*.

³³ «*România viitoare*», стр. 7—16.

³⁴ «*România viitoare*», стр. 19—41.

³⁵ Adam Mickiewicz, *Księgi narodu polskiego*, издание S t. P i g o n i a, стр. 81.

часовой, обреченный на жертву, была на своем посту . . . Первая перед лицом врага, она и первой жертвой была . . . ». Во времена Балческу страна была унижена и борцы ее не могли порадоваться, вонзив меч в неприятеля, как «делали наши родители». Но, «из дошедшего до крайнего предела зла возникает добро» (по Мицкевичу). «Знаем, что ничего в мире, — продолжает Балческу, — не рождается без мук и, вместе с автором этого *Воспевания*, что спасение находится в нас и что мы будем спасены, если будем бдительны, настойчивы и готовы пожертвовать собою, если закалим руки и сердце и будем стоять все за одного и один за всех»³⁶. Значит, *Воспевание Румынии* является иллюстрацией к воззванию, опубликованному Н. Балческу в качестве передовицы в *Будущей Румынии*, для смыкания рядов, для рассеивания мелких раздоров в общей борьбе за возрождение страны, «потрясенной и поверженной в прах».

Также в предисловии Балческу невольно отождествляет себя с автором *Воспевания Румынии*, когда приписывает последнему знание событий 1830 года потрясших Францию в июле, а потом в ноябре Польшу «нашу сестру по несчастью» оказавшую влияние на революционный дух Италии, Германии и других народов. Ясно виден «историк» Балческу и его симпатия к польскому народу, с представителями которого в эмиграции он находился в тесной связи. Можно сказать что *Воспевание Румынии* было в сердце и в уме Балческу, а не только на бумаге. В предисловии он приводит с легкостью цитаты из разных стихов: «На твоих равнинах враги шатры свои растянули (стих 39), тут же продолжая цитаты из 53 стиха «Чаша беззаконий переполнилась . . . Буря спасения началась!» Стих 53 является до некоторой степени криптографическим, неясно о какой буре идет речь. Но Балческу знает, что он хотел сказать в произведении и сам объясняет в предисловии; «видел однажды (то есть в 1848 г.), что сверкающее солнце свободы поднималось . . . и оживляло землю; и опять тотчас же потемнело (падение революции) и . . . вьюга выбросила нас далеко за пределы нашей родины под шатер изгнания . . . И с тех пор, уже два года, мы блуждаем по миру с истомленной по далекой родине душой, по горячо любимому краю. Несмотря на все эти страдания, мы сохранили в нашем сердце живую веру и любовь в свободе . . .» *Восхваление Румынии* есть песня Балческу о страданиях румынского народа и о страданиях его самого, тоска по родине и стремление к «потерянной свободе». Балческу воспекает Румынию со страстью изгнанника, как Мицкевич — Польшу, тоскующий по родине в *Pan Tadeusz* и скорбящий в *Księgi narodu polskiego*. Предисловие и текст *Воспевания* вышли из под одного и того же пера и взаимно дополняются.

Но поэма не является простым носталгическим и элегическим воспеванием. На фоне красот природы, автор восхваляет на каждом шагу героизм прош-

³⁶ N. Bălcescu, *Cântarea României*, в A. I. Russo, *Serieri*, издание P. V. Haleş. Крайова, стр. 33—35.

лого, когда обнаженные груди пронизывались мечами и сталью, войны повергались « в прах, и кровь размывала землю », жертвы приносились огромные, но свобода была сохранена. Наоборот, он бичует низость современников, уход их от борьбы, ничтожные политические комбинации, общественные беззакония « Кровь сынов твоих испортилась и сердце их загнило, смешалось с подлецами и с хитрецами, и сами они стали хитрецами и подлецами... »³⁷ Корабль остался « без руля, разбиваемый бурей, и негодные гребцы... ведут его от несчастья к несчастью... и от беззакония к беззаконию... Трава сохнет там, где они ступают »³⁸.

« Кровь родителей в узких венах правнуков засохла... »³⁹ « до чего бы дошло теперь наше отечество, если бы и они бездействовали ? »⁴⁰ Люди умирали и во время Балческу, но умирали бесславно: « Подлость и смерть встречаются и ныне... но где освобождение и победа ? » Поэтому возвращаясь к мысли о жертве, пробуждающей людей и народы к новой жизни, автор *Воспевания Румынии* призывает к возобновлению борьбы за справедливость и свободу: « Пробудись, моя родина! подави твою боль... Пора выйти из оцепенения... укрепись, гляди и внимай!... День справедливости приближается... все народы пришли в движение... ибо буря спасения началась... »⁴¹ Произведение воодушевляет читателя.

Следовательно, *Воспевание Румынии* не было задумано как произведение чисто литературное, но как произведение с политическими тенденциями, однако написанное с гениальным художественным мастерством так же, как и другие его произведения, — без особого намерения проявить себя литератором. *Воспевание Румынии* родилось из его личной скорби и из скорби румынского народа, как создались *Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego* из скорби Мицкевича и из скорби польского народа. В нем слышатся звуки *Слов верующего* Ламенне, которого Балческу цитирует в *Mișcarea Românilor în Ardeal la 1848* (*Движение Румын в Ардяле в 1848 году*) в связи с упоминанием о доблести трансильванцев, и в то же время нельзя установить, что он был известен Алеку Руссо.

Воспевание Румынии было опубликовано и в 1855 году в журнале *România literară*, издаваемом в Яссах В. Александри, с некоторыми изменениями и добавлениями, нанесшими ему значительный ущерб⁴². Балческу умер в 1852 году. Текст появился в шести номерах (№38, 39, 40, 42, 45, 47) без какого-то

³⁷ N. Bălcescu, *цитир. труд*, стих 43.

³⁸ *Ibidem*, стих 44.

³⁹ *Ibidem*, стих 56.

⁴⁰ *Ibidem*, стих 57.

⁴¹ *Ibidem*, стих 51, 53, 58, 60, 61.

⁴² Преимущество редакции Балческу признано исследователями, см. N. Tăciulescu-Albu, *Cîntarea României*, Черновицы, 1927, стр. 25 и след.; Emil Boldan, *цитир. труд*, стр. 14 в замечании и т.п.

бы ни было указания, заметки или подписи. Только фрагмент, опубликованный в № 42 был подписан инициалами А. Р., а в оглавлении имя появилось полностью «А. Руссо». Имея в виду, что Балческу опубликовал труд как произведение анонимного монаха, после его смерти, И. Войнеску и Д. Братияну немедленно объявили его автором⁴³. («Вечная слава автору *Воспевания Румынии*», заключал Д. Братияну). Безусловно было необходимо разъяснение во вступительной статье со стороны редакции или же самого Ал. Руссо. Допуская что автором произведения был Руссо, а уточнения со стороны И. Войнеску и Д. Братияну не последовали из-за уважения к памяти умершего, считаем, что теперь наступил для этого самый подходящий момент. Балческу не заявлял, что произведение принадлежит ему, и поэтому установление подлинного авторства необходимо. Но все же разъяснение не было дано. Одна только «нерешительная»⁴⁴ подпись Руссо в *România literară* не изменила уверенности, и Балческу продолжал считаться автором поэмы⁴⁵.

Только в 1863 г., после смерти Руссо, В. Александри начал выдвигать и поддерживать авторство Руссо в письмах и статьях. Остается загадкой, почему Александри не сделал этого при жизни Руссо, ведь сообщаемые им факты не являются новыми. Разве его не убедил Руссо, что он является автором поэмы? Александри заявляет, что поэма была написана Руссо на французском языке, а затем переведена на румынский язык Балческу. «У меня имеется его оригинальная рукопись», говорит Александри в письме от 1863 года к Ал. Одобеску. А затем просит содействия в признании авторства *Воспевания Румынии* за Руссо. Александри ходатайствовал за Руссо не менее восьми раз⁴⁶. Великая и очевидная истина провозглашается однажды. Опубликование рукописи на французском языке само собой объяснило бы вопрос и не было необходимости в стольких ходатайствах. Но рукопись затерялась (!) и мы не знаем, что случилось с ней. Очень показательно, что Александри в процессе ходатайства дополняет сведения, но не замечает, что они противоречивы. Если в 1876 году он утверждает, что произведение создано в Париже в результате соглашения между Балческу, Руссо и им «с целью возбудить умы и развить сознание тамошних румынских студентов»⁴⁷, то в 1886 году заявляет, что Руссо написал его по-французски сразу после возвращения в Швейцарию, когда он еще не умел писать по-румынски. Александри хочет доказать приоритет французской версии, и выдавая румынские версии в качестве перевода. Но, в первом случае, поэма могла быть написана в

---

⁴³ См. G. C. Nicolescu «*Paternitatea Cîntării Romîniei*», стр. 231. Al. Dîma, *цитир. труд*, стр. 194.

⁴⁴ Известно, что другие произведения в «*România literară*» Руссо подписывал полным именем (*Cugetări, Amintiri* и т.п.).

⁴⁵ См. историю авторства и его обсуждения у G. C. Nicolescu, *цитир. труд*, стр. 231 и след.; Al. Dîma, *цитир. труд*, стр. 194 и след.

⁴⁶ Согласно Al. Dîma, *цитир. труд*, стр. 196.

⁴⁷ V. Alexandri, в «*Convorbiri literare*», 1876, стр. 142.

1849—1850 году, а, во-втором, — наоборот, после 1836 г., когда Руссо возвращается на родину ⁴⁸. В какой из этих двух периодов могла создаться французская версия, мы не знаем. Возможно, что и Александри не знал этого хорошо. И все же некоторые исследователи считают что те, кто ставят под сомнение утверждения Александри, совершают кощунства. Этот аргумент возмутителен. Собственно говоря, своим категорическим заявлением, эти исследователи порочат память современников Балческу, которые утверждали, что он является автором *Воспевания Румынии*. Один из них Ион Гика уточняет в 1886 году, что он слушал в 1846 г. Балческу, читавшего отрывки из поэмы в доме генерала Мавру. Возможно, что тогда Балческу представил первую редакцию, усовершенствованную позже в Париже.

Александри поставил вопрос, но не разрешил его. В 1900 году Р. В. Ханеш вновь поднял этот вопрос и ему удалось при помощи целого ряда аргументов доказать, что автором поэмы является Руссо ⁴⁹, хотя одновременно делались попытки восстановить авторство Балческу, особенно со стороны Н. И. Апостолеску ⁵⁰. В газетном фельетоне от 1921 года польский ученый-романист Станислав Ведкевич, принимая во внимание близость Балческу к польской эмиграции, к идеологии и деятельности ее, также считает Балческу автором *Воспевания Румынии* ⁵¹. Тóже недавно Г. К. Николеску подверг доводы Ханеша обстоятельной критике, которая поколебала их серьезно ⁵². С другой стороны, Николеску подверг анализу язык и идейное содержание *Воспевания Румынии*, открыв их снова в произведениях Балческу и не найдя их у Руссо ⁵³. Считаем, что вклад сделан основательный несмотря на то, что в некоторых странах могут возникнуть споры. Его работа, однако не смогла убедить. Правда и противоположные доказательства, появившиеся позже (Эм. Болдан, Ал. Дима), не были обоснованными, и поэтому нет надобности анализировать их здесь (исследователи возвращаются главным образом к точке зрения Александри).

Имея ввиду соображения, приведенные мною раньше, и те, которые последуют, считаем, что оригинал поэмы мог быть написан только на румынском языке и что произведение принадлежит Балческу. В Париже был издан перевод поэмы на французском языке, с целью познакомить с ней и иностранцев и произвести на них впечатление подобно тому, какое произвело произведение

---

⁴⁸ См. и G. C. Nicolescu, *цитир. труд.* стр. 238.

⁴⁹ P. V. Haneş, *Cîntarea Romîniei*, Бухарест, 1900; тот же, *Alexandru Russo. O pagină uitată din literatura romînă*, Бухарест, 1901.

⁵⁰ N. I. Apostolescu, *L'influence des romantiques français sur la poésie roumaine*, Paris, 1909, стр. 170 и послед.; тот же, в вводной статье к N. Bălcescu, *Cîntarea Romîniei*, Бухарест, 1914, стр. 5 и след.

⁵¹ Stanisław Wędkiewicz, в «Czas» от 13 января 1921.

⁵² G. C. Nicolescu, *цитир. труд.* стр. 234 и послед.

⁵³ *Ibidem*, стр. 239 и послед.

Мицкевича *Księgi narodu polskiego*. Возросла бы симпатия к румынскому народу. Вероятно, перевод на французский язык был поручен А. Руссо, как знающему язык в совершенстве (вследствие того, что он провел юность и получил образование в Швейцарии). Французский перевод мог приобрести некоторые прибавления, неизбежные в подобных обстоятельствах, с которыми Балческу согласился. Позже Н. Балческу опубликовал в Париже в точности свой румынский оригинал с предисловием, составляющим единое целое с текстом (1850), а Руссо в 1855 году переиздал текст с *Будущей Румынии* (1850 г.), переводя из французской версии прибавления и вводя изменения в оригинал согласно своему «стилю». Поэтому-то Руссо не осмелился подписать работу. Возможно, что Александри знал об обработке французской версии и принял ее за оригинал.

По нашему мнению, редакция Балческу безукоризненна и не содержит никаких признаков перевода. Напротив, редакция Руссо имеет их. Усматриваем эту особенность, например, в выражениях: «Где же твои войны, более многочисленные, чем небесные звезды» (стих 37), вместо «более многочисленные, чем песчинки моря» (Балческу 33). Французская версия требовала изменения выражения в оригинале. Тоже и в отношении восклицания «о, родина моя!» заменено: «румынская земля!»⁵⁴ (румынский край, *terre roumaine, terre de Roumanie*), так как французская версия должна была ясно указать иностранным читателям название страны, воспеваемой в поэме. Имеются и другие подобные доводы. Однако, интересует, кроме того, характер письма вообще, до установления «стиля Балческу» и «стиля Руссо». Каждый из великих писателей обладает определенной тональностью, ему присущей и не похожей на тональность другого, какие бы сходства в темах и словаре не существовали между ними. Дело идет о колорите и стиле произведения, а не о грамматическом анализе фразы. Стиль Балческу героический, имеется ли в виду *Воспевание Румынии*, *История Румын ввремя Михаила Храброго* или же *Ход революции в истории Румын*. *Воспевание Румынии* является героическим маршем борьбы и победы. Лирические и риторические ноты создают новую оркестровку, индивидуальную.

Наоборот, стиль Руссо — пасторальный как в редакции *Воспевания Румынии*, так и в остальных произведениях. Постоянно, невольно он смягчает тона, удлиняет фразу и во многих случаях нарушает первоначальную оркестровку. Наблюдается склонность превратить первоначальный стиль в длинный и скучный перечень. Если бы Руссо не сохранил в большинстве случаев редакцию Балческу, то вышло бы нечто иное. Однако мы не можем настаивать здесь на этом. Укажем, что уже в первых стихах находим доказательство. «Бог наших предков сжалился ли над тобой из-за твоих слез, моя страна?» — у Балческу, получая редакцию у Руссо: «Бог наших предков

⁵⁴ А. Руссо, стих 28, 55, 62 и т.д.

сжалился ли над тобой из-за твоих слез, не утешный народ, сжалился ли над болью в твоей груди, моя страна?» Добавления являются неприятно прозаическими. Пятый стих с «полями Тенской» и со «стадами как цветы», является чисто пасторальным, мелодраматическим в сравнении с тем же стихом Балческу, сохраняющим строгие тона в воспевании богатств страны. И конец стиха является красноречивым: «О, страна моя, богатая, почему ты стонешь?» представляясь финалом тяжелых инструментов. Наоборот, — Руссо финал заканчивается как бы пикколо-флейты: «Почему стонешь и плачешь, страна богатая?...» Также Руссо заменяет сравнение народа с «диким быком» через «бык неподъяремный» (Руссо 13), что уменьшает эффект образа (Балческу же подразумевает «зубр», но в целях соблюдения рифмы дает «дикий бык»). Точно также «бедняк разбивает цепь, которая его сжимает..» что превращается у Руссо в «бедняк рвет веревку, которая его связывает...» (стих 20). Слово «цепь» более выразительно, чем слово «веревка».

Впрочем, Руссо выступает как пасторальный лирик и в других произведениях, напр.: в *Воспоминаниях*, в описании села и его старых обычаев (выдуманных частью автором на основе народной поэзии), с обрисовкой портрета молодой девушки Маруки, угасшей в цветущем возрасте. Удивительно, что некоторые из исследователей нашли сходство между *Воспоминаниями* и *Воспеванием Румынии* считая это аргументом для авторства Руссо. Сходства существуют только лишь как стремление их реализовать. Следует отметить, что Балческу серьезно повлиял на Руссо, на то, что он написал после знакомства с *Воспеванием Румынии*. Все же Руссо не пошел дальше этого стремления и тематики. Художественное воплощение является совершенно иным. Ничего не имеет общего картина села из *Воспоминаний* с картиной села (как определение родины) из *Воспевания Румынии*:

«Отечество... отцовская хижина с большим деревом у порога двери... собака, играющая с нами, звон колокола... извещающий нас о прекрасных днях праздника, рев скота, возвращающегося с пастбищ в сумерки... аист на стрехе и т.п.» (Балческу 26). Взамси, грушевое дерево в середине села в *Воспоминаниях* Руссо, приводимое некоторыми последователями, как доказательство сходства, является искусственно-пасторальным воспоминанием, взятым из баллады *Дончила*; остальные заметки о нежности и о красках весны носят характер мягких, легких и слащавых тонов: «Из многих приятных воспоминаний молодости и детства, два запечатлелись в моем сердце, зеленые и живые, растущие из года в год, как побеги деревьев. Весна мне их приносит, когда появляется листва, когда начинают резвиться бабочки, когда раскрываются бутоны роз, когда солнце еще ласкает, но не жжет, когда с кустарников осыпается пахучий снежок». Это специфическая тональность песен Руссо. За ними скрывается кто-то другой. Алеку Руссо большой писатель, и наш анализ не преследует другой цели, как только отделить

то, что принадлежит ему, от того, что принадлежит Балческу, как искусство и текст.

Однако имеются доказательства в плюс, что Руссо следовал тексту Балческу. В некоторых местах он не понял его и сделал соответствующие изменения. В 14-ом стихе Балческу говорит о жизни народа после колонизации Дакки римлянами, когда, по его мнению, свобода снова восторжествовала в стране. Ее он сравнивает с деревом, которое проникает корнями все глубже в землю. Используя славянское слово *sad* «растение», «дерево» (ст. сл. *sadŭ*)⁵⁵, редко употребляемое, он пишет: «... свобода господствует как и раньше, но не та младенческая свобода, хрупкий цветок пустыни, а мужественная и яркая свобода, *мощное* дерево *sad* с сильным и глубоко-проникшим в землю корнем...» Алеку Руссо не понял слова славянского происхождения или прочел ошибочно *sau* вместо *sad*):

«... вольность господствует, как и раньше, но не та младенческая вольность, хрупкий цветок пустыни, но мужественная и яркая свобода, *или* *мощная*, с сильным и глубоко проникшим в землю корнем...» Образ Балческу ставит лицом к лицу, в антитезе, старую свободу, хрупкий цветок, и новую свободу *sad* (дерево) мощное, с корнями, глубоко вросшими в землю. У Руссо этот образ затерялся, сохранился только цветок, а «*sadub*» (дерево) исчез, автор закопал свободу, чтобы у нее непосредственно росли корни. И это является образом, но ясно, что он явился результатом искажения текста Балческу.

В 37-м стихе, Балческу великолепно обрисовывает гибель врагов, кости и трупы которых, разбросанные по полям страны, клевали вороны: «... туча воронья, каркая, *vîlluga* *кружились* *вихрем* и вертелась по всем направлениям, а затем сразу набрасывалась на кости...» И на этот раз Руссо прочитал ошибочно текст. Из глагольной редкой формы *кружиться вихрем* у него вышли *vulturi* *орлы*), которых он напускает неестественным образом на падаль, забывая ворон в воздухе: «... туча воронья кружилась вверху вихрем, каркая, а большие *орлы* вертелись в воздухе, а затем сразу набрасывались на побелевшие кости...». И это искажение текста доказывает зависимость редакции Руссо от редакции Балческу, являющейся оригинальным текстом. Имеются еще и другие доказательства, но мы остановимся здесь. Если будет необходимо, вернемся к ним.

Таким образом, мы не можем основываться на французском оригинале *Воспевания Румынии*, а лишь только на румынском, созданном Н. Балческу. Произведение Балческу могло быть переведено Руссо на французский язык, затем переиздано в первоначальной редакции с некоторыми изменениями. *Воспевание Румынии* непосредственно отвечает стилю Балческу, его поэтиче-

---

⁵⁵ См. F. Miklosić, *Lexicon paleoslovenico-graeco-latinum*, Viena, 1862—1865. стр. 818.

скому и политическому размаху, его подготовке как историка. Кто-нибудь другой не был бы в состоянии написать ее, потому что никто из современников не переживал подобно ему всего того, что касалось его родины и румынского народа. «Скажу тебе правду, писал он в июне 1849 года, и от всего сердца, тебе Гика, как моему хорошему другу, хочу умереть и поэтому пойду драться». Ему не были свойственны расчеты и бережное отношение к самому себе. Он не хотел быть только ученым или литератором, а и слугой своего народа. Можно указать единственный случай в подобных условиях изгнания: Мицкевич. Тогда нет ничего удивительного, что в книге этого поэта *Księgi narodu polskiego*, Балческу нашел идею для *Воспевания Румынии*. Однако художественная реализация была другой. Великие творцы не подражают один другому, но вдохновляют один другого в новых творениях. Мицкевич развертывает в своей книге церемонию соборования в библейском стиле, сопровождаемую песней органа, спокойно и безропотно заканчивая произведения литанией, в которой польские пилигримы выражают желание умереть в борьбе за свободу на поле битвы, обретя могилу на родной земле. Балческу воспевают красоты родины, ее историю, радости и страдания румынского народа в величавых тонах, которые возвышают и ужасают. Эта часть заканчивается маршем штурма за завоевание прав, похищенных у народа. Произведение, как героический марш, представляет нечто другое, чем *Księgi narodu polskiego*. Однако, если стиль произведений различный, то цели одни и те же: подготовка и призыв к борьбе и победе. Тот, кто читает оба произведения, находит их тождественными по чувству, вибрации и цели.

Как для Мицкевича, так и для Балческу, литература должна представлять интересы народа. Она должна воспевать и бороться за осуществление народных желаний. Во всех произведениях Мицкевича проявляется эта цель, и все произведения Балческу отвечают той же цели. На базе страдания и стремления создан шедевр. Жизнь этих двух великих писателей-революционеров была одинаковой: писали, боролись и закончили жизнь трагически на перекрестке дорог: Балческу в Палермо в 1852 году (имея всего лишь 33 года), Мицкевич в Константинополе в 1855 году. И один и другой угасли с горечью, с тоской в сердце по родине, к которой не было позволено им приблизиться. Их творения давно их воскресили и снова они возвращены в среду их народа, которому посвятили свой труд и жизнь.

Тр. Ионеску-Нилков

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА И ФИЛОСОФСКИЕ РАБОТЫ АЛЕКСАНДРА ХИЖДЕУ

Вступление

Григорий Сковорода является несомненно одной из самобытнейших фигур начального этапа развития философской мысли. Он является наставником и учителем. Ал. Хиждеу, которой под его влиянием еще в очень молодом возрасте занялся разрешением трудных философских проблем.

Но для того, чтобы облегчить понимание проблем, поставленных Ал. Хиждеу, считаем необходимым остановиться хотя бы коротко на системе мышления Сковороды.

Как известно, Сковорода поступил в Киево-Могилянскую Академию, а спустя два года был отправлен в придворную певческую капеллу. В 1744 г. он возвращается в Киев, а через два года отправляется в Венгрию, Германию, Польшу, Словакию и Италию. Везде он старается изучить возможно лучше людей и окружающую действительность, которая была совершенно иной, чем на его родине. Несколько позже он был учителем словестности в Переяславском семинарии, затем в Харьковском коллегиуме¹.

Григорий Сковорода был самоучка. Он знал прекрасно греческий, латинский, немецкий языки и изучил основательно греческую философию, латинскую литературу и патристику².

Какая-то естественная потребность заставила Сковороду постоянно переходить с места на место, не позволяя ему где-либо осесть. В 44 года он отказывается от всех должностей и избирает жизнь странствующего философа.

Сковорода ведет жизнь совершенного аскета, живет на подаяния, пользуется чужим гостеприимством. Не задолго до смерти, когда он гостил у одного из своих почитателей, Сковорода сам вырыл себе могилу. Он умер в 1794 году.

---

¹ Jan Máchal, *Slovanské literatury*, Прага, 1922, I, стр. 276—277.

² Михайло Босняк, *Исторія української літератури*, Львов, 1924, т. III, стр. 72.

Творческое наследие Сковороды обширно и разнообразно. Он писал нравоучительные трактаты, небольшие произведения дидактического характера, стихотворения и философские труды. Почти все его работы носят причудливые названия, его язык часто странен и полон метафор. Вот почему труды Сковороды продолжительное время рассматривались лишь в свете этих странностей.

Одни считали его бессистемным мыслителем³, другие — великим мудрецом. Лишь в связи со столетием со дня смерти Сковороды русская цензура разрешила опубликование работ этого философа, вышедших под редакцией Д. И. Багалей⁴.

Короче говоря, мышление Сковороды исходит из трех основных моментов: исходя из идеи познания самого себя, он переходит к изображению внутреннего счастья и останавливается на проблеме библии. Хотя он разрешает философские проблемы с точки зрения идеалистической, все же можно сказать, по крайней мере частично, что его система мышления пронизана материалистической тенденцией. Безусловно, это противоречит его теории трех миров: макрокосма (природы), микрокосма (человека) и библии или мира символов⁵. Речь идет о плюралистической концепции мира, с помощью которой Сковорода пытался объяснить насущные проблемы бытия.

По мнению украинского философа, каждый из этих трех миров обладает как материальной, внешней, видимой натурой, так и духовной, невидимой натурой. Эту последнюю он считал божественной сущностью. В основе своей каждый из трех миров один имеет духовный источник. Такое понимание обязывало Сковороду в решении фундаментальных проблем философии исходить из концепции двух натур, материальной и духовной⁶. Таким образом, с этой точки зрения, мировоззрение Сковороды было дуалистическим.

Позже, в зрелом возрасте, исходя из концепции двух натур, Сковорода уже начал рассматривать « невидимый мир » не как нечто, имеющее божественную сущность, а как внутренний фон вещей, как закон, свойственный всей природе⁷. Но центральным звеном философской системы Сковороды является человек (микрокосм), для понимания которого существует единственный путь — путь познания самого себя⁸. Другими словами, в центре всей жизни

---

³ Т. К уд р и н с к и й. *Философ без системы*, « Киевская старина », т. IX, 1898, стр. 35—63, 265—282, 436—456.

⁴ *Сочинения Григория Саввича Сковороды*, собранные и отредактированные проф. Д. И. Багалеем. Харьков, 1894 г.

⁵ *Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР*, Москва, 1955, I, стр. 181 и D. Č u ž e v s k ý i, *Skovoroda—Studien*, «Zeitschrift f. sl. Philologie», 1935, XII, стр. 53 и след.

⁶ *Очерки*, стр. 182.

⁷ *Вышеуказанная работа*.

⁸ М. Г о р д и е в с к и й, *Теоретична философія, Г. С. Сковороды*, « Памяти Г. С. Сковороды », Одесса, 1923, стр. 3—36.

находится человек, являющийся началом и концом всего существующего. Чтобы познать самого себя, мы должны найти в себе силы освободиться от связывающих нас цепей материального мира и подняться до истинной духовной свободы.

Эта идея освобождения и познания самого себя вошла полностью в философскую систему Ал. Хиждеу.

Выдающееся значение в мировоззрении Сковороды приобретает библия. Она, по мысли Сковороды, должна истолковываться символически и должна быть понимаема духовно. По его мнению, библия нечто большее, чем священная книга, — она источник познания реального мира, содержит в себе много аллегорий, образов и представлений, ведущих наши мысли к идее вечной природы. Все окружающие предметы представляются нам как проявления бога, так как они с ним связаны. Они сами являются доказательством того, что бог находится во вселенной. Бог, хотя и остается вне вещей, предметов, все же постоянно в них. Бог един, он везде и нигде, не имеет ни начала, ни конца.

Другой проблемой учения Сковороды является путь, ведущий человека и народ к счастью. Эта цель может быть достигнута лишь через посредство природы и только в результате гармонии воли и разума. Другими словами, этика и философское мировоззрение Сковороды сводится к учению о счастье.

Сковорода говорил, что человек может найти счастье в труде и в выполнении своих обязанностей по отношению к родине.

Если философская система Сковороды может считаться в известной мере прогрессивной по сравнению со схоластикой средних веков, то такое утверждение еще в большей мере правильно по отношению к его поэтическим произведениям. В своих стихах он гневно критиковал правящие классы, богатых и духовенство, угнетавших народные массы. Сковорода часто выражал свой протест против эксплуатации, но он никогда не побуждал народ прибегнуть к революционным средствам. Наоборот, он видел спасение народа в просвещении, в моральном самоусовершенствовании и в самопознании⁹.

В этом отношении Сковорода был прогрессивным. Он питал глубокую любовь к закрепощенному и бедному люду, которого хотел просветить и поднять как можно выше. Однако, новые, прогрессивные идеи, которые проповедывал Сковорода, смешивались со старыми, патриархальными идеями. Протест против социальной несправедливости переплетался с его пассивностью, с его религиозными предрассудками.

Несмотря на это, его стихи пользовались большой популярностью. Многие из них приняли характер легенд и распевались бандуристами по всей Украине. Этой популярности способствовали как аскетическая жизнь Сковороды, так и его горячая и искренняя проповедь в среде народа.

---

⁹ Очерки, стр. 185.

Хотя при жизни Сковорода не напечатал ни одной строки, все же Харьковский край и казачьи области знали прекрасно его, этого странного и оригинального человека второй половины XVIII века.

Сковорода стал весьма популярным на Украине. Его произведения распространялись в рукописях, переписываемых профессорами, студентами и даже некоторыми помещиками, ценившими его. Многие из них сохраняли эти копии, как нечто, написанное странным человеком, которого никто не понимал и о котором говорилось и распускалось, столько слухов¹⁰.

Ясно, что в этих условиях молодой Александр Хиждеу, обучавшийся в Харькове, весьма возможно в 1829—1833 гг. познакомился с рукописями и мыслями Сковороды. До того времени, когда Ал. Хиждеу занялся Сковородой, были напечатаны лишь две его работы. Живя в среде, в которой идеи Сковороды распространялись, возможно, параллельно с рукописями его работ, Александр Хиждеу был все же одним из первых исследователей, которые занялись с интересом его трудами.

АЛ. ХИЖДЕУ ОПУБЛИКОВЫВАЕТ «ТРИ ПЕСНИ» СКОВОРОДЫ

II

Без сомнения, Хиждеу ознакомился с философским учением Сковороды в ходе чтения рукописей, находившихся большей частью в частных руках. Он с самого начала отдал себе отчет в том, что все труды Сковороды — рукописные. Впрочем, до 1831 года, когда Хиждеу решился опубликовать три песни Сковороды, как мы сказали выше, были напечатаны лишь две работы этого украинского мыслителя: один «диалог о познании самого себя» (1798) и трактат «о христианской морали» (1806)¹¹.

В 1831 году девятнадцатилетний юноша Хиждеу посылает в Редакцию «Телескопа» для опубликования «три песни» Сковороды¹². Редакция их публикует с комментариями, принадлежащими Хиждеу. В этих комментариях явно проступают некоторые идеи, которые занимали молодого автора.

Во-первых, Хиждеу пытается реабилитировать Сковороду, который еще при жизни жаловался на то, что не будет понят последующими поколениями. Молодой студент Хиждеу старается снять покров забвения, брошенный на беспокойную, выдающуюся жизнь Сковороды.

Само собой разумеется, что общество того времени с его предрассудками, схизмами и суевериями не имело времени заняться «симфониями» и «диа-

---

¹⁰ Т. Кудринский, вышеуказанная работа, стр. 437.

¹¹ а) Библиотека духовная, содержащая въ себѣ дружеския бесѣды о познаніи самого себя, опубликованная М. Антоновским в С.-Петербурге в 1798 г.; б) Начальная дверь ко христiанскому добронравію, «Сіонский Вестник» 1806 и «Основа Южно-русский литературно-ученый Вестник», С.-Петербург 1862, сентябрь, стр. 78.

¹² «Телескоп», 1831, часть IV, № 24, стр. 578—583.

логами » этого странника. Хиждеу остается убежденным в том, что ему принадлежит идея реабилитирования украинского философа, о чем он считает нужным упомянуть в III главе своей работы о Сковороде.

Во-вторых, автор останавливается на одном вопросе, представляющем для него исключительный интерес: на вопросе происхождения этих песен. Они были взяты у народа и изложены Сковородой на харьковском говоре.

Хиждеу утверждает — и это теперь установлено полностью, — что большая часть стихов Сковороды распевалась бандуристами и слепцами в селах и городах Украины. Один из них сказал даже Хиждеу в Харькове, что выучил песни от самого Сковороды. Совершенно правильно автор задает себе вопрос: *правда ли это?*

С одной стороны, принимая во внимание, что к тому времени исполнилось 37 лет со дня смерти Сковороды, не исключается правдоподобность сделанного утверждения, с другой же — поскольку народным певцам свойственно выдумывать эпизоды и легенды, которые они затем рассказывают и в которых, обычно, элемент действительности подчинен фантазии, мы вправе сомневаться вместе с Хиждеу в справедливости сделанного утверждения.

Побуждаемый желанием установить правду, молодой автор говорит, что проверял слова услышанных им от бандуристов вариантов стихов Сковороды, навеянных Священным Писанием и озаглавленных « Сад божественных песен ».

У Хиждеу находились два различных экземпляра этого произведения Сковороды, что является еще одним доказательством того, что сочинения Сковороды распространялись в рукописях.

Затем следуют три песни, в содержании которых обнаруживаются те же размышления о жизни и смерти, воплощенные в лирические образы.

Одна из этих песен на социальные мотивы пользовалась большой популярностью. Один из ее вариантов опубликовал и И. Срезневский¹³.

В хронологическом порядке опубликование трех песен представляет собой третье из сочинений Сковороды напечатанное в результате стараний Хиждеу.

АЛЕКСАНДР ХИЖДЕУ «О ЦЕЛЯХ ФИЛОСОФИИ»

III

Едва ознакомившись с системой мышления украинского философа, Хиждеу попытается в очень раннем возрасте понять смысл некоторых философских проблем.

Несомненно, предпочтение отдавалось тому что соответствовало интеллектуальным запросам самого Хиждеу.

---

¹³ « Утренняя звезда », Москва, 1835, стр. 82—88.

Так, Багале́й нас уведомляет, что Хи́ждеу напечатал статью «Сократ и Сковорода»¹⁴, которой, к сожалению, не имел под рукой. Сопоставление понятно. Учение Сократа представляет собой интересную главу как в мировоззрении Сковороды, так и в духовном формировании молодого Хи́ждеу.

Философские увлечения Ал. Хи́ждеу, — ибо в этом возрасте не может быть речи о чем-либо ином, — могут быть установлены на материале целой серии «афоризмов», написанных в Харькове в 1829 году и опубликованных в 1835 году.

Мысли молодого студента Хи́ждеу заняты некоторыми тонкими проблемами, определить которые попытаемся ниже.

Афоризмы Хи́ждеу озаглавлены: «О целях философии»¹⁵ и начинаются цитатой из Сенеки, что свидетельствует о близости молодого мыслителя к стоицизму учителя Нерона:

«Philosophia studium virtutis est, sed per ipsam virtutem: nec virtus autem esse sine studio sui potest, nec virtutis studium sine ipsa» (Epist. LXXXIX. L., Annaei Senecae philosophi, *Opera omnia supersunt*, Lipsca, 1805, III, стр. 133).

Уже с самого начала Хи́ждеу определяет смысл философии, прибегая к весьма любимому им сравнению, подчеркивающему приоритет этой дисциплины: среди других наук, говорит Хи́ждеу, философия занимает такое же место, как солнце в планетной системе. Подобно тому, как солнце освещает небесный свод, точно также и философия господствует над миром со всех точек зрения человеческих познаний.

Молодого автора тревожило несколько проблем, что видно из следующих вопросов, которые он себе ставит: может ли поэт быть увлечен полетом фантазии к вершинам совершенства? Может ли оратор проникнуть в лабиринт человеческой души без помощи философии? И, наконец, может ли натуралист разрешить загадки природы без философии? И Хи́ждеу приходит к заключению что без философии невозможна стройная архитектура знания.

Различение, делаемое молодым автором, идет и дальше. Философия дает плоды не только в теоретической области, она создает из отдельных индивидов общество, связывает их души любовью, дает им счастье, а также утешение в беде. В свете философии исчезает и тень какого-либо сомнения, а философ является самым счастливым из смертных.

Вот почему Хи́ждеу советует подобным себе быть в жизни стойкими и умеренными.

Форма, в которой Хи́ждеу излагает эти понятия, и способ рассмотрения их с точки зрения универсальной значимости, указывает на решающее влияние Сковороды.

¹⁴ «Одесский Вѣстникъ», 1833, № 57, стр. 145—146.

¹⁵ «Вѣстник Европы», Москва, 1835, № 21—22, стр. 45—46.

В восемнадцать лет Александр Хиждеу был склонен видеть в системе небесных созвездий не столько подтверждение астрономическим законам, сколько таинственную силу божественного творения. Так, луна, которая для астрономов и философов является затемненным телом, приобретает в мечтаниях Хиждеу бесконечную красоту, необъятные размеры. Хиждеу говорит, что для понимания высокого назначения философии следует предпочесть путь Сократа, который не разделял космос на части, не анализировал природы огня или воды и даже не пытался измерить величие звезд. Сократ видел везде: в Гелиосе, так же как и в атоме мела, — Создателя мира.

РАБОТА О СКОВОРОДЕ

IV

Нам, кажется, что в эпоху интеллектуального формирования, Хиждеу был очарован мудростью философских систем вообще и самобытностью Сковороды в частности. Вот почему мы наталкиваемся все более и более на Хиждеу, находящего удовлетворение в игре абстрактных спекуляций, чем в области позитивных знаний, которыми он в то же время занимался.

Главной заботой Хиждеу является Григорий Сковорода, которого он решил извлечь из тьмы неизвестности и представить своим современникам, как одного из самых великих мыслителей России, жившего более ста лет тому назад. Молодой Хиждеу чувствуя в трудах Сковороды столько теплоты, соответствовавшей своему душевному настроению, сознает, что никогда не расстанется с ними.

Действительно, еще в университетские годы Хиждеу не довольствуется глубоким изучением трудов своего учителя, а работает в то же время над монографией, которая должна содержать в себе всю структуру мышления Сковороды.

Погоня за известностью, которая очень рано начала волновать Хиждеу, заставляет его поспешить с опубликованием этой работы, названной: «Григорий Варсава Сковорода, критическое и историческое исследование». Она вышла в свет в том же 1835 году, когда были напечатаны и те три песни, о которых мы говорили выше¹⁶.

Автор информирует своих читателей о том, что речь идет об одном извлечении из рукописи, под названием: *Gregor Skovoroda's Lebenswandel und Wirkungskreise oder historisch-kritische Würdigung seiner Schriften, als Beitrag zu einer Geschichte der slavischen Volksweisheit in Briefen an Joh. Görres, Prof. an der Universität zu München*. Работа состоит из девяти глав, в которых автор пытается представить жизнь и, в особенности, философское мышление Сковороды.

¹⁶ «Телескоп», Москва, 1835, стр. 3—42, 151—178.

После первых двух глав, раскрывающих значение связей между настоящим и духовными ценностями прошлого, Хиждеу дает нам образ странствующего украинского философа, проповедовшего в украинских селах правду и слово божье. Сковорода был мудрецом, вопиющим в пустыне. Никто не понял тайны и смысла его учения. Лишь простой народ считал его необыкновенным человеком. Учение Сковороды, по мысли Хиждеу, станет общественным благом, а имя его будет произноситься заодно с именами Гомера, Эзопа и Солона.

Хиждеу утверждает, что и в его время циркулировали легенды, сказки и песни, приписываемые Сковороде. Более того, — в некоторых украинских церквах исполнялись во время великого поста псалмы — песнопения, сочиненные этим философом¹⁷. Вот почему Хиждеу решил рассказать его жизнь и объяснить его учение. В этих целях Хиждеу выбирает правильный и хорошо обдуманый путь: слабости, хотя и выявляются естественными проявлениями не будут пощажены, а неправильные оценки будут оспариваемы. Таким образом, как мы видим, Хиждеу пытается восстановить известность этого необычайного мыслителя. Ввиду того, что к его труду могут отнестись с недоверием, он спешит добавить, что все им написанное можно проверить по первоисточникам.

Для того, чтобы как можно лучше раскрыть личность Сковороды, Хиждеу прибегает к весьма удачному сравнению: он противопоставляет ему Ломоносова. Ломоносов вышел из бедной избушки холодного севера, а Сковорода родился под горячим солнцем южной Украины. Между ними много сходства, но и большое различие: в то время как Ломоносов вращался в высших кругах русского общества, Сковорода провел свою жизнь среди народа. Параллель продолжается и приобретает особенное значение. Эти две фигуры развиваются, крепнут, одна возле другой, как пучок солнечных лучей. Жизнь Ломоносова блещет цветами радуги, а дух Сковороды распространяет лишь теплоту. Все же сравнение Сковороды с Ломоносовым не удовлетворяет Хиждеу, и он его ставит рядом с Сократом. И один, и другой чувствовали в себе высокое призвание быть учителем народа. Что для Сократа Демонион, то для Сковороды Минерва. Жизнь обоих имеет в основании те же элементы: пыл и иронию. Для обоих база и условие всякого знания — это *познание самого себя*. Наконец, Сократ объяснял греческому народу природу на основании здравого смысла, а Сковорода объяснял своим согражданам ту же природу, но на основании небесного разума.

---

¹⁷ Между прочим Сковорода, будучи хорошим знатоком музыки, переложил на ноты религиозные песнопения и псалмы для секты молоканов. Эти последние пели на своих собраниях псалмы Сковороды на всем протяжении XIX века. (См. Т. К у д р и н с к и й, *указан. соч.*, стр. 43).

Душевный пыл Сковороды безграничен и проявляется с особой силой в его драмах, в которых он описывает борьбу старой и новой культур, как борьбу ангела с демоном. Эти драмы, которые он называет *видениями*, могут быть поставлены в один ряд, по мнению Хиждеу, с трагедиями Эсхила, Софокла, Эврипида, которые в подлиннике читал Сковорода, а также рядом с такими известными произведениями, которых он однако не читал, как драмы Кальдерона «Фауст» Гете, «Каин и Манфред» Байрона.

С другой стороны, ирония Сковороды рассматривалась как причуда, умалявшая престиж мыслителя.

Переходя к познанию самого себя, Хиждеу довольствуется тем, что приводит одну длинную выдержку из сочинений Сковороды, в которой излагаются три аспекта этого психологического процесса. Первый аспект — это познание себя как существа, как личности, в результате чего индивид узнает свою собственную личность. Почему, например, он есть Иеремия и какой он есть Иеремия! Второй аспект — это социально-национальный: гражданин узнает свое место в мире: почему он русский и непонятно каковой представляется Россия? Наконец, третье — познание самого себя как существа, созданного по образу и подобию божью. В результате этого последнего познания, индивид узнает почему он человек и что такое человечество. Но анализ не останавливается на этом. Украинский мыслитель устанавливает у греков трех апостолов познания самого себя: Великого Неизвестного, написавшего в Дельфийском храме: «познай самого себя», Солон и Сократа. Дельфийская надпись относится к познанию самого себя как личности. Солон проповедует познание самого себя как гражданина, а Сократ думал о человеке вообще.

Хиждеу не всегда умеет объединить свои мысли в единую систему мышления. Часто, кроме длинных цитат из Сковороды, которыми пестрят его сочинения, он говорит о миссии Сковороды в среде своего народа.

Само собой разумеется, что самобытная жизнь Сковороды со всеми ее странностями, увлекала молодого Хиждеу. Вот почему он вспоминает, как Сковорода покинул школу и стал странствующим учителем, что дало ему возможность проникнуть в существо, в волю, язык и обычаи народа. Сковорода утверждает, что учитель — это не учитель, а лишь служитель природы.

Хиждеу очень мало останавливается на анализе народного, демократического духа, воодушевлявшего Сковороду. Он считал себя другом крестьян и чужим среди ученых, которые, вследствие ложно понятой гордости, не входили в общение с крестьянами. В той же мере Сковорода гордился своей проповеднической деятельностью в народных массах и гордо презирал несправедливые суждения педантов своей эпохи.

Хиждеу воспроизводит одну длинную выдержку из трудов Сковороды, являющуюся полным сарказмом ответом богачам и философам. Первые

считали, что простой народ — это простофили, слабоумные, а вторые утверждали, что земля мертва. Хиждеу считает, что Сковорода представляет собой совершенно новое явление в жизни России, и что его учение открывает двери в новую эру. Цитированный фрагмент, в котором речь идет о споре между Демоном и Варсавой — (Сковородой), — демон олицетворяет собой старый мир, а Варсава — новое учение, — является доказательством не только вечно горевшего пламени его мятежной души, но и остроты его полемического ума¹⁸.

РАБОТА ХИЖДЕУ В СВЕТЕ БОЛЕЕ ПОЗДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

V

Из анализа очерка Хиждеу вытекает прежде всего глубокое убеждение, что Сковорода был оригинальным, самобытным мыслителем, система мышления которого находит себе сходство с сократовской философией.

Необычайная теплота, с которой Хиждеу защищает дело Сковороды, доказывает существующее между ними духовное родство. Вот почему, по сравнению со своими предшественниками, Хиждеу является первым, излагающим учение Сковороды в новом свете. Для своего времени, несомненно, это была смелая попытка, что признает и он сам. « Утверждение является в особенности смелым и я не боюсь реплик, — пишет он, — потому что, ввиду отсутствия свидетельств, заслуживающих доверия, я ничего не добавляю, чтобы находилось в противоречии с историческими источниками. Не существует исторической веры, а только исторические исследования. Я сделал лишь предложение для воскрешения имени Сковороды»¹⁹.

Опасения Хиждеу не были безосновательными. Так, в 1835 году, после того, как Хиждеу опубликовал три работы, связанные с именем Сковороды — первую в 1831 г. (три песни), вторую в 1833 г. (краткая параллель Сократа и Сковорода)²⁰ и третью — в 1835 г. (очерк, которым мы занимались выше) — Евецкий Орест публикует заметку относительно его статьи. К сожалению нам неизвестно ее содержание, и мы не можем делать никаких выводов²¹. Вследствие этого, мы не знаем, к кому относится намек Хиждеу, проскользнувший в одной из заметок к исследованию о Сковороде. Более чем досто-

---

¹⁸ Работа Хиждеу была переведена на румынский язык М. Маевским и опубликована под названием: Философ мистик в «Convorbiri literare», Бухарест, Май, 1930, стр. 568—588. Перевод очень тяжелый и несвязный.

¹⁹ «Телескоп», 1831, стр. 578—583.

²⁰ Ср. с. указан. работой.

²¹ Е в е ц к и й О р е с т. З а м е ч а н и е н а с т а т ь ю Х и ж д е у — Г р и г о р и й В а р с а в а С к о в о р о д а (Молва, 1835 г., том X, № 36, стр. 131—154).

верно, что речь идет об устных замечаниях, услышанных им по поводу его суждений о Сковороде, сформулированных кратко в статьях от 1831 и 1833 гг.

Оспаривающим его суждение, Хиждеу отвечает следующей цитатой из Плиния: «Naturae vis atque majestas in omnibus momentis fidecaret, si quis modo partes ejus ac non totam complectitur animo».

Но прием, использованный Алекс. Хиждеу при характеристике Сковороды, в особенности, его сопоставление Сковороды с Ломоносовым и с Сократом, полностью переняты архимандритом Гавриилом в его работе: История русской философии²². Целые отрывки из работы Хиждеу им присвоены тайно, без всякой пометки; в те времена, возможно, подобный образ действия не считался бесчестным. Позднейшие исследователи пользовались работами и Хиждеу и Гавриила, и недоумевали по поводу авторства текста²³. Некоторые удачные образы из работ Хиждеу могут быть найдены и в других исследованиях, даже после 1900 г.²⁴.

Лишь в 1843 году появляется одна статья, автор которой И. И. Срезневский ставит под сомнение научную корректность Хиждеу. Мы указали выше, что до 1835 года, когда начал писать Хиждеу, только незначительная часть работ Сковороды была напечатана, вследствие чего тексты, цитированные Хиждеу в большей своей части воспроизведены из различных эпистол (посланий), в действительности не существовавших. Это обстоятельство отмечено Срезневским. Письма, адресованные белорусскому архиепископу Г. Конисскому, и три письма, цитированные Хиждеу не появляются в более поздней библиографии трудов Сковороды. В связи с этим, нам кажется, что Хиждеу приписал Сковороде идеи, никогда ему не принадлежавшие.

Но, так как этим вопросом никто специально не занимался, мы не можем с уверенностью опровергать подлинность цитированных текстов. Все же считаем нужным отметить, что Хиждеу еще в молодости проявлял явную склонность к мистификациям.

Вместе с тем, статья Хиждеу заслуживает положительной оценки, и Срезневский это признает. «Прекрасная статья, из которой виден ум и эрудиция автора. Не могу не признать, — пишет Срезневский, — что статья Хиждеу является единственной научной статьей из всего того, что написано до сих пор о Сковороде»²⁵.

---

²² Архимандрит Гавриил, *Исторія Философіи*, Казань, 1840 г., ч. VI, стр. 59 и след.

²³ См. например, Н. Стелецкий. *Странствующий украинский философ Г. С. Сковорода*. «Труды Киевской Духовной Академии», Киев, 1894, № 7, стр. 449—478; стр. 608—629.

²⁴ Так, например, В. Эри описывая личность Сковороды цитирует следующий образ из Хиждеу: «как одинокая гора в степи возвышался Сковорода когда-то в России» (ср. *Григорій Саввич Сковорода*, Москва, 1912, стр. 31).

²⁵ И. И. Срезневский, *Выписки из писем Гр. Сав. Сковороды*, «Молодик на 1844 год» ... Харьков, 1843, стр. 234—244.

Такие же замечания делает и Орест Халаявский²⁶, добавляя, что Хиждеу не ответил на возражения Срезневского, давая этим понять, что обвинения справедливы.

Не исключена возможность, что все же Хиждеу слелал некоторые изменения, недопустимые с научной точки зрения. Ф. А. Данилевский, который также занимается вопросом подлинности текстов, цитируемых Хиждеу, отмечает тот факт, что одну работу Сковороды (О древнем змие или Библии) Хиждеу переделал в письмо, адресованное протоиерею Феодору Залесскому²⁷.

Из других писем, опубликованных позже и сопоставленных с цитированными отрывками, можно видеть, что Хиждеу нарушал такое элементарное правило, как точное воспроизведение подлинного текста²⁸.

Но шире других, работами Хиждеу о Сковороде занимался украинский исследователь Д. И. Багалей²⁹.

Анализируя в своей работе о Сковороде и взгляды молодого Хиждеу, Багалей находит, что у Хиждеу есть ценные и оригинальные для своего времени мысли. Багалей восхищается стараниями Хиждеу разоблачить небылицы и наговоры современников, в значительной степени повлиявшие на оценку учения Сковороды. Багалей высоко ценит намерение Хиждеу постигнуть и представить труды Сковороды, как нечто духовно-цельное.

Что касается противопоставления Сковороды Ломоносову, хотя оно и интересно, все же нельзя обойти молчанием тенденцию Хиждеу противополжить европеизму Ломоносова русское славянофильство Сковороды.

Странно, то, что Хиждеу видит в Сковороде воплощение национальной идеи, базируясь как раз на одной, до сих пор неизвестной работе: «Симфония о народе». Хиждеу старается всеми средствами представить Сковороду как руссофила и славянофила.

Переходя к достоверности приведенных Александром Хиждеу цитат, Багалей говорит, что хотя Хиждеу обещал базироваться только на источниках, все же он ими пользовался довольно свободно. Хиждеу спутал воспоминания Сковороды, модернизировал, в некоторой мере, его язык, прибавил кое-что от себя к подлинным текстам, пытаясь таким образом реставрировать стиль и мышление украинского философа. Хиждеу также приписывает Сковороде произведения, им не написанные. Причиной этого является то, что молодой Хиждеу был очень занят темой и своим героем. Хиждеу был так охвачен восторгом в связи с тем, что открыл украинского философа, что почитал

---

²⁶ Ср. Сковорода, *Украинский деятель XVIII-века*, «Основа, южнорусский литературно-ученый вѣстник». С.-Петербург, 1862, стр. 40 и след.

²⁷ Д. А. Д а н и л е в с к и й, *Григорий Саввич Сковорода*, «Украинская старина», Харьков, 1866, стр. 44 и след.

²⁸ В. И. С р е з н е в с к и й, *Письма Г. С. Сковороды к священнику Е. Правискому*, С.-Петербург, 1894, стр. 21—23.

²⁹ Д. И. Б а г а л е й, *Гр. С. Сковорода...* указ. соч., стр. 104, 106, 108, 230, 234.

подлинным весь имевшийся в его распоряжении материал о Сковороде. Горячее желание представить личность Сковороды как нечто цельное, побудило Хиждеу трактовать тему с излишней свободой. Так, в одном месте Хиждеу излагает идеи Сковороды в форме, заставляющей нас сомневаться в аутентичности материала, им использованного. В другом месте, Сковороде приписывается нечто вроде молитвы, в которой развивается смысл каждого предложения «Отче наш». В молитве допущена одна погрешность, выдающая искусственность текста: вначале автор просит бога послать России Сократа, и, вместе с тем, сейчас же высказывает свое желание стать Сократом России.

Интересно, что вопрос И. И. Срезневского о том, как мог Хиждеу, проживавший в Харькове, добыть переписку архиепископа Конисского, остается не разрешенным.

К сожалению, исследования не могут продолжаться, так как ни одно из произведений, приписываемых Хиждеу Сковороде, не сохранилось и несмотря на предпринятые поиски этих работ, не удалось напасть на их след. Только Хиждеу имел их в своем распоряжении. С другой стороны, отсутствуют серьезные доказательства того, что Хиждеу выдумал цитированные рукописи. Вот почему, пока эти рукописи не будут разысканы, подлинность текстов, цитированных Хиждеу остается под сомнением.

При всех этих недостатках, нельзя оспаривать заслуги Хиждеу в том, что он один из первых подчеркнул значение учения Сковороды. Вполне понятно, что для осуществления этой задачи он изучил рукописи Сковороды, которые не дошли до его поздних исследователей.

Хиждеу подчеркнул родство идей Сковороды идеям Сократа, выявил патриотизм Сковороды, и популярность, которые ему сопутствовали.

ЗАДАЧА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

VI

Последняя работа Ал. Хиждеу известна под названием «Задача нашего времени». Она осталась и до настоящего времени в рукописи. Она была найдена среди бумаг, оставшихся после Богдана Хиждеу и датирована 1841 годом³⁰.

³⁰ Эта работа переведена на румынский язык др. Н. Ковалем, Бухарест, 1938 г.

Если Ал. Хиждеу действительно написал указанную работу в 1841 году, это доказывает, что в 30-летнем возрасте он выработал свою личную систему мышления.

Все же, идеи Хиждеу навеяны учением Сковороды; но на этот раз они облачены в особенно изысканную форму.

Проблематика работы более разнообразна, большая глубина мысли.

Работа « Задача нашего времени » содержит в себе целую серию идей в духе Сковороды.

Исходя из категорического различия, которое делает Сковорода между гражданами, принадлежащими к различным национальным коллективам, Хиждеу с необычайной теплотой говорит о необходимости включения личности в коллектив своего народа.

« Только у себя дома, — пишет Хиждеу, — человек свободен, так как его вера, надежда и любовь развиваются естественно, в духе коллективизма ». (стр. 24).

Убежденный в справедливости своей точки зрения, Хиждеу восстает против тех, « которые, опираясь на зыбкую почву, ввезенную из чужих стран » препятствуют развитию своего народа.

Анализируя целый ряд связанных между собой понятий, как культура, народ и государство, Хиждеу постоянно обращается к наследию своего наставника Сковороды и приходит к заключению, что Россия нуждалась в те времена в национальной философии. Этот вопрос являлся кардинальным для Хиждеу. Он считал, что до Сковороды русская мысль не успела подняться выше фазы ассимилирования некоторых идей, вывезенных с Запада. Вот почему развитие национальной философии он считал « Задачей нашего времени », то есть, единственной задачей, которую должна была разрешить Россия в начале XIX столетия, чтобы создать собственную философию.

★

Как видно, речь идет у Хиждеу не о философской деятельности в прямом смысле слова, а скорей о попытках объяснить некоторые аспекты мышления украинского философа Сковороды.

Мы лишь в общих чертах, в докладе, затронули некоторые проблемы, поставленные Ал. Хиждеу. Более полно они освещены в большой работе, сданной в печать.

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РУМЫНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Зарождение, утверждение и развитие социалистического реализма в румынской литературе — сложный процесс определившийся в своей конкретности под влиянием различных факторов. С одной стороны, мы должны учитывать объективные условия породившие новое направление искусства в мировом масштабе, а с другой специфические явления характеризующие румынскую литературу 19-го века и в первой половине 20-го века. Во всей своей совокупности проблема представляет интерес с различных точек зрения: во первых, как частный, конкретный пример гораздо более широкого процесса и притом пример содержащий не мало ценных и любопытных фактов и аспектов, весьма важных для столь необходимых в наше время обобщающих работ; во вторых в виду еще более глубокого исследования национальных особенностей румынской литературы, т.к. даёт возможность выявления этих особенностей в период когда литература призвана разрешать совершенно новые и весьма трудные задачи. Но, какого бы интереса не представляло исследование проблемы с вышеуказанных точек зрения, в настоящей работе мы ставим перед собой задачу проанализировать лишь ее аспект, а именно: влияние русской советской литературы на процесс становления социалистического реализма в румынской литературе. Такого рода исследование, кроме своей непосредственной пользы для выяснения румыно-советских литературных связей, могло бы, по нашему мнению, иметь и более широкое значение. Утверждая это, мы исходим из того положения, что между конкретным процессом становления и развития социалистического реализма в Советском Союзе, с одной стороны, и тождественным процессом в любой из стран, ставших позже на путь социализма (мы имеем в виду страны народной демократии), с другой стороны — не может не быть существенных различий, Одно из них вытекает из того факта, что любая из вышеуказанных лите-

ратур (румынская например) не могла не использовать в разрешении новых задач опыта советской литературы. Тот факт, что писатели стран народных демократий взялись за разработку новых тем, соответствующих эпохе социализма, в момент когда в С.С.С.Р. уже сформировалось художественное явление, называемое *социалистическим реализмом*, и была уже выработана, в известной мере, теория нового творческого метода, не мог не повлиять на их искания. Конкретное изучение этих влияний полезно, по нашему мнению, также для дальнейшей разработки теории социалистического реализма и для понимания теперешнего этапа его развития.

Под социалистическим реализмом мы будем подразумевать то широкое художественное и литературное движение, которое возникло в человеческом обществе в эпоху структурального кризиса капитализма (империалистическая фаза) т.е. тогда когда началась и эпоха пролетарских революций.

Возникновение новых исторических задач (революционное низвержение капитализма и его замена социалистической системой), в выполнении которых движущую и ведущую роль должен был сыграть пролетариат, не могло не привести, и действительно привело, к большому оживлению идеологической борьбы, в ходе которой и благодаря которой человечество осознало эти свои новые задачи. Важной стороной процесса было (и является и теперь) стремление к утверждению нового эстетического идеала, а именно того идеала, благодаря которому новые исторические задачи предстали бы перед людьми и как реабилитация человеческой красоты, осквернённой при капитализме, и как путь к возрождению человека — и человеческого рода и человеческой личности, как единственная форма борьбы за раскрепощение творческих сил человека, путем организации новых социальных отношений, внутри которых ничего не противодействовало бы полному проявлению созидательных сил человечества и всех, свойственных только человеку, способностей. Под понятием «социалистический реализм» мы будем подразумевать таким образом тот творческий метод, который зародился, вырос и утвердился в рамках художественного развития человечества, как качественно новая форма творчества, вытекающая из стремления утвердить новые социальные, экономические и политические идеалы (социализм), как новые эстетические идеалы, как новую систему представлений о красоте. Исходя из этого понимания социалистического реализма, мы сможем найти в процессе развития румынской литературы первые признаки новой ориентации, качественно отличающейся от всего предыдущего, еще в конце 19-го и в начале 20-го века. Явление это частично связано с появлением журнала «Контемпоранул» и с влиянием, которое начала оказывать рабочая печать на культурную жизнь страны. Но в особенности оно определяется органическим развитием реализма того периода. Достигнув апогея своей критической фазы, в семидесятых и восьмидесятых годах прошлого столетия, реалистическое творчество как бы искало новых направлений. Несмотря на разнокачественный и часто идеологически

туманный характер этих исканий, их все же связывает общая черта: их утверждающий характер, факт отмеченный и акад. Дж. Калинеску в его труде «История румынской литературы», в связи с появлением журнала «Ватра» издаваемым И. Славичем, И. Л. Караджале и Дж. Кошбуком, когда, «в первый раз после «Жунимя» — группа писателей сформулировала определенно новое направление¹».

В кратце можно сказать, что к концу 19-го столетия и в особенности в начале 20-го столетия, как отголосок обострения классовой борьбы (рост рабочего класса и стихийные крестьянские восстания, кульминирующие восстанием 1907 г., потопленным в крови 11.000 крестьян, расстрелянных буржуазно-помещичьей коалицией), литература уже не ограничивается разоблачающим изображением отрицательных, уродливых сторон буржуазного общества, а стремится с одной стороны рисовать картины из жизни «обездоленных», картины, в которых страдания «низших» слоёв населения были бы как можно более рельефно подчеркнуты, а с другой — к отражению мучительных попыток найти ответ на злободневные вопросы времени: где причина социальной несправедливости? Больше того: появляются даже попытки искать выхода из создавшегося положения. Все эти новые веяния проникли и в творчество классиков румынской литературы. В новых повестях как «Пасхальная свеча», «Грех» и др. Караджале переходит от саркастического высмеивания буржуазии и мещанства к изображению человеческих страданий. Он пишет даже такой рассказ, как «Румынский арендатор». Ион Славич откликается на новые вопросы рассказами «Клад», «Лесовичка» и др. Влэхуца описывает почти исключительно мрачную судьбу «обездоленных». Кошбук доходит до революционного пафоса в своём известном стихотворении «Мы хотим земли!». В то же время, новые стремления выражает более ясно литературное течение создавшееся вокруг журнала «Контемпоранул». Деятельность этого журнала вошла в историю румынской литературы главным образом её критическим отделом благодаря уничтожающим полемическим статьям Доброжану—Геря и других сотрудников направленных против метафизической эстетики и критики Титу Майореску и его последователей. Менее значительная с точки зрения её художественной ценности, и литературная школа «Контемпоранул—а» также сыграла свою роль, явившись эхом новых стремлений времени. Николае Белдичану, Константин Милле, София Надежде, Пауль Бужор, Ион Пэун Пинчо и др. настойчиво развивали литературу протеста, возрождая таким образом традицию поколения 1848 г., столь славно продолженную великим национальным поэтом румынского народа — Михаилом Эминеску.

Вышеуказанные факты наглядно говорят о новом моменте в развитии румынского реализма и не случайно именно этот период совпадает с быстрым,

¹ G. Călinescu, *Istoria literaturii române de la origini pînă în prezent*, Бухарест, 1941 г., стр. 516.

почти внезапным ростом интереса к русской литературе. За последние два десятилетия прошлого столетия румынская литература обогащается переводами из Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Чернышевского, Достоевского, Короленко, Гаршина, Шевченко. О русских писателях пишутся статьи и комментарии². Не может быть сомнения в том, что в известной степени румынские писатели и читатели опознавали в русской, столь насыщенной социальной проблематикой литературе, собственные стремления и искания. Это явление («открытие» русской литературы и ее близость к новым стремлениям румынских писателей) было описано, правда позднее, но весьма убедительно, Михаилом Садовяну:

«С тех пор как я начал, будучи в старших классах гимназии³, своё литературное ученичество, — пишет Садовяну в 1948 г. — я чувствовал, что творческая сила дается мне горячей любовью к румынскому пейзажу и к моему народу, но не в духе узкого шовинизма, любящего все своё только за то, что это своё и ненавидящем все чужое только потому, что это чужое. Именно потому я почувствовал себя столь связанным с русскими писателями. Их патриотизм означал пламенное желание бороться за осуществление человеческих идеалов. Счастье для них отождествлялось со счастьем народа, а врата счастья для большого народа не могли открыться иначе как путем устранения эксплуататорского меньшинства»⁴.

Нас не должен смущать тот факт, что в румынской литературе положительные стремления, ведущие к превосхождению реализма исключительно критического, были отчасти переплетены с такими идеологически — диверсионистскими течениями как «семэнэторизм», «попоранизм» и др. Нельзя упускать из виду, что этим течениям удалось притянуть некоторых писателей только благодаря тому, что они спекулировали своим интересом к деревенской жизни, к исканиям путей для улучшения участи крестьян. С другой стороны несмотря на их явно диверсионный и реакционный характер, упомянутые течения исказили лишь в очень небольшой степени литературное творчество как таковое.

Ценным в литературе начала 20-го века было то, что она оставалась в основном реалистической. Идеологическая жизнь того времени в Румынии была смутной, рабочее движение лишь только нарождалось и к сожалению его еще не возглавляли последовательно революционеры марксисты, оно не сумело воспротивиться проникновению в свое руководство оппортунисти-

---

² См. например труды Геря о Тургеневе, Достоевском, Шевченко. Критические исследования в пяти томах, II-ой и IV том, или же недавнее издание в двух томах, Бухарест, 1956 г. Том II-ой.

³ Садовяну родился в 1880 г. Воспоминание относится таким образом именно к периоду, о котором идет речь.

⁴ Mihail Sadoveanu, *Evocări*, Издательство литературы и искусства, Бухарест, 1954 г., стр. 191

ческих элементов. С другой стороны, среди интеллигенции крестьянского происхождения естественно укоренялись народнические иллюзии. Становится понятно в свете вышесказанного почему во всех своих исканиях румынский реализм не мог под няться в начале столетия до открытия эстетического идеала, соответствующего новой исторической перспективе. Но искания этого эстетического идеала проявлялись все же более или менее сильными вспышками в особенности у писателей связанных с рабочим движением. Среди них нужно упомянуть Виктора Крэсеску, Траяна Деметреску и в особенности Д. Т. Некулуцэ.

Так, например, глубоким гуманизмом, тёплой симпатией к тяжелой участи людей из народа проникнут рассказ «Спирка» Виктора Крэсеску, где впервые в румынской литературе, выведена фигура вождя недовольных, организатора масс. Герой этого рассказа еще не революционер, но это уже человек преисполненный новыми заботами, напрягающий все свои человеческие способности, проявляющий себя как сильная личность, главным образом в борьбе за общие интересы, против эксплуататоров. Черты такого героя заметны и в лирических стихотворениях Траяна Думитреску или Д. Т. Некулуцэ. В особенности последний с пафосом отвергает пессимистически настроения, довольно распространенные в румынском рабочем движении после «измены» 1899 г. когда интеллигенты, находившиеся во главе Социал-демократической партии румынских рабочих, покинули её, для того, чтобы якобы обрзовать, «великодушное» крыло либеральной партии. Обращаясь к «пессимисту», Некулуцэ убеждает его оставить жалобы, вытереть «горячую слезу», прскратить рыдания, бежать от трусости и «шагать вперед каким бы тяжелым не был путь». В своём программном стихотворении, давшем название всему тому стихов («К берегу правды») поэт выражает уверенность, что «подняв своих детей храбрых как титаны», против палачей, а врагов заставив взвыть как «зверь в которого воткнут нож» и «проклиная свои года», «мир» сможет достигнуть «не оращенных слезами новых берегов, где святая правда ждет его уже столетиями». Представление о будущем как о времени, когда «будут разбиты скипетры, гербы и троны» имеет у Некулуцэ революционное содержание, которое мы можем найти и в других его стихотворениях, как «Хор рабов», «Момент восстания», «Герои» и др⁵. Поэзия Д. Т. Некулуцэ — эпигонская поэзия, лишённая подлинной оригинальности выражения; поэт — рабочий, не имеющий многосторонней культурной подготовки, не мог освободиться от влияния своих великих предшественников Эминеску и Кошбука⁶. Но в то же время его поэзия —

---

⁵ Самый полный сборник стихов Д. Т. Некулуцэ недавно издан Гос. Издательством литературы и искусства (Бухарест 1954 г.) под редакцией поэта Миху Драгомир.

⁶ С этой точки зрения можно провести интересную параллель между творчеством Некулуцэ и других румынских поэтов-рабочих начала 20-го столетия и творчеством таких русских пролетарских поэтов как Шкулёв, Савин, Нечаев, Гаврилов, Радин, Богданов и др.

это совершенно новая поэзия, ибо в ней чувствуется уверенность поэта в окончательной победе революционной борьбы пролетариата.

Именно эта уверенность характеризует поэзию Некулуцэ, как литературное явление, в котором можно заметить первые признаки той эстетической ориентации, которая позже перейдет в метод социалистического реализма. Эстетический идеал Некулуцэ—это не только разоблачение пороков капиталистического мира, но и вера в борьбу за социальные преобразования.

Явственно, что, изучая генезис социалистического реализма в румынской литературе, его истоки нужно искать, с одной стороны в новых чертах реалистического творчества, а с другой — в появлении первых художественных произведений непосредственно связанных с рабочим движением. В связи с этим не лишне добавить, что именно в рамках этого нового литературного движения дебютировал в девяностых годах прошлого века и поэт Александру Тома, ставший позже одним из блестящих представителей реалистическо-социалистической поэзии в Румынской Народной Республике.

Развитие румынской литературы в конце 19-го столетия и в начале 20-го столетия представляется нам, таким образом, как период брожения и исканий, как период, когда все сильнее чувствуется в литературной жизни недовольство известными до сих пор эстетическими идеалами и способами их проявления, а также, хотя и не ясное, но все возрастающее стремление к утверждению новых идеалов, способных приблизить литературу к народу и дать ей возможность выражать более точно и ясно народные стремления. Именно в атмосфере этих брожений и исканий румынские писатели и читатели слышали мощный голос Максима Горького.

Первые переводы Максима Горького в Румынии появились в 1901 г. в «Ревиста Модернэ» от 5-го и 12 августа, 23-го сентября и 16 декабря. Это рассказы: «Болесь», «Песня о Соколе», «Макар Чудра» и «Однажды осенью»⁷.

Интерес вызванный произведениями великого писателя был огромным. Только за 15 лет (1901—1916 гг.) вышли отдельными изданиями (кроме переводов опубликованных в газетах и журналах) 31 произведение Горького и 6 сборников рассказов. Наиболее частые переводы: «Песня о Соколе», «Старуха Изергиль», «Болесь», «Макар Чудра», «В степи», «Перед лицом жизни», «Однажды осенью», а из более крупных произведений: «Коновалов».

В 1910 г. т.е. всего лишь через четыре года после появления на русском языке, выходит румынский перевод романа «Мать».

---

⁷ Самая полная библиография переводов Горького, имеется в работе Д. Копилу «Горький и Маяковский в Румынии»; работе еще не опубликованной, но знакомой нам благодаря любезности автора. Мы также использовали статью Джекo Щербан «Горький Маяковский, Эренбург... и их первые послания у нас» «Viața Românească», Бухарест, № 10, 1956 г.

Дважды выходят пьесы «На дне» и «Мещане» (под заглавием «Выскочки»). Несомненно, что этот интерес к творчеству Горького может быть поставлен в связь с поиском новых эстетических путей, охватившим румынскую литературную жизнь того времени. Горький предстал перед лицом румынского общественного мнения во первых как правдаискатель, как революционный трибун и в то же время как великий человеколюбец, как писатель, ожесточенно борющийся за литературу высокого общественного долга, за подчинение человеческого творчества новым великим революционным целям самим человечеством открытых. Так характеризует знакомство румын с Горьким и Садовяну:

«В годы моей молодости бурно вошел в европейскую литературу Максим Горький. Его произведения были переведены на все языки. В начале нового века появились и у нас многочисленные переводы в газетах и журналах. Мир, находящийся вне границ России, мог узнать лучшие через Горького беспокойную душу русского народа, мучимую вопросами о смысле жизни; мог предчувствовать в героях Горького бурление человеческого океана, простирающегося от границ Европы вплоть до полярного круга и сибирской глуши, бурление непобедимых волн, не могущих не разорвать все плотины.⁸⁾

Оценка Садовяну может быть подтверждена многочисленными фактами и документами. Не случайно, кружок «Ромыния мунчитоаре» приступая в 1902 г. к изданию газеты с тем же названием, включает в первый номер известный символический программный рассказ Горького «Лицом к жизни», рассказ, ранее распространяемый как манифест рабочего движения в России. В 1905 г., когда эта же рабочая организация издаёт в знак протеста против царских зверств в России специальный номер газеты под заголовком «Жос деспотизмул» (Долой деспотизм), рассказ «Лицом к жизни» перепечатывается рядом с «Песней о буреветнике». Арест Горького в 1905 г. вызывает мощные протесты не только со стороны рабочего движения, но и широких кругов интеллигенции. Волнение в общественных кругах достигло апогея в связи с чествованием Горького в Ясском Национальном Театре. Ярko отражается это настроение в возвании ясской интеллигенции, требующей освобождения Горького из тюрьмы «которая его убьет». В возвании подчеркивается, что Горький «это писатель, который делает честь человечеству: он принадлежит не только России, а человечеству: он является одним из великих интеллигентов мира. Он — слава которой гордится всё человечество. Таким образом он принадлежит всем нам». Эти слова, удивительно перекликающиеся с гневным кличем Анатоля Франса («Дело Горького — наше общее дело. Такой талант как талант Горького принадлежит всему миру. Весь мир заинтересован в его освобождении») убедительно указывают в

---

⁸ M. Sadoveanu, *там же*, стр. 192—193.

какой степени горьковские призывы проникли, всего лишь за несколько лет, в сознание румынского общественного мнения.

О существовании явной близости между творчеством Горького и новыми требованиями, на которые старается ответить передовая румынская литература соответствующего времени, говорит и выбор для перевода или романтических новелл или же тех рассказов Горького из жизни бродяг, в которых симпатия автора к судьбе обездоленных тесно сплетается с восхвалением человечности, пробивающейся как светлый луч даже сквозь мрачное, лишённое всякой перспективы, существование опустившихся людей («Болесь», «Однажды осенью», «Коновалов» и др.) Публикуя легенду о Данко, и представляя ее читателям как одну из трёх «молдавских повестей» рассказанных старухой Изергиль, журнал «Лучафэрул»⁹ указывает что эту легенду можно считать «очень подходящей аллегорией, в особенности для румын». Тем же духом проникнуты и комментарии появившиеся в печати в связи с первым представлением пьесы «На дне» на сцене яесского национального театра. В этой пьесе — писал публицист Н. Бырсан в журнале «Фамилия» (Семья) — «о чем бы ни шла речь, поднимаются глубоко философские вопросы, раскрываются самые сокровенные душевные тайны, вскрывается множество грехов, скрытых за социальными занавесками... Пьеса эта разрывает душу!»¹⁰ Такого рода оценку творчества Горького можно встретить и позже, уже в период между двумя мировыми войнами, в особенности в публикациях, связанных с рабочим движением.

«Все надежды и все чаяния большинства людей,—пишет Яесский журнал «Ну» (Нет) в своем номере от 19-го октября 1932 г.,—заключены в отрывках наивной философии «ночлежного дома» (из пьесы «На дне»). В ее темных углах мерцает огонь, едва светящейся лампады всех святых идеалов братства, правды и равенства лампады, давно потухшей в роскошных салонах хозяев жизни. Атмосферой сердечной общности с этим страданием веет от всего творчества Горького. Его большая и широкая душа поглощает мировую скорбь и разливается потоками симпатии к этому бедному люду... Но одновременно с чувством глубокого соболезнования и безграничной жалости, сильнейшая волна возмущения и ненависти поднимается в душе писателя. Эта ненависть к тираническому социальному строю, привела его в ряды пролетариата, в ряды класса, который, борясь за свое освобождение, борется и за освобождение всего человечества, за упразднение нищеты, за лучшую и справедливую жизнь, одинаково полезную всем людям»¹¹.

Взывом теплой симпатии к борьбе писателя влияние горьковского творчества распространилось и на литературное творчество как таковое. В особенности в форме всё возрастающего интереса к судьбе «обез-

⁹ Будапешт, 15 апреля 1905 г.

¹⁰ «Familia», Бухарест, 10 июня 1904 г.

¹¹ «Nu», Яессы, № 3 от 19 октября 1932 г.

доленных». Конечно последние не могли появиться в румынской литературе одетыми в босяцкие лохмотья; в то время как в России, благодаря быстрому развитию капитализма, бродяжничество приняло массовый характер (в годы соответствующие дебюту Горького), в Румынии положение было другим — самые яркие проявления нищеты наблюдались в деревне в рамках процесса обнищания крестьянства, процесса, охватившего и некоторых бывших «хозяев», которые теперь либо уходили в город в поисках работы, либо бродили из местечка в местечко, либо просто доходили до «отчаянных» поступков. Такого рода случаи можно найти в некоторых произведениях Садовяну («Ион Урсу» «Тень», «По пути в Хэрлэу», «Бордесени» и др.), Гала Галактион, Спиридона Попеску и др. Если в связи с этими писателями можно говорить лишь об относительной тематической общности с некоторыми сторонами горьковского творчества, общности определяемой в частности всей атмосферой того времени, на других писателей, может быть менее значительных, но очень популярных в данную эпоху, влияние Горького чувствуется уже как довольно сильное непосредственное воздействие.

Справедливо указывает писатель и критик Дж. Кэлинеску на горьковские элементы в творчестве таких писателей, как И. К. Виссарион, Карол Арделяну, или Аурелиу Косма¹²).

Другую сторону горьковского влияния на литературную жизнь Румынии того времени можно проследить во все возрастающей страстности левой печати. В связи с этим закономерно упомянуть, во первых, журнал «Факла», издаваемый писателем Н. Д. Коча, ставшим позже в Москве свидетелем событий 1917 года и описавшим их по возвращении на родину в прекрасных воспоминаниях, включающих, между прочим, и один из первых в мировой литературе портретов Ленина. Выйдя в свет в 1910 г., в третью годовщину жестокого подавления восстания 1907 г., и насчитывая среди своих сотрудников Гала Галактиона, Тудора Аргези, художника Изера, «Факле» удалось вскоре занять видное место в общественной и литературной жизни, в особенности благодаря действительно горьковской страстности с которой она разоблачала беззакония, произвол, злоупотребления, коррупцию и лицемерие буржуазно-помещичьего строя. «Факла» стала действительно, так как обязывалась с первого номера «пламенем непобедимого идеала культуры и социальной справедливости», призванным «встряхнуть все энергии, пробудить все сознания, сжечь гниль, давящую на политическую, культурную и общественную жизнь этой страны». Особенной популярностью пользовались антимонархические выступления «Факлы». Обладая бурным темпераментом, большим литературным талантом, богатым воображением, непримиримостью и решительностью Н. Д. Коча удалось сделать из журнала

¹² G. Călinescu, *цит. труд*, стр. 644, 690 и 704.

возглавляемого им трибуну имеющую право считать себя достойным наследником и продолжителем дела традиции « Контемпоранул—а » и других органов революционной печати, появившейся на грани двух веков.

Таким образом, если мы допустим на основании всего вышеуказанного, что первые элементы новой литературы, пытавшейся утвердить эстетический идеал социализма, появились в румынской литературе, в конце 19-го столетия и в начале 20-го столетия как еще очень хрупкие побеги общего развития реализма, естественно допустить, что в этом еще зачаточном процессе проникновение творчества Горького сыграло роль положительного катализатора действие которого было облегчено все возрастающим интересом румынских писателей к русской литературе, интересом, начавшим проявляться еще на несколько десятилетий раньше.

Второй важный момент в процессе становления социалистического реализма в румынской литературе, — это 1918—1922 годы, вошедшие в историю румынского народа как период мощного революционного подъема.

Классовая борьба того времени характеризуется и героически — трагическими эпизодами (избиение рабочих демонстрации в Бухаресте у Национального театра, 13 декабря 1918 г.), моментами общего подъема (всеобщая забастовка 1920 г.), но и временной дезориентацией (после измены делу забастовки оппортунистским руководством). В общем, этот период завершился обогащением революционным опытом, что имело потом громадное историческое значение. В поисках правильного пути своей борьбы рабочий класс Румынии нашёл его в конечном итоге, что подтверждается главным образом созданием Румынской Коммунистической Партии 8-го Мая 1921 г. « Создание Коммунистической Партии Румынии, — указывает Георге Георгиу-Деж в своём докладе « 30 лет борьбы партии », — было исторической победой ленинизма над реформизмом и оппортунизмом в рабочем движении Румынии »¹³.

Не вызывает сомнений, что революционная борьба 1918—1922 гг. в Румынии поднялась под влиянием Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Гигантский взрыв « десяти дней, потрясших мир » произошел возле самой Румынии, и нетрудно себе представить каким сильным было эхо здесь, если оно докатился и до Полинезии и до Южной Африки. Более того, присутствие русских войск на румынском фронте в 1917 г. дает нам право утверждать, что небольшая частица Русской Революции произошла на Румынской земле. Вот почему интерес к русской революции, а отсюда и ко всему русскому, сразу возрастает. Между прочим отношение к русской революции делается и продолжает оставаться долгое время важной стороной классовой борьбы. Известно, что Румыния состояла в коалиции 14-ти империалисти-

---

¹³ G. G h e o r g h i u - D e j, *Articole și cuvîntări*, Издание IV-ое, Гос. и здат. лит. литературы — Бухарест 1955, стр. 368.

ческих держав и захватила даже (продержав незаконно в своём владении 22 года) часть советской территории. На это преступное действие, рабочий класс, революционное движение, ответили хорошо известным лозунгом: руки прочь от Советской России! Вокруг этого лозунга сплотились сотни тысяч людей. Важную роль играли и группы «социалистов максималистов»¹⁴ ставшие позже «коммунистическими группами» внутри социалистической партии. Их агитационная и организаторская работа привела в конце концов к победе 1921 г., когда Съезд Социалистической Партии проголосовал присоединение к III-ему Интернационалу.

В защиту Советской России и пролетарской революции подняли свой голос и многие писатели. Их позиция, если не смогла привести к какому-либо изменению правительственной политики, все же в значительной мере помогла возникновению того широкого народного движения против антисоветской войны, с которым правительство не могло не считаться. Вклад писателей был существенным в особенности в деле разоблачения клеветнической кампании против молодого советского государства на страницах большинства буржуазных газет. С иронией изобличает перед общественным мнением эту систематическую клевету поэт Адриан Маниу:

«Вот уже два года как ложь стала официальной информацией о большевизме. Вот уже два года прошло с тех пор, как в румынской стране бояре вооружили до зубов тех, кому они говорят что их патристическая обязанность состоит в том, чтобы защищать их, бояр. Два года, как правда стала государственной опасностью, за которую тебя лишают мысли или жизни.

Два года, дважды 365 ночей. давящих на свет. Два года, как люди избегают, как чумы, думать¹⁵.

Такого рода высказывания часты, в особенности в социалистической печати. В газете «Яшул Сочиалист»¹⁶ перепечатывается в переводе статья Ромэн Ролана «Свободной и освободительной России»; газета «Сочиализмул» (II июня 1919 г.) в передовой статье, под заглавием «Большевизм и деятели науки и искусства», разоблачает ложь о так называемой войне советской власти против культуры, «о которой кричит буржуазная печать». В том же духе, в «Кемаря» Н. Д. Коча говорит, что «пришел конец легенде о варварах — большевиках, истребителях культуры... Сегодня в России работает 16 университетов вместо шести, и большинство их открыто по инициативе местных советов, как например в Астрахани, Нижнем, Костроме, Тамбове и в Смоленске»¹⁷.

Симпатия к делу русской революции вызвала новую вспышку интереса к русской литературе, в особенности, к революционной. Имя Горького стано-

¹⁴ Так переводилось тогда в румынской печати слово «большевик».

¹⁵ Adrian Maniu, *Revoluția blestemată*, «Facla», 1919 г. от 7 ноября, стр. 1.

¹⁶ № 14 от 29 февраля 1920 г. стр. 2-ая

¹⁷ «Chemarea», 2-ой год № 2 от 27 июля 1919 года.

вится вновь одним из популярнейших литературных имён. Многочисленные примеры указывают на масштабы этого многозначительного явления.

Еще в 1918 г., появляется в газете «Социализм» статья, в которой с легко понимаемой радостью объявляется, что великий писатель «не стоит на стороне исчезающего мира, а на стороне крови великодушно пролитой за новую Россию, на стороне революции, семена которой он сеял с таким воодушевлением и усердием и до победы которой он дожил.»¹⁸

Другие интересные статьи находим в «Яшул социалист» в отделе «Фигуры революционеров»¹⁹, в «Трибуна социалиста» (Сибиу)²⁰, в «Пятра социалиста» поместившей краткие данные о писателе и отрывок из романа «Мать»²¹. Такие отрывки появляются и во многих других публикациях, причём предпочтение дается отрывку с речью Павла Власова на суде. Новые переводы следуют один за другим. Только за 1919 г. появляются «Мое детство» («Детство») в переводе Лауры Надежде, «Коновалов», «Двадцать шесть и одна» и «Песня о Соколе», «Поэмы и рассказы»: «Часы», «Песнь буреви́стника», «Перед лицом жизни», «Забастовка в Неаполе». В 1921 г. — «На дне» (переиздание), «Отбросы общества» («Бывшие люди») в переводе Н. Рэдулеску — Ниджер. В 1922 — «Среди чужих» («В людях»), «Новый год бродяги» «Бурная ночь», «Двадцать шесть и одна», «Моральный кризис», «На берегах Италии» («Итальянские сказки»), в переводе Иона Пас, в 1924 г. — Нищенка (рассказы Болесь, Герой, Часы, Хан и его сын и др.) и наконец в 1925 г. — новое издание романа «Мать» в переводе писателя Иона Пас'а.

Также симпатией к русской литературе нужно объяснить внезапный интерес к Александру Блоку. Почти неизвестный в Румынии до 1917 г., после появления «Двенадцати» и «Скифов», Александр Блок становится одним из писателей, о котором говорить больше всего. Хотя полные переводы его двух послереволюционных произведений появляются позже, но уже в 1922 г. в журнале буржуазного направления «Адевэрул литерар ши артистик» в двух последующих номерах публикуется их развернутый анализ за подписью И. Дусчиан. Румынский автор воспроизводит «толкование» этих поэм, сделанное русским критиком Ивановым Разумником²². Хотя и считает своим долгом подчёркивать на каждом шагу разного рода «оговорки» по отношению к большевицкому режиму, хотя и не воздерживается от повторения выдохшейся клеветы по адресу Советского Союза, румынский автор вынужден все же согласиться с Ивановым Разумником, который

¹⁸ «Socialismul», XIII-ый год № 4 — 19 ноября 1918 г.

¹⁹ «Iaşul socialist», III-ый год № 16—23 сент. 1920 г.

²⁰ «Tribuna socialistă», XV-ый год № 51 от 16 окт. 1919 г.

²¹ «Ibidem», XV-ый год № 51 от 16 окт. 1919 г.

²² «Adevărul literar şi artistic», Бухарест, III-ая серия, III-ый год, № 93 и 94 от 10 и 17 сентября.

видит в «Двенадцати» «глубокую революцию нашего времени... эхо русской революции, которая (несмотря конечно на «хаос», «террор» и т.д.) «оставит потомству нечто святое и чистое — вссть освобождения человека».

В общем интерпретация поэм Блока правильная, местами даже восторженная. Конечно И. Дусчиан пренебрегает собственными политическими убеждениями, когда, говоря о «Скифах» подчеркивает идею Блока о том что (так толкует поэму Дусчиан) этот «скифизм» открывает «путь полного освобождения человека, что не удалось сделать христианству». Эта идея, — заключает румынский автор, — «отстранив всякие другие соображения, конечно победит и несомненно что русская революция отметит важный этап на длинном пути завоевания свободы, также как и поэмы Блока, которые останутся выражением возмущения человека, видящего как погибает свобода, не понятая его окружающими».

Интерес к русской революционной литературе в период 1917 — 1923 гг. совпадает в румынской литературе с явлением сильного сближения литературы с борьбой рабочего класса, со стремлением поощрять литературу, идеалы которой черпались бы из борьбы за социалистическую революцию. К этой позиции примыкают и несколько видных писателей. Гала Галактион выражает уверенность, что «мы увидим как из рядов самых молодых вырастет и окрепнет многожданный революционный певец»²³ а в статье «Воззвание Ромэн Роллана» он советует своим коллегам по ремеслу последовать призыву великого французского писателя и защищать «свободную и освобождающую Россию»²⁴.

Трансильванский поэт Эмиль Исак, обращаясь к своим собратьям восклицает: «Приходите скорей к источнику социализма, ибо в нем будущее»²⁵.

Литература, откликнувшаяся на эти призывы, была довольно богата и многосторонняя, но она не могла, всего лишь за несколько лет, перерости художественные недостатки, присущие периоду первоискательства. Полная пафоса, благородства, подъёма, она все же, несовершенна страдает отсутствием самобытности, как и творчество предшественников начала столетия. Все же новые черты заслуживают упоминания даже если они не оставили глубоких следов в истории румынской литературы в общем. Так, в социалистических газетах и журналах периода 1917—1923 гг. печатается много рассказов, в которых на первом плане выступает фигура борца, человека, посвятившего свою жизнь революционной борьбе. Понятно почему борец этот иногда русский по национальности. В особенности часто встречается

---

²³ Gala Galaction, *Poet și proletar*, «Chemarea», год IV-ой № 82 от 7 июля 1919 г.

²⁴ Gala Galaction, *Manifestul lui Romain Rolland*, «Chemarea», год IV-ый № 89 от 1-го июля 1919 г.

²⁵ Emil Isac, *Literații și socialismul*, «Socialismul», год IX № 112 от 18 июня 1919 г.

«фигура «потёмкинца»²⁶ как символ единства борьбы и устремлений двух народов. «Потемкинец» или живет в воспоминаниях других героев, как например в рассказе «Иван» из журнала «Социализм»²⁷ или же выходит непосредственно на сцену, — румынский герой встречаясь с другом потёмкинцем в бурные дни 1917 года. Многочисленны и рассказы, в которых главный герой — это румынский революционер, или изображенный в действии, или предопределяющий его. К этой категории произведений можно причислить например рассказ «В больнице» Иона Пас²⁸, рассказ, в центре которого находится светлая фигура молодой революционерки жертвующей собой и поступающей в больницу в качестве сестры милосердия для того чтобы ухаживать за умирающим товарищем; ее арестовывают сразу же после его смерти. Между прочим, мотив страданий, которые сеет везде буржуазный террор, мы встречаем и в других рассказах как «Отдайте мне моего ребенка», где мать проклиная тех кто держит в оковах её единственного сына и «Горе» — страница о печальной доле детей оставшихся сиротами из-за ареста обоих родителей²⁹.

В том же, немного наивном, немного сентиментальном, духе проявляя большую неопытность в использовании специфических средств выражения создается и революционная поэзия того времени. Она не оставила произведений, достойных быть включенными в антологии издаваемые теперь в Румынской Народной Республике, но в свое время очень читалась, поддерживая пламя и продвигая вперед уже сложившуюся традицию. В этом смысле она безусловно сыграла положительную роль в развитии румынской литературы. В этом же смысле нужно отметить и неоспоримое влияние русских революционных песен на авторов упомянутых поэтических произведений.

Но 1917—1923 годы оставили в истории литературы и время-переживающие произведения принадлежащие опытным писателям. В коллекции журнала «Тинеретул Социалист» можно найти цикл рассказов Гала Галактион'амногозначительно названный «Мимолетные силуэты» В коротких зарисовках писатель отмечает тяжёлую жизнь детей рабочих, а также опасные явления морального разложения среди учеников, нищете пригородов, способствующую развитию воровства и попрошайничества. «Разделите иначе блага земли, — восклицает с гневом Гала Галактион, — упраздните фабричное рабство, убейте тысячеглавого змия капитализма — человекопожирателя и сегодняшние душераздирающие силуэты детей засыпающих во время ниществования и торгашества, не будут впредь маячить перед глазами» полными слез.

²⁶ Так были прозваны в Румынии матросы с «Потёмкина» получившие здесь политическое убежище после прихода судна в Констанцу.

²⁷ V a s e a, *Ivan*, рассказ «Socialismul», Бухарест, XIII год, № 14 от 1 декабря 1918 г.

²⁸ I o n P a s, *In spital*, «Socialismul», IX-ый год № 81 от 10 мая 1919 г.

²⁹ Оба рассказа напечатаны без подписи в «Tineretul socialist», в 1922 г.

Приблизительно в то же время (в 1919 году) молодой (тогда) поэт А. Ал. Филиппиде помещает в «Însemnări literare» — «Песню одинокого» призывающую всех кто «требует от солнца долгой жизни, не верить в старые идеалы, потому что для новой жизни возмущений нужно новое солнце, — другое солнце». Широко пользуясь космическими образами (солнце, небо, молнии и т.д.), очень часто встречающиеся в поэзии социального характера, поэт предвидит время, когда восставшие будут стоять «улыбающиеся» со «лбом как свод восстания», одетые в отрепья старого разодраного неба и с душами ошьянёнными звоном колоколов призывающих к борьбе³⁰. Хотя символика произведения туманна, поэт передаёт всё же состояние напряжённого ожидания решающих событий, характерное для моментов революционного подъема.

Но несомненно что самые лучшие, воистину антологические страницы революционной литературы периода 1917—1923 годов, это те, в которых Н. Д. Коча дает один из первых в мировой литературе художественных портретов Ленина. Описав бурное заседание съезда советов в ночь революции («зал кипел возгласами, шумом, ненавистью и мстью») автор продолжает:

«Но вдруг настала мёртвая тишина. Все взгляды, словно загнипнотизированные уставились в одну точку. Среднего возраста, небольшого роста, лысый, аккуратно одетый человек, с пачкой бумаг подмышкой, продвигался мелкими шагами к трибуне. Спокойно положил бумаги на стол, разделил их, несколько минут перелистывал, затем бросил на толпу короткий, острый взгляд, в котором как будто искрилась скрытая улыбка и начал читать.

Читал твёрдым, монотонным голосом, как университетскую лекцию, ни вздрогнув ни одним мускулом лица, на котором нельзя было прочесть ни одного из страшных треволнений этого дня, читал грозные декреты, которые превозглашали в первый раз в мире экономическое и политическое равенство между людьми, которые отбирали безвозмездно землю у собственников, социализировали промышленность, дома, капиталы, всё, не оставляя камня на камне из всех устоев прошлого. Ни одного аплодисмента, ни одного одобрения, никаких дебатов, никаких возражений. Только руки, которые поднимались вверх, после каждой статьи, голосуя с быстротой молнии за основные законы самой глубокой социальной революции.

Час и 35 минут, по часам, продолжалось чтение.

А когда дошла очередь до последней статьи, той, которая увенчивала в одной фразе все дело мира и социализма великой революционной ночи, Ленин отбрасывая смешанные листы, поднял сам руку вверх, проголосовал, и опустил затем свою открытую, тяжёлую, массивную ладонь, как нож гильотины, на все привилегии прошлого»³¹.

³⁰ А. Ал. Filipide, *Cîntecul unui singur*, «Însemnări literare», Яссы, I-ый год, № 16 от 1-го июля 1919 г., стр. 4—5.

³¹ Н. Д. Сосеа, *Pamflete*, Бухарест, 1956 г., Ленин, стр. 211, 212 из «Chemarea» от 20 апреля 1919 г.

Из вышесказанного явствует, что отголоски революционных волнений, последовавших за Великой Октябрьской Социалистической Революцией, не породили в румынской литературе крупных художественных произведений, но создали в литературной среде новую атмосферу, отличающуюся в первую очередь преобладанием социального в тематике (в особенности в прозе).

После целого ряда лет революционных волнений, последовал в истории румынского народа, короткий период спада революционной волны, соответствующий относительной стабилизации капитализма в мировом масштабе. В 1924 году Коммунистическая Партия была брошена в подполье, террор усилился, вся последовательно революционная печать была запрещена. кампания клеветы на Советский Союз достигла небывалых размеров. Легко понять, почему о литературе, явно связанной с борьбой рабочего класса, практически не могло быть и речи. Борьба Коммунистической Партии против буржуазной культуры, за новую социалистическую культуру переходит в подпольную печать, в подпольные или же полуполюгальные рабочие фестивали и вечера.

Все же влияние социальных потрясений 1917—1923 г. продолжается в литературном творчестве, но выражается уже в других формах. Двадцатые годы вошли в историю румынской литературы как период созревания и расцвета романа и, в первую очередь, социального романа. До 1917 года, в Румынии было написано мало романов, предпочтение отдавалось другим жанрам. После 1917 года, наоборот, почти сразу предпочитаемым жанром становится роман. Возникает новая литература, отражающая новую проблематику, непосредственно порождённую новым социальным опытом, которым обогатился румынский народ после участия в первой мировой войне и последующих революционных событиях. Многочисленные романы, ставшие настоящими краеугольными камнями в развитии румынской литературы, иллюстрируют указанное явление. Мы имеем в виду главным образом такие произведения, как «Улица Лэпушняну» Михаила Садовяну, «Сын слуги» Н. Д. Коча, «Затемнение» и «Каля Викторией» Чезаря Петреску, «Лес повешенных» Ливиу Ребряну, «Последняя ночь любви-первая ночь войны» и «Прокустово ложе» Камила Петреску и др. Хотя и не написанные с боевых позиций (исключая, может быть роман Н. Д. Коча) все эти книги отражают так или иначе новые социальные волнения, новые задачи, поставленные историей перед румынским народом. Имея в центре конфликтов либо эпизоды войны, либо послевоенные общественные столкновения авторы упомянутых романов не могли обойти и проблемы революции. Не являясь хотя сторонниками революционных методов разрешения социальных вопросов, авторы всё же их излагают. Почти в каждом из указанных романов есть эпизодические персонажи, защищающие идею социальной революции, а в «Сыне слуги», главный герой — человек симпатизирующий рабочему движению; в том же романе в одном из эпизодов с большой эпической силой изображена

фигура И. К. Фриму — отважного руководителя румынских революционных рабочих. В соответствии с темой нашего исследования, важно не то, что идеи социальной революции и пролетарского интернационализма изложены в упомянутых произведениях туманно а иногда, как например в романе Ливиу Ребряну, злонамеренно-тенденциозно, а то что эту проблематику нельзя было обойти, а это является признаком времени.

В центре большинства упомянутых романов находится литературный тип вошедший в румынское литературоведение, под названием «*inadaptabil*» что значить по русски приблизительно «неприспособленец». Появившись до первой мировой войны (см. например, роман «Дан» Александра Влэхуцы) тип этот умножился и разнообразился в прозе периода 1920—1930 годов. Чаще всего это человек поднявшийся из народа, умный, способный, одарённый, пытающийся в то же время «приспособится» к буржуазно-помещичьему обществу и питающий иллюзию, что может это сделать без моральных компромиссов. Он готов сотрудничать с помещиками и капиталистами, оставаясь честным и не отказываясь от своих убеждений. Когда же жизнь доказывает, что это совершенно невозможно, развязка в большинстве случаев трагична. С первого взгляда видно сходство между типом «неприспособленца» из румынской литературы XX-го столетия и типом «лишнего человека» из русской литературы XIX-го столетия. Это бросающееся в глаза сходство, вытекает в особенности из того обстоятельства, что как в первом, так и во втором случае речь идет о людях одаренных, способных принести реальную пользу человечеству, жаждущих применить свои творческие возможности в этом направлении, но не имеющих возможности это делать из за различных объективных условий, но и благодаря серьёзным недостаткам в их собственной подготовке и воспитании. Именно так смотрит на вещи и Чезарь Петреску. В предисловии к первому послереволюционному изданию своего романа «Затмение» автор пишет:

«Проблема интеллигента, терзаемого чувством ответственности, которое давит на его сознание, поднятая в романе «Затмение», показалась мне одним из характерных явлений той эпохи. В особенности после первой мировой войны и в особенности в развращенной и развращающей атмосфере демагогии, развернувшейся у аукциона «Великой Румынии» с ее напумевшими периодическими скандалами. Лишенный ориентации, как и этот интеллигент, я не был в состоянии, как писатель, найти спасительный выход. Не смог его спасти. Я ограничился его описанием и попытался его объяснить. Но его судьба преследовала меня в такой степени, что без всякого намерения я её приписал даже и белому полярному медведю, который не примирился с жизнью ни в цирке, где вырос, ни на полярных льдинах, где родился и куда вернулся, ибо они не приняли его³². Как один, так и другой, и Фрам

³² Намёк на детский роман *Fram, ursul polar*, того же автора.

и Раду Комша,³³ представляют, собственно говоря, в двух различных планах ту же драму лишних людей, как назвал бы их раньше Тургенев, то есть драму и изоляцию людей непримиренных с обществом своего времени. Раду Комша был ни кем иным как румынским вариантом «лишних людей» тип столь часто встречаемый в русской литературе критического реализма прошлого века и первой половины нашего века. Считаю, что это является одним из ключей данного романа и большинства романов, написанных мною более чем за тридцать лет ».

В то же время между «лишним человеком» русской литературы и «неприспособленцем» румынской литературы есть и существенные различия. «Лишние люди», начиная с Онегина и Печорина и кончая Ивановым Чехова, бегут от общества, оно им претит, они находят себе утешение лишь в уединении, которое им кажется выходом приносящим, если не счастье, то хотя бы немного покоя. «Неприспособленцы», напротив, ищут социальную среду способную дать им возможность применить свои созидательные силы и работать во исполнение своих чаяний, они страдают из за того, что не находят ее; одиночество, в которое они впадают является для них не выходом из положения, а фатальной неизбежностью, порождающей жестокие страдания. Эта особенность их судьбы — румынский вклад в новую проблематику критического реализма XX-го столетия. Если в XIX-ом столетии естественно появляются «лишние люди» и их собратья из литературы Западной Европы, ибо это столетие «не разрешенных вопросов», XX-ое столетие представляется даже и одиночкам как «век разрешения вопросов». Они страдают потому что не могут найти эти решения «злободневным вопросам» и таким образом, хотя косвенно и частично, но отражают все же великие социальные открытия человечества в эпоху пролетарских революций.

Рассказы и стихотворения, связанные с революционной волной, поднявшейся после 1917 года, как и более поздние отголоски той же проблематики в романах, критического реализма, периода 1920—1930 годов, появились в румынской литературе вне влияния советской литературы. Выше мы говорили о пробуждении большого интереса к русской литературе и к творчеству Горького, в особенности в периоде 1919—1925 годов, об откликах на поэмы Блока. Но это единственные проявления румыно-русских литературных связей в первые годы после Великой Октябрьской Социалистической Революции. Знакомство с советской литературой как таковой произошло в Румынии позже.

Всё же, даже и в последние годы третьего десятилетия нашего века «санитарный пояс», организованный вокруг Советского Союза, пояс в котором Румыния занимала столь видное место начал трещать по всем швам. Несмотря на волну клеветы, несмотря на террор и ожесточённую анти-

---

³³ Главный герой романа «Затемнение».

советскую пропаганду, правда о культурной жизни в С.С.С.Р., окольными путями, — через Францию, Италию и Германию начинает проникать даже и в легальную печать, т.е. в буржуазную печать разных направлений. Тенденциозное, злонамеренное отношение сохраняется в комментариях, но уступая нажиму общественного мнения, газеты и журналы начинают публиковать и объективные информации, касающиеся советской литературы и искусства. Появляются даже заметки о расцвете театральной жизни, признаётся что несмотря на «красный террор», искусство в России процветает³⁴, даются подробности касающиеся новых писателей и их произведений³⁵. Этот интерес постепенно растёт по мере приближения новой волны революционной борьбы, поднявшейся в результате кризиса 1929—1933 годов.

Первый советский роман переведенный на румынский язык, это «Цемент» (в переводе Иона Пас), появившийся в 1929 г. После этого переводы появляются почти каждый год до фашизации страны. Но переводится без разбора; более того: замечается явное предпочтение к книгам которые можно использовать в качестве матерьяла для антисоветской пропаганды. Это замечание, конечно, не нужно обобщать, но следует сделать, потому что только так можно себе объяснить, почему самые характерные произведения советской литературы остались не переведенными до освобождения. Но даже и то, что переводилось могло дать читателям хотя и неясное, но все же какое-то представление о совершенно новых явлениях, появившихся в русской литературе после Великой Октябрьской Социалистической Революции. Так, в 1930 г. издаются «Вор» Леонова, «Трансвааль» Федина и сборник

---

³⁴ В мае месяце 1931 г. журнал «Адеверул литерар ши артистик», резюмируя статью о советской литературе, появившуюся за подписью некоего Зеновия Львовского в «*La Revue mondiale*», добавлял: «Говоря о СССР весь мир, как друзья, так и враги советов, согласны с одним неоспоримым фактом: искусство там процветает» (№.545 от 17 мая 1931 г. стр. 4).

³⁵ Для понимания конкретных условий в которых румынская общественность знакомилась с советской литературой и тех почти непреодолимых трудностей, которые должен был преодолеть всякий, желающий получить сколько-нибудь объективную информацию о литературной жизни страны социализма, многозначительна следующая подробность: в апреле 1927 г. идеолог румынского народничества, реакционный политический деятель, публицист и писатель Константин Стере, опубликовал в «Адеверул литерар ши артистик» статью о Всеволоде Иванове, (C. Stere, *Din carnetul unui solitar* «Adevărul literar și artistic», № 331 от 10 апреля 1927 г.) Оставляя в стороне в большинстве случаев тенденциозные комментарии, отмечаем почти хвалебную оценку, которую дает Стере таланту тогда еще молодого советского писателя. Это открытие является для Стере откровением, т. к. он до сих пор даже не слышал о Всеволоде Иванове. Между прочим, статья базируется на чтении всего лишь трех отрывков прозы одного номера «Красной нови», занятой на несколько часов у приятеля, который «был двоюродным братом золовки одного из корифеев Сигуранцы» Если К. Стере, который был влиятельным политическим деятелем и владел прекрасно русским языком, должен был прибегать к таким «уловкам» для того, чтобы получать информации о советской литературной жизни, не трудно понять почему это было фактически невозможно для рядового интеллигента.

«Десять советских прозаиков», составленный писателем Камиллом Балтазаром и содержащим: «Сырая глина на руках» Бориса Пильняка, «Голод» Александра Неверова, «Подпоручик-невидимка» Бориса Туманова, «Головоногий человек» Федора Гладкова, «Актриса Анна» Михаила Слонимского, «Нью—Йорк» Владимира Маяковского, «Дитя» Всеволода Иванова, «Вандерлен в Р.С.Ф.С.Р.» Лариссы Райснер, «Сеси́ра Чедрик» Мариеты Шагиньян, «Интересы Ляли» Веры Инбер. В 1931 г. в коллекции «Знаменитые современные авторы» («Ауторь челебрь контемпорань») появляется «Костя Рябцев — советский школьник» Н. Огнева. В 1933 г. «Новая земля» Гладкова, «Голодные дети» А. Неверова, в 1934 г. — «Собачий переулок» Гумилевского и «Шоколад» Тарасова—Радионова. В 1936 г. «Свободная любовь» Пантелеймона Романова, в 1938 г. — «12 стульев» Ильфа и Петрова (в переводе Емилиана Быкова). Стихи Есенина издаются в двух разных переводах: Захария Станку (1934 г.) и Джордже Лесня (1937 г.) Вышеуказанный список конечно не полон, но даёт все же представление об ориентации переводов из советской литературы в Румынии в период 1930—1940 годов. Нужно добавить новые переводы из Горького, появившиеся после 1925 г.: «Исповедь» — 1926 г.; «Моё детство» (автобиография) — 1933 г. «Как родился человек (рассказы)» — 1933 г., «Несколько рассказов» (Непобедимый враг, Забастовка в Неаполе, В Женеве, Гвоздики) — 1936 г., Бродяги (Коновалов, Горбун) — 1940. Как это видно, не было переведено ничего из послереволюционных произведений Горького. Кроме этого в сборнике «Лектура, флоаря литературилор стрейне» («Чтение—цвет иностранных литератур») появилось несколько новелл и рассказов таких писателей как Вера Инбер, Катаев, Пантелеймон Романов, А. Колонтай, Еренбург («Любовь—это буря» и «Трубка маленького коммунара»). В периодической печати переводы из советской литературы также довольно редки. В 1933—1936 гг. часто печатаются стихи Есенина; с 1935 г., в «Кувьинтул Либер» появляются переводы Е. Быкова из Маяковского, и от времени до времени стихи Брюсова или Блока. Публикуются также переводы новелл Шолохова (из цикла «Донские рассказы») и юмористических рассказов Катаева, Зощенко и др. В 1937 г. в антифашистском журнале «Репортер» появляется пространный очерк Ильи Эренбурга о зверствах из Позобланка (Испания)³⁶, а к концу года³⁷, по случаю годовщины смерти Николая Островского, после краткой биографической справки — отрывок из «Как закалялась сталь» (Глава IУ-ая). В 1939 г. журнал «Ази» печатает рассказ Алексея Толстого «Вампирь»³⁸, а в 1940 г. заключительную главу романа Шолохова «Тихий Дон»³⁹.

³⁶ I l y a E h r e n b u r g, *Un Hristos de piatră priveşte devastările săvîrşite în numele lui*, «Reporter» Бухарест, от 27 июня 1937 г.

³⁷ «Reporter» от 26 декабря 1937 г.

³⁸ «Azi» Бухарест, от 24 декабря 1939 г.

³⁹ «Azi» от 30 июня 1940 г.

Ссылки на советскую литературу гораздо более многочисленны чем переводы. Некоторые журналы публикуют рецензии на книги, появившиеся на французском языке, что дает возможность румынской публике познакомиться хотя бы таким окольным путём с некоторыми произведениями советской литературы. Такого рода рецензии пишутся между прочем о романах Шолохова: «Тихий Дон»⁴⁰, «Поднятая целина»⁴¹, о романе «Хлеб»⁴² Алексея Толстого, о «Зависти»⁴³ Юрия Олеши, о книгах «Не переводя дыхания»⁴⁴, «День второй»⁴⁵, «Фабрика снов»⁴⁶ Эренбурга; о повести «На востоке» П. Павлиенко⁴⁷ и др.

Информационные сообщения о советской литературе в румынской периодической печати того времени даются в большинстве случаев не по первоисточникам, а на основании материалов заимствованных из французской, английской и немецкой (до 1933 г.) печати.

Комментарии к этим информации носят разноречивый характер. Издания, находящиеся под влиянием революционного движения, пытаются смело популяризировать советскую литературу, разъясняя её обновляющее содержание. К сожалению, такого рода деятельность нельзя было проводить систематически, так как литературные журналы, находящиеся под влиянием Коммунистической партии, преследуемые полицией и цензурой, имели весьма эфемерное существование. Всё таки, некоторые из них, в особенности «Ера ноуэ», помещают на своих страницах серьезные статьи о литературной жизни в СССР.

Из них заслуживает особого внимания литературная хроника февральского номера от 1936 г. Значение советской литературы выявляется в ней в сопоставлении с процессом разложения буржуазной литературы: в то время как последняя удаляется от жизни, прозябает в бесплодном психологизме, советская литература «представляет множество качеств полного обновления тем и приёмов». Упомянув Шолохова, Гладкова, Островского и других советских романистов, автор статьи указывает что они являются писателями «обладающими реальной творческой силой, людьми широких перспектив», герои которых «полны жизни и энтузиазма». «На современных советских романах, — говорится дальше в статье, — лежит печать здоровья, силы, энергии, труда, коллективизма; здесь уже не идёт речь лишь об обывательской морализирующей позиции, а о возвращении к источникам

⁴⁰ D. T r o s t, *Romancierul Donului*, «Adevărul lit. și artistic» от 15-го июня 1934 г.

⁴¹ *Romanul rus țărănesc* там же № 712 от 29 июля 1934 г.

⁴² «Adevărul literar și artistic» от 25 декабря 1935 г.

⁴³ «Там же» № 549 от 14 июня 1931 г. и «Cuvîntul liber» Бухарест № 30 от 1 июня 1935 г. (стр. 11).

⁴⁴ «Cuvîntul liber» № 41 от 30 марта 1935 г. и № 7 (год III-ий) от 4 января 1936 г.

⁴⁵ «Там же» № 24 от 21 апреля 1934 г. и № 12 от 6 апреля 1935 г.

⁴⁶ Там же № 27 от 11 мая 1935 г.

⁴⁷ «Adevărul literar și artistic» от 12 февраля 1939 г.

творчества, вытекающим непосредственно из жизни и осуществляющимся мощным эпическим потоком»⁴⁸.

Идею непримиримого противоречия между новой советской литературой и декадентством буржуазной культуры можно найти и в других комментариях публицистов, связанных с борьбой коммунистической партии. Так еще в 1934 г. известный антифашистский деятель Скарлат Калимаки, являющийся в то же время ответственным редактором журнала «Клопотул» (Колокол), отвечая на вопросы газеты «Реформаторул» (Реформатор) из Ботошань, касающихся «судьбы современной культуры», — писал: «Капитализм, в своей конечной фазе уничтожает всякую культуру, он является «возвращением к варварству». В одном единственном месте культура не деградирует: в СССР. Культурный уровень масс растёт, пробуждаются новые народы, количество писателей растёт, литература обогащается образцовыми произведениями Горького, Панферова, Шолохова или Фадеева».

Не лишен интереса и тот факт, что другой публицист антифашист Георге Дину, выступавший иногда под псевдонимом Штефан Ролл публикуя в «Ера ноуэ» (апрель 1935 г.) статью о Маяковском, представляет его в первую очередь тоже как поэта, который революционизировал содержание и форму поэзии для того, чтобы бросить «свой непримиримый вызов и проклятие» — поколениям, «не желающим признать свой социальный и исторический возраст». Совершенно справедливо указывает Штефан Ролл на то, что обновляющая поэзия Маяковского смогла подняться до всей своей художественной высоты лишь тогда, когда поэт стал на службу высокого социального идеала. «Его кулак не наносил более ударов по воздуху, — замечает румынский комментатор, — а попадал прямо в цель, в лицемерие старой морали, в храм сеющего зло, погибающего мира. Разрушая традиции этого старого мира, Маяковский создавал новое поэтическое оружие, способствующее развитию новой психологии и новой социальной структуры людей его страны».

Комментарии буржуазной печати о советской литературе противоречивы и непоследовательны. С одной стороны встречаем даже и в так называемых «левых» журналах множество язвительных «заметок» и «информаций», изобилующих лицемерными фразами о мнимом «упадке» русской литературы, вызванном «тиранией коммунистических комиссаров». Информации о советской литературной жизни тенденциозны, нечестны, мероприятия Коммунистической партии и советского правительства «резюмируются» отрывочно, искаженно. Румынская буржуазная печать периода 1925—1940 годов стремится скомпромитировать в первую очередь принцип коммунистической партийности, повторяя до пресыщения избитый и выдохшийся аргумент о неизбежной деградации искусства, поставленного на службу политическим целям. Даже обыкновенные очерки о первом съезде советских

---

⁴⁸ «Ера ноуэ» Бухарест, февраль 1936 г., *Reintoarcerea la epic*.

писателей (1934 г.) передают совершенно искаженно его работы (за исключением соответственных глав из книги Александру Сахия «СССР-сегодня»).

С другой стороны, в буржуазной печати того времени можно встретить и более серьезные, более объективные попытки проникнуть в особенности советского литературного явления. Как общую черту, можно подчеркнуть чувство «новшества» советской литературы, так или иначе проникающее в разные комментарии. Советская литература импонирует буржуазным комментаторам своим динамизмом, своей жесткой достоверностью, своим мобилизирующим размахом. Такого рода замечания касаются в особенности творчества первых послереволюционных годов, в противоречивости которого сотрудники румынских буржуазных журналов никак не могут разобраться. С этой точки зрения характерна заметка из журнала «Адеверул литерар ши артистик». Цитируя вперемешку Всеволода Иванова, Бабеля, Неверова, А. Колонтай, Пантелеймона Романова, Семенова и др., будучи принужденным признать, что русская литература «существует и расцветает» автор замечает далее, что «этот новый русский реализм — искусство странное; несмотря на его родство с великими реалистами прошлого столетия, оно все же отличается от них по своему существу. Сама сущность этой литературы с реалистическим направлением фантастична, ирреальна. Русский современный реализм — это фантастический реализм⁴⁹.

Несмотря на абсолютную устарелость употребляемой терминологии, нельзя отказать автору в некоторой интуиции, даже в благонамерении, в особенности тогда, когда он делает дальше удивляющее и сегодня своей проницательностью замечание: «Эта эпоха клокочет ужасающими судьбами, неслыханными человеческими событиями, новыми думами и лозунгами. Сюжетов уже не надо искать, они сами бегут к тебе, опракидывают тебя на улице. История каждой семьи стала авантюрным романом». В конце добавляется все же нечто кажущееся сегодня совсем анахроничным: «почти всё их повести и романы (советских писателей — пр. автора) имеют две общие черты: бешенный жизненный темп, сверхучащенный пульс эпохи и полная аморальность человека, ставшего снова продуктом природы»⁵⁰. Если первое замечание не вызывает возражений, второе звучит просто чудовищно и не может быть объяснено лишь злонамеренной тенденциозностью. Ошибка гораздо глубже и несомненно вытекает из полного непонимания причин той резкости языка и композиции, которая была довольно частым явлением в советской прозе первых послереволюционных лет.

Если в период 1925—1930 г. к такого рода комментариям сводится все дельное, написанное о советской литературе в румынской буржуазной печати, в период 1930—1940 годов положение меняется. Советская литература завое-

---

⁴⁹ *Un cuvînt despre noua literatură rusă*, «Adevărul literar și artistic» № 367 от 18 декабря 1927 г.

⁵⁰ *Ibidem*, № 367 от 1 декабря 1927 г.

вызывает себе достойное признание во всем мире, становится общеизвестной действительностью. С другой стороны изменяется и настроение общественного мнения: если в период 1925—1930 г., все кто писали о советской литературе исходили из « аксиомы » неизбежного провала большевизма, — в тридцатых годах такого рода позиция становится столь абсурдной, что уже не может служить исходной точкой никакого комментария. Широкие круги интеллигенции живо интересуются всем происходившим в стране социализма, требуют от печати более пространной и лучше документированной информации. Полиция и цензура, продолжают само собой разумеется, препятствовать, но уже не могут не допускать никаких сообщений о советской литературе. Если раньше печатались главным образом « общие » сведения, чаще всего перепечатанные из западно-европейской печати, то теперь публикуются предпочтительно рецензии о новых книгах, рецензии, в которых подчеркивается, в первую очередь новое жизненное содержание и его политическое-боевое направление. В этом смысле характерна рецензия журнала «Кувьнтул либер » на книгу Еренбурга «День второй», появившуюся тогда во французском переводе. Рецензия эта очень теплая, полная симпатии не только к писателю, но и к его родине. Рецензент подчеркивает патетичность и тенденциозность произведения Эренбурга: « писатель не ограничивается ролью пассивного наблюдателя или эгоцентричного мечтателя, а всецело, горячо и действительно участвует в социальном историческом перевороте своего времени. Таким образом эта литература проявляет себя как боевая сила, присоединяющаяся к революционному подъему... » Действие романа рассматривается « как река, как поток, сила которого двигает еще неизвестный мотор нового государства », а мир, населяющий роман, как « типичное отражение жизни поколения, одухотворённого революцией, полного уверенности в свои силы, в свою способность перегнать Америку, поколения, презирающего колеблющихся и ноющих, обладающего ясным сознанием своего исторического превосходства ». В конце, рецензент пытается сконденсировать в одной формулировке и смысл романа и его политическое направление: « Крестовый поход труда кончится. Человечество выйдет из преистории, а история как механизм хорошего завода будет действовать, регулируемая и подчиненная человеку!... Натура приручена... Но мы живем только лишь во втором дне сотворения мира » ⁵¹.

Для еще более ясного представления о том, как постепенно менялись восприятия советской литературы левой буржуазной публицистикой не лишено интереса сопоставить оценки того же романа на расстоянии нескольких лет.

В 1931 г., говоря о романе «Зависть» Юрия Олеши, комментатор журнала « Адеверул литерар ши артистик », не сморгнув инсинуирует, что из

---

⁵¹ G. H. Dinu, *Ziua a doua a Facerii, romanul elanului nou de Ehrenburg*, « Cuvîntul liber », № 24 от 21 апреля 1934 г.

романа, мол, вытекает, что автор относится с симпатией к Кавалерову, представляя его как человека ужасающегося « муравейником » советской жизни и не могущего « отказаться от своих нежных чувств, без которых не может жить ». Об индивидуализме, низости, а в особенности об отвращении Кавалерова к труду, рецензент не говорит ни слова. Неудивительно, что он искажает без зазрения совести и содержание романа, утверждая, что « автор чувствует себя лучше в обществе побежденного Кавалерова, чем в компании победившего Андрея Бабичева »⁵².

О той же книге, в 1935 г. в журнале «Кувынтул либер» говорится, что автору удалось выявить падение определенного типа « когда-то преуспевающих » интеллигентов, которые « становятся лишними людьми » в СССР. Кавалеров охарактеризован как анархический, разлагающийся, ненужный элемент, в то время как Бабичев является « представителем социалистического мира ».

Из вышеуказанного, дающего правда в очень отрывочной и неясной форме картину откликов, вызванных советской литературой в литературной жизни Румынии в последнее десятилетие предшествующее второй мировой войне, можно все таки с уверенностью сделать вывод, что несмотря на цензурные рогатки и преследования сигуранцы, советская литература стала известна в общих чертах ее развития по крайней мере в довольно широких кругах интеллигенции. Вот почему мы имеем право считать, что в созревании нового литературного движения, характеризующегося тягой к социальной и революционной тематике, особенно усилившейся после 1933 г., влияние советской литературы сыграло уже значительную роль.

Это новое движение отличается от движения, вспыхнувшего непосредственно после 1917 г., как своей глубиной, так и широтой обхвата. Тут уже не идет речь о простой вспышке энтузиазма, а о литературном течении в полном смысле слова, течении к которому примыкают многие талантливые писатели. Хотя Коммунистической партии и не удалось — по указанным причинам — создать легальную литературную трибуну, писатели о которых будет речь ниже сплотились вокруг партии и находились под ее руководством в значительной части своей творческой деятельности. Вот почему это движение спланивается сильнее, противостоит моральным и физическим преследованиям, непосредственно переливается в новую румынскую литературу после освобождения страны. Вот, наконец, почему литература, созданная в рамках этого нового, хотя и не вполне оформившегося течения, может быть рассматриваема как *начало социалистического реализма в румынской литературе*.

Эти начало довольно скромно и неравноценно и по своему художественному осуществлению и с точки зрения последовательности в идеоло-

---

⁵² « Adevărul literar și artistic », № 549, 14 июня 1931 г.

гической ориентации. Но некоторые несомненные достижения все же прочно вошли в историю литературы.

В связи с этим, в первую очередь должно быть упомянуто имя Александру Сахия.

Публицист и автор многих коротких рассказов, Александру Сахия является первым румынским писателем, утверждающим, что принцип партийности является ведущим принципом эстетики и стремившимся его применить в своем творчестве. В то же время он автор первой книги полных энтузиазма репортажей о Советском Союзе («СССР — сегодня»), вышедшей в Румынии в 1935 г. Как журналист и публицист, он публикует в различных буржуазно-демократических газетах очерки о тяжелой жизни и борьбе рабочего класса (в газете «Диминяца» он некоторое время редактировал отдел «Рабочая трибуна»), а также о чудовищных процессах инсценированных буржуазно-помещичьим правительством против коммунистических борцов. Как писатель он откликается в своих коротких рассказах на самые острые вопросы классовой борьбы его времени, как: борьба рабочих за удовлетворение своих экономических требований, чудовищное обнищание крестьянства, борьба с расовыми диверсиями, движение за мир против поджигателей войны, усиливших свою преступную деятельность, в особенности после прихода к власти Гитлера в Германии. Рассказы Сахия, написанные с целью возбуждения ненависти к эксплуататорам и поработителям, призывали к борьбе. В этой явной тенденциозности состоит их прелесть и сила. Впрочем Сахия и не скрывал своего стремления стать писателем-борцом. В 1932 г., в первом номере журнала «Блузе албастре» (с подзаголовком «Журнал пролетарской литературы»), Сахия так определял цели журнала: «распространять среди пролетарских масс культуру и просвещение соответственно их борьбе и их чаяниям». А в 1935 г., отвечая на анкету газеты «Факла», на тему «Почему вы пишете?», указывал на пример Горького для того, чтобы поддержать свое убеждение о долге писателя: «Моё писательское творчество является вкладом в освободительную борьбу рабочих масс»⁵³. Несомненно, что румынский писатель составил себе такое убеждение об искусстве и литературе отчасти под непосредственным влиянием революционного рабочего движения, но отчасти и в результате контакта с советской литературой. Сахия посетил Советский Союз в период первого съезда советских писателей, присутствовал на его заседаниях, а по возвращении на родину описал его в нескольких, полных энтузиазма репортажах.

Исходя из примера А. Сахия, мы можем сделать общую оценку, а именно, что в 1930—1940 гг., в Румынии формируется литература нового

---

⁵³ О Александре Сахия и его творчестве см. G. h. M a c o v e s c u, *Viața și opera lui Alexandru Sahia*, Издательство литературы и искусства союза писателей Р.Н.Р. Бухарест 1950 г, также издание Alecsandru Sahia, *Nuvele și articole*, Бухарест 1951 г.

типа, в непосредственной связи с политической жизнью, в огне ожесточенной борьбы идей, обостряющейся из года в год, из месяца в месяц.

Мы уже указывали на то, как развивалась традиция реалистической румынской литературы с начала XX-го столетия до тех пор. Но было бы ошибочно вообразить, что координаты развития литературы ограничивались только этими данными, наоборот, в период между двумя мировыми войнами против реализма ведется все возрастающее дискредитирующее наступательное действие, развертывающееся с двух флангов: с одной стороны, модернизм провозглашает смерть реализма и борется за эвaziонистское искусство, оторванное от жизни, с другой стороны, так называемый «традиционализм» проповедует мистическое, шовинистское мировоззрение, с явно фашистским содержанием. Литературные движения рождаются, укрепляются и развиваются в тесной связи с политической борьбой. Обе вышеуказанные антиреалистические тенденции обладают реакционным содержанием. Космополитический модернизм афиширует свое барское презрение к творчеству с народным содержанием, утверждая, что единственный возможный путь для развития литературы — это подражание новым западно-европейским «художественным явлениям». Идеолог модернизма, литературный критик Еужен Ловинеску, даже провозглашал себя представителем либерализма в литературе. С другой стороны, традиционализм стремится превратить литературу в инструмент распространения фашистской звериной идеологии.

В этих условиях антифашистское движение чувствовало естественную необходимость отмежеваться и от модернистов и от традиционалистов, в целях создания собственной литературной платформы, соответствующей интересам и чаяниям масс. Тем более, что среди писателей последователей критического реализма замечались явные признаки усталости, отступления перед натиском антиреализма. Период 1930—1940 гг., ознаменовался и постыдными случаями ренегатства некоторых корифеев румынского пера, и отхождением от социальных проблем в творчестве других. Понятно почему в таких обстоятельствах советская литература стала для антифашистских писателей образцом и источником вдохновения. Научно говоря, сближение антифашистских писателей проявляется в период, о котором идет речь, скорее не как приобщение к определенному методу художественного творчества, а как идентичность идеологических позиций. А сущность этой новой позиции состоит в подчинении творчества целям политической борьбы. Именно это подчинение сближает литературные явления на первый взгляд столь различные как программная поэзия и классический стих старика Александру Тома с одной стороны и передовая протестующая поэзия некоторых молодых поэтов с другой. Художественные почерки писателей, связанных с рабочим движением, очень различны. Мы встречаем среди них и столь «народного» и «трансильван-

ского» поэта как Михай Бенюк и «эрметиков» Еужена Жебеляну и Чичероне Теодореску и очеркиста Джео Богза и создателя «пригородных» романов Иона Кэлугэру и «жестокого» и грубого Думитру Корбя, но и утонченного Виржила Теодореску и подражающего Маяковскому Эмильана Букова и есениста Захария Станку, и «художественного циника» поэта Мирона Раду Параскивеску и «элегантно-нежного» драматурга Михая Себастьяна и т.д. Но несмотря на разность стилей, всех этих писателей связывает общность точки зрения на цель литературного творчества, которое их ставит, хотя бы с програматической точки зрения, на реалистические позиции в духе существующей в румынской литературе традиции, но с новыми требованиями: чтобы реалистическая литература не была лишь отражением действительности, а служила бы призывом к борьбе, была бы формой проповедывания идеалов, указывающих народу путь к освобождению из под ярма поработителей и завоеванию истиной свободы и независимости. Мы видели, как формулировал эту новую концепцию Александру Сахия. Схожую точку зрения встречаем и в статьях других упомянутых писателей. Ещё в 1934 г. используя народную легенду Мастера Маноле, пожертвовавшего своей любовью, а в конце концов и жизнью для того, чтобы создать замечательный художественный памятник, явно полемизируя с декадентской поэзией тьмы и разочарования, Михай Бенюк утверждает что «Человек, понявший сколько он может знать, сколько он может сделать и на что может надеяться, не может впасть в отчаяние. Фатальная развязка застанет его непоколебимым на своем посту, как солдата, закаленного в боях, понявшего свою миссию. А творчество вознесется гордо ввысь, к радости будущих поколений, как символ вечной человеческой мечты долженствующей совершиться»⁵⁴.

Приблизительно в то же время, другой молодой поэт Еужен Жебеляну, говоря о «Крахе сегодняшней поэзии», объясняет это явление разрывом между поэзией и «кипящей жизнью». Он противопоставляет субъективистской, лишенной содержания поэзии декадентов, поэзию порожденную силой великих социальных идеалов. «Каждый искал себя, — пишет Жебеляну о некоторых современниках. — Только себя. И эта действительность объясняет всю гниль современного лиризма. Поэты истощились в себе... Мы должны выйти из себя, чтобы грудью встретить волны внешней жизни... Нам нужен большой переворот извне, нужно дерзкое сальто-мортале через нашу теперешнюю душу для того, чтобы воскресить песню. Счастливы те, кто родились в революции. Думаю, каким плоским лириком был бы Есенин, если бы пряди его волос не развеял ураган страшнейших социальных потрясений. Путь к освоению откликов человеческой жизни, —

---

⁵⁴ Mihai Beniuc, *Meşterul Manole. Cronici şi studii literare* Бухарест 1957 г. стр. 25 (Перепечатано из «Pagini literare» Бухарест № 1 от 25 мая 1934 года).

это путь по которому шли все настоящие художники, для выявления своей истинной индивидуальности»⁵⁵.

Жебеляну упоминает Есенина для того, чтобы аргументировать свою точку зрения. Для другого писателя (прозаика и журналиста) образцом является Горький: «Гений XX-го столетия может быть только пролетарий, ибо не существует настоящей возвышенной жизни вне группы пролетариата любой страны. Талантливые поэты и романисты понимают это и потому черпают вдохновение из горькой чаши, выпиваемой до дна всеми обездоленными. Только оттуда можно почерпнуть жизнь и творческую силу для нового человечества, появляющегося на горизонте с засученными руками!... Гением нашего столетия является Горький»⁵⁶.

Тем же пафосом охвачена программная статья журнала «Вияца имедиатэ», редактированного Джео Богза. Восхваляя творчество Гладкова по случаю появления на румынском языке романа «Новая земля» журнал заявляет в то же время: «... Мы поднимемся против нашей сегодняшней поэзии, фальшивой и эгоистичной и начинаем писать настоящую поэзию которую смогут читать тысячи людей»⁵⁷.

Наконец, уже в 1939 г., говоря о Горьком, румынский писатель Ион Кэлугэру утверждает, что он его ставит выше всех других писателей потому что Горький «примкнул к самым здоровым слоям человечества, стремящимся взять на себе задание продвинуть дальше сегодняшние традиции культуры и человечности»⁵⁸.

В какой степени знакомство с советской литературой перелилось в более непосредственное влияние на некоторых румынских писателей, на самый процесс их творчества — это более сложная проблема. Можно ли говорить, например, о некоторых горьковских чертах в творчестве Александру Сахия? Нам кажется, что да. Безусловно композиционное сходство между рассказами Сахия и некоторыми итальянскими сказками Горького (с теми, в которых идет речь о борьбе рабочего класса). Та же краткая зарисовка обстоятельств, при которых будет протекать действие (за исключением итальянского пейзажа, конечно), то же краткое, но уверенное изложение биографии персонажей, тоже предпочтительное, более подробное описание нескольких ярких, многозначительных эпизодов, а в особенности движения масс. Знаменательно и то, что рассказы Сахия, как и упомянутые «Сказки» Горького, были предназначены для газет, что обязывало авторов к краткости. Как и Горький, Сахия старается дать на первом плане положительного

---

⁵⁵ «Caiet», Рымникул-Сэрат № 2—3, август 1934 г. цитируется по статье: Горький, Маяковский, Эренбург... и первые их послания к нам » Джео Шербан, Вияца Ромынеаскэ № 10/1956, стр. 169—170.

⁵⁶ Bogdan Amaru, *Artiștii proletari*, «Umanitatea», Бухарест, 16, сскт., 1934,

⁵⁷ См. цитированную статью Джео Шербана, «Viața Românească», № 10/1956 стр. 169.

⁵⁸ Ion Călugăru, *Din jurnalul unui scriitor*, «Azi» 29 июня 1939.

героя нового типа, сознательного борца за победу пролетарской борьбы. Но видеть и в этом прямое влияние Горького мы еще не имеем права. Скорее это требование борьбы, и если все таки выявляется какое либо влияние, то скорее советской литературы вообще.

Говоря о романе Иона Кэлугэру «Детство никудашника» критик Андрей Тудор, находит в нем некоторое сходство с прозой Эренбурга⁵⁹ Сходство кажется нам лишь внешним, тематическим.

С большой уверенностью можно говорить о влиянии Есенина и в особенности Маяковского. Поэзия первого из них пользовалась исключительной популярностью в Румынии в 1933—1938 г.г.. Литературные журналы публиковали почти еженедельно переводы из Есенина, а появление двух томов переводов широко комментировалось в печати. За малыми исключениями, комментаторы восхваляли лишь слабые стороны поэзии Есенина — его отчужденность, разочарованность в жизни. Революционное содержание лучших стихотворений Есенина оставалось неизвестным румынской публике. Потому и влияние сказывалось в особенности в направлении культивирования вдумчивой поэзии с патриархальным душком, влияние опирающееся и на «деревенскую» традицию, существующую в румынской поэзии с середины 19-го столетия.

На много более устойчивым было влияние Маяковского. Емельян Быков, бывший в молодости сотрудником многих бухарестских журналов, перевел и опубликовал несколько отрывков из «150.000.000», «Войны и мира» и других произведений Маяковского. Он сам писал стихи, явно говорящие о влиянии Маяковского, как с точки зрения содержания, так и формы. У других поэтов отголоски поэзии Маяковского можно найти лишь в переломлении через художественную индивидуальность каждого. Чаще всего мы чувствуем Маяковского по тому, как поэты проявляют своё лирическое «я». У Бенюка, в особенности, сильно стремление подкрепить свое послание бурной, яркой вспышкой собственной воли и веры. Как и Маяковский, Бенюк «горланит», полемизирует «громко», обличает. Но сходство сводится лишь к этому. Бенюковский стиль совершенно иной, ведущий свои корни от румынской народной поэзии. Элементы традиции Маяковского мы все же находим в нескольких стихотворениях, написанных во время войны поэтом А. Тома, пользовавшимся до и после этого, почти исключительно классическим стихом.

В конечном итоге, можно заключить, что в эпоху становления социалистического реализма в румынской литературе пионеры нового движения стремились использовать в большой степени опыт советской литературы. Этот процесс протекал не столько по линии усвоения художественного новаторства (главным образом из-за небольшого числа переводов), (а главным

---

⁵⁹ «Azi» январь 1938 г,

образом) по линии усвоения творческой позиции и эстетической концепции, соответствующих запросам эпохи. В 1930—1940 гг. писатели, связанные с рабочим движением, не только продолжали реалистические традиции румынской классической литературы, но и развивали их, не могли их не развивать в духе революционной идеологии пролетариата. В таком процессе развития пример советской литературы был определяющим, он облегчил утверждение партийности и рождение литературы открыто связанной с освободительной борьбой самых передовых сил народа под руководством Коммунистической Партии. Это было значительным завоеванием, так как именно группа таких передовых и связанных с партией писателей стала во главе борцов за создание новой литературы в Румынии после 23-го августа 1944 г.

После освобождения Румынии из под фашистского ига в процессе революционных изменений, закончившихся полной победой народа, утверждением диктатуры пролетариата и вступлением страны на путь построения социализма, процесс формирования литературы социалистического реализма вступил в новый период. Если в прошлом борьба за социалистический реализм велась против господствующей буржуазной культуры, т.е. в объективно неблагоприятных условиях, то после победы рабочего класса и при развернувшейся глубокой культурной революции, как неотъемлемой части социалистической революции, положение изменилось. Сегодня литература развивается по пути социалистического реализма под руководством партии рабочего класса, при содействии народно-демократического государства и возрастающем интересе огромной массы новых читателей, с которыми раньше никто не считался при литературных дискуссиях. Вот почему усвоение социалистического реализма является сегодня программной целью, признанной как таковой почти всеми писателями Румынской Народной Республики, вновь подтвердивших свою верность этому принципу на съезде в июне 1956-го года.

Из этого не следует заключать, что усвоение социалистического реализма румынской литературой совершилось легко, в процессе постепенного развития. Наоборот, это было достигнуто в ходе тяжелой, подчас очень сложной, противоречивой борьбы; она велась и против более или менее открытых проявлений буржуазной идеологии, и против догматических эксцессов, и против ревизионистской диверсии.

Борьба эта продолжается и сейчас, процесс далеко не завершён, и поэтому было бы преждевременно и рискованно пускаться в обобщения или подводить итоги. Некоторые стороны вопроса следует однако же осветить. Существеннейшая из них — это живое активное участие литературного творчества в деле построения социализма.

При ознакомлении с современной румынской литературой создается острое физическое ощущение ее присутствия в настоящей эпохе, выполнения определенной миссии. Сегодня никто уже не оспаривает социальной роли

литературы. Ведутся споры о различных методах применимых для исполнения этой роли, о соотношении между новым содержанием и художественной формой, но никто не пытается защищать литературу, оторванную от действительности. И можно сказать, что именно в этой идеологической победе особенно значительную роль сыграло влияние советской литературы.

Сегодня, в Румынской Народной Республике знакомство с советской литературой не является вопросом. В годы народно-демократической власти широко развернулась переводческая деятельность, направленная на ознакомление румынского читателя с главнейшими произведениями русской и советской литератур. Если в прошлом, как уже было сказано, в Румынии печатались в среднем в год 1—2 тома советской литературы, то теперь только в течении 10 лет (1944—1954) и только издательством *Картя Русэ* (Русская книга) было переведено с русского, украинского и других языков Советского Союза 151 том произведений в прозе, 21 том драматических произведений, 29 томов стихотворений и 30 томов по литературоведению⁶⁰. Художественное восприятие советской литературы было несколько затруднено препятствиями с которыми столкнулись переводчики. Большинство румынских писателей не знают русского языка. Поэтому роль писателя сводится обычно к стилизации подстрочного перевода, сделанного другим лицом. Несмотря на такие препятствия, совместными усилиями писателей, переводчиков и издательств, большая часть переводов была выпущена в хороших условиях.

Эти переводы сумели передать, если не все тонкости стиля, то по крайней мере основной пафос советской литературы. А этот пафос оказался особенно заразительным.

Вкратце, вопрос сводится к следующему: вступивши на новый путь, активного участия в деле построения социализма, румынские писатели могли добиться художественных успехов в создании ценных произведений лишь постольку, поскольку они верили в победу того дела, неотъемлемой частицей которого они себя чувствовали. Новая литература могла быть только оптимистичной, жизнеутверждающей, открывающей перспективы, зовущей к новой жизни. Но именно с этой точки зрения усвоение метода социалистического реализма натолкнулось на препятствия, возникающие из довольно сильных настроений разочарования, индивидуализма, пессимизма, унаследованных от различных модернистских, декадентских течений. Часто мировоззрение писателя поворачивалось на 180 градусов: от аристократического скептицизма он переходил к утверждению здоровой, народной точки зрения, от воспевания одиночества к слиянию индивидуума с массой и т.д. В осуществлении этого перелома писатели Р.Н.Р. следовали примеру их советских товарищей по перу. Это признавали многие, либо в статьях, либо в публич-

---

⁶⁰ По каталогу издательства «Русская книга», Бухарест, 1944—1954 стр. 13—20.

ных заявлениях. Конечно, нет возможности привести здесь все подобные высказывания, однако же необходимо подчеркнуть общую их черту, а именно восхищение мощностью советской литературы, ее великой способностью прививать человеку веру в свои силы. Это чувство переплетается с благодарностью за оказанную писателям помощь в их усилиях освободиться из удушливого плена сомнений и нерешительности, из густой мглы безнадёжности, уничтожающей всех тех, кто упорствует на позициях декадентской эстетики.

Из длинной вереницы высказываний мы выберем только несколько и начнем с Михаила Садовяну.

«Трудно предположить, что западная литература нового века сможет дать что-нибудь иное кроме скуки, пессимизма и разочарования — говорил в 1948 г. старейший румынский писатель. — Связь между писателями и порождающей и выбирающей их средой проявляет себя и в данном случае с наибольшей силой. После стольких лет можно говорить об этой эпохе, как об эпохе разложения и путаницы.

Советская литература в это же время развивалась совсем иначе, в среде созидательного труда. Ее герои стояли на полюсе противоположном разочарованию и отвращению к жизни. От «Тихого Дона» до «Чапаева» и «Молодой Гвардии», литература советского человека развивалась естественно, широко, служа социалистическому обществу и государству. Это созидательная и оптимистическая литература, результат социальных перемен»⁶¹.

В августе 1954 г., по случаю празднования десятилетия со дня освобождения Румынии, журнал «Виаца Ромыняскэ» (Румынская Жизнь) напечатал под общим заглавием «Из уроков русской и советской литературы» высказывания трех писателей: прозаика, драматурга и поэта.

Хотя каждый из выступающих основывается на личном опыте, во многом расходящимся с опытом собратьев, высказывания повторяют в той или иной форме заключение так ярко выраженное Михаилом Садовяну.

«После классического русского романа, романа критического реализма, — говорит романист Чезарь Петреску, — советский роман, проникнутый оптимизмом и жизнедеятельностью, роман утвердившийся в последние годы, посвященный новому человеку и созидательному творчеству масс, ликвидировал своим примером в течение 10 лет вредное и пессимистичное наследие прошлого: атмосферу заката и безнадёжности, подобную миру в агонии... и литературу выражающую трагическое одиночество и социальную бесполезность индивидуума, застрявшего в гнилых болотах вместе с тонущим миром....»⁶².

---

⁶¹ M. Sadoveanu, *цит. труд.*, Бухарест 1954 стр. 193—194.

⁶² Cezar Petrescu, *La şcoala realismului socialist* «Viața Românească», № 7—1954, стр. 350.

« В то время как буржуазная драматургия Запада, наводнившая во время буржуазного режима и наш театр, изображает потерю веры в жизнь, презрение к жизни или исключительные случаи, моральные и физические недуги растлевающие человека, в то время, как эта литература разоружает человека или вооружает его против самого себя,—делится своими мыслями драматург Лучия Деметриус — советская драматургия утверждает радость жизни, пафос построения социального строя, освобожденного от эксплуатации, чувства облагораживающие и украшающие человеческую природу, изображая обыкновенных здоровых людей, с цельными характерами, стремящихся к тому, к чему стремится любой цельный человек, к своему счастью и к счастью всех » ⁶³.

Поэтесса Вероника Порумбаку, наконец, рассказывая читателю как она работала над переводом Щипачева, объясняет почему она так глубоко ценит этого поэта, и вообще всю советскую поэзию, а именно за — « веру поэта — современника » остро « переживающего проблемы своей эпохи, коммунистического века, участвующего в их разрешении » « увековечивающего этим свое имя » ⁶⁴.

Цитированные высказывания, наряду с другими явлениями недавней истории румынской литературы, помогают понять почему мы считаем себя вправе заключить, что в процессе усвоения социалистического реализма, влияние советской литературы было не случайным, а одним из решающих факторов.

Общий обзор книг переведенных из советской литературы на румынский язык за последние 13 лет, говорит о том, что издательские усилия были обращены в двух направлениях: с одной стороны заметно стремление издавать классические произведения советской литературы, с другой добиться максимальной оперативности. издавая как можно быстрее все новые книги, в особенности удостоенные премий. И в первом и во втором плане было сделано много. Были заполнены главные пробелы в переводах горьковского творчества. Кроме романа « Мать » (5 раз переиздававшегося за 10 лет общим тиражем в 100.000 экз.) и других книг, ранее уже изданных на румынском языке, были переведены и монументальные произведения советской эпохи « Мои университеты », « Дело Артамоновых », « Жизнь Клима Самгина », « Егор Булычов и другие » и т.д.) а также крупные произведения как « Лето », « Варенька Олесова » и т.д. Предпринято издание сочинений Горького в 30-ти томах. В 1945 г. была издана поэма Маяковского *Хорошо*, переизданная в 1949 и 1954 гг. Были также изданы на румынском языке: *Владимир Ильич Ленин*, 150.000.000, *Во весь голос*, несколько томов стихов и том пьес.

---

⁶³ Lucia Demetrius, *Experiența unei mari dramaturgii* « Viața Românească », nr. 7/ 1954, стр. 354.

⁶⁴ Veronica Porumbacu, *Tălmăcindu-l pe Scipăciou*, « Viața Românească », nr. 7/1954, стр. 361.

Шолохов был переведен почти полностью. *Тихий Дон* вышел в 3 изданиях, в 1947—1949, 1950—51 и 1954 г., *Поднятая целина* в 6-ти изданиях, а в 1957 г. были изданы и *Донские рассказы*. Первый том *Хождения по мукам* вышел в 1945 г., еще до окончания войны; сейчас приступлено к изданию произведений Алексея Толстого в 6 томах. Так закалялась сталь Островского была издана до сих пор 7 раз, *Рожденные бурей* два раза. Переводятся сочинения Федина в 7 томах; Из творчества Фадеева были изданы «Молодая Гвардия» в 1947 (неоднократно затем переиздавалась), «Разгром», «Последний из Удэгэ». Были переведены также произведения А. Караваевой, Катаева, Веры Кетлинской, Юрия Крымова, Эренбурга, Фурманова, Гладкова, Гроссмана, Вилиса Лациса, Леонова, Малышкина, Панферова, Павленко, Шагиньян.

С другой стороны переводилось очень много из новейшей советской литературы. Некоторые военные романы появились в свет до окончания военных действий тогда, когда румынские войска еще воевали вместе с Советской Армией на Западном фронте. Так, например, «Непокоренные» Горбатова были изданы в 1944 г., в том же 1944 г. были изданы: «Просто любовь» Ванды Василевской, *Дни и ночи* Симонова, в 1945 г. *Радуга* Ванды Василевской. С такой же оперативностью были переведены такие книги как *Повесть о настоящем человеке* Бориса Полевого, *Далеко от Москвы* Ажаева, *Спутники и Кружилиха* Веры Пановой, *Сталь и шлак* Попова, *Кавалер Золотой Звезды* и *Свет над землей* Бабаевского, *Жатва* Галины Николаевой и многие другие, менее значительные произведения.

Обе линии по которым развивалась издательская деятельность были полезны, необходимы; они способствовали созданию той новой атмосферы в литературной жизни, о которой говорилось выше. Но был и пробел. Перед румынскими писателями ставилась задача: отразить мир в непрерывной борьбе и переменах, в котором установленные веками критерии свергаются с ошеломляющей быстротой, мир, в котором все должно было быть изменено. Советская литература 20-х годов была близка к такой проблематике. Бурность, напряженность, стилевая и композиционная резкость, столь характерные для некоторых произведений вышедших в 20-ых годах в СССР, могли помочь румынским писателям глубоко понять специфику румынской революции. Но такого рода произведений переводилось мало.

Довольно остро была ощутима в нашей литературной жизни, из-за вышеуказанной односторонности переводнической деятельности, невозможность осуществления исторической, всеобщей картины развития советской литературы.

Для ознакомления с глубочайшими процессами развития социалистического реализма румынским писателям необходимо было познакомиться не только с грандиозной, уже законченной постройкой, но и с перипетиями

построения, с идеологической борьбой 1920—1930 гг. с успехами и неудачами, со всеми ступенями и всеми превзойденными трудностями.

Писательская общественность Р.Н.Р. привыкла следить с большим вниманием за литературными дискуссиями, проводимыми в СССР. У нас это стало традицией. Румынские писатели почерпнули многое и из решений ЦК КПСС от 1946 г. по вопросам искусства и литературы, и из дискуссии по вопросам драматургии в 1949 г., по вопросу о типичности, в связи с разоблачением порочности теории безконфликтности, из дискуссий на втором съезде советских писателей и д. д. Наши писатели следят с большим интересом за решительной, смелой борьбой советских писателей против ревизионизма и негативизма, борьбой вдохновленной партийной оценкой задач литературы, данной в известном выступлении Н. С. Хрущева: « За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа ». Но для понимания всей глубины этой борьбы в совокупности её проявлений, для понимания отповеди, которую советские писатели дают ревизионистам и клеветникам различных оттенков, необходимо основательное знакомство со всеми этапами развития советской литературы.

Существование указанного пробела было замечено и ответственными органами издательских организаций Р.Н.Р. За последние годы было выпущено в свет несколько произведений советских писателей, относящихся к 1920—1930 гг. («Донские рассказы» Шолохова, «12 стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова, «Барсуки» Леонова, первые романы Федина и т.д. Подготавливаются к печати переводы произведений Кольцова, Олеси, Бабеля). Нет сомнения, что в результате этой переводческой деятельности, влияние советской литературы на становление литературы социалистического реализма в Р.Н.Р. возрастет еще больше.

Опыт нескольких десятилетий борьбы за социалистический реализм в румынской литературе доказывает ясно, что такое развитие немыслимо вне великого процесса образования всемирной социалистической культуры, процесса в котором опыт советской культуры, первой социалистической культуры в мире имеет ведущую роль. Поэтому румынские писатели считают своим долгом безустанно учиться на примере советской многонациональной литературы, самой гуманной и жизнеутверждающей литературы в мире.

Татьяна Николеску

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РУССКО-РУМЫНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В XIX ВЕКЕ И В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(ТВОРЧЕСТВО ГОГОЛЯ В РУМЫНИИ)

Разработка истории русско-румынских литературных связей—одна из основных и неотложных задач, стоящих перед румынскими славистами. Богатый и очень интересный материал, частично еще не изученный, ждет своих исследователей, которым предстоит создать широкую картину развития связей между литературами двух народов-соседей, братство и дружеские чувства которых неоднократно проявлялись в течение веков исторической жизни и совместного участия в войнах, политических событиях и т.д. Отдельные частичные исследования в этой области уже сделаны. Но, несомненно, что фундаментальная работа, посвященная истории русско-румынских литературных отношений с самых отдаленных времён и по наши дни, сможет быть создана лишь после предварительной разработки отдельных частных вопросов, освещение которых сделает возможными создание общей картины взаимосвязей между русской и румынской литературами и научное обоснование вопроса о влиянии русских писателей на творчество румынских писателей. Так, например, необходимо изучить процесс проникновения и распространения произведений отдельных русских писателей в Румынии, дать критический разбор переводов и переработок на румынском языке, учесть отзывы печати и критики, установить возможность и степень влияния на одного или другого из румынских писателей, и конкретно осветить этот вопрос, а затем перейти к периодизации и теоретически и исторически обосновать и показать ту огромную роль, которую сыграла русская литература в общем развитии румынской литературы, в её утверждении на путях реализма и демократизма, а также в деятельности её отдельных представителей. Основная глава такой работы должна быть посвящена русско-румынским литературным связям в XIX веке и в начале XX века, как одному из наи-

более ярких и сильных моментов в истории этих отношений. В XIX веке и в начале XX века румынские писатели и читатели широко ознакомились с прекрасными творениями русской классической литературы, завладевшей вниманием и снискавшей уважение всей Европы, и это знакомство с творчеством Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, а несколько позже и Горького, оставило сильное, неизгладимое впечатление, о котором неоднократно говорили и говорят лучшие представители румынской культуры и лучшие сыны румынского народа. Вспоминая времена своей молодости, классик румынской литературы, известный писатель Михаил Садовяну, определил прекрасно то сильное влияние, которое имела русская литература на румынскую передовую общественность: « Волна великодушия и благородства, которую внесла русская литература в европейскую жизнь XIX века, имела колоссальное влияние на нашу интеллигенцию той эпохи. Социальные и этические вопросы лежали в основании многих романов, поступавших из этого прекрасного Востока. В те годы моей первой молодости я читал с упоением Толстого, Гоголя, Достоевского и Тургенева. На меня произвели сильное впечатление своей грустью романы *Обломов* Гончарова и *Господа Головлевы* Щедрина. Меня глубоко взволновал роман Чернышевского *Что делать?* Имена революционеров — Герцена, Белинского, Добролюбова, — произносились нами, молодёжью, с восхищением и уважением . . . ¹ ».

При конкретном изучении русско-румынских литературных связей в XIX веке и в начале XX века необходимо обратить внимание на некоторые конкретные особенности, обусловившие распространение и влияние русской литературы в Румынии.

Во-первых, нужно принять во внимание, что в буржуазно-помещичьей Румынии, передовая, демократическая русская литература была отнюдь не желанным гостем. Реакционные правительственные и литературные круги стремились всеми силами препятствовать её распространению. Необходимо вспомнить полные негодования строки румынского классика Александру Одобеску, писавшего в 1874 г., в своей знаменитой книге «Псевдокинегетикос». «Я говорил об Аксакове, ссылаясь на оценку, данную г-ном Хаждэу. Лучше было бы мне вообще не упоминать его, также как, может быть, лучше было бы не упоминать в этом письме ни Гоголя, ни какого-либо другого русского писателя. Теперь у нас, когда кто-нибудь заговорит о славянах, будь это по вопросам литературы, филологии, истории, а прежде всего сельского хозяйства, то он сразу становится всем подозрителен и накликает на себя беду. Находятся даже некоторые более радикальные, более чистые, более румыны, чем вся «румынская нация», чем вся

---

¹ M. S a d o v e a n u, *Importanța mondială a literaturii clasice ruse și a literaturii sovietice* в «Evocări». Бухарест, 1954, стр. 192.

« румынская земля ». . . которые набрасываются с такой критикой, что и головы целой не унесёшь »².

Препятствия для распространения русской передовой литературы чинятся реакционными кругами особенно настоятельно, начиная с последних десятилетий XIX века, когда перед правительством и эксплуататорскими классами встает угроза нарастающей волны недовольства народных масс и революционности румынских рабочих, вдохновляемых в своей борьбе примером русского пролетариата. Вплоть до освобождения Румынии, до 23 Августа 1944 г., гонение на передовую русскую литературу не будет прекращаться, принимая особенно острые формы в годы Великой Октябрьской Социалистической Революции и гражданской войны, или Великой Отечественной Войны.

В таких условиях каждый новый перевод с русского языка, новый отклик в печати, новая статья о русском или советском писателе, являлись своеобразной победой, победой правды, идеалов гуманизма и демократизма, носительницей которых была русская литература.

Одновременно возрастающий спрос на русскую и советскую книгу, несмотря на все козни реакции, служил ярким доказательством глубокого интереса, проявляемого румынским передовым читателем к произведениям Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, Горького, Короленко, Маяковского и т.д. Распространение произведений русской литературы в дешёвых изданиях (Лумен, Минерва, Библиотека для всех и т.д.) делалось передовыми общественными кругами с целью ознакомления с ними широких читательских и народных масс и их организации на борьбу за свободу и правду. Русская литература сыграла большую роль не только в развитии и упрочнении реалистических и гуманистических традиций в румынской культуре, но и в утверждении передовых идеалов борьбы за свое освобождение из-под буржуазно-помещичьего ига в жизни румынского пролетариата и крестьянства.

Во-вторых, нужно принять во внимание и следующее обстоятельство, имеющее свое значение. Ввиду недостаточного распространения знаний русского языка, румынские читатели знакомились очень часто с произведениями русских писателей при помощи французских переводов, книг, критических статей и т.д. (В Трансильвании тождественную роль сыграли немецкие, и, частично, венгерские переводы). Так, например, положительную роль развитию интереса к русской литературе в среде румынских читателей сыграла известная книга Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» (1886). Несомненно, такое ознакомление с русскими писателями путём переводов, сделанных с других переводов имело свои отрицательные стороны (сокращение текста, практикуемое и французскими переводчиками, или, наоборот,

---

² A. O d o b e s c u — *Pseudokyneghetics*, Ed. II, Краиова, стр. 55—56.

большие отступления от оригинала, слишком вольные переводы, ошибки, небрежности и т. д.). К этому нужно добавить, что, неоднократно, текст искажался преднамеренно румынскими переводчиками, с целью исключения или затушевания отрывков с ярко выраженной передовой, демократической тенденцией.

Правда, нужно оговорить вышеприведенное положение, указав, что с конца XIX века, и, в особенности, в начале XX века, можно отметить многочисленные переводы, сделанные непосредственно с русского текста, людьми хорошо знакомыми и с языком и с русской литературой. Но и эти переводы не были свободны от цензурных сокращений и искажений, а, иногда, даже подвергались им в большей степени, чем другие.

В свете таких некоторых общих установок данная статья ставит своей целью изучить процесс проникновения и распространения в Румынии, в XIX веке и в начале XX века (вплоть до 1917 г.) творчества одного из крупнейших мастеров русской литературы Николая Васильевича Гоголя.

Литературная судьба Н. В. Гоголя в Румынии отличается во многом от судьбы его современника и друга, А. С. Пушкина. Как известно, во время южной ссылки, Пушкин познакомился и сблизился с молдавскими писателями, Стамати и Костаки Негруцци, переведшими в дальнейшем некоторые произведения русского поэта. Так, например, можно указать на переводы *Кавказского пленника* Стамати, *Черной шали* и *Киржали* Негруцци (1837) и *Цыган Доница* (1837). Это были одни из первых иностранных переводов Пушкина. Имя Пушкина встречается в произведении поэта Василе Александри — *История одной золотой монеты* (1844). Влияние русского поэта чувствуется в ранних литературных опытах Б. П. Хаждеу (в особенности в *Княжне Войкице*), в его пьесе *Рэзван и Видра*, а также в произведениях Стамати Чубэр — *Водэ* и *Драгош*.

Необходимо подчеркнуть не только ранний характер переводов произведений Пушкина, но и тот положительный факт, что они были сделаны писателями, и, некоторые из них, непосредственно с русского подлинника, что отличает их выгодно от других современных и более поздних переводов русских книг на румынский язык.

Вообще нужно отметить, что в первой половине XIX столетия, в румынских литературных и общественных кругах, был подчеркнутый интерес к русской литературе и культуре, а также были и знатоки русского языка. Так, например, следует упомянуть имя писателя Асаки, переводившего из Жуковского и Державина.

Совсем иначе, чем для Пушкина, протекал процесс ознакомления румынского читателя с творчеством Гоголя. По сравнению с другими странами (в особенности с соседними славянскими, — в первую очередь с Чехией

—или с Францией и Германией) переводы Гоголя на румынский язык появились сравнительно поздно. Самый ранний перевод относится к 1860 г. и был напечатан в ясском журнале «*Foița de istorie și literatură*»³ (Листок истории и литературы), выходившем под редакцией Б. П. Хаждэу. Это отрывок из «Записок сумасшедшего» (первая запись Поприщина от 3-го октября).

Перевод, подписанный неким Д. А. Холбаном, не отмечается художественностью. Переводчик сократил текст, например, исключил следующее размышление Поприщина: «Правильно писать может только дворянин. Оно конечно и некоторые купчики — конторщики и даже крепостной народ пописывает иногда; но их писание большею частью механическое: ни запятых, ни точек, ни слога»⁴. Есть некоторые ошибки: («верно Поклан не принёс моего письма...» переведено: «*Ai primit fără îndoială scrisoarea mea dela Azor...*»); заметно местами непонимание русских выражений «что у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой?...» переведено «*se-ți este de cap, frate. de nu urmezi regulat?*...» или «проклятая цапля» переведено «*lup bătrîn și blestemat...*»). Перевод, иногда, перегружен устарелыми словами и оборотами.

Перевод сопровождается краткой заметкой редакции, в которой читаем: «Один из наших сотрудников, любезно передал нам этот перевод, и мы считаем нужным прибавить здесь, что Н. Гоголь известный русский писатель-юморист».

Какая неглубокая и односторонняя характеристика таланта Гоголя, — исключительно как юмориста!

Как видно из вышесказанного, первый перевод произведения Гоголя на румынском языке появился позже, чем на других языках. Уместно здесь напомнить, что уже в 30—40 годы прошлого столетия, Гоголь неоднократно переводился на французский⁵, немецкий⁶, чешский⁷ языки, его творче-

³ «*Foița de istorie și literatură*», Яссы, № 3, май, 1860.

⁴ Все цитаты приведенные из творчества Гоголя даются по изданию: Н. В. Гоголь — Собрание художественных произведений в пяти томах. Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) — Изд. Академии наук, Москва, 1951. (в дальнейшем Н. В. Гоголь — Собр. произв.)

⁵ Напомню о следующих первых переводах отдельных произведений Гоголя на французский язык, сыгравших значительную роль в распространении его творчества в Европе:

— *Nouvelles russes de Gogol*. Trad. par Louis Viardot, Paris, Paulin, 1845, VII, 324 pag.

— *Nouvelles choisies de Nicolas Gogol*, trad. par L. Viardot, Paris, Hachette, 1853, VI, 162 pag. (Bibliothèque de chemins de fer).

— *L'Inspecteur général*, trad. par P. Merimée. (*Les deux héritages suivis de L'Inspecteur général et des Débuts d'un aventurier*) Paris, Levy, 1853.

— *Au bord de la Neva*. Contes russes, Marmier X. Paris, Levy, 1856 pag. 215—258 (перевод Шинели).

ство обсуждалось видными западноевропейскими критиками⁸ и имя его было широко известно читающей публике.

Первый румынский перевод произведения Гоголя не мог сыграть значительную роль в литературной жизни Румынии, подобно той, которую сыграл во Франции перевод Луи Виардо. Во-первых, потому что шла речь о переводе небольшого отрывка, не дающего возможности судить о значении таланта русского писателя, а во-вторых, потому что перевод не передавал художественных особенностей оригинала.

Но, несомненно, перевод отрывка из *Записок Сумасшедшего* остается интересным фактом в истории русско-румынских литературных связей, моментом ознакомления, хотя и частичного, румынского читателя с творчеством Гоголя. Нельзя не подчеркнуть, что это первое знакомство с русским писателем утвердило его в глазах новых читателей, как реалиста и гуманиста, как беспощадного сатирика.

Чем же объяснить такой сравнительно поздний первый перевод Гоголя на румынский язык?

Можно полагать, что основной причиной была реакционная политика правительственных и некоторых литературных кругов, усилившаяся в начале второй половины XIX столетия, политика, о которой говорил Одобэску в вышеприведенной цитате, стремление преградить путь передовым идеям утверждаемым русской литературой. Ввиду этого многие русские писатели

— *Les ames mortes*, trad. par E. Charrière. 2 vols. Paris. Hachette, 1859, XXXI, 346; XXXVII, 357 pp.

— *Les ames mortes*, trad. par E. Moreau, Paris, Havard, 1859.

⁶ Некоторые ранние переводы Гоголя на немецкий язык:

— *Das Ehepaar aus der alten Zeiten auf dem Laude* — Blätter für Kunde der Literatur des Auslandes, 1840, nr. 127.

— *Russische Novellen*. Nach L. Viardot übertvagen von H. Bode 2 Bde. Leipzig, Klemme, 1846, Bd. 1 — *Tarass Bulba*; Bd. 2. — *Der König der Erdgeister. Das tagebuch eines Narren. Ein bild der guten alten Zeit. Die Kalsche*.

— *Die todten Seelen*. Ein satyrisch — Komische Zeitgemälde- Aus dem Russischen übertragen von Ph. Löbenstein. Leipzig, Reclam, 1846.

— *Eine Mainacht*. Eine schreckliche Nacht. In: Europa, Hrsg. von A. Lewald, 1848.

— *Eine schreckliche Rache*. Klein russische Volksgedichte. In: «Russisches Leben und Dichten», Leipzig, Biedermann, 1851, 167—250.

— *Der Mantel* — Erzählung. In «Russisches Leben und Dichten». Leipzig, Biedermann, 1857, 251—312.

— *Der Revisor* — Lustspiel in 5 akten, bearbeitet von A. von Viedert. Berlin, Triwitsch, 1854.

⁷ Для первых чешских переводов Гоголя см. В. Д. Савицкий — *Творчество Гоголя в Чехословакии*, в сборнике *Гоголь — Статьи и Материалы*, Ленинград, 1954.

⁸ Sainte-Beuve. *Nicolas Gogol*. Premiers Lundis, vol. III 1845, pag. 25—26.

— Prosper Mérimée. *La littérature en Russie: Nicolas Gogol*. «Revue des deux Mondes», 1851, no. 1.

— H. Koenig. *Literarische Bilder aus Russland*. Stuttgart und Tübingen. 1837.

переводились в Румынии с запозданием по сравнению с другими странами. Однако же, нужно подчеркнуть, что в конце XIX века, с 1880 года примерно, положение резко изменится в связи с передовым общественным подъёмом, и, среди многих других произведений русской литературы, которые широко проникнут и начнут распространяться в Румынии, должное место займёт и творчество Гоголя.

В последующие годы после появления отрывка из *Записок сумасшедшего*, имя Гоголя встречается периодически на страницах румынских газет и журналов, что дает основание говорить о возрастающем интересе к русскому писателю и желании ознакомиться с данными о его жизни и творчестве⁹.

О знакомстве с произведениями Гоголя и, в первую очередь, с *Ревизором*, в ту же эпоху, свидетельствует пьеса *Милло Директор* (1867) известного румынского писателя Василия Александри. В интриге румынской пьесы есть некоторые общие черты с гоголевским *Ревизором*. Милло, директор бухарестского национального театра, приезжает в провинциальный город, где его принимают за видного чиновника, директора в Министерстве внутренних дел. Отсюда ряд смешных сцен: провинциалы заискивают перед ним, в надежде получить хорошую службу, Милло же, в свою очередь, собирается выбрать из них актёров для своей труппы. Хотя под конец правда выходит наружу, пьеса кончается счастливо для всех, так как оказывается, что Милло привёз из Бухареста письмо, на основании которого хозяин дома, где он гостит, Нае Онофреску, назначается городничим. Некоторое сходство в интриге подкрепляется и другими доводами, наводящими нас на мысль, что, по всей вероятности, Василе Александри был знаком с *Ревизором* в его французском переводе, принадлежавшем Просперу Мериме. Во-первых, румынский классик интересовался и был очень хорошо осведомлен о всех событиях литературной жизни во Франции. Как известно, перевод Мериме, вышедший в 1853 г., привёл к широким спорам в печати, в особенности насчёт точности передачи русского текста¹⁰.

Трудно себе представить, чтобы Александри не обратил внимания на этот спор, тем более, что в декабре того же 1853 г., он познакомился лично с Проспером Мериме, к которому давно относился с большой любовью и восхищением. При таких обстоятельствах можно предполагать, что румынскому драматургу не остался неизвестным новый и столь шумевший перевод французского писателя.

В этот начальный период постепенного и всё растущего интереса к творчеству русского писателя, необходимо выделить особенно 1874 год, как имевший особое значение для темы — «Гоголь и Румыния».

---

⁹ См. статью *Alexandru Puşkin*, «Amicul Familiei», Бухарест, 10 окт. 1863, а также заметку в «Familia», Pesta, apoi Oradea Mare, No. 23, 1866, стр. 270.

¹⁰ См. *Henri Mongault*, *Prosper Mérimée — Études sur la littérature russe*. Париж. 1931.

В 1874 году в журнале *Ревиста Контимпоранэ* (Современный журнал) Петру Грэдиштяну напечатал свою комедию *Ревизорул Женерал* (Генеральный ревизор)¹¹, указав, что это переделка по Гоголю. В том же году пьеса Грэдиштяну вышла отдельным изданием¹².

Петру Грэдиштяну переделал гоголевскую пьесу (с которой он познакомился во французском переводе Мериме) в духе румынской действительности середины прошлого столетия. Он переименовал по-румынски гоголевских героев: городничий стал называться Харитон Зоркидеску, судья — Блеговичяну; Ляпкин-Тяпкин превратился в Ромулуса Флавиуса Терчилиана. Бобчинский и Добчинский стали Маке Морковяну и Саке Сорковяну. Хлестаков превратился в Иоргу Скорбури.¹³ Некоторые знакомые нам персонажи (как Земляника, Лука Лукич) исчезли и появились другие, не существующие в пьесе Гоголя, например: кассир Артемеску, капитан стрелков Раду Стоян, помощник городничего Антонеску и Лейбу Аврамеску. Пьеса Грэдиштяну состоит только из 3-х действий. Были полностью исключены сцены в трактире, столь важные для характеристики Хлестакова, городничего и Осипа и для развития действия. В переработке Грэдиштяну зритель знакомится с мнимым ревизором в доме городничего, куда Скорбури приводит трактирщик, как раз в ту минуту, когда сплетники Маке Морковяну и Саке Сорковяну (Бобчинский и Добчинский) сумели убедить Харитона Зоркидеску в том, что задолжавший посетитель является именно ожидаемым ревизором. Отсутствуют также сцены, в которых купцы и другие местные жители приходят жаловаться мнимому ревизору на городничего. Стремление приблизить гоголевскую пьесу к румынской действительности заметно в отражении политической жизни и в некоторых изменениях, которым подверглись персонажи. Пьеса Грэдиштяну дает сатиру политической жизни и нравов буржуазно-помещичьей Румынии, и в первую очередь её парламентарного режима. Городничий жалуется на трудности с которыми ему приходится бороться во время выборов, Лейбу Аврамеску обещает помочь Иоргу Скорбури во время выборов, и поддержать его кандидатуру, Маке Морковяну представляется мнимому ревизору, как «избиратель в первой, коллегии нашего уезда, стоял всегда за правительство и голосовал всегда за правительственного кандидата», а Саке Сорковяну просит дать ему службу, так как он «голосовал за Министра» и т.д.

---

¹¹ *Revizorul General*, comedie în 3 acte, imitată după N. Gogol și dedicată d-lui V. Alecsandri, «Revista Contemporană», Бухарест, 1874, стр. 252—277; 353—381; 439—466.

¹² *Grădișteanu Petru*, *Revizorul General*, comedie în 3 acte, imitată după N. Gogol, Бухарест, 1874, 88 стр.

¹³ В основном Грэдиштяну стремился сохранить в переводе значение русских фамилий, что ему удалось только частично. Так, например, удачно переделана на румынский лад фамилия Ляпкина-Тяпкина, в то время как имя Хлестакова потеряло в румынской переработке весь свой внутренний смысл.

В репликах Иоргу Скорбури, прекрасно характеризующих демагогию и растленность общественных порядков буржуазно-помещичьей Румынии, то и дело звучат политические термины. Например, обращаясь к городничему и протестуя против своего предполагаемого заключения в тюрьму, он говорит: « Не понимаю, господин субпрефект, что это значит? Это явное нарушение конституции! . . . В моей личности производится насилие над личной свободой . . . » и дальше « Протестую . . . это было бы еще более явное нарушение личной свободы, гарантированной Конституцией. Протестую и буду жаловаться в Министерство » . . .

Действующие лица пьесы, в своей сущности, мало чем отличаются от гоголевских. Главная разница относится к той же локализации, « румынизации ». Например, хвостовство Иоргу Скорбури принимает румынскую окраску: он друг Милло, Караджале, Паскали, он написал стихотворение Сбурэторул, Стелуца, он руководит журналами Ромынул, Пресса, Тромпета. К той же « румынизации » можно отнести и образ начальника почты — Ромулуса Флавиуса Терчилияна, в котором Грэдиштяну осмеял манию латинизации румынского языка, довольно распространенную в ту эпоху¹⁴.

Бóльшее отличие по отношению к гоголевскому образу можно заметить в мнимом ревизоре, Иоргу Скорбури. Грэдиштяну представил его жуликом, очень скоро сообразившим, что чиновники принимают его за кого-то другого, и стремившимся использовать до максимума в свою пользу, создавшееся положение.

Вообще нужно сказать, что в своей переработке Грэдиштяну местами стремился к фарсу, к дешевым комическим, часто внешним, эффектам. Так, например Саке Сорковяну заикается, а врач Швальцберг (которого он наделяет репликами Земляники) говорит на коверканном румынском языке¹⁵.

Это стремление подтверждают и указания для актёров о характерах и костюмах. Гоголь подчеркивает в первую очередь сущность характера, его внутренний смысл, психологию персонажа, указывает на жесты, мимику, а костюмам уделяет второстепенное значение. У Грэдиштяну наоборот: на первом плане указания внешнего порядка, костюмы описаны очень подробно, так же и черты лица и т.д. О внутренней сущности образа говорится куда меньше, а иногда вообще не говорится ничего.

Вот, например, какие указания дает Грэдиштяну в связи с образом

---

¹⁴ Язык Терчилияна изобилует такими выражениями как: *onorabila direpciune... pote fire... onorabilitate și aplecăciune... sum în pusăciune... deleptăciune... naciunale... Costituciune... etc.* Образ, выведенный Грэдиштяну, во многом напоминает известный сатирический тип, созданный Василием Александри, а именно Ионус Галускус из пьесы *Русалийле*.

¹⁵ Например: *O taifel, asta nu se pote ; cît omul apropii de natur atît mai pun ; nu mai trebuie toctorii scump: omul ființa simplu, dacă more, more ; dacă vintecă, vintecă* (подчеркнуто мною Т. Н.).

судьи, далеко отстающие от содержательной характеристики Ляпкина-Тяпкина, данной Гоголем: «55 лет, волосы седые; густые и коротко подстриженные усы . . . В первом действии появляется в наброшенном на плечи пальто, на ногах огромные боты; перед тем, как начать говорить, снимает боты и прячет их под кровать, пальто кладет на кровать и остается в длинной летней одежде серого цвета. На шее белый шарф . . . Во втором действии носит фрак с длинным и острым хвостом, с короткими и узкими рукавами, большой жилет с карманами и отворотами à la Bonaparte, отвороты жилета выступают поверх фрака. Панталоны рыжего цвета, белый шелковый галстук, белые перчатки, неизмеримо больше рук. Когда представляется Скорбури кладет шляпу на стул, а затем, забыв, садится сам на тот же стул; увидев, что помял шляпу, берет её в руки и не знает, что с ней делать. В третьем действии носит ту же одежду, кроме фрака, заменённого сюртуком той же моды . . . »

Несмотря на все фарсовые элементы, которые снижают художественную ценность переработки Грэдиштяну, и искажают, в некоторой степени, смысл гоголевской пьесы, нельзя не подчеркнуть, что в основном румынская перделка *Ревизора* послужила тем же целям разоблачения, что и русский оригинал. Пьеса Грэдиштяну прозвучала смелым приговором гнусной действительности буржуазно-помещичьей Румынии, основанной на пороках, лжи и эксплуатации.

Самым лучшим доказательством острого социального звучания переработки Грэдиштяну служит полемика, развернувшаяся после ее первого представления на сцене (21 февр. 1874 г.) Она во многом напоминает бурные споры, возникшие вокруг *Ревизора*, и подчеркивает ещё раз, что даже облечённые в чужую одежду, под измененным обликом, передовые идеи гоголевской пьесы не теряли своей сатирической силы.

Например, правительственная газета *Ромынул* обвиняла пьесу Грэдиштяну в безнравственности, ссылаясь на ненаказанность порока и на сатирическое изображение чиновничьего мира.

Нападки румынской реакционной газеты, очень живо напоминают нам «сердитые» голоса некоторых из «возмущенных» «безнравственностью» гоголевского *Ревизора*, которых писатель вывел и осмеял в своем «Театральном разезде после представления новой комедии».

Одновременно пьеса Грэдиштяну вызвала положительные, сочувственные отклики среди передовой литературной и культурной общественности.

Чезар Боллияк — один из виднейших деятелей революции 1848 г., писатель, утверждавший всегда общественное значение литературы и боровшийся неутомимо за передовое, идейное искусство — выступил с теплой статьей в газете *Тромпета Карпацилор*¹⁶ (Горн Карпатов), в

¹⁶ C e z a r B o l l i a c, *Revizorul General* (prelucrare după N. Gogol) (Cronică teatrală) «Trompeta Carpaților», Бухарест, 1874, № 1113, февр. 24, стр. 2.

которой поздравлял румынского автора, « которому пришла такая счастливая мысль написать сатиру на самые вопиющие пороки нашей жизни » и подчеркивал « совершенство локализации ». Назвав пьесу « благородной комедией », Боллияк утверждал, что если бы не указание имени русского писателя, « никто бы не подумал, что это произведение не принадлежит румынскому таланту, сумевшему благородно и со вкусом осмеять смешные стороны нынешней жизни . . . ». Хотя анонимный рецензент передового сатирического журнала *Гимпеле* (Колючка)¹⁷ более сдержан в оценке спектакля и художественных достоинств переработки Грэдиштяну,¹⁸ все-таки он ярко подчеркивает общественное звучание произведения, когда говорит, что *Ревизорул женеерал* отражает прекрасно « эпоху цинизма и безнравственности, в которую мы живём. » Наряду с пьесой Грэдиштяну и со всеми спорами, возникшими вокруг нее, в течение которых неоднократно произносилось имя Гоголя, другое литературное событие, того же 1874 г., способствовало знакомству румынской общественности с русским писателем. Я имею ввиду выход в свет известной книги Александра Одобеску *Псеудокинегетикос*. Одобеску, хорошо знавший и высоко ценивший русскую культуру и литературу, упоминает в своей весьма интересной книге, среди других писательских имён Тургенева и Гоголя. Отзываясь о последнем с большим восхищением, он называет его произведения *Ревизор* и *Тарас Бульба* (« это прекрасное описание жизни запорожских казаков, сыгравших столь видную роль в истории румынских княжеств в период расцвета при царствовании Матея Басараба в Царе Румыняске и Василия Лупу в Молдавии, »)¹⁹, а затем переводит с большим мастерством отрывок из гоголевской повести, а именно описание степи ночью. Таким образом, Одобеску сообщил румынскому читателю некоторые ценные сведения о творчестве русского писателя, и, в то же время, дал ему возможность познакомиться, хоть и с кратким, но с прекрасным отрывком из крупнейшего произведения Гоголя. Нужно сказать, что перевод Одобеску стоит на высоте оригинала. Прочитав его, чувствуешь всю красоту и музыкальность, красочность и неподражаемость гоголевского стиля; степь встает живо и осязаемо перед глазами, точно рассматриваешь картину, а не читаешь книгу.

Необходимо подчеркнуть, что влияние гоголевского стиля, гоголевской фразы, — широкой, плавной, ритмической, — а также и гоголевской иронии, чувствуется во всей книге Одобеску *Псеудокинегетикос*. В особенности напоминают нам Гоголя и его описание малороссийской степи в *Тарасе*

---

¹⁷ *Revizorul general* (Cronică teatrală) « Ghimpele », Бухарест, 1874, февр. 24, стр. 2—3.

¹⁸ Рецензент задает вопрос, зачем понадобилось Петру Грэдиштяну перерабатывать оригинал вместо того, чтобы его просто перевести на румынский язык, а также очень строго отзываясь о фарсовых элементах, внесённых румынским автором.

¹⁹ А. I. O d o b e s c u — *Pseudokyneghetikos* — Ed. II, Краиова, стр. 56.

Бульбе, страницы посвященные Одобеску описанию Бэрэгана, степи. расположенной на юге Румынии. О Гоголе заставляет нас подчас думать и другое произведение Одобеску, историческая повесть «Доамна Кияжна». Писатслей роднит и их интерес к фольклору, их любовь к народным песням, а также исследования по истории и истории искусств. Тема Гоголь и Одобеску, сложная и обширная, выходит за рамки данной статьи, которая ни в коем случае не претендует исчерпать её. Эта тема ждет еще своего исследователя.

Для того чтобы дать полное представление об этом начальном периоде проникновения и распространении творчества Гоголя в Румынии²⁰, необходимо остановиться на статье известного поэта Михаила Эминеску «Французская комедия и русская комедия», написанной в 1876 г.²¹. Статья Михаила Эминеску, несомненно, самый содержательный и серьезный комментарий к творчеству Гоголя из всего того, что было до тех пор написано в Румынии. Поводом для этой статьи послужило представление той же переделки Петру Грэдиштяну *Ревизорул женерал*. Интересно подчеркнуть, что Эминеску отзывался положительно о тех сторонах и образах пьесы, которые носят реалистический характер, и отвергает попытки фарсовых разрешений, внесённых П. Грэдиштяну (в особенности роли Саке Сорковяну и Терчилиана). Исходя из общей установки о превосходстве русской комедии — комедии высокого идейного содержания над французской комедией, румынский писатель останавливается, несколько подробнее, на разборе некоторых произведений Гоголя (*Ревизора* и *Мертвых душ*), в которых подчеркивает, как главную и характерную черту, их реализм. «По мнению одних Гоголь самый своеобразный, по мнению других самый лучший русский писатель, — говорит Эминеску. — Положение же таково: Гоголь запечатлел в своей памяти картины реальной жизни русского народа; его типы взяты из природы, это живые люди, такие, какими вы их встречаете в захолустных местечках, затерянных среди казацких степей . . . Гоголь не гонится за успехом; он не писал никогда ради гонорара и не жаждал успеха; он просто любил описывать вещи такими, какими он их чувствовал и видел, не задумываясь над правилами Аристотелевой пиитики . . . » Румынский поэт очень верно подчеркнул одну из особенностей гоголевской сатиры: «Мы смеемся . . . но в то же время и грустим . . . , согласно мнению некоторых настоящая комедия должна заставить грустить. Таково и воздействие гоголевской пьесы, подобное правде и природе . . . Гоголь, самый веселый из писателей России, таил в своей душе глубокую грусть . . . »

---

²⁰ Нужно отметить, что в этот период румынский читатель узнает ценные сведения о личности и творчестве русского писателя, и, в меньшей мере, имеет возможность познакомиться с его произведениями, так как, пока-что, ещё мало переводится из гоголевского литературного наследия.

²¹ Mihail Eminescu, *Comedia franceză și comedia rusească*. «Curierul de Iași», 1876, 5 дскаб., № 133.

Такое широкое обращение к творчеству Гоголя, к его авторитету реалиста и блестящего художника, в 70-ые годы прошлого столетия со стороны виднейших румынских писателей той эпохи Эминеску, Одобеску, Боллияк не могло быть случайным и не объясняется исключительно появлением *Ревизора Женера* Грэдиштяну. Да и сама переработка Грэдиштяну не случайна. В борьбе за утверждение идейной, реалистической литературы, которая велась в те годы передовыми литературными и общественными кругами Румынии, творчество Гоголя могло оказать надежную помощь. Не даром Эминеску упорно подчеркивает реализм Гоголя, глубокое жизненное содержание его произведений, а Боллияк и анонимный рецензент журнала *Гимпеле* указывают на сильный критический элемент *Ревизорула Женера*, в котором легко установить созвучность с русским оригиналом. Не случайно Эминеску, в вышеуказанной статье, сравнивает и находит родственными по своему стремлению и духу произведения Гоголя и румынских передовых писателей Крянгэ, Славич. К этому списку, можно было бы добавить, третье имя, которое вскоре станет широко известно, Караджале, занявшего в румынской литературе место, во многом родственное месту Гоголя в русской литературе.

Творчество Гоголя помогало этим передовым мастерам румынской литературы бороться за широкое развитие отечественной словесности по пути критического реализма, по пути общественно-значимого искусства, воодушевлённого передовыми идеалами своей эпохи.

Как видно из всего вышесказанного, имя Гоголя было уже известно в Румынии в 70-ых годах прошлого столетия, и в этом процессе ознакомления читателя с личностью русского писателя и, в общих чертах, с его творчеством видную роль сыграли крупнейшие представители румынской литературы той эпохи. Однако сами же произведения Гоголя были мало известны и на румынский язык еще не переводились²². В этом вновь можно усмотреть стремление определенных заинтересованных кругов препятствовать проникновению произведений, разоблачающей силы которых они боялись, и наоборот в ту же эпоху писатели, на первый взгляд менее «опасные», как, например, Тургенев, переводились довольно интенсивно.

Однако же, глубокий интерес читающей публики к творчеству Гоголя вызвало в эти же 70-ые годы появление первых переводов его произведений. Речь идёт о переводах *Шинели*²³ и *Тараса Бульбы*,²⁴ появившихся в 1876 г. в газете *Тимпул (Время)*.

Для того, чтобы определить отношение к русскому писателю, небезинтересно познакомиться с содержанием редакционной заметки, служащей вступлением к румынскому переводу повести *Тарас Бульба*. «*Тарас Бульба*,

²² За исключением отрывка из *Записок Сумасшедшего*, о котором говорилось раньше.

²³ «*Timpu*l», Бухарест, 1876, № 11/1 апреля — № 16/15 апреля.

²⁴ Там же, № 72/9 июля — № 127/17 сентября.

— читаем мы в указанной заметке, — справедливо считается шедевром бессмертного русского романиста Н. Гоголя. Художественное достоинство повести возрастает за счёт изображения сцен и характеров неизвестного нам мира, которым искусное перо Гоголя восхищает наше воображение и трогает сердце. Мы полагаем, что печатая перевод этого шедевра, оказываем большую услугу нашей молодой, только образующейся литературе . . . »²⁵ (подчёркнуто мною Т. Н.).

Имена переводчиков остались неизвестными. Оба перевода интересны, в первую очередь, с исторической точки зрения, а также и в плане распространения произведений Гоголя в Румынии. Что же касается художественной стороны, то они во многом оставляют желать лучшего.

По всей вероятности, переводы не были сделаны с русского языка. Переводчики обращаются довольно бесцеремонно с гоголевским текстом, сокращают его, иногда выбрасывают часть предложения или фразы, иногда просто пропускают целые страницы. Так, например, переводчик *Шинели* пропустил объяснение, которое дает Гоголь имени Башмачкина²⁶, а также большой отрывок, в котором рассказывается о грустной жизни Акакия Акакиевича²⁷, или тот, в котором описывается смерть чиновника²⁸, столь же незаметно ушедшего из жизни, как и незаметно он ее прожил.

Такие же своевольные сокращения оригинала встречаем и в переводе повести *Тарас Бульба*, где по этому, временами, текст становится просто непонятен²⁹.

Нужно также заметить, что перевод *Шинели* не полный, он останавливается на смерти Башмачкина. Переводчик позволил себе сотрудничать с Гоголем, и, вместо посмертной мести бедного чиновника, после сообщения, что Акакия Акакиевича « четвертого дня похоронили », закончил повесть следующей фразой: « Бедный Акакий! воскликнули сразу все чиновники ».

Знаменательно такое опущение именно тех страниц в которых звучали мотивы протеста.

---

²⁵ Там же, № 72/9 июля, стр. 2.

²⁶ В переводе опущены следующие предложения: « Уж по самому имени видно, что он когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошли она от башмака, ничего этого не известно. И отец, и дед, и даже шурин и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки ».

²⁷ Г о г о л ь. Соб. произв., т. III, стр. 179—181. « Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всём свои чистые, ровным почерком выписанные строки... пересказывая вечный анекдот о команданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади фальконетова монумента... »

²⁸ Там же, т. III, стр. 211. « Ни комнаты, ни вещей его не опечатали... Акакия Акакиевича свезли и похоронили. »

²⁹ Там же, т. II, стр. 25—96. « Скоро весь польский юго-запад... оплачивали казаки прежние долги »; стр. 85—86 « Когда так, то пусть будет так... А я пожалуй, я рад: я слуга вашей воли ... »

Другой прием, встречаемый в обоих переводах (а также и в других более поздних) это сокращение или даже опущение развернутых сравнений, авторских замечаний, дигрессий и т.д. Например, совет портного Петровича «уже вы лучше, как придёт зимнее холодное время, наделайте из неё себе онучек, потому что чулок не греет. Это немцы выдумали, чтобы побольше себе денег забирать (Петрович любил при случае кольнуть немцев)»³⁰, в румынском переводе был сокращен: исчез намёк на немцев и отношение Петровича к ним: «ai putea însă la iarnă să faci din ea turluci, care țin mai cald decât ciogarii...» При таком произвольном отношении к тексту, несомненно, перевод не мог передать ни специфики гоголевского стиля, ни богатства и красоты его языка. Это чувствуется в особенности в переводе повести *Тарас Бульба*, в котором исчезла вся красочность в описаниях природы, например, в классической картине степи, и, вообще, вся художественная неповторимость этого прекрасного произведения.

Оба перевода имеют довольно много и иногда довольно грубых ошибок. Так, например, следующая характеристика портного, Петровича: «С этой стороны он был верен дедовским обычаям и споря с женой, называл её мирской женщиной и немкой»³¹ была переведена «Prin celebrarea zilelor consacrate de biserică el vroia să rămină credincios obiceiurilor din copilărie», «тоненькая шинелишка» стала в переводе «mantaua lungă» (длинная шинель) «натопаться хорошенько ногами в швейцарской» переведено: «a răsufla la portar» (т.е. перевести дух в швейцарской). В повести *Тарас Бульба* «дочь приехавшего на время ковенского воеводы» было переведено «fiica voevodului din Kovno, pe care-l văzuse adesea trecând prin Kiev», «с развязностью дитяти» (о польской княжне) стало в переводе «cu nerăsaarea proprie copiilor polonezi» (т.е. с безразличием, собственным польским детям) и т.д.³².

Язык переводов не выдержан с стилистической точки зрения. Очень часто встречаются тяжелые, почти неуклюжие обороты или выражения как «june», «a turmenta cu causticitate», казаки говорят «sînt ofensat», «un an de absență» в доме Бульбы «parchetul și pereții erau acoperiți de un pămînt argilos și lustruit» (паркет и стены были покрыты блестящей глиной).

Однако же, несмотря на все превратности судьбы, которым подверглись произведения Гоголя в этих переводах, талант писателя, сила его гуманизма и демократизма, дошли в какой-то степени до читателя и захватили его.

---

³⁰ Там же, т. III, стр. 187.

³¹ Там же, стр. 183.

³² «Бульба был упрям страшно» — в переводе: «Bulba era furios și încăpățînat», «консул» переводится часто словом «rector» и, в конце концов, получается, что ректор крадет у торговков, на базаре, пироги.

Несомненно, повести имели успех, так как через короткое время они были опять напечатаны, в новых переводах. В 1882 *Шинель* была опубликована газетой *Стяуа Дунэрий* (*Дунайская звезда*)³³, а в 1883 г. повесть *Тарас Бульба* вышла в отдельном издании³⁴.

Второй перевод *Шинели* ни чем не лучше первого, от которого он, между прочим, очень мало отличается, так что было бы справедливее считать его не новым переводом, а просто несколько переработанным переизданием текста, вышедшего в 1876 г.³⁵

Иногда перевод 1882 г. оказывается даже менее точным, а подчас применяет ещё шире метод произвольного сокращения, урезывая в особенности развернутые сравнения, и тем самым, конечно, искажая специфику гоголевского стиля³⁶.

Что же касается отдельного издания повести *Тарас Бульба* (1883 г.) то оно, при первом ознакомлении, выгодно отличается от первого, газетного перевода, 1876 года.

Перевод точный, с весьма незначительными сокращениями, стремится передать стилистические особенности оригинала. На первый взгляд кажется, что переводчик работал по русскому тексту. Но достаточно сопоставить несколько страниц румынского перевода с французским переводом Луи Виардо для того, чтобы безошибочно установить источник, по которому работал румынский переводчик.

Румынский перевод кальк с французского, его копия (с некоторыми небольшими сокращениями или изменениями). Фотографирование французского перевода Виардо привело румынского переводчика к неестественным оборотам звучащим очень странно по-румынски «*Voi ce vă trebuie cocoloșire? Cocoloșirea e o cîmpie întinsă, un cal bun, iată ce vă trebuie*» (дословный перевод французского текста «*Qu'avez vous besoin, vous autres, d'être dorlotés? Vos dorloteries, à vous c'est une belle plaine, c'est un bon cheval.*

---

³³ «*Steaua Dunării*», 1882, № 45/30 июня.

³⁴ N. G o g o l, *Taras Bulba, Roman istoric din viața Republicii Cazacilor*, Бухарест, 1883, VII — 216 стр.

³⁵ Доказательством в этом смысле может послужить совпадение пропущенных отрывков (Н. В. Гоголь, Собр. произв. т. III, 179—181, стр. 211), совпадение ошибочных переводов: («не указать уважения» — а *nu avea grijă*), а также и абсолютно тождественное окончание повести в обоих переводах, отличающееся, как было указано, от оригинала.

³⁶ Ярким примером может служить следующий факт: вскрывая ничтожество, чванливость и позёрство значительного лица, Гоголь пишет... «сказал» Что вам угодно? — голосом отрывистым и твердым, которому нарочно учился заранее у себя в комнате, в уединении и перед зеркалом ещё за неделю до получения нынешнего своего места и генеральского чина» а переводчик перевел только «а *spus cu o voce imperioasă și vibrantă*» (т. е. только голосом отрывистым и твердым); вся же остальная часть фразы, имеющая столь большое смысловое значение, осталась непереданной.

Voilà vos dorloteries ») ³⁷ *свитки* переводятся «*rochii*» (платья) т.е. дословно французское robes ³⁸.

Как мы видим, в числе первых произведений Гоголя, переведенных на румынский язык, были повести, широко известные не только в России, но и во всей Европе. Несмотря на все отрицательные стороны переводов, низкий литературный уровень которых не мог передать читателю художественные особенности и всю красоту оригинала, они сыграли некоторую положительную роль в том смысле, что познакомили румынский народ с передовыми идеями и идеалами, утвержденными творчеством Гоголя.

В особенности глубокий гуманизм повести *Шинель* не мог не найти отклика в душе читателей, не повысить их интереса к творчеству Гоголя и их желания ознакомиться с ним глубже. Нельзя пройти мимо факта многочисленных новых переводов этих двух повестей в последующие годы ³⁹. *Шинель* была переведена в 1909 г. и переиздана в 1936 г. ⁴⁰, а *Тарас Бульба*, одно из наиболее часто переводимых произведений Гоголя в Румынии, — в 1908 г. два

---

³⁷ Цит. по изд. Nicolas Gogol — *Tarass Bulba*, roman traduit du russe par Louis Viardot, Париж, 1872.

³⁸ Сравните, например, описание степи: «Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытаптывали их. Ничто в природе не могло быть лучше их. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волашки... Чорт вас возьми, степи, как вы хороши!»

«Plus on avançait dans la steppe, plus elle devenait sauvage et belle. Jamais la charrue n'avait laissé de trace à travers les flots incommensurables de ses plantes sauvages. Les seuls chevaux libres, qui se cachaient dans ses impénétrables abris, y laissaient des sentiers. Toute la surface de la terre semblait un océan de verdure dorée, qu'émaillaient mille autres couleurs. Parmi les tiges fines et sèches de haute herbe, croissaient des masses de bluets aux nuances bleus, rouges et violettes... O ! mes steppes que vous êtes belles !»

«Cu cât se adînceau în stepă cu atât ea era mai frumoasă și mai sălbatică. Nici când plugul n-a tras brazdă în acest întins ocean de buruieni. Numai caii slobozi, care se ascundeau în aceste pîrloage nestrăbătute lăsau urme p'aci. Toată fața pămîntului părea o mare de verdeață aurie, smălțuită de alte culori, aerul era plin de cîntecele păsărilor... O stepe cât de frumoase sînteți !»

Примечание: французский текст не переводит предложения «Ничто в природе не могло быть лучше их», и в румынском тексте его тоже нет.

³⁹ Здесь приводятся только данные до 1944 г., После этой даты переводы из русской и советской литературы получили большой размах, будучи тесно связаны с культурной революцией, произошедшей в стране. Изучение и оценка переводов произведений Гоголя в этот период должны быть предметом самостоятельной статьи.

⁴⁰ N. G o g o l. *Mantaua și Caleașca*. Traducere din rusește de Dr. S. Duscian, Бухарест, 1909, 95 стр. (Biblioteca pentru toți No. 457).

N. G o g o l. *Mantaua și Caleașca*. Trad. din rusește de Dr. S. Duscian, București, (1936), 88 стр. (Biblioteca pentru toți, No. 457).

раза⁴¹, в 1922⁴², 1937⁴³, 1942⁴⁴. Нельзя также не подчеркнуть значительного роста, в дальнейшем, вообще числа переводов из Гоголя, охватывающих все шире и шире его творчество, хотя объяснить это явление только стихийным возрастанием интереса читающей публики к русскому писателю было бы недостаточно.

Так в 1885 г. газета *Румыния либерэ* (Свободная Румыния) печатает *Майскую ночь*⁴⁵, в 1886 в *Трибуне* появляется *Вий* под названием *Стригойка* (Ведьма)⁴⁶. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем под названием *Вечиний* (Соседи)⁴⁷. Оба последних перевода выходят в том же году отдельным изданием⁴⁸. В 1895 году в е журнал *Ватра* (Очаг) печатается перевод рассказа *Вечер накануне Ивана Купала*⁴⁹, а в 1898 г. выходит отдельным изданием *Страшная Месть*⁵⁰ Некоторые из вышеуказанных рассказов из цикла *Вечеров на хуторе близ Диканьки* в дальнейшем неоднократно печатались в новых переводах или переиздавались⁵¹.

Необходимо добавить, что в 1915 году были переведены и другие рас-

---

⁴¹ С французского текста: N. G o g o l — *Tarass Bulba*. Nuvelă tradusă din franțuzește de Gr. Tăușan. Бухарест, 1908, 156 стр. и с русского: N. G o g o l. *Taras Bulba. Roman din viața căzăcească*. Traducere din rusește de L. L. Brîndză. Vol. I — II. Бухарест, 1908—1909. 211 pag., 2 vol. (Biblioteca «Minervei» No. 16—17).

⁴² Переиздание перевода 1908 г. N. G o g o l. *Taras Bulba. Roman din viața căzăcească*. Traducere din rusește de L. L. Brîndză. Vol. I — II. Бухарест, (1922), 99 pag., (v. I); pag. 103—196 (v. II) (Biblioteca «Minerva» No. 16—17).

⁴³ N. G o g o l — *Taras Bulba*. Roman. Бухарест, (1937), 162 стр.

⁴⁴ N. G o g o l. *Taras Bulba*. Roman. În romînește de Ion Hodoș, Бухарест, (1942), 139 стр.

⁴⁵ Nicolae G o g o l, *O noapte de Mai*, «Romînia liberă», Бухарест, 1885, № 2506/3 (15) декабря — № 2817/17 (29) декабря.

⁴⁶ *Strigoaica, Din fantăsiile lui Nicolae Gogol*, «Tribuna», Сибиу, 1886, 11/23 апреля — 1/13 мая.

⁴⁷ *Vecinii, Din fantasiile lui Nicolae Gogol*, «Tribuna», Сибиу, 1886, 22 августа (3 сентября) — 11 (23) сентября.

⁴⁸ *Strigoaica. Din fantesiile lui Nicolae Gogol*, Сибиу, 1886, 72 стр.

Vecinii. Din fantasiile lui Nicolae Gogol. 1886, 88 стр.

⁴⁹ N. G o g o l. *De noaptea Sf. Ion*. Spusă adevărată povestită de dascălul bisericei * * trad. S. Cujbă. «Vatra», Бухарест 1895, № 7, стр. 203 — 207; № 8 стр. 238 — 239; № 9 стр. 273—275.

⁵⁰ N. G o g o l. *Răzbunare îngrozitoare*. Roman tradus de B. Marian, Бухарест 1898, 110 стр.

⁵¹ Например *Майская Ночь* вышла на румынском языке в 1907 г. в газете *Вииторул* (Будущее) (*O noapte de mai*, traducere de Virgil Caraivan, «Viitorul», Бухарест, 1907, 15/28 дек. — 25/7 дек., и этот же перевод переиздался отдельной книгой в 1908 (*O noapte de mai*, traducere de Virgil Caraivan, Бухарест 1907, 68 стр. Biblioteca pentru toți, No. 317), затем в 1915 г. (N. G o g o l. *O noapte de Mai* în traducere de Zaharia G. Ionescu. Бухарест 1915, стр. 111 (Biblioteca Minerva no. 176), в 1924 г. вновь переиздавался перевод 1908 года. (*O noapte de Mai*, traducere de Virgil Caraivan. Бухарест 1924, VII + 68 стр. Biblioteca pentru toți. no. 317).

сказы из этого цикла, как, например, *Предисловие* к I части, под названием *Присэкарул Рудый Панько* (Пасечник Рудый Панько) в журнале *Флакэра* (Светоч)⁵², *Сорочинская Ярмарка* и *Пропавшая грамота* в отдельной книге⁵³, «Вечера на Украине».

Кроме вышеуказанных переводов, нужно отметить в конце XIX-го столетия, в 1895 г., появление в провинциальной газете *Либертата*⁵⁴ (Свобода, издаваемой в городе Фокшани) отрывка из *Мертвых Душ* (частичный перевод из первой главы), насколько нам известно первый румынский, хотя и частичный перевод гоголевского романа, в 1898 г. первый перевод *Женитьбы*⁵⁵, а также издание отдельной книгой *Записок сумасшедшего*⁵⁶.

В начале XX-го века число переводов растет ещё больше и достигает своей кульминационной точки в 1909 году в связи с празднованием столетия со дня рождения Гоголя.

Так, например, в 1901 г. печатается в журнале «*Noua Revistă Română*» (Новый румынский журнал) перевод *Коляски*⁵⁷. Автором его был Штефан Басарабяну (Виктор Кресэску), писатель, знающий русский язык. В 1904 г. печатается *Ревизор* в провинциальной типографии в Ботошанах⁵⁸, а в 1905 г. выходит другой перевод *Ревизора* в журнале «*Munca Literară și Științifică*» (Литературная и научная работа)⁵⁹. Автор первого перевода М. Векслер, второго Семен Морозов. В том же 1905 г. газета *Кроника* (Хроника) печатает анонимный перевод *Мертвых Душ*⁶⁰. В 1906 г. выходит отдельным изданием пьеса *Ревизор* в переводе С. Морозова, в 1907 г. печатается новый перевод *Майской ночи* в газете *Вишторул* (Будущее), подписанный Виржилом Карайваном⁶¹, который выходит потом отдельным изданием в 1908 г., когда появляются и два новых перевода повести *Тарас Бульба*, один с французского текста, а другой с русского⁶².

⁵² N. G o g o l. *Prisăcarul Rudii Panko*. Trad. I. Botez (Din: Șezătoarele din cătunul de lângă Dikanka) «Flacăra», Бухарест, 1915. № 3 окт. 31, стр. 32—33.

⁵³ N. G o g o l. *La șezătoare în Ucraina*. Trad. de Mihail Gh. Ionescu, Бухарест. 1915, 95 стр. (Biblioteca «Minerva» № 168).

⁵⁴ Nicolai G o g o l — *Suflete moarte* — Libertatea, Фокшань, 19 октября 1895.

⁵⁵ N. G o g o l — *Însurătoarea* — Întîmplare cu totul de necrezut, în 2 acte (Scrisă în 1833) trad. din rusește de A. Giers. Яссы 1899, 65 стр.

⁵⁶ N. G o g o l. *Memoriile unui nebun*. În românește de B. Marian, Бухарест 1899, 87 стр.

⁵⁷ N. G o g o l. *Căleașca* (Scenă de garnizoană, trad. din rusește de St. Basara-beanu) «Noua Revistă Română», Бухарест, 1901, № 41, стр. 196—202.

⁵⁸ N. G o g o l. *Revizorul*. Comedie în 5 acte. Tradusă în românește de M. Wechsler Ботошаны, 1904, 118 стр.

⁵⁹ N. G o g o l. *Revizorul*. Comedie în 5 acte. Tradusă din rusește de Simeon N. Morozov, «Munca Literară și Științifică», Пятра Нямц, 1905, I, № 10, стр. 730—753.

⁶⁰ N. G o g o l. *Suflete moarte* (roman) «Cronica», Бухарест, 1905/ № 1227, 6 авг. № 1320/4. декабря.

⁶¹ Смотри прим. 41.

⁶² Смотри прим. 51.

Также в 1908 г. появляется в газете *Вишторул* (Будущее) за подписью Эм. Григоровица⁶³, хорошего знатока русского языка, (между прочим, автора одного из первых румынско — русских и русско-румынских словарей) до того не переводившаяся повесть *Старосветские помещики*.

Как уже было сказано, особенно интенсивно переводится Гоголь в 1909 г. в связи с празднованием столетия со дня рождения писателя.

Теперь печатается первый перевод гоголевского рассказа *Портрет* в газете *Ординя* (Порядок)⁶⁴. Перевод не полный, он останавливается на смерти Чарткова.

В следующем году появляется повый перевод этого же рассказа за подписью Г. Д. Белинского, много переводившего в те годы из русской литературы и работавшего, как он сам это подчеркивает, « с русского текста »⁶⁵.

Этот же переводчик печатает в 1909 г. в газете *Эпока* (Эпоха)⁶⁶ на румынском языке *Невский Проспект*. Одновременно в газете *Ординя* (Порядок) появляется анонимный перевод рассказа *Нос*⁶⁷.

К тому же 1909 г. относятся повторные переводы, уже ранее известных румынскому читателю гоголевских произведений, но которые выгодно отличаются от своих предшественников в смысле точности и возможности передачи художественных особенностей оригинала. Такими являются переводы *Шинели* и *Коляски*⁶⁸ Др. И. Дусчана, знатока и ценителя русской литературы, много сделавшего для ее распространения в Румынии. На ряду с Др. И. Дусчаном следует положительно оценить переводы писателя Николая Дуныряну (*Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем* и *Ревизор*)⁶⁹, также ярого поклонника русской литературы, лично знавшего и дружившего с В. Г. Короленко во время его приездов в Румынию, и неоднократно переводившего произведения русских писателей.

Его перевод *Ревизора*, несомненно, художественнее всех ранее известных передач гоголевской пьесы на румынском языке. Недаром его текст

---

⁶³ N. G o g o l — *Oameni vechi* — trad. de Emil Grigorovitzza, « Viitorul », 1908, № 192/22 май (4 июня) № 263/2 (15 июня).

⁶⁴ N. G o g o l. *Portretul*, Nuvelă « Ordinea, Бухарест 1909, 17 марта — 7 апреля.

⁶⁵ N. G o g o l, *Portretul* (Poveste) trad de Gh. D. Belinski, « Eposa », Бухарест 1910, № 142/20 июня, № 149/29 июня.

⁶⁶ N. G o g o l. *Prospectul Nevski*, trad. de G. D. Belinski, « Eposa » Бухарест 1909, № 260/11 ноября — 272/25 ноября.

⁶⁷ N. G o g o l. *Nasul* (nuvela) Ordinea, Бухарест 1909. № 547/17 октября, №. 559/1 ноября.

⁶⁸ N. G o g o l. *Mantaua și Caleașca*. Nuvele. trad. din rusește de Dr. I. Duscian Бухарест 1909, 95 стр. (Biblioteca pentru toți, No. 457).

⁶⁹ N. G o g o l. *Poveste pentru ce s-a certat Ivan Ivanovici și Ivan Nikiforovici*, trad. din rusește de Nicolai Dunăreanu. Бухарест 1909, 75 стр. (Biblioteca Minervei No. 55).

N. G o g o l — *Revizorul*, Comedie in 5 acte. Tradusă din rusește de N. Dunăreanu. Бухарест, 1909, 120 стр. (Biblioteca Teatrului Național (No. 5).

был принят для представления пьесы на сцене бухарестского национального театра (12 окт. 1909 г.).

Другой, не лишенный интереса факт, относящийся к той же эпохе, — обращение переводчиков к второстепенным по своему значению произведениям Гоголя или менее известным широким массам, а иногда и к произведениям незаконченным, дошедшим до нас в отрывках. Так, например, в 1909 г., Г. Д. Белинский переводит очерк *Жизнь*⁷⁰, и, с некоторыми сокращениями, статью *О малороссийских песнях*⁷¹. В том же году неизвестный переводчик напечатал в газете *Эпока* (Эпоха) отдельно *Повесть о капитане Копейкине*⁷², причем не известную всем окончательную редакцию, а вторую редакцию повести⁷³.

В следующем, 1910 году, Г. Д. Белинский печатает две главы из незаконченного исторического романа *Пленник и Гетман*⁷⁴. Вскоре после этого переводчик издал отдельной книгой все эти произведения и отрывки, прибавив к ним *Повесть о Капитане Копейкине*⁷⁵. В этом же 1910 году, в журнале *Жунимя Литерара* (Литературная Молодежь) был напечатан перевод 3-его письма из цикла «4 письма к разным лицам по поводу Мертвых Душ», а газета *Эпока* начала публиковать новый перевод *Мертвых Душ*. Но переводчик, тот же Г. Д. Белинский, оставил труд незаконченным, остановившись на сцене переговоров Чичикова с Коробочкой⁷⁶.

Обращение к менее известным или неоконченным произведениям Гоголя говорит об очень широком охвате переводами его творчества. Такой охват давал возможность румынскому читателю познакомиться с самыми разнообразными сторонами деятельности русского классика. Одновременно переводы таких менее значительных или неоконченных произведений показывают, что интерес к Гоголю был большим, что читателю уже были хорошо известны основные сочинения, и он стремился познакомиться с новыми, ему еще не известными страницами русского писателя.

⁷⁰ N. G o g o l — *Viața*, tradusă din original de Gh. D. Belinski, «Ероча», Бухарест, 1909. 30 октября, стр. 2.

⁷¹ N. G o g o l — *Cîntece Malorosiene*, trad. de Gh. D. Belinski, «Ероча», Бухарест, 1909, 24 ноября, стр. 1—2.

⁷² N. G o g o l. *Povestea căpitanului Kopeikin* din «Suflete moarte», «Ероча», Бухарест, 1909, 30 сентября — 1 октября.

⁷³ Сочинения и письма Н. В. Гоголя. изд. В. В. Каллаш, т. IV, стр. 363—375.

⁷⁴ N. G o g o l — *Prizonierul*, trad. de Gh. D. Belinski, «Universul literar» Бухарест, 1910, № 6/8 февраля, pag. 5.

N. G o g o l, *Hatmanul*, trad. de Gh. D. Belinski, «Ероча», Бухарест, 1910, 23 май — 25 май.

⁷⁵ N. G o g o l — *Hatmanul, Viața, Prizonierul, Povestea căpitanului Kopeikin*, Traduse din rusește de Gh. D. Belinski. Бухарест, 1910, 32 стр. (Biblioteca «Lumen» No. 56).

⁷⁶ N. G o g o l — *Suflete Moarte sau Aventurile lui Cicicov* — «Ероча», Бухарест, 1910, № 27/4 фев. — № 44/24 фев. 1910.

Интенсивность процесса распространения гоголевских произведений в Румынии спадает после 1910 года. Среди самых интересных моментов до 1917 года следует отметить такие: в 1911 году переиздание *Записок сумасшедшего* в переводе Б. Марияна⁷⁷, а также новые переводы *Портрета* и *Записок сумасшедшего*, сделанные Др. И. Дусчаном;⁷⁸ в 1912 г появляется в провинциальной газете *Ромынул*, выходившей в Араде, новый перевод *Мертвых Душ*, подписанный псевдонимом Сениор⁷⁹, в 1915 г, как уже было сказано, переводятся некоторые рассказы из цикла *Вечеров на хуторе близ Диканьки*⁸⁰.

Из всего сказанного видно, что к 1917 году румынский читатель мог прочесть на родном языке почти все произведения Гоголя (за некоторыми небольшими исключениями). Если бы подвести итог процессу распространения Гоголя в Румынии в изученный период, нужно указать, что сборник *Миргород* был полностью переведен, из *Петербургских Повестей* остался не переведен только отрывок *Рим*, главные драматические сочинения (*Ревизор* и *Женитьба*) были известны, а также и роман *Мертвые Души*. Нельзя забывать и об отрывках из незавершенных произведений, или о менее известных сочинениях. Больше всего осталось не переведенных рассказов из цикла *Вечеров* (*Предисловие* ко второй части, *Ночь перед Рождеством*, *Иван Федорович Шпонька и его тетушка* и *Заколдованное Место*). Кроме того, почти для каждого произведения существовало два или даже несколько переводов, что давало возможность читателю выбрать наиболее художественный, а также доказывало большой запрос читательских масс на такие переводы. Так, например, до 1917 г. повесть *Тарас Бульба* была переведена 4 раза на румынский язык, *Шинель* 3 раза, *Мертвые Души* — 3 раза, *Портрет* — 3 раза, *Записки сумасшедшего* — 3 раза, *Ревизор* — 3 раза и т.д. Сочинения Гоголя появлялись отдельными изданиями, печатались в литературных и общественных журналах, в газетах, в массовых коллекциях (Минерва, Библиотека для всех, Лумен и т. д.).

Чем объяснить такое широкое распространение творчества Гоголя в Румынии в конце XIX и в начале XX века?

Несомненно следует учитывать интерес читателя, увлеченного переводными идеями и художественным мастерством писателя, и юбилейную дату, но ссылаться исключительно на эти два фактора, означало бы подходить к проблеме несколько упрощенно.

---

⁷⁷ N. G o g o l, *Memoriile unui nebun*. Traducere de B. Marian. Бухарест (1911) 32 стр. (Biblioteca «Lumen» No. 90).

⁷⁸ *Portretul, Însemnările unui nebun*. Traducere de Dr. I. Duscian. Бухарест (1911) 110 стр. (Biblioteca pentru toți No. 690).

⁷⁹ N. G o g o l — *Suflete Moarte* (roman) trad. de Senior «Romînul», Арад 1912, 1/14 января — 20 дек./2 января 1913 18/31 ян.—27 ян./9 февраля.

⁸⁰ Смотри примечание 51.

Научный ответ на заданный вопрос можно получить, лишь, обратившись к историко-социальным условиям, в которых развивалась жизнь румынского народа в указанный период.

В начале 70-ых годов образуются в Румынии первые революционные кружки. « Перед румынским пролетариатом встала, еще с конца XIX века, историческая задача двигать вперед общество, задача руководить и направлять необходимые буржуазно-демократические изменения по революционному пути » (Г. Георгиу-Деж). Выступая в начале в революционных кружках, развернув стачечную борьбу и придя затем к политической борьбе, румынский пролетариат обращал постоянно свои взоры к русскому пролетариату и следовал его примеру. Так, например, сильный отклик получили в Румынии события русской революции 1905—1907 г. Не случайно, в 1905 г. организуются первые рабочие профсоюзы и по всей стране проходит волна стачек.

В борьбе румынского пролетариата за свое освобождение и освобождение всех тудящихся масс Румынии из-под эксплуатации, большую роль сыграло влияние передовой русской литературы, воодушевлявшей и звавшей на свержение несправедливости и гнёта, на утверждение подлинного гуманизма и демократизма.

Светлые идеалы русской литературы были созвучны стремлениям румынского народа, жаждущего свободы. Поэтому не удивительно, что в конце XIX и в начале XX века русская литература проникает широко в Румынию и переводческая и популяризаторская деятельность ведется интенсивно. В ней принимают участие русские политические эмигранты, революционеры знакомившие румынскую передовую общественность с идеями и развитием революционной борьбы в России и с литературными произведениями, связанными с освободительным движением, а также и румынская рабочая печать, или симпатизирующая и близкая к рабочему движению. Так, например, следует напомнить о таких журналах, как *Контемпоранул* (Современник) (1881—1891) широко пропагандировавший идеи русских революционных демократов, и возглавивший борьбу против чистого искусства и его защитников из «Жуними» или *Школа Науэ* (Новая Школа) (1889), *Эвениментул Литерар* (Литературные события), *Литературэ ши Шtiinце* (Литература и наука) (1893), *Мунка Литерарэ ши шtiinцификэ* (Литературная и научная работа) (1894) *Лумя ноуэ шtiinцификэ ши литерарэ* (Новый Мир, научный и литературный) (1895) и т.д.

В начале XX века много сделал для распространения русской литературы журнал *Виаца Ромынеаскэ* (Румынская жизнь), выходивший с 1906 г, хотя его идеологическая ориентация была « попоранистской » (близкой к русскому народничеству, под влиянием которого она и сформировалась).

В этом широком потоке русской литературы, проникшем в Румынию в начале XX века, среди других писателей (Толстой, Тургенев, Белинский,

Чернышевский, Достоевский, Короленко, Пушкин, Лермонтов), должное место занял и Н. В. Гоголь.

Острое критическое звучание его произведений могло положительно повлиять на румынский народ в его борьбе против угнетения и эксплуатации. Не случайно, в 1905 г., переводятся два из наиболее сатирических сочинений Гоголя (*Ревизор* и *Мертвые Души*), разоблачавших такие стороны жизни, которые могли найти отклик и в румынской действительности: взяточничество административно-чиновничьего аппарата, угнетение им народа и паразитизм, разложение помещичьего класса. Для того чтобы лучше понять агитационное звучание творчества Гоголя, не лишне привести отрывки из редакционной заметки газеты *Кроника* (Хроника), сопровождавшей перевод *Мертвых Душ* в 1905 г. Подчеркивая, что « в России происходят события исключительной важности » и что « война с Японией перестала интересовать общественное мнение, . . . и весь мир занят только русской революцией; все глядят пристально на этот северный колосс, подточенный различными невзгодами, который может рухнуть . . . » газета объявляет о своем желании познакомить глубже румынского читателя с русской жизнью, тем более, что « в России много великих писателей, — философов и непревзойденных мыслителей . . . » Для ознакомления с русской жизнью она избрала роман Гоголя « *Мертвые Души* » — « великое творение, переведенное на все языки в сотни тысячах экземпляров ».

Сочетание на страницах газеты сообщений о развитии революционных событий в России с картинами нравов помещицкого и чиновничьего мира, изображенных в романе Гоголя, имело своеобразный агитационный эффект. Познакомившись с жизнью Манилова, Ноздрёва, Собакевича, Плюшкина или губернских чиновников, румынский читатель не мог не признать, что правильно поступили русские рабочие, поднявшись на борьбу против « мертвых душ ».

О мощном звучании творчества Гоголя, в те годы в Румынии, говорит и стихотворение Барбу Лэзаряну *Рансодия*, опубликованное в 1907 г. в *Вииторул Сочиа* (Социальное будущее).

Знаменательно в этом смысле и отношение к русскому писателю со стороны правой печати. Так, например, в юбилейный год, в буржуазно — помещичьей газете *Эпока* была опубликована *Повесть о капитане Копейкине*⁸¹, в варианте в котором Копейкин уезжал под конец в Америку, и оттуда посылал письмо царю, рассказывая о несправедливом и безжалостном отношении к себе, и советовал царю заботиться об инвалидах и обоздоленных, что последний не замедлил исполнить.

Такая концовка снижает критическое звучание *Повести о капитане Копейкине*. Опубликование этого варианта вместо окончательной редакции

---

⁸¹ Смотри примечания 72 и 73.

показывает ясно позицию газеты и её стремление стушевать сатирические, социальные мотивы в творчестве Гоголя.

Еще больше, чем в предыдущие годы, в конце XIX и начале XX века, произведения Гоголя широко проникнувшие в Румынию оказали положительное влияние в деле укрепления и дальнейшего развития критического реализма в румынской литературе тех лет. В своей борьбе за идейное, передовое искусство, глубокого социального звучания, критики и беллетристики, группировавшиеся вокруг журнала *Контемпоранул*, или других органов рабочей печати, опирались неоднократно на пример русской литературы, и в первую очередь на творчество Гоголя. Так, один из самых активных сотрудников рабочих журналов и газет, критик Раику Ионеску Рион, поднимая знамя борьбы против декадентской литературы, и против теории чистого искусства, приводит в свою защиту пример России « где искусство является поприщем, на котором социальная критика может проявиться более свободно, более нестесненно. Каждый русский писатель своим талантом наносит беспощадные удары несправедливым, беспомощным порядкам ». Подчеркивая, что « несомненно, одна из причин, объясняющих нынешний успех русской литературы в Европе, её широкая альтруистическая основа, глубокое и теплое сочувствие к страданиям 80-ти миллионному народу . . . » критик цитирует Гоголя, как одного из главных представителей глубоко идейного искусства ⁸².

Известный критик Доброжеану-Геря, один из главных представителей кружка *Контемпоранул* и защитников народного прогрессивного искусства в своей статье *Социальные идеалы и искусство* (1893), цитирует Гоголя, как одного из замечательных писателей 40-ых годов, « разбудившего Россию к литературной и художественной жизни », а также к « гражданской, человеческой жизни ». В статье, посвященной Достоевскому, Геря перечисляет имена Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Гончарова, как писателей, показавших европейскому читателю красоту русской литературы и её действительную силу. Румынский критик сопоставляет талант Гоголя с талантом Караджале и относит обоих писателей к разряду писателей-сатириков: « Немногочисленные гении, которые своим смехом бичевали пороки общества: Аристофан, Ювенал, Эразм Роттердамский, Рабле, Мольер, Свифт Вольтер, Гоголь, Щедрин; вот и всё. Караджале не гений, но несомненно сатирический талант . . . » говорит он в своей статье *И. Л. Караджале*: В той же статье Геря подчеркивает, что у Караджале, как и у Гоголя « смех сквозь слёзы » и приводит в качестве примера известную сцену чтения « Мертвых Душ » Пушкину, заключившуюся, как мы знаем, восклицанием поэта: « боже, как грустна, наша Россия ».

---

⁸² Raicu Ionescu Rion, *Literaturile decadente*, « Evenimentul Literar », Яссы 1894, № 18, 18 апреля, стр. 1—2.

В журнале *Адеверул иллустрат* (Иллюстрированная правда) появляется в 1896 г. заметка о Гоголе (за подписью Руг), в которой подчеркивается могучий реализм его произведений « . . . в которых он показал настоящую Россию, всю Россию, со всеми её бедами, со всеми её смешными и уродливыми сторонами. Тонкий сатирик, Гоголь бичевал с непревзойденным мастерством смешные нравы русской администрации и в своей комедии *Ревизор* вывел на сцену настоящие типы гнилого административного аппарата империи . . . »⁸³.

В трансильванском журнале *Фамилия* (Семья), живо интересовавшемся русской литературой, встречаем, в 1900 г., статью *Народное течение в русской литературе* за подписью Кориолан Неделку,⁸⁴ почти полностью посвященную Гоголю⁸⁵. Автор правильно указывает на главные заслуги Гоголя перед русской литературой, а именно на народность и реализм его творчества. Одновременно, в статье подчеркивается, что Гоголь положил начало новому направлению в русской литературе, блестяще развившемуся в дальнейшем. « Только гений Николая Гоголя был призван и смог дать новое направление русской литературе... только его рука осмелилась сорвать покров вечной тьмы с политических, социальных и моральных порядков России и выставить их во всей наготе перед глазами цивилизованного мира . . . »

Его литературные заслуги бессмертны. Его имя вписано золотыми буквами в книгу русской литературы . . . Основав народную литературу он образовали новую литературную школу. Вслед за народностью в русской литературе явился и реализм . . . »

В том же 1900 г., Рыдулеску Мотру выступает со статьей « *Социальные идеалы и искусство* » в *Нова Ревиста Ромыне*⁸⁶ в которой, показывая бесплодность теории чистого искусства, утверждает, что наступило время обратиться к реалистическому, передовому искусству: « Сатира, тенденциозные политические рассказы и романы . . . искусство Гоголя и Щедрина . . . вот что было бы нам в первую очередь необходимо в данное время ».

О том же значении Гоголя в утверждении критического реализма в румынской литературе, говорит и борьба, развернувшаяся в 1909 г., вокруг первого представления на румынской сцене подлинного *Ревизора* (в переводе

---

⁸³ Nicolae Gogol. Rug, « Adevărul ilustrat », № 23, 12 авг. 1896, стр. 3.

⁸⁴ Drd. Coriolan Nedelcu, *Curentul național în literatura rusească*, « Familia », 1900, стр. 78—79.

⁸⁵ Журнал « Фамилия » и до этой даты опубликовал несколько заметок о Гоголе (в 1881 г. и 1883 г.)

⁸⁶ C. Rădulescu-Motru. *Idealurile Sociale și artă*. « Nouă Revistă Română » Бухарест, 1900, № 2, 15 ян. стр. 54—61.

писателя Н. Дунаряну⁸⁷. Передовая печать, например, журнал *Вияца Ромы-няскэ*, подчеркнула в своих выступлениях значение представления этой пьесы для повышения художественного уровня театрального репертуара. Известный прогрессивный публицист и писатель, Н. Д. Коча, подчеркивал по этому случаю необходимость . . . «поднять нашу публику до понимания высокого искусства . . .» и говорил: «. . . безнравственно играть на сцене Национального Театра слабые пьесы, которые только развращают вкус публики, в то время как столько прекрасных пьес из всемирного репертуара ждут увидеть свет нашей лучшей сцены . . . Видно, что г. Генеральный директор театров понял это . . . в последние дни он поставил при участии самых лучших артистов театра . . . сатирическую комедию Гоголя: *Ревизор*. . .»⁸⁸.

Журнальная полемика, разгоревшаяся после представления пьесы, ясно подчеркивает позицию отдельных её участников. Реакционно настроенные журналисты стремятся доказать, что содержание пьесы устарело, и, что её сатирическая направленность остается беспредметна в румынской действительности той эпохи. «Нравы, изображенные в пьесе, исчезли совершенно . . . даже в России, думаю, что нет больше таких подлецов и глупцов. Сегодня они живут еще . . . только в пьесе Гоголя» — утверждает один из них⁸⁹.

Совсем иную точку зрения защищает Н. Д. Коча: «Сатирическая комедия Гоголя, хотя и написана почти 100 лет тому назад, для России сохранила и сейчас свое сатирическое значение, и не только для России, но и для многих других стран, среди которых следует назвать и нашу дорогую страну. Наши читатели не впервые познакомились сегодня с этим родом чиновников, подхалимствующих по отношению к сильным, высокомерных с подчиненными, считающих, что служба — это своего рода имение, которое можно эксплуатировать сколько угодно . . .»⁹⁰.

Театральный критик Ем. Д. Фагуре подчеркивает, что «Гоголь показал в этой комедии не только смешные, но и уродливые стороны жизни, в первую очередь, отвратительные картины чиновничьего казнокрадства . . . Перед нашими глазами проходит весь административный произвол: взятки, продажный суд, кража лекарств, предназначенных для больных, . . . подарки, . . . одним словом целая серия административных произвольных поступков;

---

⁸⁷ Более подробно об этом представлении Crin Teodorescu Mugur *Primele reprezentări românești cu «Revizorul» lui Gogol*, Studii și cercetări de Istoria Artei, Бухарест 1954, no. 1—2.

⁸⁸ N. D. Cocea, *Cronică teatrală*, «Viața Românească», Яссы, 1909, стр. 127.

⁸⁹ C. Rîuleț, «*Revizorul*» de Gogol (Viața Teatrală) «*Voința Națională*», Бухарест, 1909, 18/31 окт., стр. 2.

⁹⁰ N. D. Cocea — *Cronica teatrală*, «Viața Românească», Яссы, 1909, стр. 282.

мы видим гнилой административный аппарат, безнравственный . . . и в этом нет ничего весёлого»⁹¹.

Бурные споры поднялись и вокруг роли Хлестакова. Артист Петре Личиу опирался в создании образа на указания самого Гоголя, слова которого из «Предуведомления для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора», он цитирует в письме в котором защищает свою точку зрения (стремление избежать карикатуру, создать подлинно реалистическую роль и глубоко сатирический характер)⁹². В полемике с Ем. Д. Фагуре, считавшем, что Хлестакова нужно играть, как отъявленного мошенника, сознательно взявшего на себя роль мнимого Ревизора, среди других, выступивших на стороне Петре Личиу, был и Н. Д. Коча окончательно и убедительно показавший, что артист правильно понял роль и создал образ вполне соответствующий замыслу Гоголя.

В этот период конца XIX и начала XX века знакомятся с творчеством Гоголя и некоторые видные румынские писатели, и в первую очередь Михаил Садовяну. Вспоминая годы своей молодости, проведенные в Яссах, румынский писатель говорил: «Тогда, в Национальной Гимназии я познакомился во французских переводах с Достоевским, Толстым, Тургеневым, Пушкиным и Лермонтовым, Щедриным и Горьким . . . на некоторое время увлекло меня высокое искусство Николая Гоголя. Его украинские *Вечера, Сорочинская ярмарка, Тарас Бульба, Мертвые Души* оставили в моей душе на долгое время радостное чувство. Его книги были для меня хлебом и солью в годы, когда эти необходимые для моего физического существования вещи отсутствовали полностью»⁹³.

Отклики этого увлечения Гоголем, и, более точно, влияние повести *Тарас Бульба* чувствуется в юношеском историческом романе Михаила Садовяну «Шоймий» (Соколы), вышедшем в свет в 1904 г.

О гоголевской повести напоминают в историческом романе Садовяну общая атмосфера, героически-романтическая, пафос свободы, глубокий лиризм, которым овеян рассказ, поэтическое отношение к природе, гордые, смелые, свободолюбивые положительные герои, выступающие как защитники правды и Родины, широкие батальные полотна, массовые сцены. Описания природы, в первую очередь степи, жизнь в Сечи, образы казаков, также во многом напоминают *Тараса Бульбу*. Можно было бы заметить некоторое сходство в образе Андрея и младшего из братьев Поткоавэ, Александра, более сентиментального, лирически настроенного, чем Никоарэ. Отдельные сцены в историческом романе Садовяну заставляют вспом-

---

⁹¹ E m. D. F a g u r e. «*Revizorul*» de Nicolae Gogol (Cronica teatrală) «*Adevărul*», Бухарест, 1909., окт. 14, стр. 1.

⁹² P e t r e L i c i u, «*Minerva*», Бухарест, 20 окт., 1909.

⁹³ M i h a i l Ş a d o v e a n u, *Literatura în Uniunea Sovietică*. Evocări, Бухарест, 1954, стр. 182—183.

нить о повести Гоголя: битва при переходе Днестра, пир в Сечи, смерть Никоарэ.

Другое произведение румынской литературы, относящееся к тому же периоду и говорящее о влиянии творчества Гоголя, это рассказ Брэтеску-Войнешти «Шинель Исаии», опубликованный в 1909 г. Мелкий, незаметный чиновник Исаия сумел осуществить свою давнюю мечту, которую он лелеял со дня поступления на службу, а именно купить новую шинель на меху. Но вдруг шинель исчезает. После тщетных поисков, Исаия просит прислать из дому старое свое пальто и с глубокой грустью вспоминает о своем коротком счастье. Как мы видим, сюжет и центральный образ очень близок *Шинели*. Хотя румынский писатель не говорит о своем знакомстве с творчеством Гоголя, близкая связь между двумя произведениями заставляет предполагать влияние русского писателя, тем более, что повесть *Шинель* уже давно существовала в румынском переводе (с 1876 г.) и пользовалась большим успехом у читающей публики, о чем свидетельствуют дальнейшие неоднократные новые переводы и переиздания.

Рассказ Брэтеску-Войнешти короче, чем повесть Гоголя. Он весь сконцентрирован вокруг одного эпизода из жизни чиновника, эпизода шинели. (Приход на службу в новой шинели, гордость и радость Исаии, удивление и одобрение сослуживцев, исчезновение шинели, надежда, что это только чья-нибудь шутка, и, в конце-концов, уяснение горькой правды, что шинель украдена). Образ Исаии менее развернут, чем Башмачкина; даётся меньше сведений о его жизни. В румынском рассказе Исаия не такой бедный, беззащитный, и всеми угнетаемый, как Акакий Акакиевич. Над ним не издеваются, а только подтрунивают, его даже любят в департаменте. В материальном смысле он тоже не так стеснен, как Акакий Акакиевич. Его образ лишён той трагичности, печать которой лежит на судьбе бедного Башмачкина, и которая придает особую силу повести.

Одновременно и идеал гуманизма, уважения человеческой личности, негодование против тех, кто унижает и оскорбляет достоинство человека, которые звучат так мощно в повести Гоголя, у Брэтеску-Войнешти заменены добреньким сочувствием к человеку, которого не столько унижали и оскорбляли, сколько ему не повезло, у которого украли долгожданную шинель, но для которого потеря шинели не означает потери самой жизни. Отсюда и иная концовка в румынском рассказе. Трагическое звучание сведено почти на нет, оно заменено слезливой сентиментальностью, а нота негодования, протеста и вовсе отсутствует.

После того, как был установлен факт широкого распространения творчества Гоголя в Румынии в последние годы XIX и в начале XX века, необходимо остановиться на качестве тех переводов, при помощи которых знакомился румынский читатель с художественным наследием русского писателя.

Во-первых, нужно подчеркнуть, как положительное явление, что, в противовес более ранним переводам произведений Гоголя, сделанным в 70-ые и 80-ые годы XIX века, которые были все анонимными, переводы печатавшиеся в следующие десятилетия появляются за подписью переводчика. Это увеличивало ответственность переводчика за свою работу и способствовало поднятию качества переводов.

Среди первых переводчиков Гоголя на румынский язык встречаем имена людей, немало сделавших для распространения русской литературы в Румынии, как например: Др. И. Дусчиан, Николае Дунэряну, Штефан Басарабяну (Виктор Кресеску), Г. Д. Белинский или такие имена как Эм. Григоровица, Виржил Карайван.

Требуем положительной оценки тот факт, что в этот период среди переводчиков Гоголя встречаются и писатели, как, например, Николае Дунэряну и Штефан Басарабяну. Необходимо также подчеркнуть, что в этот период, в противовес предыдущему, растёт удельный вес переводов, сделанных непосредственно с оригинала, так как среди переводчиков появляются многие, знающие русский язык. Хорошим знатоком русского языка был Эм. Григоровица, переведший «Старосветских помещиков». С русского переводили также Дусчиан, Николае Дунэряну, Штефан Басарабяну, Г. Д. Белинский.

Работа непосредственно по оригиналу, причем ещё сделанная человеком, знакомым с литературным творчеством, хорошая гарантия высококачественности перевода. Однако же, нельзя признать художественными, высококачественными все переводы, вышедшие в вышеуказанный период и принадлежащие литераторам, причём ещё и знающим русский язык.

Положительную оценку заслуживают в первую очередь переводы Дусчиана и Николае Дунэряну. Они дают полный и точный перевод оригинала, без сокращений, переработок или отступлений, стремясь воспроизвести атмосферу и колорит гоголевских произведений. Знание русского языка предохраняет в большинстве случаев этих переводчиков от неточной передачи идиомов или их простого исключения из текста, как делают другие. Нужно также подчеркнуть и стремление дать художественные переводы, передать всю красоту и богатство гоголевского стиля.

Не случайно именно перевод *Ревизора*, сделанный Дунэряну, был принят при постановке пьесы на сцене бухарестского национального театра, несмотря на то, что существовали в то время две другие, более ранние версии (Векслера и Семёна Морозова). Перевод Дунэряну выгодно отличается от других двух своей сценичностью, живостью реплик, хорошим румынским языком, а по отношению к переводу М. Векслера, и своей точностью. Перевод *Ревизора* Семёна Морозова точный, но недостаточно художественный и лишен живости необходимой театральным репликам. В основном, положительной оценки заслуживает и перевод *Старосветские помещики* Эм. Григоровицы.

Перечисляя лучшие румынские переводы Гоголя, появившиеся в конце XIX и в начале XX века, необходимо указать и на пьесу *Женитьба*. Во-первых, это один из наиболее ранних переводов этого произведения за границей;⁹⁴ во-вторых, он привлекает внимание исследователя своей точностью, хорошим румынским языком, живой фразой, динамичностью реплик. Перевод был сделан с оригинала, причем переводчиком был не румын, а русский — А. Гиерс, бывший некоторое время русским консулом в Яссах⁹⁵.

К сожалению этот перевод, заслуживающий, как и сама пьеса, внимания читателя, прошел незаметным. Более того, он даже не послужил толчком к представлению *Женитьбы* на румынской сцене. Гоголевская пьеса была впервые сыграна в Румынии значительно позже, а именно в 1925 г. в Бухаресте, и в 1926 г. в Клуже.

Однако же нужно сказать, что не все переводы произведений Гоголя, сделанные с русского текста, заслуживают положительной оценки. Так, например, переводы писателя Шт. Басарабяну, не могут считаться удовлетворительными, не говоря уже о том, что они не передают ни в коей степени художественных достоинств оригинала. Для доказательства остановимся несколько подробнее на его переводе *Коляски*. Этот перевод страдает всеми недостатками, которые мы встречали в первых анонимных переводах из Гоголя. Переводчик позволяет себе сокращать текст, опускать целые отрывки⁹⁶ или, наоборот, развивать его.

В своем произвольном обращении с гоголевским текстом Шт. Басарабяну доходит временами до своеобразного «сотрудничества» с русским писателем. Вот пример такого сотрудничества. Следующий отрывок: «... самая рыночная площадь имеет несколько печальный вид: дом портного выходит чрезвычайно глупо не всем фасадом, но углом; против него строится лет пятнадцать какое-то каменное строение о двух окнах...» был переведен: «partea cea mai frumoasă a oraşului B este fără îndoială piaţa cea mare, însă şi acest loc căutat mai cu seamă de toţi cîini oraşului, nu avea ceva neobicinuit, afară poate numai de casa preotului, care şi ea nu ieşea cu faţada pe piaţă, ci cu dosul, aşa că toate necesităţile, unei curţi etc. etc. se vedeau bine din piaţă.» Если перевести румынский текст вновь на русский, то, мы увидим, что он почти ничего общего не имеет с

---

⁹⁴ 1898, по сравнению с 1911 — французский и немецкий переводы — и 1914 — итальянский.

⁹⁵ Есть в переводе некоторые маленькие недочёты, в особенности в передаче на румынский язык обиходных разговорных выражений. Например «всё, как-то не то» переведено «nu iese tocmai, ştiu» вместо «nu prea face» «пакости» переведено «pacoste» вместо «rele», «это вздор, это не так» переведено «fleacuri, nu-i aşa» вместо «fleacuri, e o greşeală la mijloc».

⁹⁶ Например, был полностью опущен отрывок (Г о г о л ь. *Собр. произв.* т. III, стр. 223). «Очень ловко соскакивал... поставил дворян на самую лучшую ногу» столь важный для характеристики хвастовства и фанфаронства Чертокуцкого.

гоголевским отрывком, так как звучит следующим образом: «самая красивая часть города Б. несомненно главная площадь. Но и это место, чаще всего посещаемое всеми городскими собаками, не имеет ничего необычного в своем виде; кроме, может быть, дома священника, который также не выходил фасадом к площади, а спиной, так что все служебные постройки двора и т.д. были хорошо видны с площади»⁹⁷.

Также произвольно обращается с гоголевским текстом, другой переводчик, работающий по русскому тексту, Г. Д. Белинский. В его переводе *Портрета* мы встречаем сокращения, пропуски,⁹⁸ своевольные изменения текста, вплоть до свободного пересказа содержания повести⁹⁹.

⁹⁷ Таких «своеобразных» обработок оригинала, которые иногда даже извращают смысл произведения и, во всяком случае, уничтожают все гоголевское в рассказе, мы встречаем довольно много в переводе *Коляски* Штефаном Басарабяну. Вот, например, отрывок «на улицах ни души не встретишь, разве только петух перейдет через мостовую, мягкую как подушка от лежащей на четверть пыли, которая при малейшем дожде превращается в грязь» был переведен «pe uliți nu întâlneai țipenie de om, rare-ori câte vre-un calic, trecea pe sub ferestre, abia scoțind picioarele din nisip; însă trebuia numai o ploaie bună și ca prin minune ulițele se prefăceau în mlaștini și lacuri». (т. е. петух превратился в нищего); или «Модный, дощатый двор, выкрашенный серою краской под цвет грязи, который на образец другим строениям воздвиг городничий во время своей молодости, когда не имел ещё обыкновения спать тотчас после обеда и пить на ночь какой-то декокт, заправленный сухим крыжовником» ... переведено: «un alt edificiu de scinduri, vopsit în cenușiu albastru, zidit de primar ca model de arhitectură pentru locuitori, dacă ei ar fi vrut să-și facă o casă în stilul «mon maransi» cum numea primarul primăria». Или еще более убедительный пример: «один чрезвычайно толстый помещик с короткими руками, несколько похожими на два выросшие картофеля, слушал с необыкновенно сладкою миною и только по временам силился запускать коротенькую свою руку за широкую спину, чтобы вытащить оттуда табакерку» в переводе стало... «bătrânii clătinau din cap și se lingeau pe buze». («старики качали головой и облизывали себе губы...»).

⁹⁸ Так, например, пропущен отрывок (Гоголь Собр. произв. т. III, стр. 95—96) «что русский народ заглядывается... в самое, искусство свое ремесло».

⁹⁹ Вот как, например, своеобразно передается сцена разговора между художником Чартковым и квартальным (Гоголь, Собр. произв. т. III, стр. 115—116) «Cum însă mâinile polițiștilor nu sînt din cele mai subțiri, apăsînd cam tare astfel că scîndurica care închidea pînă, plezni și căzu jos cu zgomot un galben și alți cîteva galbeni se rostogoliră pe jos. Certkov sări din pat îi strînse, îi luă, smulse din mîna comisarului și tabloul. — Cum spui că n-ai cu ce plăti, cînd ai atîta aur, zise comisarul foarte politicoș și amabil. — Bani aceștia sînt sfinți pentru mine! striga Certcov, nu pot să mă ating de ei, îmi sînt încredințați de tatăl meu... dar hait, iată ca să vă mulțumesc, poftim pentru chirie! Și aruncă cîteva galbeni gazdei. Gazda luă o mustră amabilă, polițistul începu să se scuze că el nu făcuse decît forma, că în fond nu putea să-l expulseze din odaie și ca să-l înduplece să creadă ce spunea îi oferă și o țigară. Gazda se scuza că-l speriasă numai și că nici în gînd nu avusese să-l dea afară. Certcov fugi repede afară, hotărît să nu mai rămînă aci.» Такой вольный перевод сочетающий пересказ с сокращением искажает развитие действия: квартальный видит деньги у Чарткова, Чартков платит на месте за квартиру, хозяин квартиры и квартальный извиняются перед Чартковым и просят принять все за шутку, но художник возмущенный выбегает из квартиры, решивши никогда больше туда не возвращаться.

Необходимо также заметить, что перевод *Портрета* не полный, он останавливается на смерти Чарткова. Ничем не лучше его же перевод *Невского Проспекта*¹⁰⁰. Вообще во всех переводах подписанных именем Г.Д. Белинского (Мертвые Души¹⁰¹, Жизнь, Повесть о капитане Копейкине, Гетман и т.д.) мы встретим ту же систему, то же отношение к переводимому тексту.

Конечно в таких переводах, как Шт. Басарабяну и Г. Д. Белинского и речи не может быть о сохранении и передачи художественных особенностей оригинала! Подчас и само содержание передавалось весьма приблизительно. Читатели, обращающиеся к таким переводам, к сожалению, составляли себе довольно искаженное представление о таланте Гоголя.

Такое очень свободное отношение переводчиков к оригиналу было довольно широко распространено в Румынии вплоть до 1944 г. Очень часто оно рождалось под влиянием и по примеру плохих французских переводов, позволяющих себе сокращать и изменять текст.

Перечень слабых переводов Гоголя на румынский язык можно увеличить, и вообще нужно признать, что до 1917 г. они превосходили число хороших переводов. Некоторые из них, как например, анонимный перевод *Повести о том, как поспорил Иван Иванович с Иваном Никифоровичем* (под названием *Соседи*¹⁰²), сокращают оригинальный текст, подчас имеют грубые ошибки¹⁰³, в какой-то степени стремятся передать, хотя бы некоторые стилистические особенности оригинала.

В эту категорию можно было бы отнести анонимный перевод *Портрета*, вышедший в 1909 г.¹⁰⁴, *Майскую ночь* в переводе Виржила Карайвана¹⁰⁵, анонимный перевод *Носа*¹⁰⁶, опубликованный также в 1909 г. и т.д.

---

¹⁰⁰ Вот один из многих примеров, которые можно привести. Отрывок: «женитесь на мне» — подхватила с наглым видом молчавшая дотеле в углу её приятельница. «Если я буду женою, я буду сидеть вот так» и при этом она сделала какую-то глупую мину на жалком лице своем, которою чрезвычайно рассмешила красавицу». был переведен следующим образом: «Să se însoare cu mine ! repeta ea chicotind, adresându-se prietenii sale tăcute, care nu mai ascultase pînă acum. Ei și cum îmi va ședeя oare măritată? Și nenorocită făcu un grimas stupid, atît de stupid, care părea că întunecă acea frumusețe naturală a ei».

Вольность перевода сочетается здесь с явным непониманием русского текста, так как у переводчика вместо молчаливой подруги говорит красавица, обворожившая Пискарева.

¹⁰¹ В *Мертвых Душах* опускаются, например, (Собр. произ. т. V), «получают покойную комнату... всех подробностях проезжающего» (стр. 10) «... где нарисован был биллиард... Питейный дом...» стр. 15. Переводчик сокращает часто богатые, длинные фразы, развернутые сравнения и конечно, тем самым, искажает гоголевский стиль.

¹⁰² См. стр. 129.

¹⁰³ В этом переводе встречаем такие ошибки: сундук — dulap; горожанка — mahala-gioaică, конфузия чина моего — confundarea rangului meu; весь стан её был похож на кадушку — statura ei semăna cu un castravete etc.

¹⁰⁴ См. стр. 131.

¹⁰⁵ См. стр. 129, прим. 51.

¹⁰⁶ См. стр. 131.

Другие же, как, например, анонимный перевод *Страшной Мести*¹⁰⁷ сочетают неточность, пропуски, ошибки с серым банальным стилем, ни в коей мере не передающий особенности гоголевского стиля, а иногда доходят даже до его искажения. По всей вероятности, переводчик *Страшной Мести* понял, что ему не совладать с прекрасным описанием Днепра и после первого предложения отказался от попытки переводить соответствующий отрывок. Такой же серый и тяжеловесный и перевод *Записок сумасшедшего* Б. Мариана¹⁰⁸.

Наряду с переводами, сделанными непосредственно с русского текста существуют и переводы сделанные с французского.

Некоторые переводчики сами же сообщают об этом¹⁰⁹.

Для некоторых переводов возможно установить иностранный (преимущественно французский) источник, путём сопоставления и сравнения румынского текста с соответствующим французским переводом, о котором предполагаем, что он был использован в качестве оригинала.

Так, выше было указано, что отдельное издание 1883-го года *Тараса Бульбы* является почти калькой с перевода Луи Виардо.

Также по французскому тексту был сделан и первый румынский перевод *Ревизора*, вышедший в свет отдельным изданием в 1904 г. При первом чтении перевод Векслера производит хорошее впечатление: полный, без сокращений или пропусков, точный, живой на хорошем румынском литературном языке. Это и привело некоторых исследователей к утверждению, что Векслер переводил с подлинника¹¹⁰.

Однако, при более тщательном анализе перевода, некоторые, довольно грубые ошибки, легко позволяют установить источник по которому работал румынский переводчик. Это французский перевод Проспера Меримэ (L'inspecteur general). Румынский переводчик перенял у талантливого французского писателя, не только живость, динамичность диалога, беглость текста, некоторые удачные выражения, но и целый ряд ошибок в понимании русского текста. А именно эта общность и выдает источник Векслера. Вот несколько примеров доказывающих то, что Векслер переводил с французского текста:

---

¹⁰⁷ См. стр. 129.

¹⁰⁸ Не говоря уже о прямых ошибках: «благородный» — переводится дословно «om cum se cade», «камерюнкер» — «gentilom de cameră»; «директорская квартира» «cabinetul directorului» и т.д.

¹⁰⁹ Например: N. G o g o l. *Tarass Bulba*. Nuvelă tradusă din franțuzește de Gr. Tăușan. Бухарест, 1908, стр. 156.

¹¹⁰ См. Crin Teodorescu - M u g u r, *Primele reprezentații românești cu «Revizorul» de Gogol*, Studii și cercetări de istoria artei», Бухарест, 1954, 1—2, стр. 183.

Осип:.. . Не видал ли я разве кровати, что ли! . . .

Je ne l'ai pas même regardé, votre lit, moi...

Nici măcar nu m-am uitat la pat.

или

Осип: Галантерейное, чорт возьми, обхождение! Невежливое слова никогда не услышишь, всякий тебе говорит «вы».

Au diable la galanterie! Elles n'ont pas un mot tendre à vous dire, toujours vous!

Dar dă-o dracului toată clică asta de amorezate! Niciodată n-au o vorbă mai bună pentru tine, totdeauna cu «Dvs.»¹¹¹.

Как видно румынский перевод калька с французского, причем копия передала механически текст Проспера Меримэ, как с его положительными сторонами, так и со всеми его ошибками.

По французскому тексту сделан и первый полный румынский перевод *Мертвых Душ*, вышедший в свет в 1905 г.

На первый взгляд перевод кажется довольно точным, без сокращений и пропусков, хотя с художественной точки зрения он оставляет желать лучшего. Последние главы вызывают недоумение читателя, знакомого с подлинником. В XI главе (названной в переводе «Эпилогом») заметна перестановка в последовательности материала: в начале характеристика личности Чичикова, затем рассказ о Кофие Мокиевиче и о Мокие Кофиевиче, и только после этого следует подлинное начало X-ой главы русского текста (т.е. беседа между Чичиковым и Селифаном). Кроме того, перевод не останавливается на лирическом отступлении о Руси, птице-тройке. За XI главой без указания на конец первого тома или на начало второго тома следует XII глава, названная: «Ничтожество и величие Чичикова» (в тексте Шишиков). Содержание этой очень обширной главы не соответствует фактам, описанным Гоголем во втором томе. При более близком ознакомлении с ней мы устанавливаем, что румынский переводчик нашёл эту главу во французском переводе Эрнеста Шарьер (1859)¹¹². Этот французский перевод, как известно, даёт кроме первого тома романа и главы из второго тома, кончаясь XX-ой

---

¹¹¹ Или вот другие подобные примеры:

Осип: «Кажись бы теперь весь свет съел...»

«Je parie que tous le monde a diné a cette heure»

«Pun rămăşag că toată lumea a mâncat deja...»

Хлестаков (... подпрыгивает на стуле) (... et tambourine doucement sur la table...) (... şi bătînd încet doba pe masă...)

Лука Лукич: «Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении...»

... «vous savez organiser un dîner...»

... «nu, nu vă pricepeţi numai la câini, ştiţi să organizaţi şi o masă...»

¹¹² *Les âmes mortes*. Trad. par E. Charrière, Париж, 1859, XXXI, 346; XXXVII, 357 стр.

главой очень своеобразного характера. Эта глава была составлена переводчиком (как он сам об этом рассказывает). Он сократил книгу Ващенко-Захарченко, (состоящую из 10-ти глав), который предпринял попытку дать продолжение и завершение *Мертвых Душ*.

Эрнест Шарьер просит читателей не спутывать эту последнюю главу с подлинным текстом романа, подчеркивая, что он выбрал из книги Ващенко-Захарченко только те моменты и отрывки, которые казались ему наиболее соответствующими замыслу и стилю Гоголя.

Румынский переводчик подошел некритически к французскому тексту; кроме того он полностью пропустил главы из второго тома и удовлетворился переводом только XX-ой главы (т.е. краткого содержания Ващенко-Захарченко, составленного Эрнестом Шарьером), даже не сообщив читателю о её происхождении. Таким образом у читателя создавалось впечатление, что XII глава перевода, «Ничтожество и величие Чичикова», принадлежит перу самого Гоголя, а о существовании второго незаконченного тома, он и вообще ничего не узнавал. Конечно, такой перевод во многом искажал представление читателя о гоголевском романе.

Отмечая в основном с удовлетворением широкое распространение произведений Гоголя в Румынии до 1917 г., необходимо ещё раз подчеркнуть, что качество переводов оставляет желать лучшего. За исключением переводов Дунэрянэ, Дусчиана, остальные в лучшем случае, слабые копии с оригинала. Если они могли ознакомить читателя с содержанием произведений Гоголя (и то, мы видим, с какими неточностями), то в очень малой степени могли передать художественную их сторону.

В то время, как вопрос количественного, численного распространения можно считать в большей степени разрешенным в период до 1917 года, вопрос о подлинном, художественно ярком звучании Гоголя на румынском языке остался открытым. Он не был разрешён и в следующие десятилетия вплоть до 1944 г. Лишь в годы народной власти, когда вообще русская литература стала широко распространяться в Румынии и сыграла активную роль в культурной революции, начали появляться подлинно научные и художественные переводы русских классиков. Под пером писателей Тудор Аргези, Эусебиу Камилар, Ал. О. Теодоряну, Лучия Манту, Гоголь впервые получили на румынском языке свое настоящее художественное выражение и впервые читатели смогли по-настоящему оценить его могучий и неповторимый талант.

П. П. Панаитеску

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РУМЫНСКИХ ГОСУДАРСТВ С РОССИЕЙ В ЭПОХУ РЕФОРМ ПЕТРА I-го. НОВЫЕ ДАННЫЕ.

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха реформ Петра I-го в России совпадает в румынских княжествах с периодом жестокого феодального режима, усилением экономического и политического господства турок в Валахии и Молдавии, с началом господства Габсбургов в Трансильвании. Господство Габсбургов для румын стало эпохой социальной и религиозной борьбы и в то же время со вовлечением Трансильвании в экономический круговорот центральной Европы, положило начало росту городского класса румын в этой провинции. Как румыны из Трансильвании, так и румыны из Молдавии и Валахии, возлагали свои надежды на Россию, которая как раз в это время поднималась как великая европейская держава и играла роль защитника православных народов в Оттоманской и Габсбургской империях. Эти политические обстоятельства, в также усиление торговли (мехами и иконами) с Россией через Польшу, способствовали установлению культурных связей между румынами и русскими. Проведение «реформ» способствовало подъему культуры. Целый ряд образованных румын, которые не могли осуществить свои замыслы в румынских княжествах из-за религиозных преследований со стороны католиков (в Трансильвании), внутренней борьбы между боярскими феодальными группами, экономической разрухи, вызванной экономическим гнетом турок в Валахии и Молдавии, устремлялся в Россию.

Самые образованные румыны, которые в эту эпоху бежали в Россию и своими знаниями и талантом способствовали делу проведения «реформ», были представителями боярского класса.

Феодальная культура в румынских странах была представлена в лице высоко образованных бояр, которые, за некоторыми исключениями, защищали точку зрения класса бояр: — таковы летописцы, церковные писатели.

Те же которые бежали в Россию и писали там, представляли собой особую категорию людей: они являлись беженцами и были противниками того положения в их стране, с которым они не могли примириться. Это отражается в написанных ими в России произведениях. Однако, как это увидим в дальнейшем, среди этих беженцев, просвещенных людей, способствовавших проведению реформ были и представители в области культуры городского румынского класса, класса, который только тогда начал подниматься.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУМЫНСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО КЛАССА В РОССИИ: НИКОЛАЙ МИЛЕСКУ СПАТАРЬ И ДИМИТРИЙ КАНТЕМИР.

Число бояр, которые в том или ином направлении играли роль в культурной жизни и бежали из румынских княжеств в Россию эпохи реформ, было довольно большое, но мы в этом очерке ограничимся очень краткой характеристикой деятельности только двух из них: Николая Милеску Спатару (его служебное звание сделалось его второй фамилией) и господаря Молдавии Димитрия Кантемира.

Произведения Николая Спатару хорошо известны в России. Он приехал туда во время царствования Алексея Михайловича (в 1671 г.). Был переводчиком (с греческого и латинского) в «Посольском Приказе», был послом царя в Китае и описал на русском языке свою поездку из России через Сибирь до Пекина. Описание этой страны является большей частью компиляцией. В качестве придворного переводчика с турецкого и вероятно с татарского языков, во время царствования Петра I-го он находился при русских войсках в период осады Азова (1696 г.).

Николай Спатару прожил в России до 1708 года, даты его смерти. В своей культурной деятельности, он играл роль культурного посредника между его родной страной и Россией. Именно он, получил в Москве типографию со шрифтом кириллицы для Молдавии.

Во время своей деятельности в России он был сторонником реформ, противником византийского церковного течения, защитником введенного в русских школах европейского обучения которому покровительствовал Петер I-ый и его просвещенные советники. Из-за всего этого Спатарь стал большим врагом церковных кругов византийского направления. Таким образом, по мере своих сил он принимал участие в проведении политических и культурных реформ¹.

---

¹ О жизни и произведениях Н. Милеску: А р с е н ь е в, Н. *Николай Спатарий и его время*, Русский архив XXXIII, 1895, — 11 стр. 349 и след. Его же, *Новые данные о службе Н. Спатаря в России* в «Чтения в Обществе истории и древностей», Москва, 1900. B a d d e l e y I. *Russia, Mongolia, China*, London 1919. Я ц и м и р с к и й А. *Николай Милеску Спатарь*, Казань 1910, К е д р о в Ж. М. *Николай Спатарий и его Арифмологион*

Вторым представителем румынской культуры в России во время реформ был бывший господарь Молдавии Димитрий Кантемир) (1673—1723) бежавший в Россию в период похода царя Петра I-го в Молдавию в 1711 году. Впоследствии он был сенатором России, тайным советником царя, выдающимся географом и философом своего времени. Он писал на румынском, латинском и русском языках. Самыми замечательными его произведениями являются: «*Descriptio Moldaviae*», «История Оттоманской Империи», «Система магометанской религии», «Летопись ромыно-молдаво-валахов». Прусская академия в Берлине в 1714-ом году избрала его своим членом.

Творчество Димитрия Кантемира в России проникнуто духом реформ, он пишет, как практический человек, представляет научные и критические сообщения и именно в том направлении, которое интересует русское общество того времени. «Система магометанской религии» (Москва, 1722 г. на русском языке) была напечатана в момент похода царя на Кавказ и Каспийское море, где приходилось иметь дело с мусульманскими народами.

Последующие произведения заключают в себе систематизированные сведения о румынских княжествах и народах Румынии, а также об Оттоманской империи накануне ее упадка. Эти произведения написаны в период Прутского похода 1711 года и Австро-Турецкой войны 1716—1718 года, которые интересовали русское правительство.

Мы можем рассматривать бывшего господаря Молдавии как главного научного советника по политическим и восточным вопросам при русском дворе.

Еще во время пребывания в Константинополе, Димитрий Кантемир в своей книге «Иероглифическая история» (1704—1705), являющейся политическим и аллегорическим памфлетом, восстает, с одной стороны, против Оттоманской Империи, империи жестокой эксплуатации своих подданных и вассалов, а, с другой стороны, против эксплуатации крестьян — рабов, молдавскими и мунтенскими феодалами.

Общественно — политическим идеалом Димитрия Кантемира была самодержавная монархия, не зависящая от власти крупных феодалов, которые в румынских княжествах имели такую же власть, как и феодалы в польской Речи Посполитой.

в Журнале Минист. Народ. Просвещения 1876 г., январь. М и х а й л о в с к и й Ж. Н. *Важнейшие труды Николая Спатария в России*, Киев, 1897. Его же, *Очерк жизни и службы Н. Спатария в России*. Сборник Об-ства при институте князя Безбородко, Нежин, 1897. P i c o t E. *Notice biographique et bibliographique sur Nicolas Spathar Miclesu*, Париж, 1883. С ы р к у Р. *Николай Спатарь до его приезда в Россию* в «Записках восточного Русского Археологического Об-ства», II—III, Снкт. Петербург, 1889. P. P. P a n a i t e s c u, *Nicolas Spathar Miclesu* в «*Mélanges de l'école roumaine en France*». 1925, I. Его же, (A l. G r e c u) *Despre legăturile lui N. Miclesu cu Rusia* в «*Studii*», III, 1950. — 4.

По этой причине господарь Молдавии, не опирающийся ни на могучую силу служивых людей, ни на организованный класс богатых горожан, вынужден был рассчитывать на внешнюю помощь, — в данном случае, на русский царизм. Поэтому в Луцком договоре 1711 года, заключенном между Петром I-ым и Д. Кантемиром, предусмотрено абсолютное самодержавие и престолонаследственность воевод Молдавии.

В своих посланиях из России бывший господарь Молдавии, надевшийся на царство с помощью Петра I-го, стремился научно обосновать свои мысли о власти господарей. «Описание Молдавии» это пересказ Луцкого договора; автор старается установить древнее происхождение власти господарей в Молдавии, сила которой яко-бы ослабла со временем из-за насилий турок и в особенности крупных феодалов.

Также как и в «Описании Молдавии» в «Истории Оттоманской Империи» Д. Кантемир осуждает турок-эксплуататоров и бояр, которые превратились в их орудие.

Род Кантемира был родом мелких бояр, которой дал трех господарей Молдавии; крупные феодалы надеялись сделать из них послушное орудие в своих руках. Поэтому Димитрий Кантемир боролся против диктатуры крупных бояр, которые были чужды ему по своему происхождению.

В России эпохи реформ он полагал, что нашел настоящий образец правления в котором нуждалась его страна. Несмотря на то, что Д. Кантемир был господарем он представлял оппозицию по отношению к аристократическому строю княжества Молдавии и ставил эту оппозицию в связь с современными реформами России ².

РУМЫНСКИЕ ПИСАТЕЛИ-ГОРОЖАНЕ в РОССИИ: ФЕОДОР КОРБЯ

Мы указали, что в Трансильвании поднялся городской румынский класс, политико-социальное положение которого являлось противодействием по отношению действий католиков и самодержавия Габсбургов. В Брашове, в районе Шкей, где находился торговый и религиозный центр румын, еще во второй половине XVI-го века, вокруг церкви святого Николая и общины горожан, которые ее поддерживали группируются писатели, летописцы и переводчики. Здесь была написана первая румынская летопись Трансильвании ³.

Среди епитропов и подъячих церкви, то есть руководителей церковно-городского общества, которые поддерживали интересы общины, находился

---

² Вышеуказанные соображения — выдержки из исследования автора настоящего сообщения, *Dimitrie Cantemir, Viața și opera lui*, изд. Акад. Р.Н.Р. Бухарест, 1958.

³ St. M e t e ș, *Cronica Popii Vasile din Scheiul Brașovului*, «Drum drept» 1, 1918, nr. 3.

в середине XVII века священник Иоан Корбя (позже монах Иосаф) сын священника Флоря Корбя⁴. Два сына Иоана Корбя переходят незадолго до 1690-го года в Валахию; старший Давид получает высокий военный чин при могущественном феодале Михаиле Кантакузино, а другой сын Феодор, у которого были литературные наклонности, становится секретарем при дворе господаря Валахии Константина Брынковяну (1688-1714)⁵. Оба благодаря знанию иностранных языков и сметливости были использованы в различных дипломатических миссиях. Так, например, Давид Корбя был послан в Трансильванию, чтобы воспрепятствовать заключению унии румынской православной церкви с Римом, навязываемой австрийским правительством⁶. Позднее он посылается несколько раз в Россию, в период, когда Константин Брынковяну поддерживал секретные сношения с Петром I-ым, с целью развить освободительное движение против турецкого ига.

Посольства Давида Корбя в Москву начинаются с 1703 года и повторяются в последующие годы до 1707 года. В это время царь Петр I-ый, оценив дипломатический талант брашовянина, берет его к себе на службу, назначив придворным советником « чтобы он нам служил в делах и переписке молдавской и мунтянской » (20 апреля 1707 г.)⁷.

Вскоре после этого, Давиду Корбя поручают дипломатическую миссию большой важности; он посылается царем в Унгвар к Франциску II-ому Ракоци, вождю освободительного движения венгров с предложением вступить на престол Польши после отречения Августа II-го, заключившего мир со Швецией в Альтранштадте. Предполагалось, что этот новый претендент отстранит другого претендента, Станислава Лещинского, выдвигаемого Швецией. Миссия брашовянина увенчалась успехом — князь Ракоци согласился занять престол Польши, который однако ему не пришлось получить, так как Август II-ой решил не отречься от престола и помирился с Россией⁸.

По возвращении после выполнения этой миссии, Давид Корбя 11 августа 1707 года умирает в Варшаве; по приказу царя его тело перевезли в Киев и похоронили в монастыре Киево-Печерской Лавры⁹.

Во время своего пребывания в России, Давид Корбя был сторонником реформ вместе с Николаем Милеску, с которым вероятно был в прия-

---

⁴ N. Iorga, *Studii și documente*, X, стр. 235, 250, 280, 317, 325.

⁵ То же и N. Iorga, *Documente privitoare la C-tin Brîncoveanu*, Бух. 1901, стр. 8 (1698), и 175—176 (1690).

⁶ N. Iorga, *Studii și documente*, X, стр. 403—405 и St. Stînghe, *Documente privitoare la trecutul romînilor din Schei*, 1907, стр. 17—21.

⁷ *Письма и бумаги Петра Великого*, VI, стр. 179—180.

⁸ Там же, VI, стр. 219—221 и I. Dabrowski, Сообщение в « *Kwartalnik Historyczny* », XXVIII, 1914, стр. 277—278, Marki, *Nagy Peter czar es II Rakoczi Ferencz szovetsege, 1707 ben*, Будапест, 1913. A. Gospanikowa, *Powstanie Rakocziho a Slavonia*, « *Sbornik filosofickej Fakulty* », Братислава, 1930, № 55 (2), стр. 88—98.

⁹ *Письма и бумаги Петра Великого*, VI, стр. 222.

тельских отношениях. Он навлек на себя гнев Досифея, патриарха Иерусалимского, и греков, сторонников византийского направления в церкви, как это вытекает из письма Николая Милеску Спатария, адресованного в 1704 году канцлеру Головину.¹⁰

Младший брат Давида Корбя Феодор, являвшийся секретарем Бранковяну, господаря Валахии, играл также видную роль в дипломатии того времени.

В период дипломатической службы Давида при русском дворе, младший брат Феодор посылался в Москву, чтобы передать ему дополнительные инструкции и информации предназначенные русскому правительству.

Первая дипломатическая миссия Феодора Корбя в Россию состоялась в 1706 году¹¹. Он не остался в России, как его брат, а возвратился в Бухарест. В 1710 году ему поручается очень деликатная миссия: Бранковяну посылает его к Димитрию Кантемиру, господарю Молдавии, о политической и культурной роли которого в Русско-румынских отношениях, говорилось выше, — для переговоров относительно общих политических действий, в целях освобождения двух румынских княжеств из-под турецкого ига. Господарь Валахии сообщал своему соседу, что он имеет секретное соглашение с Россией и просил его примкнуть к этому союзу. Кантемир в свою очередь известил Бранковяну о действиях предпринимаемых им в этом же направлении. Однако, как утверждает, Кантемир, Бранковяну выдал его туркам¹². Во время русской кампании на Пруте в 1711 году, вновь встречаемся с Феодором Корбя. Он находился тогда при Фоме Кантакузино, главном спатаре Валахии. Известно, что последний, не ожидая решения господаря Валахии, который хотел видеть, кто выйдет победителем в русско-турецкой войне, перешел открыто на сторону Петра I-го и принял участие со своим отрядом в захвате турецкой крепости Браила. Феодор Корбя разделял точку зрения Фомы Кантакузино и также перешел в лагерь Петра I-го, к которому кажется, был послан с письмом от своего повелителя. Этот поступок страшно рассердил Константина Бранковяну, оказавшегося разоблаченным перед турками. Это побудило его ислить поток брани по адресу Феодора Корбя в официальной хронике господаря Валахии написанной Радугречяну: «перешел к русским вместе с Фомой Кантакузино и Тодерашко брат Давида, захудалого рода выскочка, (поднявшийся с низов) Шкяуа (из предместья Шкеиля из Брашова), варвар и весьма зловредный»¹³.

---

¹⁰ Михайловский И. Н. *Очерк жизни и службы Н. Спатария в России*, Нежин, 1900, стр. 37—38.

¹¹ *Письма и бумаги Петра Великого*, IV, стр. 703 (25 сентября 1706 г.).

¹² Dimitrie Cantemir, *Evenementele Cantacuzinilor și ale Brîncovenilor*, в *Opere* изд. Рум. Академии, том V, стр. 13—14.

¹³ *Viața lui Constantin Vodă Brîncoveanu*, de Radu Grecianu, изд. St. Greceanu, Бухарест, 1912, стр. 200.

После отступления русских войск из Молдавии, Феодор Корбя уезжает в Россию. В память услуг, оказанных его братом, ему были подарены два села на Украине «Лукияновка» и «Круполо» около Перияславля.

Через несколько лет, Феодор Корбя числится в расходном регистре императорского двора в качестве переводчика с румынского и венгерского языков, которые он знал, будучи еще в Трансильвании¹⁴.

В 1725 г. он еще жил в России. В послесловии к переводу псалтыря в стихах на румынском языке, о котором речь будет ниже, он именуется «главный писарь и канцеляр всеильной империи московской»¹⁵. Дата его смерти неизвестна. Другие члены семьи Корбя, Севастьян, сын Давида, и племянник Матей Корбя также нашли убежище в России времен реформ¹⁶.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФЕОДОРА КОРБЯ

Единственный представитель этой интересной семьи, вышедшей из городского румынского класса Трансильвании, который, кроме дипломатической и переводческой деятельности, занимался и литературной деятельностью, был Феодор Корбя. Его произведения лексикографические, поэтично-религиозные и политические, о которых сейчас будем говорить, написаны в народном стиле, отличающимся от обычного стиля румынской феодальной литературы, преобладающей в те времена. Хотя часть его трудов была создана до переезда в Россию все-же произведения Феодора Корбя отражают его связи с Россией эпохи реформ, с которой румыны связывали надежды на освобождение из-под турецкого ига, ввиду вмешательства русских в восточные дела.

Первое его произведение на румынском языке, еще не изданное, носит название: «Заметки о посольстве старшего моего брата Давида, о его беседе с ротмистром Туркулем и другими молдавскими ротмистрами и об ответе, полученном по возвращении от короля¹⁷.» Речь идет о миссии Давида Корбя, посланного в 1698 году Константином Бранковяну через Молдавию в Польшу к королю Августу II-му¹⁸. По устному рассказу Давида, его брат Феодор

---

¹⁴ Ал. Кочубинский, *Мы и они, 1711—1878, Южные славяне, румыны и Петр Великий в их взаимных отношениях*, Одесса, 1878 г. стр. 158—159.

¹⁵ Theodor Corbea, *Psaltirea*, рукопись Acad. R.P.R. no. 200, стр. 625.

¹⁶ О братьях Корбя см. и Sc. Struțeanu, *Frații Corbea, doi umaniști ardeleni la curtea lui Constan. Brîncoveanu* в журн. «Ramuri», XXXIII, 1914, nr. 1—2 (май-июнь) G. Georgescu-Buzău, *Un diplomat român la Moscova la începutul sec. XVIII-lea David Corbea «Relații romîno-ruse în trecut»*, Бухарест, 1957, стр. 42—62 G. Cardaș, *Theodor Corbea secretarul lui Constantin Brîncoveanu* (в печати).

¹⁷ Копия в рукописи 5151 Академии РНР, фолио 322—323, Краткое содержание у G. Georgescu-Buzău, *цит.opus* стр. 53—54.

¹⁸ Документ не имеет даты, но касается посольства направленного с целью передать поздравление королю Польши Августу II-му, в связи с его коронаванием (15 сентября 1697 г.) поздравления, которые по словам посла, опоздали. Из текста видно, что они были переданы летом, следовательно в 1698 году.

составил повествование об этом посольстве в литературно-драматическом стиле, изложив определенные идеи, касающиеся политической ориентации румын того времени, а именно: о необходимости объединить два румынских княжества, Валахию и Молдавию под эгидой мунтянского господаря Константина Бранковяну. Это объединение необходимо было в целях защиты от Польши, которая угрожала захватом румынских земель и введением католической религии. Действительная же помощь должна прийти со стороны России Петра I-го, которая может спасти румынские княжества от чужезверцев. Политическая доктрина, заключавшаяся в этом докладе, нравилась руководящим кругам двора Валахии и в особенности роду Кантакузино, с которыми были связаны братья Корбя, именно поэтому и было поручено Феодору Корбя составить докладную записку, которая была передана русскому двору, в архиве которого она и находится.

В первой части этой докладной записки, выражено опасение, что поляки, оставив в своем тылу Каменицы (Каменец-Подольск) где еще находился турецкий гарнизон, предпримут поход в целях захвата двух румынских княжеств. Чтобы помешать этому, Давид Корбя вступает в соглашение с Константином Туркулецом и другими молдавскими ротмистрами, которые находились со своими отрядами на службе у Польши. Переговоры посла с молдавскими военными начальниками изложены Феодором Корбя в литературной форме. Молдавские военноподполковники на совещании с мунтянским послом указали на то, что до какого бедствия дошел несчастный румынский род (имея в виду и весь румынский народ за политическими границами). Туркулец сказал: «Брат, что будем делать? Пока были молоды, мы любили удовольствия; теперь мы не дети, а взрослые люди, знаем и добро и зло»... Видишь, как поляки завладели богатствами нашей страны и стараются удержать их на вечные времена». Потом добавил с гордостью и печалью: «Мы сила и стража страны их, власть имеем, а того, кто бы ее возглавлял, не имеем. Нами может править не кто как только Бранковяну, государь мунтянский. Мы пошлем посла к твоему господину, умоляя прислать указания и обещание на поддержку с какой-либо стороны. Что он нам прикажет, тому и быть». И потом добавил: «А если ни с какой стороны не придет помощь, что будем делать? Впадем в отчаяние».

Вторая часть доклада касается приема Давида Корбя королем Польши Августом II-ым, который считал, что посол прибыл на поклон от имени двух румынских княжеств и как таковому ему был оказан почетный прием с большими дарами. Король Польши обещал румынским княжествам свободу, если они присоединятся к нему. Эти обещания рассматриваются в докладе с иронией: «гласящие уста щедры на обещания вольностей; Если бы они не были обещаниями сказали бы мы, теперь наступит золотой век, мертвые восстаньте, будем жить».

« Услышав эту печальную весть, то-есть намерения поляков захватить оба румынские княжества, брат мой отправился немедленно тайно к резиденту великого государя представителю Петра I-го при польском дворе « и все до мельчайших подробностей ему рассказал прося написать его об этом государю ».

Докладная записка оканчивается описанием даров, полученных мунтянским послом от поляков. Эту докладную записку следует рассматривать как литературно-политическое произведение Феодора Корбя, отражающее известные стремления румын на сближение с Россией.

Вторым трудом Феодора Корбя был латино-румынский словарь, первый латино-румынский словарь известный в истории румынской культуры.

Его рукопись до настоящего времени хранится в библиотеке Румынского Университета в Клуже (имеет 377 листов, с двумя колонами, латинский текст написан латинским шрифтом, а румынский кириллицей). Книга была отредактирована, как указывается в примечании Феодором Корбя, « сыном иеромонаха Иосафа из Брашова », составление рукописи было оплочено отцом Митрофаном, епископом Бузеу. Митрофан был епископом Бузеу между 1691—1702 годами. ¹⁹⁾

Считается, что редактирование словаря было проведено им в конце своего пребывания в звании епископа в связи с тем, что он в Бузеу развил широкую и смелую деятельность в деле перевода и печатания церковных книг на родном языке (вместо славянского, который господствовал до тех пор как язык религиозного культа). ²⁰⁾

Вероятно, этот словарь должен был помочь ему в переводах предпринимаемых им. Несомненно, с этой практической целью он был заказан Феодору Корбя. Все же среди книг, напечатанных в Бузеу, отсутствуют переводы с латинского, есть только книги переведенные со славянского. По этому считают, что словарь не мог выполнить своего научного назначения лишь потому, что был составлен в конце епископства Митрофана около 1701—1702 г. Феодор Корбя как переводчик и секретарь канцелярии господара в Бухаресте, сталкивался и с латинскими текстами, и словарь может быть в другом экземпляре использовался им в его дипломатической деятельности. В качестве образца при составлении своего словаря он использовал латино-венгерский словарь Альберта Мольнар, изданный в Нюрнберге в 1614 г. Позднее словарь был подарен Дамаскином, приемником епископа Митрофана, Раду Кантакузино, главному конюшенному двора, который привез его в Вену. Словарь включает в себе 1.000 слов, часть которых составляет географические названия и названия относящиеся к античному миру и т.д. Румынский текст состоит из многочисленных слов Трансильванского и

---

¹⁹ N. Iorga, *Istoria bisericii românești*, изд. II, том II, стр. 341.

²⁰ Тоже, II. стр. 13—15

Молдавского диалектов. Автор словаря не был боярского происхождения и это чувствуется по манере его письма²¹.

Главным литературным произведением Феодора Корбя является его перевод в стихах Псалтыря, сделанный им во время пребывания в России и посвященный царю Петру I-ому. Неизданная рукопись этого произведения из которого были опубликованы только довольно краткие выдержки в различных анталогиях и словарях²², хранятся в библиотеке Клужского Университета, а копия с него находится в библиотеке Академии Наук в Бухаресте²³. Предисловие в стихах и посвящение русской короне написаны на русском языке²⁴ и переведены так же в стихах на румынский язык. Весь остальной текст написан на румынском языке.

Значение Псалтыря Феодора Корбя, состоит не в том, что это был первый перевод псалмов в стихах на румынский язык, ему предшествовал псалтырь в стихах Дософтея, митрополита Молдавии, напечатанный в русской типографии в Галиции (в те времена бывшей под властью Польши) в монастыре Униев²⁵, а в том, что народный язык Феодора Корбя, резко отличался от ученого языка и версификации митрополита Дософтея. Стих Корбя навеян народными стихами и лирическими румынскими песнями, которые пелись в деревнях и на празднествах.

Кроме этого, значение « Псалтыря » Корбя состоит еще и в том, что он является важным документом русско-румынских культурных отношений в эпоху Петра, которые до сих пор еще не получили должного освящения.

Рукопись начинается стихами в честь Российской Империи, ее геральдический орел подобен птице возражденной из пепла. Автор возносит молитвы за царя Петра, чтобы тот оставался вечно молодым.

Бо без бытности его Русь и прочіи народ
Православніи может мѣч скорб и тяжкіи завод.

Таким образом, царь является для брашовского переводчика защитником всего христианства против врага-Отоманской империи.

---

²¹ О словарях Ф. Корбя: G. r. C r e ț u, *Cel mai vechi dicționar latino-romînesc de Teodor Corbea*, Бухарест, 1905. C a r l o T a g l i a v i n i, *L'influsso ungherese sull'antica lessicographia rumena*, в *Revue des Etudes hongroises* VI, 1928, стр. 16—45; L. G ö b l, *A magyar szótarirodalom hatása az olahra*. Будапест, 1932, стр. 4—22. факсим. рукоп. находится в журн. « Boabe de Grîu », III, 1932, стр. 624.

²² В. Р. H a ș d e u, *Magnum Etymologicum*, I, кол. 281, 287, 312, 368, 568, 585, 586, 659, 696, II, кол. 1201, 1310. T'imotei Cipariu, *Arhiva pentru filologie și istoria*. Блаж, 1870, стр. 634—637. F. J. S u l z e r, *Geschichte des Transalpinischen Daciens*, III, Вена, 1782, стр. 14—15.

²³ Я воспользовался этой копией с оригинала см. I. B i a n u, *Biblioteca Acad. Romîne, Catalogul manuscriptelor romînești*, I, București, 1907. стр. 442—445.

²⁴ Русский текст в указанной рукописи до сих пор не издан.

²⁵ D o s o f t e i, *Psaltirea în versuri*, изд. И. Биану, Бухарест, 1887, по изд. 1673 года и рукописи.

Затем следует предисловие, написанное по-русски и по-румынски в стихах, посвященное Петру Алексеевичу, царю всея Руси, «Всемилошвейшему моему господину.» Не один из историков и литературоведов, которые занимались «Псалтырем» Феодора Корбѣ, не заметили, что русский текст отличается от румынского, а именно: первый из них более обширен, он включает в себе серию дополнительных стихов политического содержания. В предисловии на русском языке в стихотворной форме автор изображает остров Туле, где солнце всходит один раз в год, все жители его поднимаются на вершину горы и возносят гимн солнцу. Так поступает и несчастный народ христианский, подпавший под чужеземное владычество на многие века, который видит теперь сияющий луч надежды на освобождение в лице царя Петра, представляющего Российскую Державу:

Благочестивіи народ Христовое племя
Напаче которіи немалое время
Въ всяком гоненіи даже и до нинѣ
К агаранском мрацѣ живет зѣло бѣднѣ
Икоже и которіи, под папежем страсти
дѣшѣ вередніи страждет горкіи безласты
(Ик седмоградцка земля гдѣ ѡтечество мое
Проклятїя ѡиї, иго носить злое)
Народ ждет появления солнца, — то-есть царя,
Честїя Церкви нашея и силнаго борца
Дабы с народом моим Волоским до конца
Пославлял небеснаго всего свѣта творца

Это отрывок где турецкое иго, под которым стонут румыны в Валахии и Молдавии, сравнивается с судьбой тех румын из Трансильвании, которых Австрийское правительство заставило примкнуть к унии с католической церковью (ссылка на акт унии от 1700 года, с которой Давид Корбѣ боролся), был до сих пор неизвестен исследователям²⁶. Следует отметить, что в этом предисловии автор рассматривает румынский народ как нечто единое вопреки границам, разделяющих его на феодальные княжества. Также заслуживает внимания тот факт, что рядом с представителями других народов юго-восточной Европы той эпохи он ставит Петра I-го, как будущего спасителя. Феодор Корбѣ живя в России и работая в императорской канцелярии, был охвачен культурным прогрессом России того времени и даже стихи стал писать правда в старинной форме, на языке своей второй родины.

Экземпляр «Псалтыря» в стихотворной форме Феодора Корбѣ, который нам известен, был послан в страну самим автором. В конце рукописи, нахо-

²⁶ Румынск. рукопись № 200 Академии РНР, фолио 4-v — 5-v.

дится следующая пометка, сделанная его рукой: « Даровано святой церкви Брашова господином Феодором Корбя, главным писарем и канцеляром всемогущественнейшего императора московского в лето 1725 года, месяца мая, дня 10-го » ²⁷.

Это была та церковь в Брашове, в которой много лет тому назад служил его отец, священник Ион Корбя и которого Феодор, будучи в Москве, не забыл. Рукопись « Псалтыря » была таким образом, как бы послание издалека, ее русское предисловие было проникнуто надеждой на освобождение с помощью русских. Автор обращается к своему народу вселяя в него надежду.

Теперь понятно, почему стихи на русском языке о проклятой унии, не были переведены на румынский язык (следует заметить, что румынский текст предисловия был переведен с русского, а не наоборот): они представляли опасность для того, кто бы их получил в покоренной стране. Они предназначались лишь только посвященным.

Перевод « Псалтыря » Корбя содержит еще и другие оригинальные стихи, кроме предисловия и стихов о короне, а именно: Поэму восхваляющую царя Давида, предполагаемого автора « псалтыря » (только на румынском языке).

Красота, свежесть и образность характеризуют стихотворный перевод псалмов сделанный в стиле народной песни. Переводу свойственно большое разнообразие стихотворного размера и ритма, в которых чувствуется темп народной трансильванской музыки. Новые образы, изысканный язык, несвойственный для церковного текста, удивляет и очаровывает. Поэтому не прав литературовед С. Пушкарю рассматривающий псалтырь Корбя « попыткой менее серьезной, чем попытка Дософтея, передать псалтырь в стихотворной форме » ²⁸.

« Псалтырь » Дософтея написан научным языком в церковном стиле, а « Псалтырь » Корбя, народным языком и вольным стилем исполненным красоты и свежести. Считаю, что с литературной точки зрения следует отдать ему предпочтение.

Среди вольностей, которые Корбя допустил по сравнению с текстом псалмов, написанных на славянском языке, которыми он располагал, перу горожанина принадлежат и некоторые другие социального характера которые нас не удивляют. Так, например в псалме 122 говорится об униженных, которые страдают « зимой, летом являясь как бы укором для тех кто слишком сыт и не знает нужды. . . проклятие . . . высокомерным, гордым и ожиревшим » ²⁹.

---

²⁷ Там же фоллио 625.

²⁸ S. Pușcariu, *Istoria literaturii române, Epoca veche*, изд. II, Сибиу, 1930, стр. 192.

²⁹ Рукопись № 200, Академия РНР (румынский), фоллио 273 — 274.

Мы имеем право считать « Псалтырь » Феодора Корбѣя одним из прекраснейших образцов румынской литературы начала XVIII века свидетельством румынских культурных отношений в эпоху реформ.

Вероятно, деятельность Феодора Корбѣя как писателя не ограничилась этими тремя произведениями, о которых говорилось выше. Новые поиски в архивах готовят нам новые сюрпризы. Так, например, в каталоге рукописей, в библиотеке графа Ф. А. Толстого встречаем такое заглавие на русском языке « Ораціи статія, переводъ Корбіевъ въ 59 главахъ » (Рукопись № I, 396, начала XVIII-го века фолио 153)³⁰. Возможно, что речь идет только о переводах некоторых дипломатических документов, но из-за отсутствия оригинала рукописи, пока ничего нельзя сказать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В факте участия румын в русской жизни в эпоху реформ Петра I-го выявляется в первую очередь политический момент, основанный на том, что Россия тогда поднялась как великая европейская держава, и народы под властью Оттоманской Империи и те которые были завоеваны Габсбургской Империей, могли надеяться на ее вмешательство в целях их освобождения. И ввиду того, что эпоха реформ означала в то же время подъем культуры, государственной культуры, обслуживающей интересы государства, ряд образованных людей того времени пытались сотрудничать в культурных делах реформ также с надеждой, что это сотрудничество будет способствовать обращению внимания русских руководящих кругов на румынский народ лишенный политической свободы. Рядом с представителями феодального строя, хорошо известных, которые участвовали в этой политико-культурной деятельности, как Николай Спатару и Димитрий Кантемир, мы представили и фигуру менее известного Феодора Корбѣя.

Значение деятельности Феодора Корбѣя в России состоит в том, что он, будучи горожанином, думал и писал как румынский горожанин из Трансильвании. Его произведения сосредоточены вокруг тех же идей, которые мы встречаем и у Димитрия Кантемира: политическая и культурная связь румын, всех румын, с Россией в целях политического освобождения и культурного сотрудничества.

---

³⁰ *Описание славяно-русских рукописей графа Ф. А. Толстого*, Москва, 1825, стр. 727—728.

В. Костэжел

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В РУМЫНСКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ

(ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ)

1

Изучение средневековой эпохи румынского народа сопряжено с немалыми трудностями. Источники, отображающие древнейший период средневековой истории, довольно малочисленны. А источники, дошедшие до нас, имеют большей частью стереотипный характер и изобилуют стандартными формулами. Такие условные работы особенно заметно отразились на изучении экономических и социальных отношений; этот раздел истории румынского народа значительно отставал от других разделов, главным образом — политической истории. Недостаточно углубленное и систематическое изучение вопросов внутреннего быта лишало историков возможности определить истинный характер румынского средневекового общества.

Другим тормозящим фактом было то, что многие историки изучали историю румынского народа не выходя за пределы истории своего лишь народа. Вследствие этого от внимания историков, долгое время, ускользали многочисленные феодальные элементы, наличие которых неоспоримо доказывало феодальный характер румынского средневекового общества.

Применение такого рода метода приводило нередко историков к выводам научно необоснованным. Это особенно отразилось на изучении двух основных вопросов средневекового общества: землевладения и закрепощения крестьян. Так, например, некоторые историки утверждали, что в румынских княжествах всякого рода землевладение, хотя бы и одним наделом, носило боярский¹ характер и что румынские крестьяне всегда были несвободными².

---

¹ С. С. Giurescu, *Istoria Românilor*, vol. III, partea II, стр. 715.

² С. Giurescu, *Studii de istorie socială*, Бухарест, 1943, стр. 22, 37.

Но, со временем, такой метод исследования был оставлен историками. Стали привлекать все в большем масштабе материалы относящиеся к истории других народов, главным образом соседних, что позволяло обнаружить родство разных социальных явлений. Сравнительно-исторический метод стал играть все более важную роль в трудах румынских историков.

Виднейший румынский славист И. Богдан был одним из первых, применивших сравнительно-исторический метод в своих исследованиях, посвященных древнейшим румынским институтам³. Так его труд, в котором изложен вопрос о средневековом румынском институте «князей», обоснован на обширном сравнительном материале. И. Богдан, ознакомившись с основными чертами этого института в истории румын (в Молдавии, Валахии и Трансильвании), расширил рамки своего исследования, используя материал из истории Сербии и Галиции. На основании изученного материала, румынский историк пришел к выводу, что под славянским наименованием «князья» скрывается характерный румынский институт. Применяв сравнительный метод изучения, И. Богдан использовал материалы, относящиеся к социальной истории славян, венгров и западно-европейских народов.

Вслед за И. Богданом и другие историки стали применять сравнительный метод в изучении древних румынских институтов. Так Р. Розетти, исследователь земельного строя у румын, в своем труде «Земля, крестьяне и землевладельцы в Молдавии»⁴ применил также сравнительный метод, используя главным образом материалы, отображающие социальные порядки народов соседних с румынами. Этим же путем шел и И. К. Филитти, занимавшийся вопросами земельной собственности в румынских княжествах⁵.

Особенно важных и ценных результатов достиг Н. Иорга, главным образом в своих трудах — «Общность характера институтов Юговосточной Европы»⁶ и «Византийская деревня»⁷. Превосходный знаток истории европейских народов, он широко использовал свое знание источников и применил сравнительно—исторический метод для изучения социальной истории румын. Указав на сходство социальных отношений у народов населяющих юг и восток Европы, Н. Иорга уделил особое внимание истории крестьянства и румынской деревни. Определяя условия жизни различных категорий сельского населения, Н. Иорга отмечает сходство жизни крестьянина в румынских княжествах, в странах южных славян и в Византии. Так категорию свободных крестьян в Византии — «элевтеров» — сравнивает

---

³ *Originea voevodatului la români*. Analele Academeiei Române, Memoriile Secțiunii Istorice, 1902/24; Despre cneji români, An. Ac. Rom., Mem. Secț. Ist., 1904/26.

⁴ *Pământul, sătenii și stăpînii în Moldova*, Бухарест, 1907.

⁵ *Proprietatea solului în peincipatele române pînă la 1864*, Бухарест, 1935.

⁶ *Le caractère commun des institutions de sud-est de l'Europe*, Париж, 1929.

⁷ *Etudes byzantines*, Бухарест, 1940, II, 375—412.

с категорией свободных крестьян в Молдавии — «мошнян» и «резешей»⁸. Указывает на сходство положения византийского парика и молдавского «суседа». Объясняет ухудшение положения «париков» на примере «суседей» в Молдавии. На основании материалов, относящихся к истории народов юго-восточной Европы, отмечает основные этапы процесса закрепощения крестьян, который превращал свободных крестьян в зависимых, подчеркивая, что и у румын основные черты этого процесса были те же⁹.

Труды вышеуказанных историков, применивших сравнительно-исторический метод, внесли много нового по вопросу изучения социального строя румын. Стало очевидным, что изучение этого раздела румынской истории не может дать положительных результатов, без привлечения однородных элементов и из истории других народов. Необходимость применения этого метода диктовалась и румынской дипломатикой, для которой характерна очень пестрая и своеобразная терминология, заимствованная у славян, греков, венгров, монголов. Для примера достаточно указать на некоторые феодальные термины как: «отчина», «охаба», «выслужение» — славянского происхождения; «виглу», «ангария» — византийского, «хитлѣнство», «урик» венгерского, «тархан» — монгольского.

Познакомившись с терминологией румынских средневековых памятников, с первого взгляда было трудно определить какие социальные институты скрываются под этими различными наименованиями, нерумынского происхождения. В виду этого, условия работы требовали предварительного изучения социального строя народов, с которыми румыны соприкасались в средние века. Прежде всего приходилось сопоставлять однородные термины в дипломатике вышеуказанных народов. Так, например, удалось установить что молдавский термин «выслужение» во многом соответствует литовской «выслуге»; термин «тархан» имел применение в русской средневековой дипломатике, будучи заимствован у татар; «привилия», характерный для молдавской дипломатики, происходит от термина «привилей», часто упоминающийся в грамотах литовского княжества, заимствованный из западноевропейской дипломатики (лат. *privilegium*).

Изучение этой разнообразной терминологии, на основании сравнительных данных, привело к выводу, что многие термины румынской дипломатики вскрывают наличие институтов феодального характера. Такие термины, как «дедина», «отчина», «выслужение», относятся к разным формам феодального землевладения; термины «привилия», «тархан», «слобозия» — указывают на существование иммунитета, одного из типичных институтов феодального общества; наименования «вечин» и «сусед» говорят о наличии соседской

---

⁸ Указ. произв., II, стр. 411.

⁹ N. Iorga, *Le caractère commun des institutions du sud-est de l'Europe*, стр. 134—136.

общины; термины « ангария », « вигла », « повоз и подвода » — доказывают, что в румынской общине крестьяне обязаны были нести различные повинности феодального характера: термин « глоба » указывает на применение системы уголовных штрафов, характерной для феодального уголовного права.

Наличие подобной терминологии у румын, которая в истории соседних народов отображала существование феодального строя, позволяет предполагать, что такого рода порядки имели место и в румынском обществе. Установление общности терминологии приводило к предположению, что за общими терминами скрываются тождественные социальные институты.

Таким образом, изучение социального строя румынского народа в феодальную эпоху потребовало крупной предварительной работы, основанной на широком применении сравнительного метода.

Исследование некоторых феодальных институтов было особенно затруднено тем фактом, что в румынских источниках они обозначались стандартными формулами, значение которых было неясно. К этой категории относятся такие формулы, как « очина и охаба » и « урик съ въсем доходом ». Изучение других институтов тормозилось тем, что они не носили никакого специального наименования в источниках изучаемой эпохи. Так, например, сельская община, которая у соседних славянских народов носила определенные наименования — « вервь » и « мир » у русских, « ополье » у поляков, « околина » у сербов — в румынских памятниках не имеет определенного наименования. Для того чтобы вскрыть наличие сельской общины у румын, пришлось восстанавливать ее структуру, отыскивая ее характерные черты, как: право близости (πρότῃμης), дававшего соседям предпочтение при покупке соседнего участка, обычай гонения следа, право на суд, круговая ответственность и другие. Но прежде чем определить характер румынской средневековой общины, пришлось предварительно изучать формы сельской общины у славянских соседних народов. И только благодаря сопоставлению различных элементов, свойственных общинной организации, с данными румынских источников, становилось очевидным наличие сельской общины в румынском средневековом обществе. Без применения сравнительного метода многое осталось бы неясным в жизни румынской средневековой деревни.

II

Изучение вопроса сельской общины имело особенно важное значение в связи с установлением условий, при которых зарождались феодальные отношения в румынских княжествах. Оставляя в стороне вопрос о существовании сельской общины, нельзя было бы восстановить полностью процесс образования крупного феодального землевладения. Кроме того, изучение осложнялось и тем, что румынские источники отражают главным образом тот период, когда сельская община уже разлагалась и когда общинная

собственность на землю и выделившаяся индивидуальная крестьянская собственность стала переходить в руки светской и духовной знати.

Румынские источники содержат многочисленные данные, отображающие процесс разложения сельской общины. Одним из важнейших признаков разложения общины является продажа крестьянских наделов, следствием которой было обезземеливание крестьян. На процесс разложения указывало и появление новой категории крестьян, носившей наименование «сирамахов» и «сираков» в Валахии и «убогих» в Молдавии¹⁰. Ограничиваясь лишь изучением румынских источников, было бы трудно установить, причины, которые привели к появлению этой новой категории крестьян. В XV веке, когда эти наименования появляются в румынских источниках, уже многие из них попали в феодальную зависимость, что давало повод утверждать, что речь идет лишь о категории зависимых крестьян.

Сравнительное изучение материалов, касающихся истории крестьян, показало, что на данном этапе своего развития, в разных странах в средние века крестьян стали именовать «убогими» и «сиротами». Например: «сиротами» в древней Руси, «убогими» в Византии. Это новое наименование, указывающее на бедственное положение крестьян, должно было быть вызвано какими-то серьезными изменениями, произошедшими в положении крестьян. Среди источников различных народов, в которых упоминаются термины обозначающие крестьян как бедняков, исключительно ценное указание находится в сербских источниках, где так же были в употреблении термины «убогие» и «сиромаси». Так в одной из редакций законника Стефана Душана есть указание, что «Кто сиромас не има бащина»¹¹. В валашских памятниках так же встречаются указания на то, что «сиромаси» — это крестьяне-общинники, но не имеющие наделов: «а они не сѣт били сиромаси а нѣ сѣт с комати» (с наделами земли). На основании приведенных источников можно было заключить что категория крестьян, носившая наименование «сирот» и «убогих», состоит из непосредственных производителей без земли-без «отчины», без «надела». Потеря права на свой дедовский надел, потеря основного средства производства создавала новую категорию крестьян, вынужденную либо работать на земле феодала, либо искать новых средств для обеспечения существования, например, заняться торговлей, как это было в Валахии и Молдавии.

Этот процесс обезземеливания крестьян с одной стороны вскрывает условия, при которых происходит рост крупного феодального землевладения, как результат социальной дифференциации внутри общины. С другой стороны,

---

¹⁰ V. Costăchel, *Desagregarea obștii sătești în țările române în evul mediu. Săracii*, «Studii și referate privind Istoria României, I, 1954, стр. 769—775.

¹¹ С. Новакович, *Законик Стефана Душана цара српского 1349 и 1354*. Бэлград, 1898, стр. 50.

дает возможность проследить, как появляется категория зависимых крестьян, утративших право на землю.

Но крупное землевладение возникало и другим путем—массовой раздачей земель боярам и должностным лицам господами румынских княжеств. В румынских средневековых памятниках такого рода землевладение называлось « даания » и « милость », пожалование полученное за несение « верной и правой службы ». Историки, не обратившие внимания на феодальный характер этой формы землевладения, считали, что земли раздавались боярам за выполнение какой-либо должности — административно — судейской или же придворной¹². И так как считалось, что землей награждали за несение какой-либо государственной должности, историки не указывали на условный характер этой формы землевладения. Во второй четверти XV века в Молдавии стали применять еще один термин для обозначения земельного пожалования « выслужение ». Появление этого термина вскрывает наличие феодального землевладения—как временного владения, с обязательством несения военной службы. Но в румынских источниках были не мало и других данных, указывающих на существование условного землевладения, еще до появления термина « выслужения », заимствованного из литовской дипломатики. Так в первой четверти XV века, в связи с земельным пожалованием употребляли формулу « где дом его »¹³. Значение этой формулы было неясно, пока не было установлено, как надо понимать термин « дом ». Румынские источники не давали ответа на этот вопрос, тогда как привлечение славянских памятников, главным образом древне-русских и сербских, показало, что термин « дом » надо понимать как « поместье », хозяйственный комплекс, обеспечивающий содержание княжеских слуг, несущих военную службу¹⁴. Получить земельное пожалование, с указанием « где дом его » означало на языке времени — получить поместье — получить землю в условное владение. Во второй четверти XV века, термин « выслужение » вытесняет формулу « где дом его », т.к. временный характер земельного пожалования постепенно исчезает. Когда пожалования земли становятся наследственными и землевладельцы получают неограниченное право распоряжаться ими — термин « выслужение » вытесняется термином « отчина ».

В процессе образования феодального землевладения, эти три термина — « дом » — « выслужение » — « отчина », тесно связанные один с другим, указывают на различные этапы этого процесса: от испомещения дружинника до появления земельной собственности на полном праве. Процесс образования феодального землевладения сложен и трудноуловим; при изучении

¹² A. I. Ștefulescu, *Documente slavo-române*, Tr. Жиу, стр. 144—145.

¹³ V. Costăchel, *La formation du bénéfice en Moldavie*, «Revue historique du Sud-est europeen», XXIII, 1946, стр. 119—121.

¹⁴ V. Costăchel, *Termenul «dom» în documentele slavo-române*, «Studii», 1953/1.

славянской терминологии румынских памятников остается много неясного. Без привлечения славянских источников, не было бы возможным раскрыть смысл этой феодальной терминологии, указывающей на наличие феодального землевладения в румынских княжествах.

Выяснение вопроса о наличии феодального землевладения в румынских княжествах имело огромное значение для обоснования теории о существовании феодализма у румын, т.к. собственность феодалов на землю являлась основой средневекового феодального общества.

III

Применение сравнительного метода внесло также большую ясность и в вопрос касающийся исследования форм феодальной зависимости и феодальной ренты.

В средневековую эпоху румынские крестьяне носили разные наименования, большинство которых было славянского происхождения: «люди», «межиаши», «суседи», «убогие», «сиромаси», «наследници», «князы». Определить характер каждой из этих категорий сельского населения было делом нелегким, потребовавшим напряженного труда со стороны румынских историков. Славянская терминология значительно затрудняла изучение истории румынского крестьянства и заставляла обращаться к истории крестьян у славянских народов.

Одно из самых древнейших наименований, которые носят румынские крестьяне в средневековых источниках — это «люди». На основании румынских памятников XIV—XV веков явствует что «люди» представляют сельское население румынских княжеств. Из румынских источников трудно извлечь еще какие-либо добавочные сведения, касающиеся этой категории крестьян. Но термин «люди» имеет общеславянский характер. Он упоминается в главнейших памятниках славянского феодального права — «Русской Правде»¹⁵ и «Законике Стефана Душана»¹⁶. Многие исследователи этого термина в славянских памятниках пришли к выводу, что он относится к крестьянам-общинникам¹⁷. Использование этого вывода для определения термина «люди» в румынских памятниках имеет большое значение, так как наличие этого термина является одним из признаков, указывающим на существование общины и у румын. Но термин «люди», указывая на существование общины, не определяет о какой общине идет здесь речь. Тем не менее, в румынских средневековых источниках встречаются и другие наименования крестьян общинников, на основании которых можно утверждать, что это была сельская община. Так крестьяне-общинники назывались «суседы» в Молдавии

---

¹⁵ *Правда Русская*, из. Академии Наук СССР, II, стр. 774.

¹⁶ С. Н о в а к о в и ч, указ, *произв.*, стр. 293.

¹⁷ *Правда Русская*, стр. 262 и 270.

и «вечины» в Валахии. Если первый термин славянского происхождения, то второй происходит от латинского термина «vicinus». В румынских источниках оба наименования появляются тогда, когда крестьяне-общинники частично уже находились в феодальной зависимости, что послужило поводом лишать вышеуказанные наименования свойства обозначать категорию зависимых крестьян. Но было неясно, почему зависимые крестьяне назывались «соседями» и румынские источники не давали никаких добавочных разъяснений по этому вопросу.

Обратясь же к изучению средневековых памятников — романских и славянских народов — было установлено, что оба наименования там постоянно применяются для обозначения крестьян-общинников. Так у народов латинского происхождения — в Испании, Италии, Франции — члены сельской общины назывались соседями и их наименование происходило от латинского термина — «vicinus» (voisins, los vecinos). Сопоставляя эту терминологию с румынским термином «vesin», становится очевидным его латинское происхождение¹⁸. Нет оснований не признать значения этого латинского термина и для его румынской формы. Термин же «сусед» — славянского происхождения, встречается в литовских¹⁹ и русских источниках²⁰ — как «люди суседи» или же «суседи околичные». Наличие термина «сосед» в источниках различных народов, как латинских, так и славянских — создает уверенность, что и термины румынских источников обозначают крестьянина-общинника. Перемены, происшедшие в положении крестьянина, когда он из свободного превращается в зависимого, способствовали семантическому изменению термина «сусед». Как было уже указано выше, в связи с изменениями, происходившими в экономическом и правовом положении крестьян, появились и новые наименования — «сиромахов» в Валахии и «убогих» в Молдавии. Появление этой новой терминологии совпадает с усилением процесса феодализации. На основании румынских источников создавалось впечатление, что все эти термины «вечины», «суседи», «сиромахи», «убогие» — относятся к категории зависимых крестьян. Но, рассмотрев этот вопрос в свете сравнительных материалов, нужно думать, что первоначальное значение терминов «вечин» и «сусед» было вытеснено теми новыми явлениями, которые произошли в жизни крестьянина.

Что же касается вопроса феодальной ренты — там тоже было много неясного для историка, строившего свое исследование только на основании румынских источников. Немало усилий потребовалось, чтобы определить

---

¹⁸ V. Costăchel, *Despre problema obștiilor agrare în Țara Românească și Moldova în secolele XIV—XV*, «Studii și cercetări de Istorie Medie», 1951/I, стр. 91—109.

¹⁹ «Акты Южной и Западной России», 1, № 6, 140, 144.

²⁰ Псковская судная грамота, стр. 9, 15, 34, 51, 55, 56, 66, 76, 100. Акты юридического быта, стр. 1, 53.

в чем состояли такие повинности, как «виглу», «посада», «ангария», «повоз и подвода», «третина», «илиш» и другие.

Для того чтобы выяснить значение этих повинностей, пришлось привлечь различные материалы из истории средневековой Европы. Так для выяснения термина «виглу»²¹ были привлечены сербские и византийские источники. В сербских памятниках этот термин встречается в форме «бигле», а в сербских грамотах писанных на греческом языке в форме «βιγλα» и «βιγλιτικόν»²². Этот термин применялся и в византийских грамотах, а также и в памятниках относящихся к истории византийских владений — Кипр, Корфу, Эпир — в формах — «vigla», «viglatikon»²³. Все формы этого термина происходят от латинского термина «vigilia»²⁴, обозначающего военную повинность, очень распространенную в средневековой Европе. Наличие этого термина в румынских источниках приводит к выводу, что такого рода повинность, имеющая военный характер, существовала и в румынских княжествах. Эта же повинность позднее — во второй четверти XV века — носила уже славянское название «посады» и состояла в охране крепостей, дорог и границ государства.

Феодальная повинность, связанная с транспортом, кроме формулы славянского происхождения «повоз и подвода», обозначалось и термином греческого происхождения — «енгария» (αγγαρεία)²⁵. Из румынских источников узнаем об ее существовании, но не находим указаний относительно того, в чем она состояла. Транспортная повинность была очень распространенной в средневековой Европе: существовала в Византии, в балканских странах, в древней Руси. В Черниговской и Галицкой землях она была известна уже в половине XII века и состояла в обязанности населения доставлять князю, должностным лицам и гонцам подводы с проводниками и гребцами²⁶. Весьма схожий характер она имела и в других славянских странах — в Польше, в Чехии. Не имея конкретных данных в румынских источниках, приходится думать, что и в румынских княжествах она состояла из тех же обязанностей.

Так же на основании румынских памятников нельзя было определить в чем состоял налог, носивший в Молдавии название «илиш». Лишь с привлечением венгерских источников, историкам удалось выяснить, что термин «илиш» венгерского происхождения и обозначает налог на хлеб²⁷.

²¹ V. Costăchel, *Les immunités dans les principautés roumaines aux XIV-ème et XV-ème siècles*, Бухарест, 1947, стр. 18—19.

²² Соловьев А. и Мошин В., *Грчке повеље српских владара*, Београд, 1936, стр. 412—413.

²³ N. Iorga, *Etudes byzantines*, II, стр. 396, 408.

²⁴ Соловьев А. и Мошин В., *Указанн. произв.*, стр. 413.

²⁵ V. Costăchel, *Указанн. произв.* стр. 19—20.

²⁶ М. Дьяконов, *Очерки общественного и государственного строя древней Руси*, С. Петербург, 1912, стр. 188.

²⁷ D. Prodan, *Despre iliș în Transilvania*. «Anuarul Institutului de Istorie Națională», Клуж, VIII, стр. 361—373.

Сравнительное изучение румынского уголовного права в средние века также привело к ценным результатам, способствуя выявлению феодального характера румынского общества. С одной стороны сопоставление румынского уголовного права с общим правом, которое применялось в средневековой Европе, показало что румынское уголовное право составляет часть этого общего права; с другой стороны, что его основные принципы и вся система взятая в целом, имеет много общего с системой уголовного права Киевской Руси и соседних славянских народов.

Основным принципом всякого уголовного права является кровная месть, которая со временем была заменена системой выкупов. Эта система применялась и в румынских княжествах имея много общего с системой уголовных штрафов Киевской Руси. Согласно нормам румынского уголовного права за убитого взыскивался штраф, обозначаемый термином «глоба». Сравнивая терминологию румынских памятников с терминологией источников южных славян, встречаем много общего, и прежде всего термин «глоба». Так в «законике Стефана Душана» термин «глоба» упоминается несколько раз²⁸. Болгарские грамоты XIII—XIV веков так же упоминают термин «глоба». В болгарских иммунитетных грамотах термин «глоба» упоминается в связи с правами иммунитета и с запрещением должностным лицам вступать в села иммунитета, где они не имеют права «ни сядити ни связати ни глоба възяти». В источниках восточных славян, например, в «Русской Правде», термину «глоба» соответствует «голова», от которого происходят и другие формы, как «головник» и «головничество». Термин «голова» упоминаемый в «Русской Правде», как и выше упомянутые производные формы происходят от древне славянского слова «глава». На основании этого можно утверждать, что термин «глоба», упоминающийся в румынских грамотах и в памятниках южных славян, так же происходит от слова «глава». Наличие общей терминологии в румынских и славянских памятниках указывает и на общий принцип, лежавший в основе уголовного права: система уголовных штрафов.

Среди видов преступлений, характерных для румынского средневекового права — видное место занимает преступление, обозначенное термином «хитлѣнство». Изучение этого феодального института привело к целому ряду сближений и догадок в области права средневековой Европы. Исследователи этого вопроса установили, что румынский термин «хитлѣнство» происходит от венгерского слова «hitlen»³⁰. Преступление состояло в

²⁸ С. Н о в а к о в и ч, *Указани. произв.*, стр. 3, 169, 188, 193.

²⁹ И. С р е з н е в с к и й, *Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках*, С. Петербург, стр. 12—22, 31—33.

³⁰ I. B o g d a n, *Relațiile Țării Românești cu Brașovul*, Бухарест, стр. 1905, 395.

нарушении верности, в выступлении против господарской власти. Румынские бояре во время своей службы должны были соблюдать верность своему господарю, нести ему «верную и правую службу». Нарушение этой верности считалось изменой и наказывалось смертной казнью. Такой вид преступления был также наказуем и в Киевской Руси. Во французском феодальном праве этот вид преступления носил название «фелония». Так путем догадок и сближений исследователи этого вопроса вскрыли значение и феодальный характер этого средневекового института.

В области судебной процедуры особый интерес представляет обычай «гонения следа», который имеет общеславянский характер. Определение значения этого института, характерного для средневековой общины, не было бы возможным, без привлечения источников, относящихся к истории славянских народов.

Настоящее исследование поставило своей целью показать, какое огромное значение имело применение сравнительно-исторического метода в румынской медиевистике, как параллельное изучение феодальных институтов славянских народов способствовало выявлению различных феодальных аспектов румынского средневекового общества.

Исходной точкой исследования феодальных институтов румынского средневековья послужила терминология румынских памятников, очень своеобразная, с многочисленными заимствованиями у соседних народов.

Но историки, начиная исследование анализом терминов, упоминающихся в румынской дипломатике, были далеки от мысли считать, что сами термины являются основным предметом исследования. Лаконический и стереотипный характер румынских памятников, применение стандартных формул препятствовали установлению той конкретной действительности, которую они отображали. Поэтому то первой задачей исследователей было изучение терминологии и лишь потом раскрытие реальных взаимоотношений, которые скрывались под этой терминологией.

Наличие феодальных терминов, заимствованных у соседних народов, у которых уже сложились феодальные отношения, не является признаком того, что развитие феодализма у румын есть результат влияния соседей. Феодальный строй румынских княжеств был итогом их внутреннего развития, которое определялось местными социал-экономическими условиями³¹. Феодальная терминология, заимствованная у соседних народов, лишь оформляла уже сложившиеся феодальные отношения.

Зарождение феодальных отношений в румынских княжествах, не будучи обусловлено внешним влиянием, явилось результатом разложения родового

---

³¹ V. Costăchel, P. P. Panaitescu, A. Cazacu. *Viața feudală în Țara Românească și Moldova (sec. XIV—XVIII)*, Бухарест, 1957.

строя. От родовых отношений, минуя рабовладельческую стадию развития общества, румыны перешли к феодальным отношениям. Изучение древнейшего периода зарождения феодальных отношений сопряжено с большими трудностями из-за скудности местных источников. Поэтому то применение сравнительного метода в области общинного строя, главным образом сельской общины, создало возможность вскрыть процесс образования крупного феодального землевладения. С одной стороны удалось проследить процесс обезземеливания крестьян-общинников, как результат социальной дифференциации внутри общины; с другой стороны указать на расхищение общинной земли боярами и должностными лицами путем раздачи государями населенных земель. В сложный и трудный вопрос закрепощения крестьян, при помощи изучения сравнительных данных, было внесено много нового, что сделало возможным установить основные этапы процесса закрепощения крестьян и понять по-иному законодательные меры государей XVII века.

Применение сравнительно-исторического метода в румынской медиевистике способствовало более глубокому изучению феодальных институтов средневекового общества. Были достигнуты немаловажные результаты. Но в этом направлении предстоит проделать немалую работу, так как далеко еще не все вопросы были выяснены до конца.

К. Велики

РУМЫНО-РУССКАЯ ПОМОЩЬ, ОКАЗАННАЯ БОЛГАРАМ ЭМИГРИРОВАВШИМ В РУМЫНСКИЕ КНЯЖЕСТВА ВСЛЕДСТВИИ ВОЙНЫ 1828 — 1829

Эмиграция болгар от турецкого гнета, на север от Дуная, явление довольно частое, начиная от захвата Болгарии турками вплоть до периода русско-турецкой войны 1877—78 года.

Эта эмиграция принимает еще большие размеры, начиная со второй половины XVIII века вследствие грабежей, развития торговли или разных других причин. Главной причиной являются русско-турецкие войны, которые вызывали массовые эмиграции в Валахию, Молдову или на юг России. Переселение начинает увеличиваться еще до объявления войны, главным образом в области между Дунаем и Балканами, где производились работы по возведению укреплений, проведению военных дорог, по реквизициям, по перемещению войск и т.п. Оно возрастает при вступлении русских войск в Княжества, приобретает массовый характер при заключении мира и в связи с уходом русских войск и продолжается в более слабом темпе еще два-три года после окончания войн¹. Таким образом, во время русско-турецкой войны 1768—1774 г. число болгарских эмигрантов в России и в Валахии после Кучук-Кайнарджийского мира доходит приблизительно до 160.000 человек. Массовая эмиграция продолжается и после русско-турецкой войны 1787—1792 года, она возрастает, главным образом, во время следующей войны, а именно: 1806—1812 года. Только во время похода Багратиона бежало в Валахию через Дунай около Хыршева около 3.000 семейств².

---

¹ St. Roman ski i, *Българитъ въ Влашко и Молдова* (Документы) Sofia 1930, стр. 2 (Болгары переходящие Дунай через 2 года после окончания войны 1792 г.)

² Цифра, кажущаяся нам преувеличенной, см. Михайловский - Данилевский. *Описание Русско-Турецкой войны* (1806 — 1812 г.) Петербург, 1843 г., I, стр. 207.

Массовые эмиграции происходят во время командования генерала Кутузова. Одновременно с отходом его войск 635 семейств покинули Руцук и перешли в Валахию в июне 1811 года ³.

Массовая болгарская эмиграция на север от Дуная происходит еще раз во время русско-турецкой войны 1828-29 года. Начиная с зимы 1828 года и длительное время после заключения Адрианопольского мира, потоки эмигрантов устремляются в Валахию, Молдову, на юг России, через все дунайские переправы. Массовые переходы происходят, главным образом, через Калараш, Пиуйа Пьетрей и Браила, переселение достигает своего кульминационного пункта в период отступления русских войск. В то время 16.500 семейств покинули Болгарию, оставив пустынными села и города. По докладу самого Киселева тогда бежало в Валахию 6.283 болгарских семейства, из которых 2.042 вернулись обратно, а 4.241 осели в Княжествах ⁴.

Небольшое число беженцев в Валахии не создавало трудностей для румынских властей, которые селили их вместе с уже обосновавшимися, массовая же эмиграция времен войн усложняла положение дел. Решить эту проблему было не легко, требовалось во многих случаях вмешательство « Дивана » (Государственного юридического Совета) или самого господаря ⁵. Во время войны 1806—1812 года в этот вопрос вмешались русские генералы, и было даже организовано специальное отделение по вопросам южнодунайских беженцев. В период войны государственный советник А. Коронелли, « главный куратор » колонистов, работающий под началом Кутузова, развивает широкую деятельность в этом направлении ⁶.

Если во время войны 1806—1812 года, для болгар-беженцев не был полностью составлен « Устав об Оседлости », положение в корне изменяется во время войны 1828—29 года. Это происходит благодаря тому, что значительно увеличивается число эмигрантов, как было указано выше.

---

³ Михайловский - Данилевский *цит. оп.*, стр. 112

⁴ A. P a r a d o r o l - C a l i m a c h i, *Generalul Pavel Kiselef*, Бухарест, 1887, стр. 40—84. P. C o n s t a n t i n e s c u - I a ş i, *Studii istorice romîno-bulgare*, Бухарест, 1956, стр. 13.

⁵ Смотри жалобу плештян, поданную господарю Николаю Каража, в которой они его просят дать господарскую грамоту, защищающую их « от хулиган и всякого сброда в этом городе: сербов, влашчан и других иноземцев... » M. S e v a s t o s, *Monografia oraşului Ploeşti*. Бухарест (без указания года) стр. 837 (документы, опубликованные Дамияном Р. Богданом) см. и доклад, поданный господарю Ионом Бэлэчану и боярином второго ранга Михаилом Гречану относительно болгар, осевших после окончания войны 1792 г. (тоже стр. 863—4).

⁶ См. например, приказ Кутузова Коронелли относительно организации управления болгарскими колониями на левом берегу Дуная (док. № 419 от 2 апреля 1819 года) или письмо Кутузова митрополиту Гавриилу по поводу сбора зерна, необходимого для задунайских колонистов (док. № 578 от 16 июля 1811 года) в « *Кутузов в Дунайских княжествах* » (Собрание документов) Кишинев, 1943 год, стр. 87, 88, 337 и т. д.

В настоящей статье мы займемся лишь « Уставом об оседлости » для этих колонистов, а переход их в Княжества, их оседлость и другие вопросы, связанные с этой массовой эмиграцией являются темой другого труда.

Начиная с русско-турецкой войны 1806—1812 года, русские генералы, командующие войсками в Княжествах, придают особое значение болгарскому вопросу в широком смысле слова. В первую очередь ставится вопрос о добровольцах-болгарах, рекрутированных в Валахии, осевших здесь перед этой войной и предлагавших принять участие в военных операциях против турок. Во-вторых, поднимается вопрос о населении Болгарии, позиция которого влияет в большей мере на успех этих операций. Здесь интересно отметить, что во время войны 1806—1812 года русские генералы, как Багратион или Каменский, не поощряли восстания населения, как следовало бы ожидать, а наоборот, стремились удержать его в прежнем положении в целях снабжения русских войск⁷. К концу войны поднимается вопрос о принятии мер по отношению к болгарскому населению, помогавшему русским войскам, которому могли отомстить турки.

В русско-турецкой войне 1806—1812 года болгары из Румынских княжеств играли особо активную роль. Это объясняется тем, что здесь эмиграция стала силой, которая начала бороться за освобождение порабожденной родины в политическом и культурном направлении. В 1804 году болгары из Бухареста послали в Петербург двух делегатов: Атанасия Николаева и Ивана Замбина с ходатайством. К их ходатайству присоединился епископ Софроний из Врации, бежавший в Бухарест. Организуется отряд болгарских добровольцев. Епископ Софроний обращается с воззванием к болгарам на родине, а Анастасий Николаев, вернувшись в Бухарест, начинает работать в главном русском штабе. После войны русское командование берет под свое покровительство этих двух болгар-предводителей. В качестве депутата болгарского народа Атанасий Николаев ходатайствует перед русскими генералами об создании лучших условий жизни и для болгар, бежавших на север от Дуная⁸. Так объясняются меры, принятые « Диваном » в пользу болгарских эмигрантов, меры, которые были в силе вплоть до составления специального « Устава об оседлости », как мы указывали выше.

Во время войны 1828—29 года создается аналогичное положение. Александр Павлович, депутат болгарского народа, переходит в Болгарию следом за русскими войсками, будучи уверенным, что хотя бы часть болгарской территории освободится от турецкого ига. Как следствие докладных записок,

---

⁷ А. Петров, *Война России с Турцией (1806—1812 г.)* Петербург, 1885—1887. II, стр. 478—85.

⁸ С м. В. Н. З л а т а р с к и й, *Политическата роля на Софрония Врачански прѣз руско-турската война 1806—1812.* София, 1923.

поданных русскому командованию в Сумле и даже лично царю Николаю, создается первый проект свободного болгарского государства, который, однако, нельзя было провести в жизнь Адрианопольским договором. Одновременно Александр Палович является к императору Николаю в Варне и вручает ему докладную записку относительно положения болгар в Валахии⁹, для которых просит ряд привилегий. Эта докладная записка была послана графу Несельроде в Министерство Иностранных Дел и через него, как и через русское командование в Болгарии, было послано, вероятно, ходатайство к Киселеву для принятия необходимых мер.

И, действительно, уже с 1 апреля 1830 года генерал Киселев просит «Диван» принять спешные меры по устройству болгар, прибывших из Румелии. Общее собрание должно было принять экстерное решение и найти подходящие средства для обеспечения постоянного жительства этих людей. «Эта мера», — сказал Киселев, — во-первых предовратит вред для общества размножения людей без занятий, а во-вторых, принесет самую большую пользу земле, возвратив этих людей земледелию»¹⁰. Согласно этому распоряжению «Диван» назначает 15 мая 1830 года чиновников в карантинные города Калараш, Пиуа Пьетрей и Браила¹¹, которые должны были принять беженцев, занести их в специальные регистры и передать их различным людям, посланных помещиками, с которыми они должны были договариваться о своем устройстве. Эти меры были приняты с некоторым запозданием, когда наибольший приток эмигрантов уже начался. Правда, «Диван» уже давно освободил эмигрантов от всех податей в течение 8 месяцев.

Условия, при которых болгары могли осесть, были по мнению Киселева, «условия, которые существуют для подобного рода положения в этом княжестве». Инструкции «Дивана» говорили о взаимном согласии с помещиками, добавляя однако, что «после этого будут приняты соответствующие меры согласно принятому уставу об оседлости для иностранцев»¹², что показывает, что вопрос об учреждении такого устава находился уже в обсуждении.

В Молдавии положение было значительно проще, т.к. единственным пунктом перехода болгар в это княжество был порт Галац.

На съезде молдавских «Диванов» было решено послать в Галац постельника Йордаке Куза с определенными инструкциями. Эмигранты после прохода через карантин сдавали оружие начальникам города, ручались один за другого в хорошем поведении, потом направлялись в имения или местности, где они хотели осесть или туда, где помещики хотели их принять. Эти пункты оседлости могли быть переменены

⁹ Романский, *цит. оп.* стр. 36—43.

¹⁰ Государственный Архив, Бухарест, *Visteria* дело 162/1830 фол. I

¹¹ Там же, фолио 15—16.

¹² Государств. Архив Бухареста *Visteria* Дело 162/1830 фолио 67—68.

простым извещением властей, которые должны были составить специальные списки. Что же касается условий оседлости, а именно, « Устава об оседлости » как такового, Общее Собрание Молдавии назвало « Сокотинца », употребляя в то же время и термин « Регуламент (Устав) об Оседлости ». Эта « Сокотинца » была составлена казначеями Катаржи и Кантакузино 14 июня 1830 г.; подписан всеми известными боярами во главе с Митрополитом Веньямином, « опубликована повсеместно . . . для уведомления всех помещиков ».

« Сокотинца », собственно говоря, является базой для « Устава об Оседлости » 1830 г.), который был дан болгарам-беженцам Общим Собранием « Диванов » Рум. Государства.

Правда, обо всех этих мерах было доложено генералу Киселеву. Они получили соответствующее утверждение, а 2 июля 1830 г. вице-президент « Диванов » генерал-майор Дитрих обратился к Общему Собранию « Дивана »: Его Превосходительство находит эти меры полезными, как для беженцев, так и для помещиков; и для выполнения этого решения об обоюдных обязанностях, считает нужным дать этому ход, и беженцам, изъявившим желание осесть в Валашском княжестве ¹³. Генерал приглашает « Общее Собрание Валахии » также составить соответствующие правила, « которые должны быть сообщены, как беженцам при переходе Дуная, так и помещикам » для выполнения и соблюдения их в будущем ».

Принимая на обсуждение молдавский « Устав об Оседлости », Общее Собрание « Дивана » Валахии выпускает в августе 1830 г. « Устав об Оседлости для болгар, пришедших в это Княжество из Румелии » ¹⁴.

Рассматривая эти два « Устава » следует заметить, что освобождение от частичных или всех податей сроком на 3 года или 7 лет, предусмотренное в них было сделано под влиянием общих привилегий, полученных колонистами разных наций на юге России ¹⁵.

Освобождение от податей в течение 3-х лет получили и болгарские беженцы, осевшие в Валахии вследствие русско-турецкой войны

¹³ Государственный Архив, Бухарест *Visteria* дело. 162/1830.

¹⁴ См. С. Velichi, *Așezămintele bulgarilor de la 1830* (текст) в « *Romanoslavica* », III, Бухарест, 1957 стр. 117 — 135.

¹⁵ Колонизационная политика Екатерины II (Манифест 1762—1763 год) продолженная Александром I-ым, привлекла в эту часть России многочисленных иностранных колонистов среди них и болгар. Первые колонии болгар возникли во второй половине XVIII века (1752г.). Они пополняются новыми потоками эмиграции до второй половины XIX века. Благодаря большим привилегиям, полученным колонистами, их число возрастает быстро. По Державину, который обобщает в своей работе, опубликованной в 1914 г., данные различных исследований, на юге Бессарабии в 1819 г. находилось 6.532 болгарских семейств, приблизительно, 24.000 человек. По указу от 29 декабря 1819 года они получают всякие привилегии и землю в Бужеак, а после большой эмиграции вследствие русско-турецкой войны 1828—1829 года, а именно в 1835 году, в этих местностях находилось 9.641 семейство, составляющее 55.630 человек.

1806—1812 года. Остальные условия, предусмотренные в « Уставе об Оседлости» 1830 года, отличаются от привилегий болгарским колонистам в России, где их социально-политическое положение резко отличалось от положения болгар в Молдове или Валахия. Сравнивая оба « Устава », наблюдаем следующее:

1. Что касается земли, полученной от помещиков, молдавские беженцы, имеют лучшие условия, что видно из следующей таблицы: Площадь дана

Земля, данная помещиками беженцам:		
Молдавия		Валахия
Место для дома с садом	2000 кв.м.	1500 кв.м.
Выпас	2,14 гект. для 5 голов скота	1,25 гект. для 5 голов скота
Луга	2,14 гект. для 5 голов скота	2,50 гект. для 5 голов скота
Пахотная земля	2,14 гект. для 5 голов скота	2 гект. для 5 голов скота

в гектарах алчя равно 14.322 кв.м.; а погон 5011 кв. м, квадратный сажень приблизительно 5 кв. в Молдове и 3,68 кв. м. в Валахии.

Как видно из вышеприведенной таблицы, место для дома, пахотную землю, и особенно, пастбище, — беженцы, осевшие в Молдове получили больших размеров, чем болгары в Валахии. Лишь площадь лугов с кормовыми травами в Мунтении слегка превышает Молдавскую. Вообще давалось на хозяйство в Молдавии 6.24 гектара, а в Валахии 5,90 гектара.

2. Что касается рабочих дней, которые беженцы должны были трудиться на помещиков, их положение одинаково в обоих княжествах: 24 дня в год — по 7 дней каждое время года, исключая зиму, когда работали 3 дня.

3. Значительное различие между двумя « Уставами » проявляется в том, что Молдавские « Уставы » устанавливают количество работы, которая, должна быть выполнена в один день, а в « Уставе » Валахии это отсутствует. В молдавском « Уставе » указывается в параграфах: б, г. д, е, ж, з, и, л, сколько они должны выполнить в один рабочий день различных видов работ, как: пахота, прополка, жатва, уборка кукурузы, сенокос и работы на виноградниках.

4. Интересно отметить, что кроме обязанностей, предусмотренных в обоих « Уставах », в Молдове беженцам добавляется работа по устройству

и ремонту плотин на мельницах, а также и обязательства помещиков предоставить беженцам для их хозяйства рабочий скот, разумеется за плату работой или деньгами в рассрочку на 3 года.

5. Как видно молдавский «Устав» более подробен. Он предвидит те же условия и для устройства болгар на монастырских землях. Что же касается поселения в городах, молдавский «Устав» предусматривает обложение такими же податями, как и местных торговцев. Эти два условия отсутствуют в «Уставе» Валахии.

6. Опять же молдавский «Устав» предусматривает, что недовольные этими условиями могут вернуться в Валахию или перейти в Бессарабию, но только до известной даты. Оставшиеся заключают сделки с помещиками, эти сделки будут закреплены «земельным и судебным правом».

В сравнении с положением крестьян в Молдавии «Устав» создает болгарским беженцам гораздо лучшие условия жизни. Земля, полученная ими в 1830 году, приблизительно соответствует тем земельным площадям, которые давались крестьянам Молдавии по законам Александра Морузи в 1805 году. Для местного же населения этот закон уже не существовал. «Регуламент Органик», который вошел в силу приблизительно через год со дня оседлости болгар, значительно уменьшил эту площадь. Этот новый закон не касался болгарских беженцев, которые имели свой специальный «Устав об Оседлости».

Что же касается обязательств беженцев по этим 12-ти дням в год, видим, что в Молдове указывается и количество работы необходимой для покрытия одного рабочего дня. Нужно заметить, что эти «нормы» не были завышены. Некоторые из них были даже нисобременительны. Например, считалось, что одна фальча земли должна быть вспахана в 6 дней, что вполне возможно. Также рассчитана и работа на один день по уборке кукурузы. Все же есть работы, на выполнение которых был дан малый срок. Так например, в сенокос, чтобы скосить, сложить в копны и превезти сено с одной «фальчи» земли, обычно требуется 8 дней, а «Устав» предусматривает только 4 дня. Все же сравнительно с тем, что требовалось от молдаванских крестьян, которые по подсчету Ксенополя, выполняли по закону 1805 года приблизительно 43 рабочих дня, беженцы находились в несравненно лучшем положении. Нужно еще раз подчеркнуть, что любое сравнение с законом Морузи не уместно. Положение следует сравнивать с тем, что было установлено «Регуламентом Органиком», который уменьшил количество земли для крестьян. Мы не должны забывать подсчет, сделанный Николаем Бэлческу, который без преувеличения устанавливает, как замечает Ксенополь, что число реальных

рабочих дней по «Регуламенту Органику» равнялось в Молдавии 84¹⁶. Приблизительно такое же положение было и в Валахии, где «Устав» предусматривает только количество дней, которые должны быть отработаны, но не определяет площадь, которая должна быть вспахана, прополота, сжата и т. п. в один рабочий день.

Не будем говорить о всех других обязанностях, тяжело ложившихся на румынского крестьянина, о которых с такой болью говорит Бэлческу в своем труде «Социальная реформа у Румын»¹⁷ и от которых были освобождены беженцы. В заключении следует заметить, что «Устав» создал болгарам более привилегированное положение по сравнению с положением местного населения.

«Устав» Валахии не касается положения ремесленников и торговцев в городах. Но известно, что они имели те же права, что и местное население в Молдавии, а именно: торговцы и ремесленники платили повсюду те же подати, как и местное население. Мы можем это доказать документально. Так, в декабре 1831 года Ион Слатиняну, градоначальник города Браила, обращается к Казначейству, прося разъяснения относительно тех болгар-торговцев и ремесленников, которые не желают платить за патенты под предлогом, что они освобождены от всех податей в течение трех лет. На это Казначейство ответило, что «Устав» относится лишь к беженцам-иностранцам, которые будут обрабатывать землю, то-есть к земледельцам и рабочим, ремесленники же и торговцы должны платить за патенты¹⁸.

В случае образования нового поселения, а именно, при основании нового местечка или города, как произошло в Александрии, или пытались сделать в Беряес (около Плоешти), тогда давались специальные привилегии.

В привилегиях, данных болгарам из Сливен, которые хотели построить новый город с названием «Новый Сливен», была разрешена в первую очередь покупка поместья Беряса. Болгары получают разрешение построить на земле этого поместья город, который будет называться «Новый Сливен». Собственно назвать его городом было претенциозно. Новое поселение было небольшим местечком, в котором жители занимались, как и у себя на родине, не только торговлей и ремеслами, но и земледелием. Все же они пользовались правами на освобождение от податей, представленных только беженцам-крестьянам на три, а потом на семь лет, а также были освобождены от уплаты налогов, которые платили торговцы. В привилегиях утвержденных «Дива-

---

¹⁶ N. Bălcescu, *Reforma socială la Români*, N. Bălcescu, *Opere* Бухарест изд., ЕСПЛА, 1952. 81, см. и Xenopol, *Istoria Românilor* изд. III, Бухарест, 1930, стр. 112—116.

¹⁷ N. Bălcescu, *цит. опус.* стр. 88 и след.

¹⁸ Государственный Архив, Бухарест, дело Ad. Noi. *Visteria* 1831—3201 фолио 85,

ном», не указывается, что ремесленники и торговцы должны платить налоги. Правда, четвертый пункт в привилегиях говорит, что при насаждении виноградников нужно платить «винный налог» 3 лея с погона, по уплате которого они имеют право продавать вино или виноград по своему усмотрению. Они также были освобождены от всех других случайных податей, которые тяжело ложились на местное население.

Другая большая выгода, предоставленная сливенцам из Берясы, было запрещение входа в их город сборщикам податей. Город управлялся старостой, выбранным беженцами, и лишь он имел право на сбор податей в установленный срок. Это устраняло с самого начала возможные злоупотребления, которые, конечно, сделали бы сборщики податей, как это они делали повсюду.

Горожанам разрешалось иметь один раз в неделю базар и две ярмарки в год, дату проведения которых назначал «Диван» с расчетом, чтобы она не совпадала с датой ярмарок ближайших местечек.

Горожане имели право строить свои жилища, церкви, больницы и школы. Наконец, привилегии предусматривают свободу беженцев в отношении возвращения в свою страну в любое время и право продавать свое хозяйство с соблюдением законов страны.

Здесь неуместно показывать, почему именно при всех этих благоприятных, поселение Беряса не удалось. Привилегии сливенцам были даны как специально показательные условия, которые предоставлялись в подобных случаях.

После трехлетней оседлости в 1834 году Казначейство Валахии довело до сведения всех болгар, поселившихся у нас после войны 1828—29 года, что окончился их трехлетний срок освобождения от уплаты налогов и, что начиная с этого времени, им надлежит уплачивать половину налога, установленного для земледельцев, а именно: 15 лей плюс 4 бани в сельскую кассу. Это «Извещение» является дополнением к «Уставу» 1830 года; в нем указывается, что в селах или хуторах, в которых число болгарских семей превышает 25 человек, должны быть выбраны старосты, которые будут ответственны за данные семейства. Там, где число болгарских семей меньше, плата будет производиться через земских начальников.

14 статей определяют права и обязанности выборных болгарских старост; каким образом они будут собирать и вносить денги, вести регистры и наказывать злостных неплательщиков, а также каким образом они будут производить переизды и т.д.

Последующие три статьи с многочисленными параграфами указывают, как будут сохраняться и расходоваться деньги из общественных сельских касс и только лишь в конце добавляется статья, относящаяся к тем беженцам-земледельцам и рабочим, которые захотят заниматься торговлей или ремеслом, и в особенности, к тем, которые переходят на жительство в города.

Эти последние будут платить за торговые патенты и обязаны просить у уездных властей о выводе их из сословия земледельцев и рабочих с зачислением в категорию тех, которые имеют патент¹⁹.

Из всего вышесказанного следует заключение:

- 1) Болгары-земледельцы оседают на земле на основании «Устава об Оседлости».
- 2) Болгары-ремесленники и торговцы находятся в положении местных жителей той же категории.
- 3) Для особых случаев, как например Беряса, устанавливаются специальные правила об оседлости.
- 4) Соблюдение правил «Устава об Оседлости» связано со значительными привилегиями для колонистов; для них создаются более выгодные условия, чем для местных жителей. Поэтому в Молдавском «Уставе» особо подчеркивается, что все эти меры касаются лишь болгарских беженцев и ни в коем случае не применяются к жителям страны.

Кроме указанных выше выгод, необходимо подчеркнуть факт, что болгарам была дана возможность селиться там, где они хотят с обязательством лишь сообщать об этом местным властям, чтобы избежать повторной регистрации. Были предвидены и меры по отношению к тем, кто переедет без уведомления властей. Документы того времени показывают на целый ряд перемещений и переездов, которые сильно запутали статистику, но в то же время нам не известно ни одного случая применения наказания к переезжающим.

Оба «Устава» предвидят и возвращение болгар на родину в случае, если они захотят, и подобные случаи имели место по причинам, которые будут указаны ниже.

Необходимо также подчеркнуть свободу в области религиозного культа, которая предоставлялась колонистам и давала им право иметь церкви и собственных священников.

Что касается обязанностей по отношению к государству, то колонисты по истечении их десятилетнего пребывания в стране были поставлены в такое же положение, как и налогоплательщики страны. Все же «Устав», во-первых, подчеркивает, что беженцы не будут платить по сложной системе общинного налога, как платят местные жители, а каждый за себя. Во-вторых, молдавский «Устав» особо постановляет, что кроме обычных налогов и тех 4 бань для общественных сельских касс, беженцы не могут быть обременены никакими другими налогами или набавлениями, которые налагались в большом количестве на местных жителей. Даже в

---

¹⁹ Государственный Архив, Бухарест, *Visteria* папка 203/831 фолио 329—332.

отношении обязательств колонистов перед помещиками «Устав» ясно предвидел, что оброки помещикам должны быть отработаны так, чтобы земледельческие работы выполнялись одновременно как на земле помещиков, так и на земле болгарских беженцев, что почти никогда не предоставлялось местному населению. Наряду с этим надо отметить очень выгодные условия оплаты за рабочий скот, предоставляемый помещиками болгарам. Все же несмотря на все сказанное выше, мы должны сделать ряд оговорок.

Если в Молдавии довольно определенно было установлено необходимое число работ для 24 рабочих дней, охранявшее тем самым беженцев от злоупотребления помещиков, арендаторов или чиновников, то в Валахии неточное их количество давало широкие возможности всяким злоупотреблениям. И это происходило постоянно. Жалобы беженцев, адресованные местным уездным властям, лично Киселеву или господарям Александру Гика и Георгию Бибеску, многочисленны. Они свидетельствуют об злоупотреблениях помещиков и, в особенности, всех мелких чиновников. Объемистые папки заключают в себе прошения болгар, которые изъявляют желание вернуться за Дунай в села и города, из которых они пришли. Другие беженцы начинают ряд судебных процессов, которые длятся годами. Интересно подчеркнуть, что многие беженцы были обмануты даже соотечественниками, пришедшими раньше и создавшими себе выгодное материальное положение: сколотили себе состояние, приобрели имения или боярские титулы. Один из самых характерных случаев, — это случай с казначеем Андреем Дешу. Помещики или арендаторы, болгары, греки или румыны, как казначей Дешу в Рошиорах и Александрии, Христофор Сакелари в Берясе, Хаджи Моску в Дудештях и многие другие стараются завлечь и поселить у себя в имениях на основе «Устава», который предусматривает соглашения и контракты по «обоюдному согласию», для всех беженцев, представляющих собой ценную рабочую силу. Даже «Устав» указывает, что поселение болгар идет на пользу помещикам. Некоторые из них настолько были охвачены желанием поселить беженцев в своих имениях, что принимали заранее меры. Хаджи Моску, самый предприимчивый из них, при известии о массовой эмиграции, не ждал прихода беженцев, а посылал людей за Дунай и на Балканы, прямо в Сливен, чтобы там нанять рабочих для своего имения в Дудештах.

Все эти злоупотребления объясняют лишь частично многочисленные прошения болгар о возвращении за Дунай. Возвращение некоторых беженцев вызвано и другими причинами внешнего порядка, которых мы опять-таки не будем касаться.

Из-за этих злоупотреблений некоторые болгары, осевшие в деревнях покидают села и переселяются в города, переходя от земледелия к ремеслам и торговле, как утверждает это «Извещение» 1834 года. Действительно болгары, живущие в городах, находятся в лучшем положении. Их

жалобы прошения или репатриации более малочисленны, чем жалобы сельских беженцев. Опытные ремесленники и торговцы, трудолюбивые и экономные, они скоро создают себе материальное положение, которое дает им возможность участвовать в политической и культурной жизни болгарских эмигрантов, деятельность которых была хорошо известна во второй половине XIX века.

« Устав » 1830 года подробно характеризует одну из многочисленных форм, в которой проявилась русская помощь болгарам вообще и особенно болгарам, осевшим в наших княжествах. Документы того времени ясно указывают, что это происходило по ходатайству генерала Киселева. Эти же документы показывают, что все прошения беженцев, адресованные Киселеву, получали поддержку и принимались с большой доброжелательностью, которую он проявлял к этим людям, покинувшим родину, чтобы спастись от турецкого ига. В то же время они свидетельствуют о широком гостеприимстве, которое было им оказано в нашей стране, где они попали в гораздо лучшие условия жизни, чем местные жители, и где часто, по свидетельству руководителей политического и культурного болгарского движения, они находили вторую родину.

« Устав » для болгар 1830 года, используемый в той или иной мере, является первым подобного рода законодательным документом в наших княжествах.

В нем есть целый ряд недочетов и неточностей, которые объясняются смутным временем, в которое он был создан. Совсем иначе представляется болгарский « Устав » 1858 года, касающийся болгар юга Бессарабии, области, которая по Парижскому Мирному Договору от 1856 года была присоединена к Молдавии. Это настоящий свод законов, содержащий не менее 336 статей, разделенных на специальные главы, касающиеся прав и обязательств, хозяйства, культуры, нравов, юстиции и т.д.²⁰.

Все же со всеми недочетами « Устав » 1830 года представляет существенную, ценную помощь, которая была оказана болгарам, бежавшим от турецкого владычества, и представляет собой прекрасную страницу румыно-русской помощи болгарскому народу в это время.

---

²⁰ P. Constantinescu - Iași, *Studii istorice romîno-bulgare*, Бухарест, 1956 год, стрî 18—27î

Антон Балотэ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ (XII—XIV ВВ.) О ДРЕВНОСТИ И ПРОИСХОЖДЕНИИ ЮЖНО- СЛАВЯНСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

Никифор Грегорас весной 1328 года отправился в путешествие из Византии ко двору сербского короля *Стефана Дечанского*. Описывая свое путешествие, он рассказывает о том, как однажды вечером, на одной из остановок по пути из *Струмы* в *Струмицу*,

...ἦσαν οἱ φωναῖς ἐχρῶντο καὶ μέλεσι τραγικοῖς ἦδον δ' ἄρα κλέα ἀνδρῶν, ὧν οἶον κλέος ἀκούομεν, οὐδέ τοι ἴδμεν¹.

Данный текст очень ясен и точен: он свидетельствует о том, что в 1328 году на территории, занятой южнославянским населением, между *Струмой* и *Струмицей*, распевались героические песни.

По свидетельству *Григория Цамблака*, который писал в начале XV века, два года спустя сложились «победные песни» в честь победителя при Вельбудже (1330 г.), короля *Стефана Дечанского*:

ПОБЕДИТЕЛЬ ЖЕ СТЕФАНЪ СКѢТЛЫМЪ КРАСЕ СЕ ПОБѢДАМИ КЪ
СКОДѢ ВЪЗКРАТИ СЕ СРЕТАЮЩЕМЪ ТВОГО НАРѢДОМЪ И ПОБѢДАМЪ
И ПѢСНЬМИ КѢНЧАКАЮЩЕМЪ ВЪСХЛААЮЩЕМЪ, ЧЮДЯЩЕМЪ СЕ БЛАГО-
ДАРИЩЕМЪ БОГА ИАКО ТАКОГО ЦАРА СТЕЖАХОУ².

Литературоведы, исследующие южнославянскую героическую песню, в отличие от историков, считают, что эти данные не достаточны для установления древности сербского и болгарского эпического творчества, ибо первое сведение ничего не говорит о том на каком именно языке слышал *Никифор Грегорас* упомянутые песни, хотя вполне ясно, что в тот период между *Струмой* и *Струмицей* они могли распеваться лишь на одном из двух южнославян-

¹ *Byzantina Historia*, editia L. Schopen, Bonn, 1829, p. 377, VIII, 14.

² J. Šafařík, *Житиѣ краля Стефана Дечанскогъ — и Glasnik društva srpske slovenosti*, XI, Белград, 1859, s. 75.

ских языков: болгарском или сербском; а второе сведение не раскрывает характера *победных песен* в виду того, что их содержание, носящее религиозный отпечаток, может быть доказательством того, что это были церковные песнопения.

Для правильного понимания вышеприведенных слов *Цамблака* надо заметить, что в его описании приема, устроенного Стефану Дечанскому, предложения с смысловой точки зрения не связаны одно с другим. В первом говорится о приеме короля с обычным церемониалом исполнения победных песен, а во втором в церковном духе, вполне присуще агиографическому произведению, выражается радость.

Сущность «победных песен», распеваемых по случаю приема, устроенного победителю при *Вельбудже*, пока нечетко раскрыта в сообщении Григория Цамблака; их характерные особенности проявляются в более поздней сербской героической поэзии.

«Победные песни», цитируемые Григорием Цамблаком, не бывшем очевидцем описываемых событий, — в силу обычая, укоренившегося в южнославянском феодальном обществе, разумеется, были похожи на другие песни, распевавшиеся в подобного рода случаях. Хотя такого рода случаи, известные нам, относятся к более позднему времени, а именно к периоду выступления сербского народа против турок в начале XIX столетия, все же повторяемость их доказывает, что устный эпос представлял собой обычное литературное явление, свойственное сербской устной культуре в условиях, упомянутых *Цамблаком*.

Баллады, которые по свидетельству *Карагеоргия*, распевались на празднествах, устроенных Вельчио Петровичем ³, на пиршествах *Стефана Купича* ⁴, а также и на полях битвы, несомненно были «победными», героическими песнями, о чем свидетельствуют формы, вошедшие в фольклорный обиход.

Однако, литературоведы, исследующие славянский эпос, рассматривают это явление только в пределах зарегистрированных поэтических форм, а не в документально-исторических рамках. А эти формы вообще не переходят границ XVIII века. В виду того, что они не содержат в себе повествований о событиях, имевших место до конца XIV века (что вполне естественно, так как эпические произведения не превышают давности трех столетий), литературоведы рассматривают период турецких завоеваний, которые ярко отражены в зарегистрированных песнях, как эпоху самого отдаленного южнославянского эпического творчества.

---

³ Chopin et Ubicini, — *Les Provinces danubiennes*, Париж, 1895, p. 455.

⁴ Vuk Stephanovici, *Chants populaires des Serbiens*, tr. par E. Voiart, II, p. 260. Цитируемое примечание, несомненно, принадлежит Вуку Караджичу. Мы приводим его в переводе на французском языке, так как в имеющемся у нас единственном издании труда Караджича отсутствует баллада «Песня о битве при Саласфело» (март 1806).

В сербских, как равно и в болгарских стихах, встречаются старинные имена: *Растко Неманья* (ум. в 1236 году) в образе *Св. Саввы*, и *Неманья* (ум. в 1200 г.), в образе царя *Симеона*.

Неманья представляется царем, следовательно, показывается в политической обстановке, не соответствовавшей его времени. Он жил в эпоху, когда *Стефан Душан* принял царский титул.

Собственное имя, которое дается ему в стихах, а именно — *Симеон* и которое он носил в монашестве, а также и та миссия, которая приписывается ему в поэтическом повествовании⁵, доказывают, что баллады, в которых он воспевается, не восходят к XIII веку и, следовательно, не могут служить подтверждением давности южнославянского эпического творчества.

Такого рода песни являются результатом литературной деятельности сербской церкви, которая, канонизируя многих царей из рода *Неманья*, воспела феодальное прошлое и облекла в свои собственные литературные формы политическое и культурное рыцарское наследие.

Однако, то, что является бесспорным в отношении стихов о *Неманьи*, наоборот весьма спорно и сомнительно, что касается стихов о *Св. Савве*, несмотря на то, что формально в них преобладают церковно-литературные ценности.

Древность этих баллад, допускаемая историками⁶, но оспариваемая литературоведами⁷, подтверждается жизнеописанием *Растко Неманьи*, написанном в 1253 году, то есть спустя почти два десятилетия после его смерти, — монахом *Доментианом*.

Повествование о событиях, имевших место в связи с пострижением в монашество *Растко*, связанных с его бегством и посольством, отправленным с целью увести его с *Афонской* горы, о сопротивлении *Растко*, о возвращении посольства, о гневе и печали родителей, заканчивается следующими словами:

остали пак љѣди, напојени скетим дѣхом, смислише песме,
па их тѣгѣјѣћи пекаѣ о одласкѣ богомѣдрага младића⁸.

Если рассматривать этот текст отдельно, он может показаться сомнительным доказательством существования сербской эпической песни в XIII веке в виду того, что песни, составленные «боговдохновенными» авторами могли быть просто церковными гимнами.

⁵ Vuk Karadžić, Српске народне пјесме, — II, 20.

⁶ С. Jireček, Историја срба, IV, Белград, 1925, р. 157.

⁷ Т. Maretić, *Naša narodna epika*, Загреб. 1909, р. 163—165.

⁸ В виду того, что в наших библиотеках не находятся произведения *Доментиана*, цитируем этот текст по изданию Иована Н. Томића: *О српским народним песмама о одласку св. Саве у калуђере*, и «Glas srpske kraljevske Akademije», LXXXIV 50, Белград, 1910, р. 161.

В первую очередь, следует обратить внимание на тот момент, на который указывает сам биограф, как на момент составления песни о пострижении *Растко*, а именно — возвращение послов, отправленных *Неманьем* с целью привести сына-беглеца обратно домой, после чего огорченные родители облачаются в траурные одеяния. Песни, цитируемые в тексте, явно не имеют ничего общего с монашеским миром и принадлежат феодальному придворному окружению.

Мистическую формулу, к которой прибегает *Доментиан*, следует рассматривать как простое украшательство в стилистических целях, вполне естественное и необходимое во всяком агиографическом сочинении.

Впрочем и сам автор подтверждает это, упоминая о существовании, наряду с придворными песнями, и некоего предания о пострижении в монашество молодого кралеви́ча, что характерно для традиций *Афонской горы*:

скору ѡбо слыхъ во ксей скѣтѣй горѣ разшедшѣ сѣ, тако
сынъ великаго князѣа стефана самодержца сербскаго, славны
царствѹющаго отца своего оставилъ иноческое житїе и селитвѣ
козлюбикѣ прїиде къ намѣ и ѡвлечесѣ къ скѣтѣй яггелскѣи
образ. кси жєлахъ видѣти его⁹.

На этих двух преданиях, несомненно, основывается сведение, сообщаемое *Доментианом*, который не был очевидцем данного события, а писал свое сочинение через два поколения после его совершения.

Здесь, с одной стороны, весьма показательно, что в повествовании монаха совсем не упоминается о тех фактах, которые обусловили события, а с другой стороны, то обстоятельство, что содержание данного агиографического сочинения носит, несомненно, эпический характер, присущий и фольклорным песням, зарегистрированным в прошлом столетии.

Пострижение в монашество *Растко Неманьи* не представляло собой мистического акта, а, наоборот, было результатом вполне обдуманного решения, необходимого для разрешения весьма важного государственного вопроса.

Политический характер этого события в первую очередь заключался в том, что преемники *Растко Неманьи* на престоле митрополита, учрежденном им, были или из династии *Неманья*¹⁰, или же представителями крупных сербских феодальных родов.

Плод его стараний — сербская митрополия — являлась как бы предверием королевской власти согласно средневековому мировоззрению и практике, откуда и королевский титул, который он присвоил себе в качестве архиепископа:

по милости божней архієпископъ в кьскѣхъ српскимъ и
поморскимъ земльѣ¹¹.

⁹ F. Chodzko, *Legendes slaves du Mont Athos*, Париж, 1858, p. 16—17.

¹⁰ C. Jireček, *op. cit.*, III, p. 76.

¹¹ *Ibidem*.

Ради этого он, оставив покой монашеской жизни, совершает ряд трудных путешествий и ведет долгие переговоры с *Византией*, что предшествовало и содействовало возведению *Сербии* на высокую ступень королевства. Политический характер миссии, которую возглавил молодой *Неманья*, ясно виден и из его вмешательства в споры из-за королевской власти, происходившие между его старшими братьями в виду того, что это угрожало существованию сербского королевства, созданного им.

Повествование *Доментиана* об уходе *Растко* в монастырь представляется в следующем виде:

Неманья и *Анна*, не имея сыновей, усердно молятся, и, наконец, у них рождается *Растко*. По прошествии многих лет, в то время как родители помышляют о его женитьбе, благочестивый юноша покидает отчий дом и уходит на *Афон*, где принимает монашество.

Характер источников, использованных автором, ясно и определенно указывается самим содержанием данного произведения, которое по существу сводится к эпизоду пострига в монашество, навеянному литературными источниками. И действительно, несмотря на то, что *Доментиан* знает о существовании двух старших братьев архиепископа *Саввы*, так как рассказывает о его вмешательстве в их споры о наследии королевской власти, все же в эпизоде пострижения его в монашество он представлен как единственный сын, который был дарован его родителям свыше в виду их усердных молитв и обетов.

Это является первым указанием на то, что данное повествование представляет собой лишь литературную ценность, подобно легенде об *Алексии, человеке Божьем*, которая дополняется другими эпизодами и, главным образом, эпизодами пострижения молодого феодала в монашество, в то время как его родители уже помышляли о его женитьбе.

Таким образом, книжное предание о пострижении *Растко* *Неманья*, относящееся к 1253 году, в своей основе имеет литературное происхождение, вероятно, какую-нибудь эпическую песню, одну из тех, о которой упоминает сам *Доментиан*, подчеркивая, что она была сочинена в связи с этим событием. Для самого эпизода пострига в монашество характерны наряду с поэтической темой обычная техника устного южнославянского эпоса: литературная обработка выдающегося события, умелое использование средств художественной выразительности.

Принципы литературного оформления, по всей вероятности, были заимствованы из легенды об *Алексии, человеке Божьем*.

В пользу нашего тезиса говорит и содержание современных баллад, воспевающих то же событие¹². Они, как и повествование *Доментиана*, исходят из одной и той же литературной темы, непосредственно воспроизведе-

---

¹² В. Р е т р а н о в и ć, *Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине*, Белград. 1867, II, 10.

денной в песнях, но сведенной в средневековом тексте к своей первооснове, что однако не смогло окончательно затушевать литературного происхождения данного повествования.

Следовательно, факт существования сербского поэтического эпоса в XIII веке, подтверждаемый и свидетельством *Доментиана*, весьма вероятен, ибо то, что теоретически утверждается автором, косвенно подкрепляется самим содержанием его произведения, основанного на эпических песнях, — эпизодом пострижения в монашество героя этого события.

Этот вывод представляется тем более верным, что прямые и косвенные указания, содержащиеся в произведении *Доментиана*, не являются единственными в своем роде или первыми в хронологическом порядке.

Летопись *Попа Дуклянина*¹³ является самым древним письменным повествовательным источником сербо-хорватов, который был составлен не позже второй половины XII века на латинском языке неким католическим священником *Дуклейской Епархии*, находившейся в области, названной впоследствии *Зета*. *Константин Жиречек*¹⁴ утверждает, что упомянутая летопись составленная на базе устных источников, опирается, главным образом, на эпические песни¹⁵.

Вот, что говорит об этом сам составитель летописи в предисловии к ней:

«Verum tamen nullus legentium credat, alia ine scripsisse praeter ea, quae (15) a patribus nostris et antiquis senioribus veridicam naratione referre audivi» (16).

Более убедительным в этом отношении является само содержание этого сочинения:

Целая глава летописи¹⁷ повествует о войне, вспыхнувшей между болгарским царем *Самуилом* (970—1014) и *Владимиром*, правителем *Зеты*. Сведения, сообщаемые *Попом Дуклянином*, являются единственным источником, свидетельствующем об этом событии, и которые, в конечном итоге, сводится к следующему:

Занятие *Зеты Самуилом*, поражение *Владимира* и заключение его в темницу; сербский князь в неволе ожидает смерти, но его спасает *Косара*, дочь болгарского царя, которая просит отца выдать ее замуж за *Владимира*; наконец — возвращение *Владимира* в свои владения в качестве зятя царя *Самуила*.

---

¹³ F. Šišić, *Летопис Попа Дуклянина*, Белград, 1928.

¹⁴ *Op. cit.*, IV, 58.

¹⁵ Из текста, изданного Шишичем, были изъяты слова «[legi et]». Они отсутствуют в Ватиканской рукописи только в итальянском переводе Мауро Орбини. Переводчик, используя для своего перевода именно Ватиканскую рукопись, повидимому, сделал это добавление от себя.

¹⁶ *Op. cit.*, p. 212.

¹⁷ Глава XXXVI, указ. сит., стр. 331—342.

Было установлено¹⁸, что текст летописи предшествует агиографической легенде о *Владимире*¹⁹. Несомненно, в летописи содержится устное литературное предание, записанное *Попом Дуклянином*. Имея в виду то обстоятельство, что литературный текст излагает действительные факты, — а именно: поражение *Владимира* и последовавшее затем феодальное соглашение между ним и болгарским царем —, (в литературной обработке представлен данный факт как спасение жизни осужденного благодаря ходатайству девушки, пожелавшей взять его себе в мужья, мотив который находит себе подтверждение в западноюридическом обычае Средневековья), весьма вероятно, что литературное произведение, услышанное *Попом Дуклянином*, представляло собой эпическую песню.

Эта литературная тема встречается в южнославянском устном поэтическом творчестве. Мы находим ее в одной из бугарстик²⁰.

Более ценными для установления характера источников, на которых основываются эти летописи, являются сведения о битвах *Воислава* с византийцами²¹. Здесь описывается положение византийцев, окруженных сербским князем и его сыновьями, командовавшими различными частями сербских войск, затем поражение византийцев, в заключении говорится о воодушевлении полководцев, о жажде мщения; повествование заканчивается следующими словами:

« Golysavus non agnoscens patrem suum, quia pulvere et sanguine aspersi erant et alter non cognoscebat alterum irruit in patrem et ex equo in terram proiecit non tamen eum vulneravit. Tunc (pater) voce magna clamavit: « Bože pomiluj! Bože pomiluj! » quam statim filius ad vocem cognovit »

Литературный характер повествования вполне очевиден, так как в самом тексте повествования можно легко обнаружить обычные приемы южнославянской поэтики, а именно — поэтическую обработку факта поражения византийцев, представленного как *борьба между двумя братьями, не узнающими друг друга*. Эта тема передана как в сербском тексте, так и в византийской редакции, воспевающей битву при *Акройносе* (739)²², в новой поэтической ситуации — *отец и сын*.

¹⁸ *Ibidem*, p. 122—123.

¹⁹ St. Novaković, *Легенда о Владимир и Косари*, Белград, 1893.

²⁰ V. Bogišić, *Српске народне песме*, Бельград 1878, nr. 54; Повествование о Владимире и Косаре было обнаружено и в V. Jagić, *Aus den leben der serb. Volksepik*, «Arh. sl. Phil.» XIII, p. 632. фольклорных, (см. произведениях), но такого рода поэтические формы могли получить свое начало и от баллады А. Кашича-Миошича (*Stari pisci hrvatski*, vol. XXVI, Загреб, 1942, p. 152—7), т.к. известно, что его репертуар распространялся и устным путем.

²¹ Sisić, p. 250—251.

²² H. Grégoire, — *Etudes sur l'épique byzantine*, — «Revue des études grecques», XLVI, Париж, 1933, p. 50—52.

Категорические указания подобного рода, хотя и являются косвенными свидетельствами, подтверждают факт существования южнославянского эпоса во второй половине XII века, когда составлялась летопись *Попа Дуклянина*. Более убедительные доказательства можно почерпнуть из источников, которые до сих пор еще не были использованы.

Так, например, цистерианский монах *Альберик* (ум. в 1241 году), проживавший в монастыре *Труа Фонтэн* во Франции (департамент Марна) составил между 1232—1241 гг. «Общую летопись»²³.

Вот как повествуется в ней о смерти латинского константинопольского императора *Бальдуина Фландрского*, который был захвачен румыно-болгарским царем *Ионицей*:

«Itaque in Bulgaria, que est inter Hungariam et Greciam, apud civitatem Ternoam regnavit quidam Iohanicius Bulgarie et Blakarie domnus qui sibi nomen assumens imperatoris, imperatori Balduino et Latinis bellum indixit vel eos ad bellum provocavit. Contra quem Balduinus duxit exercitus, sed heu! dum insidias non precavit, captus est ab eo per dolum in paludibus aquosis, de quibus non possent exire, nisi tere indigene. Hic ergo ita captus cum sociis apud Ternoam fuit incarceratus. Unde de morte huius Balduini non affirmando, sed simpliciter refero quod a quodam presbitero flandrensi dicitur. Qui per civitatem Ternoam de Constantinopoli repatriando iter habuit, hec retulit quod uxor Iohanicii, dum ille alias intendit, misit imperatori ad carcerem verba suasoria dicens quod si eam in uxorem ducere et Constantinopolim vellet secum deducere, ipsum in instanti liberaret a carcere et captivitate. Que promissa dum ab imperatore fuissent repudiata et pro nichilo computata illa apud maritum suum usa est nova querimonia, dicens quod imperator ei promississet, quod eam Constantinopoli secum adduceret et imperatricem coronaret, si eum de illa captivitate liberavit. Ac sic dum Iohanicius esset quodam sera ebrius, imperatorem adduci fecit, et coram se interfici, et ita de mandato eus imperator securi occiditur...»²⁴.

Это сообщение доказывает нечто большее чем литературный характер тех сведений, о которых слышал в *Тырнове* фландрский монах, называемый здесь *Альбериком*. Оно раскрывает те средства, при помощи которых было переработано библейское повествование о жене *Потифара*²⁵. Приведенный выше текст указывает, и на этот раз непосредственно, на наличие творческой эпической деятельности при дворе *Асанидов* в начале XIII столетия.

И действительно, в вышеупомянутом сообщении библейское повествование было изменено с тем, чтобы иметь возможность изложить факт убийства *Бальдуна Фландрского*.

---

²³ *Monumenta Historiae Germaniae*, «Scriptores», XXIII, Hanovra 1874, p. 674—950.

²⁴ Указ. сит., стр. 885.

²⁵ *Генезис* 39.

В повествовании о жене *Потифара* страстная любовь женщины была заменена желанием завладеть Константинополем, желанием, которое было свойственно средневековому болгарскому обществу.

Следовательно, эпическое искусство в начале XIII века практиковалось при дворе *Асанидов*. Его политическая направленность была обусловлена тогдашней обстановкой.

В другом свидетельстве, приведенном раньше²⁶, обращается внимание на позицию, занимаемую двором *Асанидов* по отношению к устной литературе того времени.

Роберт де Клари, летописец и участник завоевания *Византии* рыцарями в период IV-го крестового похода, повествует о встрече, состоявшейся между *Пьером де Браше*, послом латинского императора, и *Иеганом ли Блаксом*, в лагере последнего²⁷. Мы цитируем ниже следующий отрывок из этого текста:

« Sire, — говорил Ионица при этой встрече — nous nous merveillons molt de vo boine chevalerie, et si nous merveillons mout que vous estes qui en chest païs, qui de si longtaines teres estes, qui chi estes venu pour conquere terre. De n'aves vous, fissent-il, teres en vos païs dont vous puissiées warir? Et mesires Pierre respondi: Ba! fist-il, de n'aves vous oï comment Troies la grant du destruite ne par quel tor? Ba, ouil! fissent li Blak et li Commain, nous l'avons bien oï dire, mout a che ne fu!... »

Культурная жизнь румыно-болгарского царства, которое унаследовала блеск времен царя Симеона, требовала наравне с активизацией эпического творчества развития взаимообмена литературными ценностями с византийским миром.

И действительно, только византийский мир мог передать в устном повествовании в начале XIII века, а может быть и раньше, двору *Асанидов* и болгарскому миру роман о Трое компиляции *Диктиса* или же *Дареса*, ибо ни одна из латинских редакций того времени так рано не могла войти в обращение в пределах Балкан.

Таким образом факт, что в начале XIII века роман о Трое был известен при дворе *Асанидов* в устной византийской редакции. Этот факт объясняет появление византийских элементов эпического капитала в южнославянской поэзии.

В этой перспективе « божана романка »²⁸ — болгарский эпический персонаж, « фея, увенчанная листьями маслины »²⁹, которая появляется в « бугарстиках », или же — « фея, восседающая на скачущем олене, подгоняемом змеей », — о которой упоминалось *Пенчо Славейков*³⁰, как равно и многочис-

²⁶ Gh. I. Brătianu, — *Recherches sur Vicina et Cetatea Albă*, Бухарест, 1935, p. 140—143.

²⁷ *La conquête de Constantinople*, ed. par Philippe Lauer, Париж 1924, p. 101—102.

²⁸ A. Dozon, *Chants populaires bulgares*, Париж, 1875, nr. 17, st. 1 i 17.

²⁹ V. Bogišić, *op. cit.*, Nr. 48.

ленные « акритические » повествования, встречающиеся в южнославянском и, в особенности, в болгарском фольклоре, становятся ценным доказательством древности южнославянской эпической песни.

Другие документальные свидетельства дополняют общую картину источников южнославянской устной культуры XIII—XIV веков. Они наряду с упоминаемыми Робертом де Клари, разъясняют смысл и других южнославянских эпических стихов.

К. Жиречек³¹ обратил внимание на тот факт, что еще в 1262 году существовало слово *Шпильмань*, как общеупотребительный термин в тогдашнем языке, соответствующий смыслу византийского слова *μυδος*³².

Германские певцы *Spielmannen* в XI—XII веках часто посещали Балканский полуостров, ибо только таким образом можно понять, почему германское название приобрело в сербском языке той эпохи смысл «певца».

На основании этих документов можно объяснить появление в южнославянской устной народной поэзии *Ледтянграда*³³ — ледяного города, т.е. *Исландии*, где отпраздновал свою свадьбу Гунтер.

Многочисленные романские, франко-итальянские темы были обнаружены в южнославянском устно-поэтическом наследии, даже в самых древних эпических циклах, в стихах о *Марко Кралевице*, а также и в стихах коссовского цикла³⁴.

Культурные эпические связи между сербами, болгарами и западными народами были установлены на основании письменных свидетельств XIV и начала XV веков³⁵.

Тем не менее романское литературное влияние на южнославянский эпос рассматривается как явление, имевшее место в *Далмации*, не раньше второй половины XV века³⁶.

В отношении «*gesta kosoviana*» этот тезис ни в коем случае нельзя признать действительным, и в особенности в отношении поэзии *Марко*, которая зародилась в балладах *Момчило*.

Еще Макс Браун доказал³⁶, что даже первое сведение об этом событии, а именно — письмо русского дьякона *Игнатия*, (датированное июнем 1389 года,

³⁰ *La poésie populaire bulgare*, Sofia 1933, p. 27.

³¹ *O. cit.*, IV, p. 57.

³² V. Jagić, *Opisi i izvodi južnoslovenskih rukopisa, Krončaja ilovička godine 1262*, в «*Starine*», VI, Загреб, 1874, p. 41.

³³ Vuk Karadžić, *op. cit.*, II, nr. 29; T. Maretić, *op. cit.*, p. 206—8.

³⁴ T. Maretić, *op. cit.*, p. 191—236; N. Banashević, *Le cycle de Kosovo et les chansons de geste*, в «*Revue des études slaves*», VI, 1926, p. 224—44; *ibid.* Циклус Марка Краљевића и одијеци француско-талијанске витешке књижевности, Skoplje, 1935.

³⁵ «*Arch. für Slav. Phil.*» V, p. 468; Romania, VI, p. 257—60; «*Rešetarov*» Sbornik, Dubrovnik, 1925; «*Revue Internationale des Études Balcaniques*», I, p. 108—11.

³⁶ *K o s o v o*, Берлин 1938.

когда имела место памятная битва), исходит из поэтического произведения. В нем находим важнейшие данные по содержанию песни, записанной лишь в конце XVII века. Этот факт свидетельствует о том, что поэтическое предание о битве на *Коссовом Поле* с его художественными особенностями, зародилось вскоре после этого события, в литературном оформлении западного происхождения.

Приведенный ниже отрывок из сочинения *Никифора Грегораса* дает необходимое объяснение и разрешение этого вопроса.

Византийский писатель сообщает при описании своего путешествия ко двору короля *Стефана Дечанского*, имевшего место в 1328 году, следующие сведения о войне этого короля с болгарским царем *Михаилом*³⁷:

... ὁ Κράλης τὰς ἑαυτοῦ τάξεις ἐρρώμένως παρακελευσάμενος μάχεσθαι, ὁ δ' ἐπὶ τὴν τοῦ Μιχαήλου σημαίαν ἐκτρέχει, ἔχων περὶ αὐτὸν χιλίους ἵππείας κελτοὺς μεγέθει τὸ σώματος καὶ ῥώμης περιουσία καὶ ὅπλων ἐμπειρίᾳ πολεμικῶν κράτιστα ἡσκημένους τε καὶ ἐσκευασμένους.

« Тысяча кельтских всадников » безусловно были французскими рыцарями, как это вполне правильно понял *Г. Луккари*³⁸, так как Никифор Грегорас отождествляет и на страницах других своих сочинений³⁹ кельтов с галлами, и *Галлию* с *Францией*.

Присутствие столь большой группы французских рыцарей при дворе *Неманидов* в 1328 году предполагает развитие здесь эпического искусства, так как эпика являлась характерной особенностью западного рыцарства. Бесспорно, что и французские рыцари при дворе Неманидов были «весьма чувствительны к народным песням и культивировали *«vulgares cantus»*, так поступали по свидетельству *Раймона д'Аржиля*, и рыцари первого крестового похода⁴⁰.

Можно установить, какие именно черты являются специфически славянскими в феодальной эпике, если рассматривать их с точки зрения характерных особенностей славянской песни. На это указывают и письменные свидетельства *Прокопия*, *Феофилакта Симоката* и др., и историко-критические исследования болгарского и сербского поэтического материала.

В заключении мы хотим подчеркнуть тот факт, что эпоха, когда создавалось устное творчество, из которого впоследствии зародился южно-

³⁷ Nicephorus Gregoras, IX, 12, ed. Bonn, p. 455.

³⁸ Copioso ristretto degli annali di Rausa, Venetia, 1605, p. 48—49.

³⁹ Op. cit. IV, 7, 1.

⁴⁰ N. Iorga, *Les narrateurs de la première croisade*, в «Revue historique du Sud-Est européen», V, 1928, p. 1.

славянский эпос в дошедших до нас формах, гораздо древнее XIII века, на протяжении которого несомненно культивировалось при дворах феодалов эпическое искусство. За пределами этого века мы встречаем на Балканах германских миннезенгеров и сильное влияние византийского и греческого эпоса, позднейшее наслоение которого надо ставить в связь с появлением павликан во Фракии (VIII—X вв.). Поэтический материал представляет собой единственный источник для разрешения вопроса о древности и происхождении южнославянского устного эпоса.

C U P R I N S U L

		<u>Pag.</u>
Acad. Petrovici,	Fenomene de sinarmonism în fonetica istorică a limbii romîne, rezultat al interferenței lingvistice slavo-romîne	5
Ecaterina Fodor,	Contribuții la istoria genului personal în limba polonă	39
Damian Bogdan,	Particularitățile fonetice ale limbii documentelor slavo-romîne din sec. al XIV-lea	55
Pandele Olteanu,	Unele particularități ale limbii slavone din Transilvania	77
Gh. Mihăilă,	Problemele alcătuirii unui dicționar etimologic al împrumuturilor slave în limba romînă . . .	115
Ion Const. Chițimia,	A. Mickiewicz, N. Bălcescu și « Cîntarea Romîniei »	133
Tr. Ionescu-Nișcov,	Grigore Skovoroda și scrierile filozofice ale lui Alexandru Hasdeu	149
Mihai Novicov,	Influența literaturii sovietice asupra formării realismului socialist în literatura romînă . .	163
Tatiana Nicolescu,	Unele probleme ale influenței literaturii ruse asupra literaturii romîne din sec. al XIX-lea, cu specială privire asupra lui Gogol.	199
P. P. Panaitescu,	Legăturile culturale ale Țărilor romîne cu Rusia în epoca reformelor lui Petru I. Date noi . .	235
V. Costăchel,	Metoda istorico-comparată în medievistica romînească	249
Const. Velichi.	Ajutorul romîno-rus acordat bulgarilor emigrați în Țările romîne, în urma războiului din 1828—29	261
Anton Balotă,	Izvoare istorice (sec. XII—XIV) despre vechimea și originile cîntecului epic sud-slav	273
		285

О Г Л А В Л Е Н И Е

		<u>Стр.</u>
Е. Петрович,	Явления сингармонизма в исторической фонетике румынского языка — следствие славяно-румынской языковой интерференции	5
Е. Фодор,	К истории становления категории персональности в польском языке	39
Дамиян Богдан,	Фонетические особенности языка славяно-румынских грамот XIV века	55
П. Олтяну,	Некоторые особенности книжно-славянского языка в Трансильвании	77
Г. Мяхаплэ,	Вопросы составления этимологического словаря славянских заимствований в румынском языке.	115
Ион Конст.-Кицмия,	Адам Мицкевич, Николае Бэлческу и «Воспевание Румынии»	133
Тр. Ионеску-Нышков,	Григорий Сковорода и философские работы Александра Хиждэу	149
М. Новиков,	Влияние советской литературы на становление социалистического реализма в румынской литературе	163
Т. Николеску,	Некоторые вопросы влияния русской литературы на румынскую литературу XIX века	199
П. П. Панаитеску,	Культурные связи румынских государств с Россией в эпоху Реформ Петра I-го. Новые данные.	235
В. Костэкел,	Сравнительно-исторический метод в румынской медиевистике	249
К. Велики,	Румыно-русская помощь, оказанная болгарским эмигрантам в румынских княжествах вследствие войны 1828—1829 г.	261
А. Балотэ,	Исторические источники (XII—XIV вв.) о древности и происхождении южно-славянской эпической песни	273

S O M M A I R E

		<u>Page</u>
Emil Petrovici,	Phénomènes de synharmonisme dans la phonétique historique de la langue roumaine, comme résultat de l'interférence linguistique slavo-roumaine	5
Ecaterina Fodor,	Contributions à l'histoire du genre personnel en polonais	39
Damian P. Bogdan,	Les particularités phonétiques de la langue des documents slavo-roumains du XIV ^e siècle. .	55
Pandele Olteanu,	Quelques particularités du slavon de Transylvanie	77
Gh. Mihăilă,	Les problèmes de l'élaboration d'un dictionnaire étymologique des emprunts slaves du roumain	115
Ion Const. Chițimia,	A. Mickiewicz, N. Bălcescu et « le Chant de la Roumanie »	133
Tr. Ionescu-Nișcov,	Grigore S. Skovoroda et les écrits philosophiques d'Alexandre Hasdeu	149
M. Novicov,	L'influence de la littérature soviétique sur la formation du réalisme socialiste dans la littérature roumaine	163
Tatiana Nicolescu.	Quelques questions relatives à l'influence exercée par la littérature russe sur la littérature roumaine au XIX ^e siècle	199
P. P. Panaitescu,	Les relations culturels des Pays roumains et de la Russie à l'époque des réformes de Pierre I ^{er} Nouvelles contributions	235
V. Costăchel,	La méthode comparative appliquée à l'étude du moyen âge roumain	249
Const. Velichi,	L'assistance roumano-russe accordée aux Bulgares émigrés dans les Principautés roumaines après la guerre de 1828—1829	261
Anton Balotă,	Témoignages historiques (XII ^e —XIV ^e siècles) sur l'ancienneté et les origines de la poésie épique des Slaves méridionaux	273

INTREPRINDEREA
POLIGRAFICĂ Nr. 4
BUCUREȘTI — 1958
